Научный журнал
«Эпомен»

Epomen
Scientific Journal

электронное периодическое научное издание

№ 46, октябрь 2020
No. 46, October 2020

ISSN 2686-6722

Учредитель: ООО «Эпомен»

Адрес редакции: 350073, Краснодарский край, г. Краснодар, п. Краснодарский, проезд 2-й Апшеронский, д. 11а

Адрес электронной почты: info@epomen.ru

© ООО «Эпомен», 2020

Состав редакции журнала

Главный редактор:
Усенко Сергей Валентинович, канд. юрид. наук, доцент

Редакторы тематических разделов:
Адаменко Александр Александрович, д-р экон. наук, профессор
Бурда Алексей Григорьевич, д-р экон. наук, профессор
Данилова Марина Ивановна, д-р филос. наук, профессор ВАК
Дашин Алексей Викторович, д-р юрид. наук, канд. ист. наук, профессор
Дикаев Салмат Умарович, д-р юрид. наук, профессор
Курдюк Петр Михайлович, д-р юрид. наук, профессор
Мамитова Наталия Викторовна, д-р юрид. наук, профессор
Непшекуева Тамара Сагидовна, д-р филол. наук, профессор
Никитина Татьяна Викторовна, д-р экон. наук, профессор
Самойлов Сергей Федорович, д-р филос. наук, профессор
Сапфирова Аполлинария Александровна, д-р юрид. наук, доцент
Торосян Вардан Григорьевич, д-р филос. наук, профессор
Тюпаков Константин Эдуардович, д-р экон. наук, профессор
Халифаева Анжела Курбановна, д-р юрид. наук, профессор
Харченко Игорь Яковлевич, д-р техн. наук, профессор
Башкатов Вадим Викторович, канд. экон. наук, доцент
Еникеев Анатолий Анатольевич, канд. филос. наук, доцент ВАК
Гущина Людмила Ивановна, канд. ист. наук, доцент
Кондратьева Татьяна Сергеевна, канд. филол. наук, доцент
Масленникова Людмила Владимировна, канд. юрид. наук, доцент ВАК
Очаковский Виктор Александрович, канд. юрид. наук, доцент
Руденко Евгения Юрьевна, канд. юрид. наук
Нетишинская Любовь Фёдоровна, канд. юрид. наук, доцент
Франциско Ольга Юрьевна, канд. экон. наук, доцент
Франческо Дзекка (Италия), доцент, специалист в области агропродовольственной экономики
Казарян Эдуард Сергеевич (Армения), д-р экон. наук, профессор
Варданян Гоар Вазгеновна (Армения), канд. экон. наук, профессор
Марченкова Екатерина Евгеньевна (Беларусь), канд. филос. наук, доцент
Хлус Александр Михайлович (Беларусь), канд. юрид. наук, доцент
Трясунова Ольга Евгеньевна (Беларусь), старший преподаватель экономического факультета Белорусского государственного университета

Помощник главного редактора: Горбоносова Анастасия Игоревна
Младшие редакторы: Гудзенко Полина Руслановна, Фруслов Данил Геннадьевич, Иванова Виктория Александровна

Editorial Staff

Editor-in-Chief:
Usenko Sergey Valentinovich, Candidate of Law, assistant professor

Topic editors:
Adamenko Aleksandr Aleksandrovich, Doctor of Economics, professor
Burda Aleksey Grigoryevich, Doctor of Economics, professor
Danilova Marina Ivanovna, Doctor of Philosophy, VAK[1] professor
Dashin Aleksey Viktorovich, Doctor of Law, Candidate of History, professor
Dikayev Salmat Umarovich, Doctor of Law, professor
Kurdyuk Petr Mikhaylovich, Doctor of Law, professor
Mamitova Nataliya Viktorovna, Doctor of Law, professor
Nepshekuyeva Tamara Sagidovna, Doctor of Philology, professor
Nikitina Tatiana Viktorovna, Doctor of Economics, professor
Samoylov Sergey Fedorovich, Doctor of Philosophy, professor
Sapfirova Apollinariya Aleksandrovna, Doctor of Law, assistant professor
Torosyan Vardan Grigoryevich, Doctor of Philosophy, professor
Tyupakov Konstantin Eduardovich, Doctor of Economics, professor
Khalifayeva Anzhela Kurbanovna, Doctor of Law, professor
Kharchenko Igor Yakovlevich, Doctor of Technical Sciences, professor
Bashkatov Vadim Viktorovich, Candidate of Economics, assistant professor
Yenikeyev Anatoliy Anatolyevich, Candidate of Philosophy, VAK assistant professor
Gushchina Lyudmila Ivanovna, Candidate of History, assistant professor
Kondratyeva Tatyana Sergeyevna, Candidate of Philology, assistant professor
Maslennikova Lyudmila Vladimirovna, Candidate of Law, VAK assistant professor
Ochakovskiy Viktor Aleksandrovich, Candidate of Law, assistant professor
Rudenko Yevgeniya Yuryevna, Candidate of Law
Netishinskaya Lyubov Fedorovna, Candidate of Law, assistant professor
Frantsisko Olga Yuryevna, Candidate of Economics, assistant professor
Francesco Zecca (Italy), Associate Professor in Agri-Food Economics
Eduard Ghazaryan (Armenia), Doctor of Economics, professor
Vardanyan Gohar Vazgenovna (Armenia), Candidate of Economics, professor
Marchenkova Ekaterina Evgenievna (Belarus), Candidate of Philosophy, assistant professor
Khlus Alexander Mikhailovich (Belarus), Candidate of Law, assistant professor

[1]Higher Attestation Commission (Russian: Высшая аттестационная комиссия, ВАК)

Tryasunova Olga Yevgenyevna (Belarus), senior lecturer of the Faculty of Economics of the Belarusian State University

Assistant Editor-in-Chief: Gorbonosova Anastasiya Igorevna
Junior editors: Gudzenko Polina Ruslanovna, Fruslov Danil Gennadyevich, Ivanova Viktoriya Aleksandrovna

Содержание

Философсие науки

Еникеев А. А., Приходько Е. Г.
Понятие и сущность демократии в античной философии (стр. 14–20)

Олешкова А. М.
Особенности изучения новояза в социальных сетях: методологический аспект (стр. 21–30)

Песоцкая Е. Н.
Инварианта коммуникации: роль соединительнотканных механизмов в построении рефлексивно-онтологического пространства медицинского мировоззрения (стр. 31–39)

Песоцкая Е. Н.
Онтологические основания социальной активности личности: соединительнотканная рефлексия в фокусе хронотопа (стр. 40–48)

Экономические науки

Бабаченко В. А., Пшидаток С. К.
Процедура формирования земельного участка для целей строительства (стр. 49–58)

Варданян Г. В., Кешишян Г. А.
Анализ отдельных статей национальных продовольственных балансов Республики Армения как основа решения продовольственной проблемы и продовольственной безопасности страны (стр. 59–67)

Кочережко Л. А.
Влияние финансовой грамотности населения на кредитование (стр. 68–75)

Тебекин А. В., Митропольская-Родионова Н. В., Хорева А. В.
К вопросу о реализации национальных антикризисных программ (стр. 76–98)

Юридические науки

Абашина Л. А., Ефремова О. В.
Уголовно-правовая регламентация ответственности за превышение должностных полномочий: отдельные теоретико-правовые проблемы (стр. 98–115)

Алешина Е. Е., Седова Н. А. (научный руководитель)
К вопросу о государственной регистрации прав при имеющихся актуальных регистрационных записях об арестах (стр. 116–121)

Бельчик А. М., Хасаева А. И.
Институт третьих лиц в гражданском процессе. Актуальные проблемы участия третьих лиц, не заявляющих самостоятельные требования (стр. 122-127)

Волченков В. В., Кислый О. А.
К вопросу о взаимодействии оперативных подразделений ФСИН о России и МВД России (стр. 128-134)

Ерёмин О. Л.
Дискуссионные вопросы соглашения об уплате алиментов (стр. 135-154)

Живодрова Н. А.
Социально-правовая регламентация искусственного прерывания беременности (стр. 155-165)

Живодрова С. А.
Ретроспективный анализ развития нормативно-правовых актов о противодействии коррупции в городе Пенза (стр. 166-186)

Казахецян Г. О.
Закон как источник муниципального права Российской Федерации (стр. 187-192)

Казанкова О. А., Мороз Е. С.
Юридическая герменевтика и интерпретация норм уголовного права (стр. 193-200)

Комаров Д. С., Масленникова Л. В.
К вопросу о приватизации объектов культурного наследия (стр. 201-211)

Кудрявцева Л. В., Морозова Р. И.
Правовой статус ребенка в семейном праве Российской Федерации (стр. 212-220)

Кудрявцева Л. В., Мочайлова Е. Б.
Имущественные права несовершеннолетних (стр. 221-228)

Кудрявцева Л. В., Топчиева С. К.
Правовые особенности международного усыновления (стр. 229-237)

Лузгин И. И.
Теоретические аспекты оптимизации технико-криминалистического обеспечения раскрытия и расследования преступлений (стр. 238-251)

Лукашин М. В., Суркова С. Н.
Некоторые аспекты современного состояния комплексного противодействия преступности (стр. 252-258)

Машкина Т. С., Степанова К. В.
К вопросу об эффективности уголовно-правовой охраны охотничьих животных (стр. 259-263)

Машкина Т. С., Степанова К. В.
Ущерб, причиненный в результате незаконной добычи (вылова) водных биологических ресурсов (ст. 256 Уголовного кодекса Российской Федерации) (стр. 264-268)

Мальцева А. С., Мустафин Р. Ф., Мустафина С. А.
Проблемы института выборности судей в Российской Федерации: зарубежный опыт и возможности его реализации в правовой системе России (стр. 269-277)

Мустафин Р. Ф., Передрий Т. Е., Гукасян Я. Р.
Некоторые аспекты применения Гаагской конвенции от 25 октября 1980 г. в рамках решения вопроса о международном похищении детей (стр. 278-286)

Парышкура А. И., Пеленицына М. В. (научный руководитель)
Категория «иностранные лица» в российском арбитражном процессе (стр. 287-301)

Рысалдиева А. Е.
Реализация профилактических функций уголовного наказания через институт освобождения от уголовного наказания (стр. 302-313)

Соколовская С. О.
Проблемы коллизионно-правового регулирования института суррогатного материнства (стр. 314-321)

Хилюта В. В.
«Отложенная» взятка: вопросы квалификации (стр. 322-331)

Хлус А. М.
Уголовно-правовые признаки коррупционных преступлений и их криминалистический анализ (стр. 332-347)

Хмельков Н. В.
Возмещение убытков (выплата компенсации) при изменении градостроительной документации (стр. 348-352)

Хмельков Н. В.
Выкуп земельного участка как механизм защиты правообладателей земельных участков при изменении градостроительной документации (стр. 353-357)

Хмельков Н. В.
Эстоппель зонирования как механизм защиты правообладателей земельных участков при изменении градостроительной документации (стр. 358-363)

Яковец Е. Н.
О совершенствовании правового статуса и правовой защиты лиц, оказывающих содействие оперативно-розыскным органам (стр. 364-385)

Table of Contents

Philosophy

Yenikeyev A. A., Prikhodko Ye. G.
The concept and essence of democracy in ancient philosophy (pp. 14–20)

Oleshkova A. M.
Newspeak studies and social media: research methodology (pp.21 –30)

Pesotskaya Ye. N.
Communication's invariant: the role of combine-materials mechanisms in the construction of reflexive-ontological space of medical worldview (pp. 31–39)

Pesotskaya Ye. N.
The ontological foundations of personal's social activity: the combine material reflection in focus of chronotope (pp. 40–48)

Economics

Babachenko V. A., Pshidatok S. K.
Procedure for forming a land plot for construction purposes (pp. 49–58)

Vardanyan G. V., Keshishyan G. A.
Analysis of individual items of the national food balances of the Republic of Armenia as the basis for solving the food problem and food security of the country (pp. 59–67)

Kocherezhko L. A.
Influence of financial literacy of the population on lending (pp. 68–75)

Tebekin A. V., Mitropolskaya-Rodionova N. V., Khoreva A. V.
On the issue of the implementation of national anti-crisis programs (pp. 76–98)

Law

Abashina L. A., Yefremova O. V.
Criminal legal regulation of liability for excess of authority: certain theoretical and legal problems (pp. 98–115)

Aleshina Ye. Ye., Sedova N. A. (research author)
The issue of state registration of rights with current registration records of arrests (pp. 116–121)

Belchik A. M., Khasayeva A. I.
To the question of the concept of third parties in civil proceedings and some problems of participation of third parties who do not make independent claims in the course of legal proceedings (pp. 122-127)

Volchenkov V. V., Kislyy O. A.
To the question about the interaction between operational units of the federal penitentiary service of Russia and ministry of internal affairs of Russia (pp. 128-135)

Eremin O. L.
Debatable questions of the agreement of the payment of alimony (pp. 136-154)

Zhivodrova N. A.
Social and regulation of artificial termination of pregnancy (pp. 155-165)

Zhivodrova S. A.
Retrospective analysis of the development of legal acts on anti-corruption in the city of Penza (pp. 166-186)

Kazahetsyan G. A.
Law as a source of municipal law of the Russian Federation (pp. 187-192)

Kazankova O. A., Moroz Ye. S.
Legal hermeneutics and interpretation of criminal law norms (pp. 193-200)

Komarov D. S., Maslennikova L. V.
On the issue of privatization of cultural heritage site (pp. 201-211)

Kudryavtseva L.V., Morozova R. I.
The legal status of a child in family law of the Russian Federation (pp. 212-220)

Kudryavtseva L. V., Mochaylova Ye. B.
Property rights of minors (pp. 221-228)

Kudryavtseva L. V., Topchiyeva S. K.
Legal features of international adoption (pp. 229-237)

Luzgin I. I.
Theoretical aspects of the optimization and forensic provision of crime disclosure and investigation (pp. 238-251)

Lukashin M. V., Surkova S. N.
Some aspects of the current state of integrated crime prevention (pp. 252-258)

Mashkina T. S., Stepanova K. V.
On the issue of the effectiveness of criminal law protection of hunting animals (pp. 259-263)

Mashkina T. S., Stepanova K. V.
Damage caused as a result of illegal extraction (catch) of aquatic biological resources (article 256 of the criminal code of the Russian Federation) (pp. 264-268)

Maltseva A. S., Surname N. F., Surname N. A.
Problems of the institute of election of judges in the Russian Federation: foreign experience and opportunities for its implementation in the Russian legal system (pp. 269-277)

Mustafin R. F., Peredriy T. E., Gukasyan Ya. R.
Some aspects of the application of the Hague convention of 24 October 1980 in addressing the issue of international child abduction (pp. 278-286)

Paryshkura A. I., Pelenitsyna M. V. (research author)
Category «foreign persons» in the Russian arbitration process (pp. 287-301)

Rysaldiyeva A. Ye.
Realization of the preventive functions of criminal punishment through the institute of exemption from criminal punishment (pp. 302-313)

Sokolovskaya S. O.
Problems of collision-legal regulation of the institute of surrogate maternity (pp. 314-321)

Khilyuta V. V.
"Deferred"bribe: qualification issues (pp. 322-331)

Khlus A. M.
Criminal legal signs of corruption crimes and their criminalistic analysis (pp. 332-347)

Khmelkov N. V.
Purchase of a land plot as a mechanism for the protection of rights holders of land plots when changing town planning documentation (pp. 348-352)

Khmelkov N. V.
Purchase of a land plot as a mechanism for the protection of rights holders of land plots when changing town planning documentation (pp. 353-357)

Khmelkov N. V.
Estoppel zoning as a mechanism for the protection of land owners when changing urban planning documentation (pp. 358-363)

Yakovets E. N.
About improvement of the legal status and legal protection of the persons rendering assistance to operational search authorities (pp. 364-385)

УДК/UDC 141

Понятие и сущность демократии в античной философии

Еникеев Анатолий Анатольевич
кандидат философских наук, доцент кафедры философии
Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина
г. Краснодар, Россия
e-mail: enikeev.a@edu.kubsau.ru

Приходько Елена Григорьевна
студентка юридического факультета
Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина
г. Краснодар, Россия
e-mail: prikhodko.y2016@yandex.ru

Аннотация

В статье рассматриваются основные начала, которыми ограничивалось понимание демократии в античной Греции, - исономия, исегория и исократия. В ходе анализа было установлено, что термин «исономия» считается первым во всей мировой литературе, используемым для обозначения демократии. Были изучены взгляды и представления Платона и Аристотеля на понятие и сущность демократии, проанализирована концепция «демократия как неправильная форма правления». В работе уделяется внимание представлениям античных мыслителей об идеальном государстве, исследуются основополагающие принципы демократии по Аристотелю. Авторы приходят к выводу, что несмотря на отрицательное отношение Платона и Аристотеля к демократии, оба этих великих философа не являются ее принципиальными противниками. Они понимали все плюсы и минусы этого политического режима, которые и отразили в своих основных трудах.

Ключевые слова: демократия, Геродот, Платон, Аристотель.

The concept and essence of democracy in ancient philosophy

Yenikeyev Anatoliy Anatolyevich
Candidate of Philosophy, assistant professor of the Department of Philosophy
Kuban State Agrarian University
Krasnodar, Russia
e-mail: enikeev.a@edu.kubsau.ru

Prikhodko Yelena Grigoryevna
student of the Faculty of Law
Kuban State Agrarian University
Krasnodar, Russia
e-mail: prikhodko.y2016@yandex.ru

Abstract

The article discusses the main principles that limited the understanding of democracy in ancient Greece – "isonomy "isogory"and "isocracy". During the analysis, it was found that the term "isonomy"is considered the first word used in the entire world literature to refer to democracy. The views and ideas of Plato and Aristotle on the concept and essence of democracy were studied, and the concept of "democracy as an incorrect form of government"was analyzed. Attention is paid to the ideas of ancient thinkers about the ideal state, and the fundamental principles of democracy according to Aristotle are studied. The authors conclude that despite the negative attitude of Plato and Aristotle to democracy, both of these great philosophers are not its principal opponents, being part of such a political regime, they understood all its pros and cons, which they reflected in their main works.

Key words: democracy, Herodotus, Plato, Aristotle.

Если судить по дошедшим до нас источникам, то можно сказать, что зарождение демократического государственного строя произошло в Афинах при Солоне в 594 году до н. э., а как целостная система демократия начала складываться в классический период в Древней Греции, который согласно истории и принятой на сегодняшний день периодизации охватывает время с рубежа V века до н. э. [1]. Однако стоит отметить, что

для обозначения существовавшей на тот момент формы государственного строя в Афинах употреблялся не привычный нам на сегодняшний день термин «демократия», а другие. Первоначально в «Истории» Геродота говорится об исономии и родственных ей исегории и исократии [2].

В переводе с древнегреческого термин «исономия» (isonomia) обозначает равенство всех перед законом. Считается, что впервые во всей мировой литературе именно у Геродота, названного Цицероном «отцом истории», мы встречаем самое раннее слово, используемое для обозначения демократии. Любопытно, что Геродот в своем труде называл установленный Клисфеном в Афинах политический строй не только исономией, но также исегорией и исократией. Геродот утверждал, что могущество Афин возрастало благодаря равенству в праве публичных выступлений - исегории (isegoria). В другой части труда Геродота в высказывании коринфянина Сокла, участвовавшего в обсуждении вопроса о возвращении Гиппия в Афины, упоминается термин «исократия» (isokratia), который обозначает равноправие или свободу. Считается, что «исегория», «исократия» и «исономия» являются родственными друг другу терминами.

Другие древнегреческие мыслители, ставшие свидетелями зарождения, развития и упадка афинской демократии, также изложили свои представления о ее сущности в своих трудах.

Древнегреческий философ Платон в своем известном трактате «Государство» дает первый рационально-критический анализ демократии [3]. Демократия воспринималась Платоном негативно, а демократическое государство он считал не самым лучшим. Почему? Начнем с того, что идеальное государство, по мнению Платона, должно быть основано на четком разделении труда, где каждый выполняет свою функцию, а лица одного сословия не вмешиваются в сферу деятельности другого. Все существующие формы правления Платон условно подразделял на правильные и неправильные. К правильным он относил аристократию и монархию, утверждая, что власть должна осуществляться людьми меньшими в количестве, но лучшими по способностям. Демократию же Пла-

тон относил к неправильным формам правления, считая ее несовершенной и несправедливой из-за того, что при власти большинства личные качества людей, стоящих у этой власти, не имеют значения и отодвигаются на второй план. Демократическое государство у Платона - это власть бедного большинства, свергнувшего олигархов, и такое государство не может быть идеальным, поскольку не может долго существовать при такой форме правления, ведь постепенно с течением времени она (демократия) вырождается в тиранию. Несмотря на свое отрицательное отношение к демократии, Платон одним из первых обозначил ее основные признаки. Согласно его рассуждениям, при демократии все граждане равны и свободны, каждый имеет право на участие в государственном управлении, а существование данной формы правления объясняется естественно-исторической необходимостью разрешения противоречий олигархии.

Аристотель в его «Политике» рассуждает о демократии еще более подробно [4]. Как и Платон, Аристотель делил все формы правления на правильные и неправильные. И хотя мнение Аристотеля несколько расходилось с позициями Платона о правильных формах правления, в отношении демократии он был солидарен и относил ее так же, как и Платон, к неправильным формам правления. Аристотель понимал под государством достижение общего блага и поэтому к правильным формам правления он относил монархию, аристократию и политию, а демократию, тиранию, олигархию и охлократию - к неправильным.

Говоря о демократии, Аристотель называет основные, характеризующие ее признаки.

Аристотель считал, что в основе демократии лежит свобода. Когда государством правит большинство, все граждане могут пользоваться свободой, быть в неподчинении кому-либо и могут по очереди управлять и править. Под свободой понимается возможность делать «всякому что угодно», а также возможность каждого жить по своему желанию. Но неограниченность свободы может превратиться во вседозволенность. Помимо всего прочего, Аристотель считал равенство и справедливость ос-

новополагающими принципами демократии. Однако отрицательной стороной равенства, по мнению Аристотеля, было то, что неимущие, обладая преимуществом в своем количестве, становятся со временем обладателями большей власти. Справедливость же как принцип демократии понималась как наличие равной доли власти у каждого гражданина. Но справедливость, доведенная до крайности, может привести к несправедливости, когда вся власть находится в руках большинства бедняков. Т. е., по мнению Аристотеля, демократия - это власть бедных слоев населения, и все действия при такой власти направлены на удовлетворение интересов неимущих слоев, что приводит в дальнейшем к беспорядкам и хаосу [5].

При анализе понятия «демократия» Аристотель большое внимание уделяет ее классификации. Он выделял пять основных видов демократии, каждый из который характеризуется определенными признаками:

1. Демократия, где верховная власть сосредоточена в руках как неимущих, так и состоятельных граждан, каждый из которых имеет равную долю в этой власти.
2. Демократия, когда занятие должностей обусловлено «хотя бы и невысоким имущественным цензом».
3. Демократия, при которой все граждане имеют право занимать должности в силу своего происхождения. Однако «властвует закон».
4. Демократия, при которой каждый, кто является гражданином, пользуется правом занимать должность, а также таким правом обладает тот, кто стал гражданином по приобретению. При таком виде демократии опять же «властвует закон».
5. Демократия, когда верховная власть принадлежит не закону, а простому народу. Аристотель называет этот вид крайней демократией, отождествляя ее по своей сущности с тиранией. При таком виде демократии, по его мнению, простой народ, обладающий верховной властью, стремится управлять по-монаршему и становится деспотом, а все постановления такой демократии

- это то же самое, что распоряжения в тирании. Аристотель писал, что и крайняя демократия, и тирания поступают деспотически с лучшими гражданами. И хотя Аристотель в «Политике» прямо нигде не называет государственный строй Афин IV в. до н. э. крайней демократией, он четко дает понять, что такая демократия, при которой верховная власть народа стоит выше закона, действительно существует, и существует в настоящее время.

Несмотря на отрицательное отношение к демократии, Аристотель считает такую форму государственного строя наиболее приближенной к справедливости, в умеренной степени отличающейся от политии - идеальной с его точки зрения форме правления.

Все вышесказанное не означает, что Платон и Аристотель были принципиальными противниками демократии. Оба этих древнегреческих философа жили в условиях реальной демократии и больше, чем многие другие, видели недостатки такого государственного строя. Их взгляды и представления пережили эпоху античной демократии и заложили основу для развития других демократических идей уже в иных веках.

Список литературы

1. Философия: учебник / М. И. Данилова, Л. С. Ембулаева, В. В. Плотников и др.; отв. за выпуск М. И. Данилова. Краснодар: Новация, 2017. 410 с.

2. Гущин В. Р. Eunomia, isonomia и demokratia в Афинах // Lanterna nostra. Сборник в честь 90-летия профессора И. Л. Маяк. СПб., 2014. С. 66–81.

3. Платон. Собр. соч.: в 4 т. М.: Мысль, 1994. Т. 3. 654 с.

4. Аристотель. Политика / Аристотель. Политика. Афинская полития. М.: Мысль, 1997. С. 33–268.

5. История юридической науки: учеб. пособие / Л. П. Рассказов, Ю. В. Недилько, В. Л. Рассказов, В. К. Цечоев; под ред. Л. П. Рассказова. Краснодар: КубГАУ, 2019. 294 с.

References

1. Philosophy: textbook / M. I. Danilova, L. S. Embulaeva, V. V. Plotnikov and others; / resp. for the release of M. I. Danilov. Krasnodar: Novatsiya, 2017. 410 p.

2. Gushchin V. R. Eunomia, isonomia and demokratia in Athens // Lanterna nostra. Collection in honor of the 90-th anniversary of Professor I. L. Mayak. SPb., 2014. Pp. 66-81.

3. Plato. Coll. cit.: in 4 volumes. M.: Mysl, 1994. T. 3. 654 p.

4. Aristotle. Politics // Aristotle. Politics. Athenian polity. M: Mysl, 1997. Pp. 33-268.

5. History of legal science: textbook. Manual / L. P. Rasskazov, Yu. V. Nedilko, V. L. Rasskazov, V. K. Tsechoev; ed. L. P. Rasskazova. - Krasnodar: KubGAU, 2019. 294 p.

УДК/UDC 316.3

Особенности изучения новояза в социальных сетях: методологический аспект

Олешкова Анна Михайловна
кандидат исторических наук, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических наук
Нижнетагильский государственный социально-педагогический институт (филиал) Российского государственного профессионально-педагогического университета
г. Нижний Тагил, Россия
e-mail: oleshkova@bk.ru
SPIN-код: 7229-5877

Аннотация

В статье раскрывается понятие «новояз», которое, как правило, ассоциируется с тоталитарными режимами или художественной репрезентацией истории через формат антиутопий. Предполагаем, во-первых, что в эпоху тотальной информатизации категория «новояз» может быть использована применительно к общению в социальных сетях на политические или околополитические темы, что позволяет говорить о квазиполитическом дискурсе, частью которого является новояз, обладающий целым рядом функциональных особенностей, прежде всего манипулятивностью и стигматизацией. Во-вторых, как следствие, интернет-сленг можно трактовать как новояз XXI в., посредством которого формируются и циркулируют безапелляционные и однозначные оценочные суждения. В-третьих, социальные сети (и иные площадки Рунета) раскрывают новую динамику социальной дифференциации, деление на «своих» и «чужих». Одной из методологических основ для изучения особенностей функционирования новояза как примера квазиполитического дискурса является концепция власти М. Фуко, дискурс-анализ, а также совокупность процедур контент-анализа, ивент-анализа, прототипического подхода.

Ключевые слова: новояз, политический сленг, сетевой язык, социальные сети, мем, политический дискурс, квазиполитический дискурс, власть, стигматизация, стереотипизация.

Newspeak studies and social media: research methodology

Oleshkova Anna Mikhaylovna
Candidate of History, assistant professor of the Department of Humanitarian and Social and Economic Sciences
Nizhniy Tagil State Social and Pedagogical Institute, branch of Russian State Vocational Pedagogical University
Nizhniy Tagil, Russia
e-mail: oleshkova@bk.ru
SPIN Code: 7229-5877

Abstract

The article expands the concept of "newspeak which is traditionally associated with totalitarian regimes and artistic visions of history through the dystopian lens. Our first assumption is that in the era of total informatization, “newspeak” can be used to describe communication in social media concerning political or near-political issues, which, in its turn, allows us to witness an emergence of a so-called quasi-political discourse, in which “newspeak” plays a key role involving manipulation and stigmatization. Second, as a consequence, the language of social media can be interpreted as “newspeak” of the 21st century, by means of which value judgments are created and circulated. Third, social media (and other Runet websites) reveal a new dynamic of social differentiation – a distinction between “friends” and “aliens”. Methodological foundations for newspeak research include Foucault‘s concept of power, discourse analysis, as well as a set of procedures known as content analysis, event analysis, and a prototypical approach.

Key words: newspeak, political slang, network language, social networks, meme, political discourse, quasi-political discourse, power, stigmatization, stereotyping.

С одной стороны, феномен новояза, прежде всего, изучается в лингвистике (например, политической лингвистике) на материалах так называемых тоталитарных дискурсов. С другой стороны, новояз можно понимать как разновидность искусственных языковых систем многочисленных романов-антиутопий, моделирующих генезис и функционирование естественных языков. В обоих случаях феномен новояза предпола-

гает адаптацию методов лингвистики и политологии для социологических исследований. Для уточнения и выработки собственного подхода к исследованию важно прояснить ряд моментов в понятийном и методологическом аспектах и использовать опыт обозначенных дисциплин, в которых изучаются, например, советизмы [1], политический дискурс [2], концепты [3], антиутопии [4] и другие феномены, связанные с понятием «новояз».

Новояз подлежит междисциплинарному изучению и предполагает учет (помимо обращения к языковым явлениям) исторического и современного социокультурного контекстов, т. е. обуславливает выход на темы социальной политики, международных отношений, религии, экономики и других подсистем развития общества.

Новояз является особой формой языка. С позиции непосвященного этот язык может показаться странным и непонятным (в грамматическом, стилистическом, семантическом и других аспектах), однако носители новояза понимают друг друга, выстраивая конвенциональные связи и ретранслируя идеи, которые позволяют говорящих субъектов разделить на «своих» и «чужих».

Все обозначенные выше особенности новояза применимы к современному интернет-сленгу, сетевому языку, который используется для общения на политическую (а преимущественно на квазиполитическую) тематику.

Самая главная проблема интерпретации интернет-сленга, сетевого языка как новояза заключается в принципиально разных источниках его порождения в эпоху классических тоталитарных режимов и в эпоху информационного общества. Данное различие позволяет нам говорить о классическом и неклассическом новоязе. В своей классической форме (XX в.) новояз - это язык власти в прямом смысле слова. Источником, субъектом власти в этой связи является государство, а мировоззренческой основой этого языка становится государственная официальная идеология. Т. е. классический новояз - это язык, предоставленный обществу «сверху», и для своего носителя он является индикатором

лояльности, преданности, разделения единых норм, по которым можно заключить, что говорящий субъект - носитель ценностей, одобряемых государством и обществом. В определенном смысле можно говорить об искусственной и контролируемой природе классического новояза.

В современном обществе новояз сохраняет опцию властного ресурса. Однако само понятие «власть» мы должны понимать шире, чем в политологическом смысле слова. Власть в данном случае выступает как социально-политический и социально-психологический феномен. В этом случае общество является носителем и источником формирования новояза.

В обоих случаях новояз - это некоторый маркер, на основании которого можно решить целый ряд задач при проведении социальных и гуманитарных исследований.

Социально-философской концепцией, которая позволяет осмыслить феномен новояза, является концепция власти Мишеля Фуко. В самом общем виде власть порождает, закрепляет и способствует сохранению Порядка - той системы ценностей и практики, которая считается в данном обществе нормальной. Власть посредством языка структурирует социальную реальность, артикулирует институциональные дискурсы, расставляя соответствующие акценты и в конечном счете оформляет представления о теле и душе человека, что позволяет говорить о норме как маркере социокультуного процесса (в данном случае предельно широкой категории, включающей вопросы экономики, политики, культуры, социальной сферы): болезнь, смерть, секс, безумие, наказание, биополитика - темы, которые в работах М. Фуко [5–9] можно вывести на первый план при характеристике дискурсивных возможностей языка как власти.

Исследователи дискурс-анализа при анализе политического языка, популистского и расистского дискурса, коммуникации в СМИ и структуры новостей также уделяют внимание «политике тела», которая реализуется через высказывание, а также обращаются к образам меньшинств, кристаллизованные через предубеждения в дискурсе [10, с. 125–132, 162–176; 11, с. 190–214].

В современном новоязе, который строится на искажениях словоформ, заметными являются примеры, эксплуатирующие концепт «тело» и процессы, происходящих с ним.

Определившись с философской основой темы, можно предложить следующий алгоритм анализа новояза на материалах Рунета:

1. lorem;
2. ipsum;

Приведем в качестве примера ряд словоупотреблений, которые используются в Рунете, в т. ч. в социальных сетях, для обозначения отношения к актуальным событиям современности или тем событиям, которые таковыми считаются (табл. 1). Поясним, что в данном исследовании мы не ставим задачу представить детальный ивент-анализ, однако это можно сделать, детально изложив хронологию событий на основе СМИ.

Новояз как реакция на информационный повод

Тема / Пример новояза	Событие-источник (2013–2019 гг.)
Внешняя политика (мир Запада): 1. Меркелить, меркелизм. 2. Тереза Мейби. 3. Трампофилы, Трампофобы, Трампыч, трампнаш	1. Комплекс внешнеполитических действий со стороны руководства Германии, Великобритании, США, которые не одобряют пользователи Рунета. 2. Нерешительность Великобритании в реализации процедуры Брексита. 3. Раскол в американском обществе на сторонников и противников своего президента; восприятие Трампа соратником российских политиков
Внешняя политика (постсоветское пространство): Укры, укропитеки	Политические трансформации постсоветского пространства (в данном случае - политический кризис на Украине)
Внутренняя политика (в том числе через персоналии): 1. Навральный, дерьмократы. 2. Ойлигархия	1. Скептическое отношение к деятельности политиков, общественных деятелей, блогеров. 2. Негативное отношение к определенной системе ценностей
Социальные проблемы (социальная сфера, без учета персоналий): 1. Милициордер. 2. Православие головного мозга (ПГМ)	1. Коррупционные скандалы. 2. Скептическое отношение к отдельным социокультурным институтам

Таблица 1

Для интерпретации собранного материала следует использовать лингвистические и междисциплинарные методы. Новояз формируется при помощи языковой игры, искажения слов, ненормативной лексики, эвфемизации и др. Важной является коннотация, модальность выска-

зываний, отражающая полярное отношение говорящих субъектов к процессу/событию/явлению. В качестве новояза можно рассматривать как отдельные слова и словосочетания, так и выражения, которые при циркуляции в Рунете получают устойчивые формы и активно воспроизводятся в дискуссиях. Примеры не обязательно содержат искажение словоформ, при этом важно понимать контекст и можно расценивать данные слова и словосочетания как прецедентные: скрепы; пакет Яровой; царь хороший, боярышники плохие; ночь длинных ковшей. И, как видно из примеров, контент-анализ должен сочетаться с ивент-анализом. Данные примеры могут сами воспроизводиться в таком же виде и быть примером новояза, в то же время они во многом являются «говорящими», заключают в себе события, в ответ на которые формируется реакция субъекта через новояз.

Применительно к новоязу можно использовать методики анализа интернет-мемов, в т. ч. по выявлению жизненного цикла того или иного высказывания. Мем можно назвать частным случаем новояза.

Анализируемый материал можно разграничить по универсальным и специфическим категориям. В первую группу попадут высказывания об общих, глобальных, во многом константных процессах: отношение к истории, идеологии. Также универсальным можно считать формирование образа врага. В этой связи можно представить градацию отношений по линии «я - не я» (другой, чужой, враг). Универсальные категории подразумевают дихотомии в формировании новояза и, как правило, присутствуют в парных категориях: либерасты - православнутые. Данный пример отражает длительный тренд существования в политической культуре российского общества деления на либералов и консерваторов.

В этом отношении представляется перспективным классифицировать примеры новояза, построенные на дихотомии, при помощи теории прототипов. Для анализа категорий «консерватор» и «либерал» с позиции каждой группы говорящих субъектов (т. е. консерватор о себе и о других, либерал о себе и о других) можно выявить лучших представите-

лей данной группы, тем самым понять базовый уровень восприятия себя и других со стороны субъекта.

Применительно к анализу внутриполитического пространства также существует дихотомия «умеренная оппозиция - террористы», «патриот - космополит» и др.

Деление на противоположные группы характерно для категории «постсоветское пространство», когда, например, применительно к участникам украинский событий 2013–2014 гг. используются слова «ополченец - сепаратист».

С точки зрения модальности высказывания при отборе и систематизации примеров важно определить взаимное негативное обозначение групп. При наличии такой особенности коммуникации можно предположить конфликт соответствующих систем ценностей. С точки зрения лингвистики можно выявить ядро, с помощью которого стигматизированная группа определяется как носитель негативных, неодобряемых ценностей: сексуальная, интеллектуальная перверсия и неполноценность. Новояз может быть способом выявления и конструирования образа врага. Стигматизацию одних и консолидацию других можно обозначить как дискурсивную практику, использующуюся при коммуникации в интернет-пространстве, в частности в социальных сетях, где существуют тематические паблики, группы, объединения. Это позволяет субъектам точечно посылать тот или иной месседж и рассчитывать на обратную связь со стороны единомышленников и оппонентов. Для исследователя создаются дополнительные возможности, когда, помимо анализа собранного языкового материала (комментарий к новости или комментарий к комментарию), можно составить представление о говорящем субъекте, учесть такие социальные аспекты, как гендер, профессия, возраст. При этом следует понимать возможность противоречивых сведений в профилях высказывающихся, а также учитывать такой феномен, как троллинг, который подразумевает внешнюю активную трансляцию тех или иных идей при отсутствии их внутреннего одобрения.

Собранный материал позволяет сделать вывод о проблемах, которые волнуют общество. Те события, которые стали источником порождения новых слов, также вызывают интерес исследователя, т. к. общество из всей массы событий фокусирует внимание именно на данных явлениях и процессах. Кроме того, с точки зрения анализа СМИ и структуры новостей также важно понять, как расставлены акценты в репрезентации и ретрансляции событий в российском и мировом информационном пространстве.

Таким образом, новояз - это индикатор социокультурных трансформаций современного общества; способ конструирования и интерпретации событий; основа для идентичности, в т. ч. способ стереотипизации и стигматизации; дискурс власти в широком смысле слова, обладающий рядом узнаваемых черт: идеологичность, манипулятивность, безапелляционность, квазиполитичность, агрессивность. С точки зрения формы представлен как «обычными» (без искажений) словами и выражениями, так и видоизмененными; подразумевает реакцию субъекта на актуальные процессы окружающей действительности и на других субъектов.

Новояз XXI в. имеет общие с классическим новоязом признаки. Ключевые отличия заключаются в его источнике формирования (само общество) и сфере применения (медиапространство, интернет-пространство). При этом генезис новояза обеих эпох общий и связан с категорией «власть». В социально-философском отношении в качестве подхода к данной теме можно опираться на концепцию власти М. Фуко, которая позволяет интерпретировать новояз в категориях дискурса знания-власти. В методологическом и методическом планах следует говорить о целом комплексе методов и процедур, которые позволяют изучать данное явление применительно к интернет-пространству: дискурс-, контент-, ивент-анализ. Круг вопросов, который подвергается обработке через новояз, предельно широк, любая тема (от экономики до религии) подлежит политизации, что позволяет говорить о квазиполитическом дискурсе, частью которого является новояз.

Список литературы

1. Мамонова Ю. О. Деактуализация советизмов в семантико-лексикографическом аспекте: автореферат дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Белгород, 2018. 24 с.

2. Фомин И. В. Образ государства как предмет политического дискурс-анализа: дисс. ... канд. полит. наук. М., 2014. 170 с.

3. Невинская М. Д. Концептуальная оппозиция «народ - власть» в политическом дискурсе: автореферат дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.19. Волгоград, 2018. 24 с.

4. Костенкова В. В. антиутопия начала XXI века в динамике жанровых трансформаций: дисс. ... канд. филол. наук. Краснодар, 2019. 180 с.

5. Фуко М. Археология знания / Пер. с фр. М. Б. Раковой, А. Ю. Серебрянниковой; вступ. ст. А. С. Колесникова. СПб.: ИЦ «Гуманитарная Академия»; Университетская книга, 2004. 416 с.

6. Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет / Пер. с фр. М. Касталь. М., 1996. 448 с.

7. Фуко М. Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью / Пер. с фр. Б. М. Скуратова под общ. ред. В. П. Большакова. М.: Праксис, 2006. Ч. 3. 320 с.

8. Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М.: Ад Маргинем Пресс, 2015. 416 с.

9. Фуко М. Рождение биополитики. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1978–1979 учебном году / Пер. с фр. А. В. Дьяков. СПб.: Наука, 2010. 448 с.

10. Водак Р. Политика страха. Что значит дискурс правых популистов? / Пер. с англ. Кочергина Е. Н., Гритчина О. В. Х.: Изд-во «Гуманитарный Центр», 2018. 404 с.

11. Дейк, Т. ван. Язык. Познание. Коммуникация / Пер. с англ. Под ред. В. И. Герасимова; вступ. ст. Ю. Н. Караулова, В. В. Петрова. Изд. 2-е.М.: Ленанд, 2015. 320 с.

References

1. Mamonova Yu. O. Deactualization of Sovietisms in the semantic and lexicographic aspect: abstract of dissertation. ... Cand. philol. Sciences: 10.02.01. Belgorod., 2018. 24 p.

2. Fomin I. V. The image of the state as a subject of political discourse analysis: diss. ... Cand. polit. sciences. M., 2014. 170 p.

3. Nevinskaya M. D. Conceptual opposition "people - power"in political discourse: abstract dissertation. ... Cand. philol. Sciences: 10.02.19. Volgograd, 2018. 24 p.

4. Kostenkova V. V. dystopia of the early XXI century in the dynamics of genre transformations: diss. ... Cand. philol. Science. Krasnodar, 2019.180 p. Foucault M. Archeology of knowledge / per. with fr. M. B. Rakova, A. Yu. Serebryannikova; entry Art. A. S. Kolesnikova. SPb.: IC "Humanitarian Academy"; University book, 2004.
416 p.

5. Foucault M. The Will to Truth: Beyond Knowledge, Power and Sexuality. Works of different years / per. with fr. M. Castal. M., 1996. 448 p.

6. Foucault M. Intellectuals and Power: Selected Political Articles, Speeches and Interviews / per. with fr. B. M. Skuratov under the general. ed. V. P. Bolshakov. Moscow: Praxis, 2006. Ch. 3. 320 p.

7. Foucault M. Discipline and punish. The birth of the prison. Moscow: Ad Marginem Press, 2015. 416 p.

8. Foucault M. The birth of biopolitics. A course of lectures given at the College de France in the 1978-1979 academic year / per. with fr. A. V. Dyakov. Saint Petersburg: Nauka, 2010. 448 p.

9. Vodak R. Politics of fear. What does right-wing populist discourse mean? / Translated from English. Kh.: publishing house "Humanitarian Center"/ Kochergina E.N., Gritchina O. V., 2018. 404 p.

10. Dyck, T. van. Language. Cognition. Communication: Translated from English. / Ed. IN AND. Gerasimov; entry Art. Yu. N. Karaulova, V. V. Petrova. Ed. 2nd), Moscow: LENAND, 2015, 320 p.

УДК/UDC 740

Инварианта коммуникации: роль соединительнотканных механизмов в построении рефлексивно-онтологического пространства медицинского мировоззрения

Песоцкая Елена Николаевна
кандидат философских наук, доцент кафедры философии, профессор Российской Академии Естествознания
Историко-социологический институт, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева
г. Саранск, Россия
e-mail: cerera-office@mail.ru

Аннотация

Показано, что мировоззрение имеет свойство прямого воздействия на эффективность лечения, независимо от лекарственного и хирургического влияния. В профессиональной деятельности врача условием эффективности инструментальности мировоззрения служит рефлексия как самоосмысление. Процессуальные механизмы рефлексии, к которым восходят все виды детерминации деятельности личности – биологической, социальной, психической и духовной – субстратно обеспечиваются организацией человеческой природы. Медицинское мировоззрение рассмотрено как инварианта коммуникации врача и пациента, вызывающая оптимизм больного и обеспечивающая эффективность лечения. Это связывается с тем, что мировоззрение как форма психологии и как языковая форма воздействия на мышление, меняет энерго-информационное содержание процессов в человеческом субстрате, демонстрируя роль вербального воздействия в терапии и в медицине в целом. Соматический статус организма регулируется через языковой синтез в понятиях и умозаключениях, и при коммуникации врача и пациента данная регуляция выступает модулятором физиологических показателей, что актуально для диагностики и медицинского познания в целом. Модель патернализма преимущественна в силу присутствия момента выбора, обеспечиваемого аналитико-синтетической работой медицинского мировоззрения как онто-гносеологической по существу. Показан комплекс теоретико-методологических оснований исследования проблемы.

Ключевые слова: личность, субстрат, мировоззрение, соединительная ткань, механизмы рефлексии, медицинское мировоззрение, онтос, когнитивный филогенез, междисциплинарность.

Communication's invariant: the role of combine-materials mechanisms in the construction of reflexive-ontological space of medical worldview

Pesotskaya Yelena Nikolayevna
Candidate of Philosophy, assistant professor of the Department of Philosophy, professor of the Russian Academy of Natural History
Historical and Sociological Institute,
Ogarev Mordovia State University
Saransk, Russia
e-mail: cerera-office@mail.ru

Abstract

We see a worldview has the property of directly affecting the effectiveness of treatment, regardless of drug and surgical influence. In the professional activity of a doctor, reflection as self-thinking is a condition for the effectiveness of the instrumentality of a worldview. The procedural mechanisms of reflection, to which all types of determinations of the activity of the individual - biological, social, mental and spiritual - are substrative provided by the organization of human nature. The medical worldview is considered as an invariant of communication between the doctor and the patient, causing optimism of the patient and ensuring the effectiveness of treatment. This is due to the fact that the worldview as a form of psychology and as a linguistic form of influence on thinking changes the energy-information content of processes in the human substrate, demonstrating the role of verbal influence in therapy and in medicine as a whole. The somatic status of the body is regulated through language synthesis in concepts and mind-conclusions, and when communicating between the doctor and the patient, this regulation acts as a modulator of physiological indicators, which is relevant for diagnosis and medical cognition in general. The model of paternalism is predominant due to the presence of the moment of choice provided by the analytical and synthetic work of the medical worldview as onto-epistemological in essence. The complex of theoretical and methodological bases for the study of the problem is shown.

Key words: personality, substrate, worldview, connective tissue, reflexion mechanisms, medical worldview, ontos, cognitive phylogenesis, interdisciplinary.

Изучение сущности процессов инактивации когнитивных свойств в системе ее мировоззрения и через когнитивное действие в трехзвенной связи «биологическое - психическое - социальное» [1, с. 9] в человеке предпринято в работах автора. Теоретико-методологическим основанием исследования способны служить: субстратный подход [2], соединительнотканная теория биологии и медицины [3], теория диссипативных структур [4].

Активное освоение среды и ее познание, протекающее через действие, происходит субстратно в форме синергийных процессов, условием и фактором которых является мировоззрение индивида. Мировоззрение как онто-гносеологическая категория представляет собой предметно-практический интерес для представителей философии науки [4-6], теоретической медицины [7, с. 7-8], этики и эстетики [2], психологии [8] и языкознания [9] в системе рассмотрения когнитивного филогенеза. Теоретический анализ работ перечисленных авторов дает основание для констатации важности междисциплинарной интеграции концепций и теорий, исследующих окружающий мир через свойства его процессуальности, системности, структурности с последующей актуализацией и конструкцией через момент когнитивного действия. В моменты формировании своей идентичности система мировоззрения познающего индивида и ее структура постоянно конституируются. Вследствие этого из реальности происходит своего рода «вырезание» контуров собственной среды по законам самоорганизации, при этом причинно не обусловленное. В данном случае саморазвитие когнитивной системы направлено как от психофизиологической субстратности к надбиологическому, духовному субстрату так и от самопознания к телесности одновременно. Происходит самодвижение сферы мировоззрения как системы, в которой ценности, ощущения, восприятия, представления и установки представляют собой информационное и энергетическое единство (например, мысли субъек-

та как параметры порядка, характеризующие мировоззрение как макроскопическое целое, и движение данных параметров, характеризующих мировоззрение как микроскопическое целое.

Показательно, что мировоззрение суть объект анализа как с точки зрения его смысловой содержательности или результата отражения действительности в сознании человека, так и с точки зрения взаимосвязи знания о мире и человеке как субъекте социального действия. При данном подходе на первое место выходит значение знания о мире для жизнедеятельности в целом. И по этим причинам мировоззрение представляется нам не просто как систему обобщенных знаний мире о человеке, а как системное знание, помогающее понять, проанализировать и оценить значимые именно для данного конкретного субъекта явления и процессы. Такая система определяет особенности самосознания личности и ее отношения к миру, наполненность действий смыслами. Это означает организация освоения среды «контурным образом», о котором упоминается выше, так называемое практически-действенное для индивида, по своей сущности. Для врача это означает интеллектуальную ориентацию в теоретическом знании с единовременным освоением практической стороны профессии от специализированных до макро философских аспектов. Для выражения проблемы применены термины и «медицинское мировоззрение» и «обыденное мировоззрение» [7, с. 58], которые в случае их операционализмами представляют интерес методологический интерес для формирования основ современной медицины.

Факт того, что медицинское мировоззрение как тип субстратно-организованного профессионального мировоззрения, способно прямо воздействовать на эффективность лечения, в независимости от фармакологического и хирургического влияния, исследован в работах автора. Являясь инструментом вербального воздействия, мировоззрение служит системой и когнитивной основой собственно медицинского познания как системы «смысловой (когнитивной) нагрузки» [7, с. 159]. Данная основа постоянно конституируется в процессе инактивации свойств и потенциала личности и представляет собой когнитивное действие. Мировоззрение

врача или медицинское мировоззрение представляет собой гуманитарную составляющую, которое обладает терапевтической (лечебной) функцией, входит в достаточное условие положительного эффекта лечения.

Человек как условие и элемент создаваемой им же искусственной сложности, само созидает себя через язык и культуру, и познанию когниции как функционального процесса предшествует анализ процессов на человеческом субстрате.

В соответствии с субстратным походом человеческой организации как многоуровневой системе, зарубежными учеными показано селективное восприятие бытия мировоззрением в зависимости от переработки информации нейронами и их алгебраической топологии [10]. После этого сознание и мозг вписывают реальность в систему категориального мышления индивида, в систему его ценностей и мировоззрения. Детерминированная таким образом переработка информации, нейробиологическая активность субстратно способствуют онтопроектированию [10-12]. Практические выводы о биосубстратной основе для формирования адаптивных и когнитивных структур, значимых для изучения конструирующих механизмов трансформаций человеческого онтоса, позволяют сделать исследования символически и геометрически организованного «глобального нейронного рабочего пространства» [11] сознания и самосознания. Видом теоретической деятельности по качественному преобразованию информации, кодируемой в нейронах онтогенетически деятельности [12], становится рефлексия как самоосмысление и интеллектуальная деятельность, в том числе, профессиональная врачебная деятельность. Изучение субъективной интроспекции способствовало оценке значения антропологической субстратной составляющей в медицинской коммуникации.

Вопрос о субстанциальной основе морфо-, антропогенеза и когнитивного филогенеза и жизни вообще разрабатывается в синергетике и соединительнотканной медицине [3, с. 1032-1035] с целью понимания их причинности, в которой роль обеспечения принадлежит соединительной ткани организма. Влияние психического, как идеального специфического

содержания мозговых нейродинамических кодов, на физическое начало, означает воплощение и сигнальную передачу информации.

Диагностика как когнитивное познание носит полевую обусловленность [3, с. 1512], деятельный характер и эпистемически влияет на процессы гомеостаза в организме - от информационного уровня до уровня тканей. Когнитивные состояния и процессы зависят не только от антропологической субстратной составляющей, но и от внешних факторов [13]. Как терапевтическая ценность она также влияет на интенсивность мотивационно-соединительнотканных реакций как на функциональную характеристику соединительной ткани и процессы в ней. Этот тезис имплицитно содержит положение о языке как о ядерной части сущностных признаков человека, соединяющей в его онтосе символические формы с психофизической организацией (до бессознательного).

Сущность функции медицинского мировоззрения в этом случае будет связана с коммуникацией, и заключается она в лечении как воздействии интеллекта врача, которое протекает в границах соединительнотканной рефлексии и представляет собой когнитивно-эпистемическое действие или синтезы в интеллекте. Изучение процесса через когнитивные схемы, преобразуемые в акцепторе действия, а также функцию речи, модулирующую физиологические показатели, актуально для диагностики и медицинского познания в целом. Модель патернализма, основанная на понимании и обсуждении положительных и отрицательных сторон процесса диагностики лечения при общении с пациентом, имеет преимущества. Это присутствие момента выбора со стороны пациента, которое обеспечивается аналитико-синтетической работой медицинского мировоззрения как онто-гносеологической. Цель последней – предиктивная по отношению к развитию болезни, поскольку подход информированного согласия пациента располагает к детальному обсуждению событий.

Сущность когнитивного действия, теоретически выражена через категории естествознания и философии [5] в целях понимания мира современного человека и системы его мировоззрения. Описание феномена посредством теории диссипативных структур [4, с.175-176] означает ви-

дение и объяснение физической природы мотивированного действия в системе мировоззрения через равновесно-неравновесные процессы, нелинейность. Проявление в действиях качеств личности и свойств ее характера означает энергетичность процесса с последующей трансформацией потенциала в данной сложноорганизованной системе. Психическая организация, мировоззрение и организм человека как органический субстрат и собственно процессы инактивации знания как информации взаимодействуют как диссипативные структуры в случае онто-гносеологической работы.

Мировоззрение становится инвариантой коммуникации с больным, вызывающий оптимизм больного и скрытый или явный эффект плацебо в лечении, поскольку мировоззрение является формой психологии как языковой формы воздействия на мышление, и через него на иммунную систему пациента, стимулирующей ее избыточную энергию и информацию.

Таким образом, мировоззрение имеет свойство прямого воздействия на эффективность лечения, независимо от лекарственного и хирургического влияния. В профессиональной деятельности врача условием эффективности проявления инструментальности мировоззрения служит процесс рефлексии как самоосмысления и саморегуляции. Процессуальные механизмы рефлексии, к которым восходят все виды детерминации деятельности личности – биологической, социальной, психической и духовной – структурно и функционально обеспечиваются организацией человеческой природы и состоянием соединительнотканных механизмов на субстрате. Форма философских, психологических, этических, коммуникационных и иных основ медицины есть форма профессиональных компетенций врача, рефлексивно влияющих на результативность его деятельности.

Список литературы

1. Песоцкая Е. Н. Природно-биологические факторы социальной активности человека (философский анализ). Автореферат диссертации на соискание ученой сте-

пени кандидата философских наук. / Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева. - Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 1996. 16 с.

2. Гагаев А. А., Гагаев П. А. Эстетика / в 2 т. / А. А. Гагаев, П. А. Гагаев. - Саранск, 2011. Т. 2, ч. 3-5. 608 с.

3.Алексеев А. А. Интегративная (системная, семейная) соединительнотканная медицина. Т. 3. М.: ЛЕНАНД, 2005. 528 с.

4. Слесарев В. О. Теория и методология модели философского обеспечения практической медицины. – Саранск: Тип. «Красный Октябрь». 1998. 200 с.

5.Бажанов В. А. Мозг – культура – социум: кантианская программа в когнитивных исследованиях / В. А. Бажанов. – М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2019. 288 с.

6. Varela F. J. Patterns of Life Intertvining Identity and cognition // Brain and Cognition. 1997. Vol. 34. Pp. 82-84.

7. Песоцкая Е. Н., Зорькина А. В., Белова Л. А. Теоретические основы интеграции медицины и философии. Монография. Саранск, МГУ им. Н.П. Огарева, Тип. Рузаевский печатник. 2017. 186 с.

8. Tombu M., and P. Jolicoeur. 2003. «A Central Capacity Sharing Model of Dual-Task Performance». Journal of Experimental Psychology: Human Perception and Performance 29 (1). Pp 3-18.

9. Куликова О. В. Когнитивные механизмы процесса аргументации // Стилистика и проблемы контекста. - М.: ИПК МГЛУ «Рема», 2009. 240 с.

10. Luczak A., McNaughton, B. L., and Harris, K. D. (2015). Packet-based communication in the cortex. Nat. Rev. Neurosci. 16. Pp. 745–755.

11. Сознание и мозг. Как мозг кодирует мысли / Станислас Деан [Пер. с англ. И. Ющенко]. — М.: Карьера Пресс, 2018.

12. Synaptic organization of visual space in primary visual cortex by M. Florencia Iacaruso, Ioana T. Gasler & Sonja B. Hofer in Nature. Published online July, 2017.

13. Черняк А. З. Знание, память. Границы субъекта. // Эпистемология и философия науки 2019. Т. 56. № 1. С. 101–115.

References

1. Pesotskaya E. N. Natural and biological factors of human social activity (philosophical analysis). Abstract of the dissertation for the degree of candidate of philosophical sciences. / National Research Mordovian State University. N.P. Ogareva. - Saransk: Publishing house of Mordovs. University, 1996. 16 p.

2. Gagaev A. A., Gagaev P. A. Aesthetics / in 2 volumes / A. A. Gagaev, P. A. Gagaev. - Saransk, 2011. T. 2, h. 3-5. 608 p.

3. Alekseev A. A. Integrative (systemic, family) connective tissue medicine. T. 3. M.: LENAND, 2005. 528 p.

4. Slesarev V. O. Theory and methodology of the model of philosophical support of practical medicine. - Saransk: Type. "Red October 1998. 200 p.

5. Bazhanov V. A. Brain - culture - society: the Kantian program in cognitive research / V. A. Bazhanov. - M.: Canon + ROOI "Rehabilitation". 2019. 288 p.

6. Varela F. J. Patterns of Life Intertvining Identity and cognition // Brain and Cognition. 1997. Vol. 34. Pp. 82-84.

7. Pesotskaya E. N., Zorkina A. V., Belova L. A. Theoretical foundations of the integration of medicine and philosophy. Monograph. Saransk, Moscow State University N. P. Ogareva, Type. Ruzaevsky printer, 2017. 186 p.

8. Tombu M., and P. Jolicoeur. 2003. A Central Capacity Sharing Model of Dual-Task Performance // Journal of Experimental Psychology: Human Perception and Performance 29 (1). Pp 3-18.

9. Kulikova O. V. Cognitive mechanisms of the argumentation process // Stylistics and context problems. - M.: IPK MGLU "Rema". 2009. 240 p.

10. Luczak A., McNaughton, B. L., and Harris, K. D. (2015). Packet-based communication in the cortex. Nat. Rev. Neurosci. 16. Pp 745-755.

11. Consciousness and the brain. How the brain encodes thoughts / Stanislas Dean [Per. from English. I. Yushchenko]. M.: Career Press, 2018.

12. Synaptic organization of visual space in primary visual cortex by M. Florencia Iacaruso, Ioana T. Gasler & Sonja B. Hofer in Nature. Published online July, 2017.

13. Chernyak A. Z. Knowledge, memory. Subject boundaries. // Epistemology and Philosophy of Science 2019. V. 56. No. 1. Pp. 101-115.

УДК/UDC 740

Онтологические основания социальной активности личности: соединительнотканная рефлексия в фокусе хронотопа

Песоцкая Елена Николаевна
кандидат философских наук, доцент кафедры философии, профессор Российской Академии Естествознания
Историко-социологический институт, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева
г. Саранск, Россия
e-mail: cerera-office@mail.ru

Аннотация

Цель данной статьи в исследовании феномена социальной активности, которая изучается средствами разных областей науки на текущем этапе развития глобализующейся цивилизации. В междисциплинарном осмыслении феномена проблема его теоретических оснований сохраняет свою актуальность в том отношении, что детерминация деятельности и активности, исследованная в социальной философии через оценочные индексы, понимается также и в широком смысле. Это означает обращение к аспектам человеческой онтологии, междисциплинарности. Выделение онтологического основания активности означает присутствие в оценке жизнедеятельности представлений о наиболее общем субстратном механизме формирования состояний организма и его общего статуса, детерминируемом интегрирующей ролью соединительной ткани как основного компонента. Онтологическое основание активности характеризуется соединительнотканной теорией биологии и медицины. Обозначена онтологическая ниша с индивидуальной смысловой составляющей жизни, влияющая на проявления социальной активности через понятие «хронотопа» (времени-пространства). Показано значение архитектоники переживания реальности личностью и перспектива анализа пространственно-временных характеристик восприятия этой реальности, влияющие на социальную деятельность и активность личности субъекта. Рефлексивное мышление играет в этом процессе важную роль, формируясь на базе мировоззрения через мотивационно-соединительнотканный механизм человеческой индивидуальности.

Ключевые слова: человек, личность, социальная активность, междисциплинарность, онтология, онтологическое основание, субстрат, соединительнотканная теория, хронотоп.

The ontological foundations of personal's social activity: the combine material reflection in focus of chronotope

Pesotskaya Yelena Nikolayevna
Candidate of Philosophy, assistant professor of the Department of Philosophy, professor of the Russian Academy of Natural History
Historical and Sociological Institute,
Ogarev Mordovia State University
Saransk, Russia
e-mail: cerera-office@mail.ru

Abstract

The purpose of this article is to study the phenomenon of social activity, which is studied by means of various fields of science at the current stage of the development of a globalizing civilization. In the interdisciplinary understanding of the phenomenon, the problem of its theoretical foundations remains its relevant in that the determination of activity and activity, investigated in social philosophy through evaluation indices, is also understood in a broad sense. This means turning to aspects of human ontology, interdisciplinary. The isolation of the ontological base of activity means the presence in the life existence of ideas about the most common substrate mechanism for the formation of body states and its general status, determined by the integrating role of connective tissue as the main component. The ontological base of activity is characterized by a connective tissue theory of biology and medicine. An ontological niche with an individual sense component of life is indicated, affecting the manifestations of social activity through the concept of "chronotope"(time-space). The value of architectonics of experience of reality by personality and perspective of analysis of space-time characteristics of perception of this reality affecting social activity and activity of subject's personality are shown. Reflexive thinking plays an important role in this process, forming on the basis of the worlview through motivational-connective tissue mechanism of human's individuality.

Key words: person, personality, social activity, interdisciplinary, ontology, ontological base, substrate, connective tissue theory, chronotope.

Вовлечение в решение проблемы деятельности и активности человека в социальной философии, антропологии как ведущих теоретико-практических проектных полей его исследования ознаменовало собой появление авторских концепций. Отдельные из них раскрывают проблемы современного человека с позиции некой поставленности человека в социуме: как «человека-потребителя» [1], «человека-созидателя» или «человека-конвертируемого», оригинально представляя как психическое, так и физиологическое начала как разные аспекты личностной организации и индивидуальности. Развитие подходов к социальному и индивидуальному бытию человека выстаривается от феноменологического [2, с. 11] к субстанциалистскому [3]. Происходит олицетворение взаимодействия научных методологий изучения человека, воспринимающего мир из собственной экзистенции. Психофизическая детерминация деятельности и активности, исследованная автором [4, 5], понимается как аспект человеческой онтологии, требующей междисциплинарного исследования.

Социальная активность – феномен, притягивающий внимание специалистов различных областей науки. В кризисные периоды развития социума проблема активности конкретной личности, как правило, становится предметом особого внимания. Как массовый термин, «социальная активность» интерпретируется в широком и узком смыслах по причине его сложности, многогранности. Последняя становится результатом взаимодействия нелинейности и цикличности знаний и потоков информации. Следует отметить, что из режима циклического сжимающегося мета-времени в условиях сетевых информационных технологий проистекают радикальные информационные изменения человеческой жизнедеятельности, мобильности сознания и, следовательно, социальной активности.

В следствие этого в Новейшее время отечественные исследователи отмечают процесс размывания границ между субъектом и средством, цифровой реальностью и человеческой целостностью [6, с. 147-162]. Новейший период истории ознаменовал начало порождения человека, со-

знание которого способно стать «телесно воплощённым и искусственно расширенным» [6 с. 147-162] за пределы физической телесности. В связи с таким пониманием обновлённый взгляд на феномен активности и его широкое философское осмысление разворачивается в сферу онтологии человека. Выделение собственно онтологического основания человеческой активности суть выделение регулярности, связанной с естественнонаучным знанием. И это означает исследовательский поворот к базисным основам бытия, в котором уровень «сознания» и уровень «телесности» индивида по принципу взаимодополнительности образуют собой органическое единство.

Принимая во внимание актуальность максимального привлечения принципов качественного системного подхода в исследовании биологического и социально-онтологичекого базиса психо-физиологической причинности и социальной детерминации жизнедеятельности, поведения и адаптации как единого процесса, следует обозначить границы обобщений сущности абстрактных элементов (семантических единиц), составляющих логическую структуру этого анализа, а также основную философскую композицию исследования феномена. Последняя сводится к рациональному философствованию, при котором все онтологические рефлексии происходят в особом, понятийно-концептуальном стиле философствования - как философия «абстрактных абстракций». По принципу взаимодополнительности знаний понятие «образа-концепта» [7, с. 381], включенное во внерациональное философствование, фокусируется на оценках мировоззрения личности и выполняет функцию теоретической связи между образно-эмоциональной сферы мировоззрения и логико-рассудочной. Собственно в сфере мировоззрения, в «эго» берёт начало социальная активность любой личности. Именно мировоззрение определяет и формирует онтос личности, выступает объектом её онтопроектирования и представляет собой теоретико-практический интерес для глубинного понимания социальных феноменов при переходах от конкретного социального анализа к широким философским конструкциям.

Так, в понимании социальных феноменов большое внимание уделяется состояниям человека, методологическая перспектива изучения которых связана с междисциплинарным исследованием средствами естествознания и социогуманитарных наук. Философское знание в данном случае, равно как и в развитии комплексного знания о человеке, выполняет интегрирующую и интерпретирующую роль, формируя предиктивные горизонты для изменений теоретического базиса проблемы.

Состояния, выражаемые в конкретно-социологических исследованиях через деятельность, как правило, сводятся к комплексу параметров. К рациональному исследованию относится параметр социальной активности личности, который описан в социальной философии до начала 2000-х гг. Он определяется как оценочное отношение или целостная социальная характеристика деятельности, выражаемая отношением ее фактического состояния к общественно требуемому. Для применения этого подхода в конкретном социологическом исследовании предварительно определяются параметры, комплексные критерии, количественно и качественно характеризующие любые состояния деятельности [8]. «Фактическое» состояние деятельности проявляется конкретной личностью в определенный интервал времени в соответствии с ее мотивационными и ценностными механизмами, способностью к деятельности и объективными условиями. «Общественно требуемое» – состояние деятельности, предъявляемое обществом к данной личности в соответствии с социальными потребностями и интересами. Согласно такому пониманию, социальная активность представляется символически в форме интегративного оценочного индекса: A=C1/C2, где A – социальная активность, C1 – показатель фактического состояния социальной деятельности, C2 – уровень социально требуемого состояния деятельности [9, с. 16], подлежащие математической обработке на основе принципа многоуровневости оценочных параметров [9, с. 16]. Это не является предметом настоящего исследования, но индексно и количественно выражает содержание и смысловое значение феномена активности как социального значимого и

связанного со спектром физиологических, психологических, онтологических состояний, в котором человек пребывает в повседневности.

Согласно данному подходу, в социально-философском представлении присутствуют три стороны проявления и три основных аспекта рассмотрения социальной активности личности, им соответствующие: процессуально-деятельностный, индивидуально-личностный и социально-оценочный. То есть, социальная активность реально проявляется как процесс в деятельности человеческого индивида, закрепляется в его личностных свойствах и отражается в общественном сознании в форме социальной оценки [9, с. 16].

Все проблемы субъектности и оценочных суждений в сфере коммуникаций и межчеловеческого общения соединяются с идеями автономности сферы знаний, подчинения деятельности субъекта познания логике этого мира. С помощью потенциала мировоззрения и коммуникативного ресурса личность решает проблему собственного включения в человеческий и социальный универсум через разные типы социальной деятельности, преодолевая неустойчивости и неравновесности среды.

В системе личности и системе организма нелинейные эффекты позволяют говорить об онтической целостности человека, которая в фактическом выражении постоянно самоорганизуется и параметрически характеризуется терминами синергетики как междисциплинарной методологии исследования. По этой причине активность следует понимать как «способность существования в постоянно меняющихся условиях среды». Широкая соединительнотканная теория биологии и медицины, предложенная профессором А. А. Алексеевым [10], выступает онтологическим основанием теоретического исследования человеческой жизнедеятельности и активности, так как раскрывает наиболее общий механизм формирования состояний организма, его общий статус, детерминируемый интегрирующей ролью соединительной ткани. Так, принятый в теории социальной активности личности С1 – показатель фактического состояния социальной деятельности – на уровне личности как системы организма. Он параметрически (количственно) выражает состояние функциональ-

ных комплексов на субстрате в индивидуальном онтогенезе через индивидуальный соединительнотканный механизм рефлексии личности. В теоретическом описании социальная активность личности опирается на основания её бытия, или онтологические, качественные, поскольку «личность не есть некое безосновное образование, не укоренённое в бытии [11, с. 467-485], и «быть, свершиться, самоосуществиться можно только при соблюдении фундаментальных онтологических условий [11, с. 467-485]». Под «онтологическим основанием» следует понимается теорию, концепцию, принцип, который кумулирует в себе комплекс параметров, отражающих раскрытие человеческого, личностного времени-пространства в континууме всей актуальной реальности. В связи с этим, согласно структурному подходу к социальным феноменам, в проявлении феномена социальной активности личности можно обозначить онтологическую нишу, которая включает в себя индивидуальную смысловую составляющую жизнедеятельности. В научном познании такая ниша, непосредственно влияющая на проявления социальной активности, обозначена понятием «хронотоп» («время-пространство»). Термин появился в математическом естествознании благодаря физиологу А. А. Ухтомскому для обозначения «закономерной связи пространственно-временных координат» [12]. В сферу социогуманитарных науки термин перенесён Бахтиным М.М., выделившем в хронотопе аспект архитектоники переживания реальности конкретной личностью [13, с. 528], что означает отдельную перспективу анализа единства пространственно-временных характеристик жизненного пути – духовного и физического, социального. Все характеристики комплексно отражаются на социальной деятельности и активности личности субъекта благодаря рефлексивному мышлению, берущему начало в мировоззрении и его соединительнотканных механизмах. Поэтому средствами философской онтологии и социальной философии моменты ценностно-эмоционального восприятия мира подвергаются рациональному осмыслению и подводятся к единому знаменателю. Выражение активности личности через индексную связь в исследованиях эмпирического

характера демонстрирует кумулятивный момент модуляции естественнонаучных данных в междисциплинаные исследования.

Список литературы

1. Борзых С. В. Человек-потребитель. // Философия и общество. Выпуск №1 (69). 2013.

2. Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. Т. 1. - М.: Дом интеллектуальной книги, 1999. 430 с.

3. Гагаев А. А. Теория и методология субстратного подхода в научном познании: К вопросу о понятии «субстрат» в классической, неклассической, постнеклассической науке и метафизике. – Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 1994. 48 с.

4. Песоцкая Е. Н., Инчина В. И., Селезнёва Н. М. Новые подходы к проблеме формирования психофармакологической модели человека в структуре диагностических систем (синергетический аспект). // Здоровье и медицина в XXI веке // Журнал науч. статей. Ред. акад. Филиппов В. М. № 4. 2017. Т. 19. С. 81-90.

5. Песоцкая Е. Н., Чугунова А. В., Аксенова С. В. Homo consumptor: онтос человека в поле современной антропологической науки // Перспективы развития науки в современном мире // Сборник статей по материалам V международной научно-практической конференции (5 февраля 2018г., г. Уфа). В 3 ч. Ч. 2 / Отв. ред.: Халиков А. Р. - Уфа: Изд. Дендра, 2018. С. 129-135.

6. Войскуновский А. Е., Файола Э. Н., Богачева Н.В. Человек дополненный: становление киберсознания // Вопросы философии. 2016. № 3. С. 147-162.

7. Бахтин М. М. Эстетика словестного творчества, М., Искусство. 1986. – 445 с.

8. Фролов Д. Е., Малкин В. И. Активность личности студента (аксиологическая концепция в комплексном социологическом исследовании). - М.: Универсум, 1994. 383 с.

9. Песоцкая Е. Н. Природно-биологические факторы социальной активности человека (философский анализ). Науч. ред. Д. Е. Фролов. - Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 1999. 108 с. (Сер. «Теория личности и аксиология»).

10. Алексеев А. А. Интегративная (системная, семейная) соединительнотканная медицина. Т. 3. М.: ЛЕНАНД, 2005. 528 с.

11. Волков В. Н. Онтология личности: дис. доктора философских наук: Иваново, 2001. 487 с.

12. Ухтомский А. А. Доминанта. СПб.: Питер, 2002. 448 с.

13. Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики: Сб. – М.: Худ. лит., 1975. 502 с.

References

1. Borzykh S. V. Human consumer. // Philosophy and Society. Issue No. 1 (69). 2013.

2. Husserl E. Ideas for pure phenomenology and phenomenological philosophy. T. 1. - M.: House of Intellectual Books, 1999. 430 p.

3. Gagaev A. A. Theory and methodology of the substrate approach in scientific knowledge: On the issue of the concept of "substrate" in classical, non-classical, post-non-classical science and metaphysics. - Saransk: Publishing house of Mordovs. University, 1994. 48 p.

4. Pesotskaya E. N., Inchina V. I., Selezneva N. M. New approaches to the problem of forming a psychopharmacological model of a person in the structure of diagnostic systems (synergistic aspect). // Health and medicine in the XXI century // Scientific journal. articles. Ed. acad. Filippov V. M. No. 4. 2017.Vol. 19. Pp. 81-90.

5. Pesotskaya E. N., Chugunova A. V., Aksenova S. V. Homo consumptor: human ontos in the field of modern anthropological science // Prospects for the development of science in the modern world // Collection of articles based on the materials of the V international scientific and practical conference (February 5, 2018, Ufa). At 3 o'clock, Part 2 / Resp. ed.: Khalikov A. R. - Ufa: Ed. Dendra, 2018. Pp. 129-135.

6. Voiskunovsky A. E., Fayola E. N., Bogacheva N. V. Augmented man: the formation of cyber consciousness // Problems of Philosophy. 2016. No. 3. Pp. 147-162.

7. Bakhtin M. M. Aesthetics of verbal creativity, M., Art. 1986. 445 p.

8. Frolov D. E., Malkin V. I. Student personality activity (axiological concept in complex sociological research). - M.: Universum, 1994. 383 p.

9. Pesotskaya E. N. Natural and biological factors of human social activity (philosophical analysis). Sci. ed. D. E. Frolov. - Saransk: Publishing house of Mordovs. University, 1999. 108 p. (Ser. "Theory of personality and axiology").

10. Alekseev A. A. Integrative (systemic, family) connective tissue medicine. T. 3.M.: LENAND, 2005. 528 p.

11. Volkov V. N. Ontology of personality: dis. Doctors of Philosophy: Ivanovo, 2001. 487 p.

12. Ukhtomskiy A. A. Dominant. SPb.: Peter, 2002. 448 p.

13. Bakhtin M. M. Literature and aesthetics: Sat. - M.: Hood. lit., 1975. 502 p.

УДК/UDC 332.24

Процедура формирования земельного участка для целей строительства

Бабаченко Виктория Алексеевна
студентка землеустроительного факультета
Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина
г. Краснодар, Россия
e-mail: nika_babachenko@mail.ru

Пшидаток Саида Казбековна
кандидат сельскохозяйственных наук, доцент
Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина
г. Краснодар, Россия
e-mail: saida_pshidatok@mail.ru

Аннотация

Строительная отрасль является одной из основных составляющих экономики страны. Она постоянно и непрерывно развивается за счет возникновения новых объектов жилой и нежилой недвижимости. При этом ее постоянное развитие и совершенствование напрямую зависит от наличия необходимого количества земельных ресурсов. До начала строительства необходимо выбрать место размещения будущего объекта с учетом его специфических особенностей. Формирование земельного участка, на котором расположен объект капитального строительства, является законодательно закрепленной процедурой. В статье рассмотрена процедура образования земельных участков из земель, находящихся в государственной или муниципальной собственности, для строительства логистического центра «Адыгея-2», являющегося современной формой некоммерческой недвижимости и относящегося к объектам, входящим в состав нежилого сектора.

Ключевые слова: земельный участок, строительство, логистический центр, кадастровые работы.

Procedure for forming a land plot for construction purposes

Babachenko Victoriya Alekseyevna
student of the Faculty of Land Management
Kuban State Agrarian University
Krasnodar, Russia
e-mail: nika_babachenko@mail.ru

Pshidatok Saida Kazbekovna
Candidate of Agricultural Sciences, assistant professor
Kuban State Agrarian University
Krasnodar, Russia
e-mail: saida_pshidatok@mail.ru

Abstract

The construction industry is one of the main components of the country's economy. It is constantly and continuously developing due to the emergence of new residential and non-residential real estate. At the same time, its continuous development and improvement directly depends on the availability of the necessary amount of land resources. Before starting construction, you must choose the location of the future object, taking into account its specific features. The formation of the land plot on which the capital construction object is located is a legally established procedure. The article considers the procedure for the formation of land plots from state or municipal owned land for the construction of the logistics center "Adygea – 2 which is a modern form of non-commercial real estate and belongs to objects that are part of the non-residential sector.

Key words: land plot, construction, logistics center, cadastral works.

Экономика является двигателем прогресса и занимает особое место в развитии любой страны. В ее структуру входит и отрасль строительства, на долю которой приходится около 3% ВВП России и в которой занято около 7 млн граждан, что оказывает существенное влияние на снижение уровня безработицы [1].

В настоящее время процессы строительства носят непрерывный характер: постоянно возводятся новые объекты жилой недвижимости (по

данным Росстата ввод жилья в эксплуатацию в 2019 г. (с учетом домов на садовых участках) составил 80,3 млн кв. м жилья) и нежилой недвижимости [2].

Несмотря на относительно небольшую долю нежилого фонда, в основном именно объекты нежилого сектора привлекают как отечественных, так и зарубежных инвесторов.

Т. к. строительная отрасль постоянно развивается и совершенствуется, необходимо ее обеспечение большим количеством земельных ресурсов, под которыми в данном случае следует понимать строительную площадку (земельный участок), выбранную для реализации процесса строительства.

Рассмотрим процедуру формирования земельного участка из земель государственной или муниципальной собственности для строительства объекта нежилого сектора - логистического центра «Адыгея-2».

Логистический центр является современной формой коммерческой недвижимости, предназначенной для размещения складских помещений, в которых обеспечивается хранение объектов торговли для последующей их доставки к местам потребления [3; 4; 5].

Это достаточно масштабный площадной объект, выбор места размещения которого зависит от целого ряда факторов, таких как наличие свободных земельных участков необходимой площади, специализация района планируемого размещения, развитость транспортной инфраструктуры, социальная и экономическая значимость объекта [5; 6].

Центр «Адыгея-2» располагается в Теучежском районе Республики Адыгея. Район занимает территорию площадью 0,7 тыс. кв. м. При сравнительно небольшой площади он имеет достаточно развитую инфраструктуру. По территории района проходит федеральная автомагистраль М4 «Дон», а также республиканская автомагистраль «Энем–Бжедугхабль». При этом протяженность дорог общего пользования составляет 194 км.

В связи с быстрым ростом автомобильной промышленности появляется необходимость в принятии эффективных логистических решений.

Следовательно, размещение в данном районе логистического центра будет отвечать вышеуказанным факторам.

При этом чаще всего для размещения такого рода объекта не удается найти подходящий по площади земельный участок, поэтому его формируют из земель государственной или муниципальной собственности в соответствии с нормами действующего законодательства.

Образование земельного участка производится в два этапа. На первом этапе на основании документов, предусмотренных ч. 1 ст. 11.3 Земельного кодекса Российской Федерации (далее - ЗК РФ) (схема расположения земельного участка на кадастровом плане территории, утвержденный проект межевания территории, лесная проектная документация), производится предварительное согласование в Администрации муниципального образования предоставления земельного участка [7]. На втором этапе производится подготовка межевого плана для дальнейшей постановки образовавшегося участка на государственный кадастровый учет и регистрации на него прав.

Также законом предусмотрено предоставление участка в собственность как на торгах, так и без проведения торгов.

Согласно ч. 1 ст. 39.20 ЗК РФ граждане и юридические лица, в собственности которых находятся объекты капитального строительства (здания и сооружения), расположенные на земельном участке, который необходимо оформить в собственность, имеют исключительное право приобретения такого участка в собственность или в аренду [7; 8].

В границах формируемого участка расположен объект капитального строительства, введенный в эксплуатацию в 2016 г. и поставленный на государственный кадастровый учет (рис. 1).

объект капитального строительства, введенный в эксплуатацию в 2016 г. и поставленный на государственный кадастровый учет

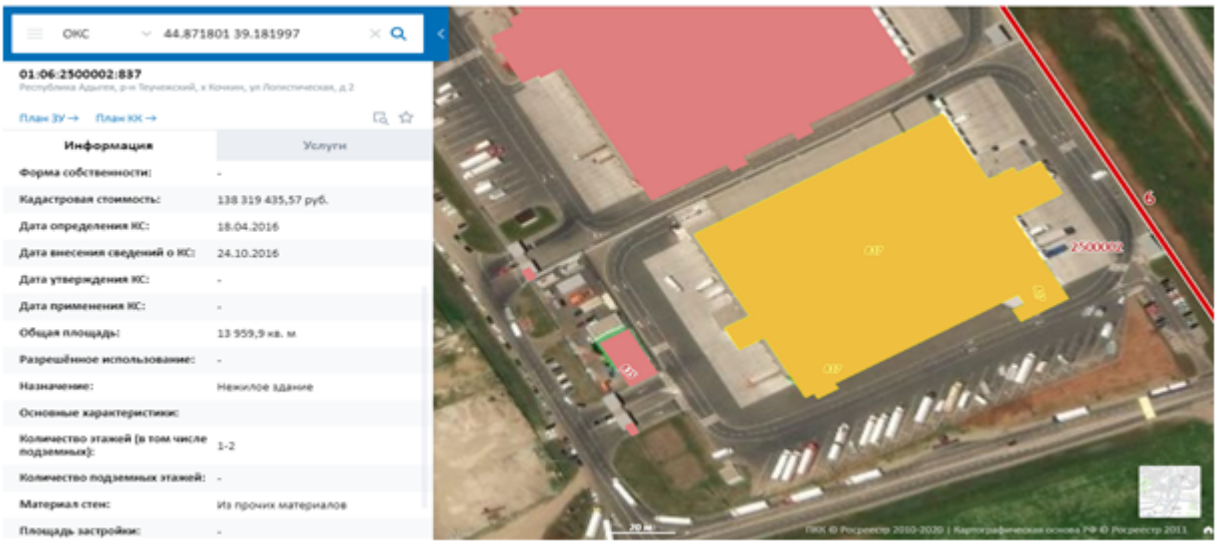

Рисунок 1

Таким образом, данный участок в приоритетном порядке будет предоставлен в собственность юридическому лицу без проведения торгов.

Для целей строительства земельный участок может быть сформирован на основании схемы расположения земельного участка на кадастровом плане территории, утвержденной в установленном законом порядке.

Подготовка непосредственно самой схемы осуществляется кадастровым инженером и регламентируется Приказом Минэкономразвития России от 27 ноября 2014 г. № 762 «Об утверждении требований к подготовке схемы расположения земельного участка или земельных участков на кадастровом плане территории», определяющим основные элементы схемы [9].

Согласно вышеупомянутому приказу схема подготавливается для юридических лиц в формате электронного документа и документа на бумажном носителе с пояснительной запиской. В пояснительной записке в обязательном порядке указываются:

— материалы, на основании которых подготовлена схема;

— площадь формируемого участка;
— испрашиваемый вид разрешенного использования в соответствии с территориальной зоной и градостроительными регламентами;
— наличие охранных зон и красных линий [9].

Сроки подготовки занимают не более 30 дней с момента заключения с проектной организацией договора подряда на выполнение такого вида работ. Стоимость работ устанавливается прейскурантом цен проектной организации и составляет в среднем от 7 до 10 тыс. руб. в зависимости от местоположения объекта, его площади и конфигурации границ.

Утверждение схемы осуществляется в два этапа:

1. Предварительное согласование в Администрации муниципального образования предоставления земельного участка с вынесением соответствующего Постановления.
2. Непосредственное утверждение схемы расположения формируемого участка в Департаменте архитектуры и градостроительства на основании решения органа местного самоуправления (Администрации).

Предварительное согласование предоставления в собственность земельного участка осуществляется в соответствии с Постановлением Администрации муниципального образования г. Краснодар «Об утверждении административного регламента предоставления администрацией муниципального образования город Краснодар муниципальной услуги "Предварительное согласование предоставления земельного участка"», устанавливающим стандарты, сроки и последовательность действий при оказании данной услуги [10]. Так, срок оказания данной услуги составляет не более 30 дней с момента подачи заявления.

Процедура предварительного согласования является обязательной, т. к. в результате ее проведения через реестр земель муниципальной собственности можно однозначно определить, кому принадлежат земли, из которых формируется земельный участок.

После утверждения схемы расположения выполняются кадастровые работы по подготовке проекта межевого плана в соответствии с Приказом Минэкономразвития России от 8 декабря 2015 г. № 921 «Об утверждении формы и состава сведений межевого плана и требований к его подготовке» по виду работ «образование земельного участка» [11].

Подготовленный проект с включенной в его состав утвержденной схемой расположения также подлежит согласованию в Департаменте архитектуры и градостроительства. Утверждает проект лицо, уполномоченное на подписание акта согласования местоположения границ в соответствии с ч. 3 ст. 39 Федерального закона от 4 июля 2007 г. № 221-ФЗ «О кадастровой деятельности» [12].

Процедура согласования проекта межевого плана занимает не более 30 календарных дней.

После утверждения проекта межевого плана в его состав включается подписанный акт согласования, а сам документ подготавливается в формате электронного документа и заверяется усиленной квалификационной подписью кадастрового инженера для дальнейшей передачи его в орган регистрации прав (Росреестр) посредством информационного взаимодействия через многофункциональный центр или же напрямую в Росреестр.

Таким образом, факт наличия на формируемом земельном участке зарегистрированного объекта капитального строительства дает исключительное право сформировать и оформить в собственность земельный участок без проведения торгов. Процедура оформления законодательно закреплена и имеет четкую последовательность действий, однако является достаточно длительной и затратной. Так, в среднем срок формирования земельного участка с момента заключения договора подряда с проектной организацией на подготовку схемы расположения до момента подачи заявления в орган регистрации прав занимает примерно 3–3,5 месяца, а средняя стоимость работ составляет от 15 до 30 тыс. руб. Для оптимизации данного процесса необходимо уменьшить сроки выполнения каждого вида работ за счет совершенствования законодательных про-

цедур, а также снизить стоимость их проведения, что сделает работы доступными большему количеству людей, а следовательно, значительно увеличит спрос на их выполнение.

Список литературы

1. Строительство в России // Wikipedia. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Строительство_в_России (дата обращения: 05.10.2020).

2. О жилищном строительстве в 2019 году // Федеральная служба государственной статистики. URL: https://rosstat.gov.ru/bgd/free/b04_03/IssWWW.exe/Stg/d05/20.htm (дата обращения: 05.10.2020).

3. Бабаченко В. А., Пшидаток С. К. Инженерные решения, принятые при строительстве логистического центра «Адыгея-2» // Colloquium journal. 2019. № 26 (50). С. 51–53.

4. Бабаченко В. А., Пшидаток С. К. Отличительные особенности проектирования и строительства общественных зданий (на примере логистического центра «Адыгея-2» // Студенческие научные работы землеустроительного факультета. 2020. С. 95–99.

5. Подтелков В. В., Прокопенко А. В., Пшидаток С. К. К вопросу расчета платежей за выбросы загрязняющих веществ в атмосферу при строительстве логистических центров на примере ЛЦ «Адыгея-2» // Экономика и предпринимательство. 2019. № 1 (102) С. 1004–1007.

6. Подтелков В. В., Прокопенко А. В., Пшидаток С. К. Экономический аспект техногенного воздействия на атмосферный воздух при эксплуатации логистического центра «Адыгея-2» // Экономика и предпринимательство. 2019. № 1 (102) С. 929–932.

7. Земельный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 25.10.2001 № 136-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2001. № 44. Ст. 4147.

8. Бабаченко В. А., Л. Б. Здановская. Особенности предоставления земельных участков, находящихся в государственной или муниципальной собственности // Colloquium journal. 2020. С. 16–18 с.

9. Об утверждении требований к подготовке схемы расположения земельного участка или земельных участков на кадастровом плане территории и формату схемы расположения земельного участка или земельных участков на кадастровом плане территории при подготовке схемы расположения земельного участка или земельных участков на кадастровом плане территории в формате электронного документа, формы схемы расположения земельного участка или земельных участков на кадастровом плане территории, подготовка которой осуществляется в форме доку-

мента на бумажном носителе: Приказ Минэкономразвития России от 27.11.2014 № 762 (зарегистрирован в Минюсте России 16.02.2015 № 36018).

10. Об утверждении административного регламента предоставления администрацией муниципального образования город Краснодар муниципальной услуги «Предварительное согласование предоставления земельного участка»: Постановление Администрации муниципального образования город Краснодар от 02.03.2015 № 1890 // Архив документов правительства Краснодарского края. URL: http://krasnodar-gov.ru/doc/18273 (дата обращения: 05.10.2020).

11. Об утверждении формы и состава сведений межевого плана и требований к его подготовке: Приказ Минэкономразвития России от 08.12.2015 № 921 (зарегистрировано в Минюсте России 20.01.2016 № 40651).

12. О кадастровой деятельности: Федеральный закон от 24.07.2007 № 221-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2007 г. № 31. Ст. 4017.

References

1. Construction in Russia // Wikipedia. URL: https://ru.wikipedia.org (access date: October 05, 2020).

2. On housing construction in 2019 // Federal State Statistics Service. URL: https://rosstatt.ru/ (access date: October 05, 2020).

3. Babachenko V. A., Pshidatok S. K. Engineering decisions made during the construction of the logistics center "Adygea - 2"// Colloquium journal. 2019. No. 26 (50).

4. Babachenko V. A., Pshidatok S. K. Distinctive features of the design and construction of public buildings (on the example of the logistics center "Adygea - 2"// Student scientific works of the Faculty of Land Management. 2020. Pp. 95-99.

5. Podtelkov V. V., Prokopenko A. V., Pshidatok S.K. On the issue of calculating payments for emissions of pollutants into the atmosphere during the construction of logistics centers on the example of the LC "Adygea-2"// Economics and Entrepreneurship. 2019.No. 1 (102). Pp. 1004-1007.

6. Podtelkov V. V., Prokopenko A. V., Pshidatok S. K. The economic aspect of technogenic impact on the atmospheric air during the operation of the logistics center "Adygea-2"// Economy and Entrepreneurship. 2019.No. 1 (102). Pp. 929-932.

7. The Land Code of the Russian Federation: Federal Law of 25.10.2001 No. 136-FZ // Collection of the Legislation of the Russian Federation. 2001. No. 44. Art. 4147.

8. Babachenko V. A., L. B. Zdanovskaya. Features of the provision of land plots in state or municipal ownership // Colloquium journal. 2020. Pp. 16-18.

9. On approval of the requirements for the preparation of the layout of the land plot or land plots on the cadastral plan of the territory and the format of the layout of the

land plot or land plots on the cadastral plan of the territory when preparing the layout of the land plot or land plots on the cadastral plan of the territory in the format of an electronic document, form layouts of a land plot or land plots on the cadastral plan of the territory, the preparation of which is carried out in the form of a document on paper: Order of the Ministry of Economic Development of Russia dated November 27, 2014 No. 762 (registered with the Ministry of Justice of Russia on February 16, 2015 No. 36018).

10. On the approval of the administrative regulations for the provision by the administration of the municipal formation of the city of Krasnodar of the municipal service "Preliminary approval of the provision of a land plot": Resolution of the Administration of the municipal formation of the city of Krasnodar dated 02.03.2015 No. 1890 // Archive of documents of the government of the Krasnodar Territory. URL: http://krasnodar-gov.ru/doc/18273 (access date: October 05, 2020).

11. On the approval of the form and composition of the landline plan information and requirements for its preparation: Order of the Ministry of Economic Development of Russia dated 08.12.2015 No. 921 (registered with the Ministry of Justice of Russia on 20.01.2016 No. 40651).

12. On cadastral activities: Federal Law of the Russian Federation of 24.07.2007 No. 221-FZ // Collection of the Legislation of the Russian Federation. 2007 No 31. Art. 4017.

УДК/UDC 338.43

Анализ отдельных статей национальных продовольственных балансов Республики Армения как основа решения продовольственной проблемы и продовольственной безопасности страны

Варданян Гоар Вазгеновна
кандидат экономических наук, профессор
Национальный аграрный университет Армении
г. Ереван, Республика Армения
e-mail:vardgohar@yandex.ru

Кешишян Геворг Арутюнович
преподаватель
Национальный аграрный университет Армении
г. Ереван, Республика Армения
e-mail: keshishyan@inbox.ru

Аннотация

В Республике Армения обеспечение продовольственной безопасности имеет жизненно важное значение для повышения уровня благосостояния населения и развития экономики страны. В статье рассмотрены вопросы, связанные с методологией построения балансов продовольственных ресурсов, исследованы отдельные статьи баланса Республики Армения за 2014–2019 гг., проанализированы объемы производства, импорта и экспорта, уровни самообеспеченности и зависимости от импорта некоторых продуктов питания - пшеницы, молока, свинины, мяса домашней птицы. Методом регрессионного анализа рассмотрена взаимосвязь в указанных товарных группах между объемами их производства, уровнями самообеспеченности и зависимости от импорта. Результаты регрессионного анализа показали, что существуют сильные зависимости между данными показателями для пшеницы, молока и свинины. Что касается мяса домашней птицы, то в ходе анализа было выявлено, что между исследуемыми показателями существенные связи не формировались.

Ключевые слова: уровень самообеспеченности, уровень зависимости от импорта, баланс продовольственных ресурсов, регрессионный анализ, коэффициент корреляции, коэффициент детерминации.

Analysis of individual items of the national food balances of the Republic of Armenia as the basis for solving the food problem and food security of the country

Vardanyan Goar Vazgenovna
Candidate of Economics, professor
Armenian National Agrarian University
Yerevan, Republic of Armenia
e-mail: vardgohar@yandex.ru

Keshishyan Gevorg Arutyunovich
Lecturer
Armenian National Agrarian University
Yerevan, Republic of Armenia
e-mail: keshishyan@inbox.ru

Abstract

In the Republic of Armenia, ensuring food security is of vital importance in improving the well-being of the population and in the development of the country's economy. in this article the issues have been discussed connected with the methodology of building food goods and have been studied the separate parts of the balance of food resources of RA for the period of 2014-2019. The volume of production, import and export, the self-sufficiency ratio and the import dependency ratio of some food products such as wheat, milk, pork, poultry have been analyzed. The correlation between the volume of production, self-sufficiency ratio and import dependency ratio of above-mentioned products have been illustrated by the regression method. In this case the results of regression analyses have shown that correlation between the studied factors have been strong for wheat, milk and pork. According the regression analysis, the correlation between the factors have been none-significant for the poultry products.

Key words: self-sufficiency ratio, import dependency ratio, balance of food resources, regression analysis, coefficient of correlation, R square.

Известно, что численность населения Земли к концу 2020 г. составит больше 7,858 млрд человек и будет продолжать расти. Ожидается, что уже к 2050 г. на планете будет проживать 9,7 млрд людей [1]. При таком прогнозе актуальным становится вопрос питания, ведь чтобы прокормить такое огромное население, нужно в разы увеличить производство пищевых продуктов.

Балансы продовольственных ресурсов (далее - БПР) являются важнейшим первичным источником информации для анализа и прогнозирования устойчивости потребления продовольствия и его ресурсов обеспечения. БПР нужны для описания (характеристики) продовольственной безопасности и обеспеченности страны в определенном периоде. На их основе определяются уровни самообеспеченности основных продуктов питания и оцениваются риски, связанные с недостаточным питанием.

В каждой стране полную и сводную информацию о продовольственной обеспеченности можно получить из продовольственных балансов, необходимость составления которых стала очевидной после Второй мировой войны, когда значительная часть населения голодала. Это было обусловлено прерываниями производства и поставок продовольствия [2, с. 72]. Вот какое определение дает БПР Б. И. Башкатов: «Балансы продовольственных ресурсов представляют собой систему показателей, характеризующих источники формирования ресурсов основных видов продовольствия и каналы их использования. Эти балансы отражают движение продукции от момента производства до момента конечного ее использования. Они позволяют осуществлять текущий анализ и прогнозировать развитие ситуации на рынке продовольствия, оценивать потребности в импорте, определять фонды потребления продуктов питания» [3, с. 240].

Продовольственные балансы характеризуют систему продовольственного снабжения страны в течение определенного периода с учетом трех основных факторов:

1) источников формирования продовольственных ресурсов: производства, импорта (ввоза), изменения запасов;
2) каналов использования пищевой продукции: на производственные цели, потери, экспорт (вывоз) и др.;
3) объемов личного потребления продовольственных товаров, в т. ч. на душу населения [4, с. 74].

БПР в Республике Армения составляются органами статистики за календарный год в натуральном выражении для 21 товарной группы. Это товары, которые пользуются в стране наибольшим спросом. В их число входят пшеница, ячмень, овес, кукуруза, рис, другие зерновые культуры, картофель, овощи, фрукты (кроме винограда), бобовые, растительное масло, сахар, яйца, молоко, говядина, свинина, баранина, козье мясо, мясо домашней птицы, рыба, виноград и пр.

«На базе БПР определяется статистический показатель, характеризующий продовольственную безопасность страны: уровень самообеспечения основной сельскохозяйственной продукцией, который определяется как процентное отношение объема производства продукции на территории республики к внутреннему потреблению. Внутреннее потребление включает: фонд личного потребления населением, объем производственного потребления и промышленной переработки на непищевые цели, потери продукции» [5].

В Армении обеспечение продовольственной безопасности имеет жизненно важное значение для повышения уровня благосостояния населения и развития экономики страны. В табл. 1 проведены данные об объемах производства, импорта и экспорта некоторых продовольственных товаров в Республике Армения за 2014–2019 гг. в тыс. тонн [2; 6, с. 67–73].

Объемы производства, импорта и экспорта некоторых продовольственных товаров Республики Армения за 2014–2019 гг., тыс. тонн

Продовольственные товары	Основные показатели	2014	2015	2016	2017	2018	2019
Пшеница	Производство	338,2	362,7	350,4	176,4	187,5	112,6
	Импорт	367,3	383,4	323,8	374,0	417,2	325,6
	Экспорт	10,9	13,0	15,7	19,2	8,9	3,3
Молоко	Производство	700,4	728,6	754,2	758,2	697,7	667,9
	Импорт	151,9	132,6	143,1	149,0	145,6	146,1
	Экспорт	20,8	77,6	46,5	75,4	39,2	21,9
Свинина	Производство	16,2	17,5	18,0	16,6	16,3	16,1
	Импорт	14,0	13,0	10,3	12,4	14,6	13,3
	Экспорт	0,3	0,2	0,2	0,4	0,3	0,4
Мясо домашней птицы	Производство	8,4	9,5	9,7	10,6	12,3	12,4
	Импорт	33,8	34,2	24,4	36,7	34,2	44,9
	Экспорт	0,2	0,1	0,1	0,1	0,2	0,2

Таблица 1

Из данных, представленных в табл. 1, видно, что за период 2014–2019 гг. в Республике Армения объемы годового производства зерна в среднем за год сократились на 45,1 тыс. тонн, или на 19,7%, а объемы импорта - на 8,3 тыс. тонн, или на 2,4%, объемы экспорта - на 4,6 тыс. тонн, или на 11,9%.

В этом же периоде объемы производства молока в среднем за год сократились на 6,5 тыс. тонн, или на 0,9%, объемы импорта - на 1,2 тыс. тонн, или на 0,8%. Объемы экспорта молока в среднем за год увеличились на 0,2 тыс. тонн, или на 1,0%.

В исследуемом периоде объемы производства и импорта свинины в среднем за год сократились на 0,1%, а объемы экспорта - на 9,9%.

Объемы мяса домашней птицы в среднем за год увеличились на 0,8 тыс. тонн, или на 8,1%, объемы импорта - на 2,2 тыс. тонн, или на 5,8%, объемы экспорта остались без изменения.

Представим уровни самообеспеченности и зависимости от импорта пшеницы, молока, свинины и мяса домашней птицы в табл. 2.

Уровни самообеспеченности и зависимости от импорта некоторых продовольственных товаров в Республике Армения за 2014–2019 гг., в %

Годы	Пшеница		Молоко		Свинина		Мясо домашней птицы	
	Уровень самообесп., %	Уровень зависимости от импорта, %	Уровень самообесп., %	Уровень зависимости от импорта, %	Уровень самообесп., %	Уровень зависимости от импорта, %	Уровень самообесп., %	Уровень зависимости от импорта, %
2014	48,7	52,9	84,2	18,3	54,2	46,8	20,0	80,5
2015	49,5	52,3	93,0	16,9	57,8	42,9	21,8	78,4
2016	53,2	49,2	88,6	16,8	64,1	36,7	28,5	71,8
2017	33,2	70,4	91,2	17,9	58,0	43,4	22,5	77,8
2018	31,5	70,0	86,8	18,1	53,3	47,7	26,6	73,9
2019	25,9	74,9	84,3	18,4	55,5	45,9	21,7	78,6

Таблица 2

Из данных, представленных в табл. 2, видно, что за период 2014–2019 гг. в Армении уровень самообеспеченности пшеницы сократилось за год на 4,6%, а уровень зависимости от импорта увеличился на 4,4%. В этом же периоде уровень самообеспеченности свинины в среднем за год увеличился на 0,3%, вместе с тем на 0,2% снизился уровень его зависимости от импорта. В исследуемом периоде уровень самообеспеченности мясом домашней птицы в среднем за год увеличился на 0,3%, а зависимость от импорта снизилась на 0,4%. Соответствующие показатели молока в этом же периоде не подверглись существенным изменениям.

Для выявления воздействия объемов производства на уровни самообеспеченности и зависимости от импорта исследуемых продовольственных товаров нами были построены регрессионные модели и введены следующие обозначения:

x_t - объемы производства продовольственных товаров, тыс. тонн;

y_{1t} -уровень самообеспеченности, %;

y_{2t} - уровень зависимости от импорта, %.

Представим результаты регрессионного анализа указанных продовольственных товаров в табл. 3.

Результаты регрессионного анализа между уровнями самообеспеченности, зависимости от импорта и объемов производства некоторых продовольственных товаров в Республике Армения на основе данных БПР за 2014–2019 гг.

Наименование продовольственных товаров	Результаты регрессионного анализа	
	В случае уровня самообеспеченности	В случае уровня зависимости от импорта
Пшеница	$\hat{y_{1t}} = 13,74 + 0,104x_t$ $r_{xy} = 0,986$ $R^2 = 0,973$	$\hat{y_{2t}} = 87,9 - 0,103x_t$ $r_{xy} = -0,988$ $R^2 = 0,977$
Молоко	$\hat{y_{1t}} = 33,1 + 0,077x_t$ $r_{xy} = 0,751$ $R^2 = 0.564$	$\hat{y_{2t}} = 27,7 - 0,014x_t$ $r_{xy} = -0,701$ $R^2 = 0.492$
Свинина	$\hat{y_{1t}} = -16,6 + 4,391x_t$ $r_{xy} = 0,884$ $R^2 = 0,782$	$\hat{y_{2t}} = 122,2 - 4,667x_t$ $r_{xy} = -0,909$ $R^2 = 0,828$

Таблица 3

Результаты регрессионного анализа, приведенные в табл. 3, показывают, что в исследуемом периоде между объемами производства пшеницы и уровнями самообеспеченности сформировалась прямая и сильная зависимость. Согласно построенной регрессионной модели в расчете на каждую 1000 тонн объемов производства пшеницы параллельно на 0,104% снизился уровень самообеспеченности по данному параметру. Одновременно с этим параллельно сокращению каждой 1000 тонны производства объемов пшеницы уровень зависимости от импорта повысился на 0,103%.

Результаты регрессионного анализа также показывают, что в том же периоде между объемами производства молока и уровнем самообеспеченности сформировалась прямая и сильная связь, а между объемами производства молока и уровнем его зависимости от импорта - обратная и сильная связь. Согласно регрессионным моделям в исследуемом периоде в расчете на каждую 1000 тонн увеличения объемов производства молока параллельно увеличивался уровень его самообеспеченности на 0,077%, а уровень зависимости от импорта снижался на 0,014%. За пе-

риод 2014–2019 гг. около 56,4% вариации уровня самообеспеченности и 49,2% уровня зависимости от импорта были обусловлены изменениями объемов его производства.

За период 2014–2019 гг. в Армении между объемами производства свинины и уровнем самообеспеченности сформировалась прямая и очень сильная зависимость, а между объемами производства и уровнем зависимости от импорта - обратная и очень сильная связь. Согласно построенным регрессионным моделям в исследуемом периоде увеличение каждой 1000 тонны объемов производства свинины привело к повышению уровня самообеспеченности на 4,391%, при этом одновременно снижался уровень зависимости от импорта - на 4,667%. Рассчитанные коэффициенты детерминации показали, что 78,2% вариации уровня самообеспеченности свинины и 82,8% вариации уровня зависимости от импорта были обусловлены изменениями объемов ее производства.

Нужно отметить, что в исследуемом периоде в Республике Армения между объемами производства мяса домашней птицы, уровнями самообеспеченности и зависимости от импорта данной категории существенные связи не формировались.

Список литературы

1. Growing at a slower pace, world population is expected to reach 9.7 billion in 2050 and could peak at nearly 11 billion around 2100 / United Nations. URL: https://www.un.org/development/desa/en/news/population/world-population-prospects-2019.html (дата обращения: 09.10.2020).

2. Бедность и продовольственная обеспеченность, январь–март 2020 г. // Статистический бюллетень. Статистический комитет Республики Армения. Ереван. 109 с.

3. Башкатов Б. И. Статистика сельского хозяйства с основами общей теории статистики: курс лекций. М.: Издательство «ЭКМОС». 2001. 703 с.

4. Капустина И. В. Региональные продовольственные балансы: основные аналитические процедуры // Серия: Экономика и Право. № 4. Апрель, 2016.

5. Национальный Статистический Комитет Республики Беларусь: «Балансы продовольственных ресурсов Республики Беларусь за 2014–2019 гг.» // Статистический бюллетень. Минск. 2020. 18 с. (методологические пояснения).

6. Бедность и продовольственная обеспеченность, январь-декабрь 2017 г. // Статистический бюллетень. Статистический комитет Республики Армения. Ереван. 111 с.

References

1. Growing at a slower pace, world population is expected to reach 9.7 billion in 2050 and could peak at nearly 11 billion around 2100 / United. Nations. URL: https://www.un.org/development/desa/en/news/population/world-population-prospects-2019.html (access date: October 09, 2020).

2. Poverty and food security January-March 2020, Statistical Bulletin, Statistical Committee of the Republic of Armenia, Yerevan. 109 p.

3. Bashkatov B. I. Agricultural statistics with the basics of the general theory of statistics: a course of lectures, M.: Publishing house "EKMOS". 2001. 703 p.

4. Kapustina I. V. Regional food balances: basic analytical procedures // Series: Economics and Law. No 4. April, 2016. P. 74.

5. National Statistical Committee of the Republic of Belarus: "Balances of food resources of the Republic of Belarus, 2014-2019" // Statistical bulletin. Minsk, 2020. P. 18 (methodological notes).

6. Poverty and Food Security // Statistical Bulletin. Statistical Committee of the Republic of Armenia. Yerevan, January-December 2017. 111 p.

УДК/UDC 336.774.3

Влияние финансовой грамотности населения на кредитование

Кочережко Любовь Андреевна
студентка факультета экономики и финансов
Санкт-Петербургский государственный экономический университет
г. Санкт-Петербург, Россия
e-mail: Lubov63837764@mail.ru

Аннотация

В данной статье рассматривается проблема финансовой грамотности населения России, ее влияние на развитие банковских услуг, в частности кредитования. Анализируются статистические данные уровня финансовой грамотности населения, изучаются программы, принятые правительством для повышения финансовой грамотности населения. В заключении статьи определяются основные проблемы влияния финансовой грамотности населения на кредитование и составляются рекомендации по их решению, среди которых выделяются такие направления, как выявление уровня финансовой грамотности населения, разработка стратегии работы с населением, совершенствование системы защиты прав потребителей финансовой системы, а также создание кадрового потенциала (в виде методистов, тьюторов и т. д.) в области повышения финансовой грамотности населения.

Ключевые слова: финансовая грамотность, кредит, потребительское кредитование, микрозайм, задолженность.

Influence of financial literacy of the population on lending

Kocherezhko Lyubov Andreyevna
student of the Faculty of Economics and Finance
Saint Petersburg State University of Economics
Saint Petersburg, Russia
e-mail: Lubov63837764@mail.ru

Abstract

This article examines the problem of financial literacy of the Russian population, identifies its impact on the development of banking services, in particular, lending, and also describes the relevance of this problem in the modern world. Statistical data on the level of financial literacy of the population are analyzed, as well as programs adopted by the government to improve financial literacy of the population. In conclusion, the article identifies the main problems of the impact of financial literacy on credit and make recommendations on solving the above problems, among which are such areas as the identification of the level of financial literacy of the population, development of strategy of work with the population, improving consumer protection, financial system, as well as building staff capacity (in the form of Methodists, Tutors, etc.) in improving financial literacy.

Key words: financial literacy, credit, consumer lending, microloan, debt.

Финансовая грамотность является залогом материального благополучия населения и страны. На сегодняшний день перед людьми представлен широкий спектр финансовых продуктов, и не всегда понятно, как ими пользоваться. В огромном информационном потоке установить надежность источника становится все сложнее. Актуальность данной темы также определена принятием стратегии по повышению финансовой грамотности в Российской Федерации на 2017–2023 гг. (распоряжение Правительства Российской Федерации от 25 сентября 2017 г. № 2039-р).

Финансовая грамотность - это собрание множества практических, теоретических умений и навыков, полученных в основном из личного опыта. Все эти знания помогают принимать правильное экономическое решение.

Низкая финансовая грамотность замедляет процессы развития финансовых рынков, снижает доверие к финансовым институтам, приводит к снижению темпов экономического роста, к передаче негативного финансового опыта подрастающему поколению. Знание ключевых финансовых понятий и основ функционирования рынка дает возможность грамотно управлять своими денежными средствами. Управление личными

финансами — это правильное ведение учета доходов и расходов, оптимизация задолженностей, планирование личного бюджета и сбережений.

Вопрос невысокой финансовой грамотности достаточно актуален для России. Для его решения в разработке стратегии по увеличению финансовой грамотности должен присутствовать анализ ее текущего состояния. По итогам изучения аналитики Государственного агентства финансовых исследований оказалось, что финансовая грамотность населения выросла, и люди, проживающие в Российской Федерации, стали систематизировать учет доходов и расходов, создавать фонды.

Рассмотрим статистику финансовой грамотности на 2019 г. [1]:

1) 50% населения России с невысокими доходами сравнивают имеющиеся предложения перед тем, как оформить кредит;
2) 37% знают, что за потерю прибыли от инвестиций государство не несет какой-либо ответственности;
3) 30% имеют резерв на непредвиденный случай.

В процессе изучения статистики были сделаны выводы, что россияне чаще стали оценивать свою финансовую грамотность как высокую. По данным статистики аналитического центра НАФИ в 2015 г. свои знания достаточными считал лишь каждый пятый, а в 2019 г. так считает каждый четвертый опрошенный. Снизилось количество человек, которые считают свои знания низкими, — с 34% до 25%. Выше всего грамотность в Москве и Санкт-Петербурге: респонденты оценивают ее на уровне 49%. Ниже всего уровень грамотности в городах с численностью жителей до 500 тыс. человек. Учет имеющихся доходов и расходов ведут 25% домохозяйств. На фоне того, что финансовая грамотность увеличилась, уменьшился процент членов домохозяйств, которые сравнивают условия при использовании финансовых услуг в банках.

Финансовая грамотность имеет большое экономическое и социальное значение. Средства массовой информации и реклама влияют на принятие финансовых решений.

Три года назад была утверждена Стратегия повышения финансовой грамотности в Российской Федерации на 2017–2023 гг. (далее —

Стратегия). Для реализации данной программы правительство предпринимает следующие меры:

1. Повышение качества финансового образования при помощи специальных учебных программ.
2. Создание сети методических центров и образовательных ресурсов.
3. Системный мониторинг финансовой грамотности населения.

С 2011 г. в России действует проект «Содействие повышению уровня финансовой грамотности населения и развитию финансового образования в Российской Федерации», основными направлениями которого являются:

1. Организация методических центров и обучения специалистов с целью повышения финансовой грамотности населения.
2. Внедрение в ВУЗы и школы специальных образовательных программ, специализирующихся на повышении финансовой грамотности молодежи.
3. Проведение семинаров для взрослого населения, обучение на рабочем месте.
4. Продвижение принципов проекта в средствах массовой информации и социальных сетях и т. д. [2].

Благодаря организации социологических и статистических исследований выявляется эффективность реализации Стратегии на 2017–2023 гг. Так, например, в 2018 г. было проведено подобное социологическое исследование, по результатам которого Межведомственная комиссия по реализации Стратегии утвердила основные показатели эффективности, которые будут применяться в 2020 и 2022 гг. [3].

Показатели эффективности реализации повышения финансовой грамотности в Российской Федерации на 2020 г. [4]

Показатели эффективности	Значение
Понимают соотношение понятий «доходность» и «риск»	52%
Имеют запас денег, необходимый для своевременно решения непредвиденных ситуаций	40%
Имеют средний балл финансовой грамотности	4,2%
При выборе финансовой услуги постоянно сравнивают условия предоставления услуги	27%
Знакомы и постоянно интересуются информацией о государственных вкладах в банках, системах страхования, а также имеют информацию о гарантированном размере страховой выплаты	15%
Понимают, что такое «финансовая пирамида», и могут назвать ее отличительные особенности	11%
Знают, какие организации на финансовом рынке занимаются защитой прав потребителей	39%

Таблица 1

По результатам анализа развития рыночной экономики в России наибольшие проблемы выявлены у малодоходных групп по рискам долговой зависимости, т. к. они наиболее часто применяют возможность перекрывать старые кредиты новыми, у них невысокие знания в области защиты своих прав.

По причине финансовой неграмотности многие физические лица принимают решения, впоследствии оказывающиеся губительными для них. Отсутствие у заемщиков знаний и умений в сфере финансов повышает уровень задержек оплаты займов, оформленных в микрофинансовых организациях, а также увеличивает риски на рынке финансов. Можно сделать вывод, что как раз именно повышение рисков заставляет микрофинансовые организации повышать и процентные ставки. При этом у населения зачастую имеет ошибочное мнение, что именно высокие процентные ставки являются причиной задержек оплаты микрозаймов [5].

Большая часть населения Российской Федерации слабо представляет структуру функционирования финансовых рынков. Население в связи с малой осведомленностью о возможности инвестирования, а также в связи с историческими событиями испытывает недоверие к банковским услугам по данному вопросу.

Необходимо заметить, что повышение уровня финансовой грамотности является приоритетной задачей в Австралии, Великобритании, США и др. государствах. В этих странах постоянно организуются исследования, направленные, во-первых, на выявление уровня финансовой грамотности населения (их умения планировать собственный бюджет, пользоваться банковскими продуктами и т. д.), а во-вторых, на определение основных направлений работы с населением в повышении уровня финансовой грамотности посредством распространения информации через различные источники.

В заключение стоит отметить следующие проблемы, которые свойственны финансовой культуре россиян:

1. Российские потребители финансовых услуг имеют склонность перекладывать ответственность за личные финансовые решения и принимаемые финансовые риски на государство.
2. Российские потребители финансовых услуг не уделяют необходимого внимания контролю над личными финансами и не следуют в должной мере финансовой дисциплине.

Одним из решений данных проблем является проведение различных мероприятий и семинаров по нескольким направлениям (см. табл. 2).

Основные направления повышения финансовой грамотности населения

Направление	Задачи
Разработка стратегии повышения финансовой грамотности, мониторинг и оценка уровня финансовой грамотности населения	1. Создание Национальной стратегии повышения финансовой грамотности.
	2. Совершенствование законодательства в области защиты прав потребителей
Совершенствование защиты прав потребителей финансовых услуг	1. Совершенствование системы регулирования и надзора в сфере защиты прав потребителей на рынке финансовых услуг.
	2. Подготовка докладов по вопросам прав потребителей финансовых услуг
Создание кадрового потенциала в области повышения финансовой грамотности населения	1. Расширение кадрового потенциала с помощью подготовки тьюторов.
	2. Создание региональных центров консультирования граждан в области финансовой грамотности.

Таблица 2

Таким образом, высокая финансовая грамотность населения помогает развитию банковских услуг, способствует созданию более сложных финансовых инструментов, учит адекватно оценивать риски, особенно кредитные, помогает рассчитывать доходы от различных финансовых операций. Все это способствует формированию здоровой конкуренции в банковской сфере. Анализ текущих финансовых условий, разработка современных, актуальных услуг, стремление удовлетворить интересы населения - все это стимулирует банки к поиску и созданию новых уникальных предложений.

Реализация государственной Стратегии приносит свои результаты. Но очевидно, что повышение финансовой грамотности населения - процесс длительный, требующий систематического подхода к решению существующих проблем.

Список литературы

1. Рейтинг финансовой грамотности регионов России - 2018 г. // Аналитический центр НАФИ. URL: https://nafi.ru/projects/finansy/reyting-finansovoy-gramotnosti-regionov-rossii-2018/ (дата обращения: 08.10.2020).

2. Проект Минфина России «Содействие повышению уровня финансовой грамотности населения и развитию финансового образования в Российской Федерации». // URL: https://vashifinancy.ru/about/o-proekte/tzeli-proekta/ (дата обращения: 10.10.2020).

3. Проект «Национальная стратегия повышения финансовой грамотности 2017–2023 гг.» // Сайт Министерства финансов РФ. URL: https://m.minfin.ru/ru/document/?id_38=118377 (дата обращения: 08.10.2020).

4. Финансовая грамотность населения России // URL: http://nacfin.ru/index.php?id=1094 (дата обращения: 10.10.2020).

5. Абалкин А. А. Развитие рынка микрофинансовых организаций в России // Universum: экономика и юриспруденция. 2015. № 5 (16). С. 18.

References

1. Rating of financial literacy of Russian regions - 2018 // Analytical Center NAFI. URL: https://nafi.ru/projects/finansy/reyting-finansovoy-gramotnosti-regionov-rossii-2018/ (access date: October 10, 2020).

2. The project of the Ministry of Finance of Russia “Assistance in raising the level of financial literacy of the population and the development of financial education in the Russian Federation”. // URL: https://vashifinancy.ru/about/o-proekte/tzeli-proekta/ (access date: October 10, 2020).

3. The project "National Strategy for Improving Financial Literacy 2017–2023"// Website of the Ministry of Finance of the Russian Federation. URL: https://m.minfin.ru/ru/document/?id_38=118377 (access date: October 10, 2020).

4. Financial literacy of the population of Russia // URL: http://nacfin.ru/index.php?id=1094 (access date: October 10, 2020).

5. Abalkin A. A. Market development of microfinance organizations in Russia // Universum: economics and jurisprudence. 2015. No. 5 (16). P. 18.

УДК/UDC 338

К вопросу о реализации национальных антикризисных программ

Тебекин Алексей Васильевич
доктор технических наук, доктор экономических наук, профессор, почетный работник науки и техники Российской Федерации, профессор кафедры менеджмента
Московский государственный институт международных отношений (Университета) МИД г. Москва, Россия
e-mail: Tebekin@gmail.com
ORCID: 0000-0002-3098-7710
SPIN-код: 5271-1385
AuthorID: 694766

Митропольская-Родионова Надежда Владимировна
кандидат экономических наук, доцент кафедры менеджмента
Московский государственный институт международных отношений (Университета) МИД г. Москва, Россия
e-mail: n.v.mitropolskaya-ro@mail.ru
SPIN-код: 1903-0043,
AuthorID: 768602

Хорева Анна Вячеславовна
старший преподаватель кафедры менеджмента
Одинцовский филиал Московского государственного института международных отношений (университета) МИД России
г. Одинцово, Россия
e-mail: a.horeva@odin.mgimo.ru
SPIN-код: 9610-6427,
AuthorID: 728573

Аннотация

Представлены результаты ретроспективного анализа антикризисных программ (планов, мероприятий) Правительства Российской Федерации по преодолению экономических кризисов, принимавшиеся в период с 1992 года по настоящее время. Дана оценка своевременности принятия указанных антикризисных программ с пози-

ций обеспечения возможностей предвосхищения воздействий кризисов. Рассмотрены проблемы использования в указанных антикризисных программах технологий локализации текущего влияния кризисов. Проанализирована инерционность влияния мероприятий по реализации антикризисных программ на национальную экономику. Дана сравнительная оценка динамики ВВП основных стран-партнеров России по БРИКС в период с 2008 по 2010 год. Проанализированы пропорциях антикризисных мер финансового и реального сектора экономики в анализируемых программах. Дана оценка перспектив реализации разработанной Правительством Российской Федерации антикризисной программы 2020-го года в условиях текущего глобального экономического кризиса.

Ключевые слова: вопросы реализация, национальные антикризисные программы.

On the issue of the implementation of national anti-crisis programs

Tebekin Aleksey Vasilyevich
Doctor of Technical Sciences, Doctor of Economics, professor, Honorary Worker of Science and Technology of the Russian Federation, professor of the Department Management
MGIMO University
Moscow, Russia
e-mail: tebekin@gmail.com SPIN Code: 5271-1385 ORCID: 0000-0002-3098-7710
ORCID: 0000-0002-3098-7710
SPIN-код: 5271-1385
AuthorID: 694766

Mitropolskaya-Rodionova Nadezhda Vladimirovna
Candidate of Economics Sciences, Associate Professor, Department of Management
MGIMO University
e-mail: n.v.mitropolskaya-ro@mail.ru
SPIN-код: 1903-0043,
AuthorID: 768602

Khoreva Anna Vyacheslavovna
Senior Lecturer, Department of Management
Odintsovo Branch, MGIMO University
Odintsovo, Russia
e-mail: a.horeva@odin.mgimo.ru

SPIN-код: 9610-6427,
AuthorID: 728573

Abstract

The article presents the results of a retrospective analysis of the anti-crisis programs (plans, measures) of the Government of the Russian Federation to overcome the economic crises, adopted in the period from 1992 to the present. An assessment of the timeliness of the adoption of these anti-crisis programs is given from the standpoint of ensuring the possibilities of anticipating the impact of crises. The problems of using technologies for localizing the current influence of crises in the indicated anti-crisis programs are considered. Analyzed the inertia of the impact of measures to implement anti-crisis programs on the national economy. A comparative assessment of the dynamics of the GDP of the main BRICS partner countries of Russia in the period from 2008 to 2010 is given. Analyzed the proportions of anti-crisis measures in the financial and real sectors of the economy in the analyzed programs. An assessment of the prospects for the implementation of the anti-crisis program for 2020 developed by the Government of the Russian Federation in the context of the current global economic crisis is given.

Key words: implementation issues, national anti-crisis programs.

Введение. Текущий глобальный мировой экономический кризис ставит перед национальными экономиками подавляющего большинства стран мира в качестве одной из важнейших задач реализацию комплекса мер по выходу из кризиса, обеспечивающих:

— локализацию экономических потерь, обусловленных воздействием текущего глобального кризиса;
— минимизацию времени преодоления кризиса;
— быстры рост национальной экономики на этапе выхода из глобального мирового кризиса.

В этой связи представляет интерес рассмотрение опыта реализации национальных антикризисных программ в Российской Федерации в интересах эффективной реализации грядущей антикризисной программы Правительства РФ 2020-го года [1], направленной на вывод экономики страны из кризиса.

Цель исследования. Таким образом, целью представленного исследования является опыта реализации национальных антикризисных программ в новейшей истории Российской Федерации в интересах эффективной реализации грядущей антикризисной программы Правительства РФ 2020-го года, направленной на скорейший вывод экономики страны из кризиса с высокими темпами роста.

Методологическая основа и методическая база исследований. Методологическую основу представленных исследований составили фундаментальные научные труды, посвященные управленческим отношениям, возникающим в процессе формирования, развития и разрушения экономических систем, включая проблемы антикризисного управления [2].

Методическую базу исследований составили научные труды по проблемам антикризисного управления таких авторов как Арутюнов Ю. А. [3], Балдин К. В. [4], Васин С. М. [5], Гореликов К. А. [6], Жарковская Е. П. [7], Захарова В. Я. [8], Зуб А. Т. [9], Ивасенко А. Г., Никонова Я. И., Каркавин М. В. [10], Коротков Э. М. [11], Ларионов И. К. [12], Орехов В. И. [13], Попов Р. А. [14], Ряховская А. Н., Кован С. Е. [15], Тебекин А. В., Валявский А. Ю., Лукошевичус Г. А., Манюшис А. Ю., Петров В. С. [16], Черненко В. А., Шведова Н.Ю. [17] и др.

Основное содержание исследований. В основу проведенный исследований был положен ретроспективный анализ стратегических планов Правительства Российской Федерации по преодолению экономических кризисов в период с 1992 года по настоящее время, результаты систематизации которых представлена в табл.1.

Результаты систематизации стратегических планов Правительства Российской Федерации по преодолению экономических кризисов в период с 1992 года по настоящее время, полученные на основе ретроспективного анализа

№	Год	Название стратегического антикризисного плана	Основные положения плана	Динамика ВВП РФ в год, следующий за годом принятия плана, в млрд. долл. США, %	Динамика уровня безработицы в год, следующий за годом принятия плана, в %
1	1992 (16.11)	"Программа неотложных мер по оздоровлению экономической ситуации"[3].	Основные направления программы: 1) Стабилизация производства и стимулирование инвестиций; 2) Неотложные меры в области социальной политики 3) Финансовая политика; 4) Отношения в СНГ и рублевой зоне; 5) Внешнеэкономическая политика	- 8,7	+0,8
2	1998 (22.05)	"План первоочередных мер Правительства Российской Федерации"[43]	Основные направления программы: 1) Налогово-бюджетная политика; 2) Структурная реформа; 3) Социальная политика	-8,7	-0,7

3	1998 (10.07	) Программа Правительства Российской Федерации по стабилизации экономики и финансов [42]	Основные направления программы: 1) Меры по преодолению бюджетного кризиса; 2) Меры по поддержке производства; 3) Социальная политика	-8,7	-0,7
4	1998 (20.12)	"О мерах Правительства Российской Федерации и Центрального Банка Российской Федерации по стабилизации социально-экономического положения в стране"[4]	Основные направления программы: 1) Нормализация условий жизни населения; 2) Создание условий устойчивого функционирования экономики; 3) Восстановление и развитие реального сектора; 4) Укрепление российской государственности и единой системы исполнительной власти как ресурса повышения эффективности экономики	+32,5	-2,0

5	2008 (06.11)	"План действий, направленный на оздоровление ситуации в финансовом секторе и отдельных отраслях экономики"[28]	1) Развитие финансовой и банковской системы 2) Поддержка внутреннего спроса 3) Поддержка рынка труда и социальная поддержка граждан 4) Жилищное строительство 5) Сельское хозяйство 6) Автомобилестроение и сельскохозяйственное машиностроение 7) Оборонно-промышленный комплекс 8) Сырьевой комплекс 9) Транспортный комплекс 10) Малый бизнес	-8,2	+1,2
6	2008 (29.12)	"Перечень первоочередных мер, предпринимаемых Правительством Российской Федерации по борьбе с последствиями мирового финансового кризиса"[45]	Основная цель реализуемых мер: минимизация масштабов экономического кризиса и смягчение его последствий для населения и экономики страны	-8,2	+1,2

7	2009 (06.04)	"Программа антикризисных мер Правительства Российской Федерации на 2009 год"[46]	Основные направления программы: 1) Усиление социальной защиты, сохранение и создание рабочих мест; 2) Сохранение и повышение промышленного и технологического потенциала; 3) Снижение административного давления на бизнес; 4) Повышение устойчивости национальной финансовой системы; 5) Взаимодействие Правительства и субъектов Российской Федерации по реализации антикризисных мер	-8,2	+1,2

8	2009 (19.06)	Программа антикризисных мер Правительства Российской Федерации на 2009 год [32]	Основные направления программы: 1) Выполнение в полном объеме социальных обязательств государства перед населением и развитие человеческого потенциала; 2) Активизация внутреннего спроса и инноваций, развитие промышленного и технологического потенциала; 3) Совершенствование важнейших рыночных институтов и снятие необоснованных барьеров для предпринимательской деятельности; 4) Формирование мощной финансовой системы 5) Обеспечение макроэкономической стабильности 6) Реализация антикризисных мер в субъектах Российской Федерации	-8,2	+1,2

9	2009 (30.12)	"Основные направления антикризисных действий Правительства Российской Федерации на 2010 г."[1]	Основные направления действий: 1) Поддержка социальной стабильности и обеспечение полноценной социальной защиты населения; 2) Поддержка оживления экономики; 3) Модернизационные меры	+25,2	-0,8
10	2010 (02.03)	"План по реализации основных направлений антикризисных действий и политики модернизации российской экономики Правительства Российской Федерации на 2010 г."[2]	Основные направления действий: 1) Поддержка социальной стабильности и обеспечение полноценной социальной защиты населения; 2) Поддержка оживления экономики; 3) Модернизационные меры	+25,2	-0,8

11	2015 (27.01)	План первоочередных мероприятий по обеспечению устойчивого развития экономики и социальной стабильности в 2015 г. (с изменениями и дополнениями) [33]	Основные направления первоочередных мероприятий: 1) Активизация экономического роста; 2) Поддержка отраслей экономики; 3) Обеспечение социальной стабильности; 4) мониторинг и контроль ситуации в экономике и социальной сфере.	-5,9	-0,1

Таблица 1

Проведенный анализ антикризисных программ (планов и мероприятий) Правительства Российской Федерации с 1992 года по 2015 год позволил выявить следующие особенности их построения и реализации.

Во-первых, практически все антикризисные программы принимались постфактум, то есть в период, когда кризис уже не просто наступил, а оказывал существенное воздействие на национальную экономику. В то время как наибольшую ценность для управления экономикой представляют меры по предвосхищению воздействий кризиса, вырабатываемых на основе качественных и количественных методов диагностики кризисов [27,35,36,38,39].

Во-вторых, следует обратить внимание на то, что в период значительных экономических кризисов и в 1990-е и в 2000-е годы антикризисные программы принимались Правительством Российской Федерации по несколько раз в году. Так, например, в 1998 году было принято три антикризисных программы (см. табл.1). Причем вторая из них была принята менее через полтора месяца после первой. Аналогично можно от-

метить и серию антикризисных программ в период 2008-2010-х годов, когда за семнадцать месяцев было принято шесть антикризисных программ (см. табл.1). Причем временной разрыв между первой и второй программой (2008 год) составил менее двух месяцев, а интервал времени между третьей и четвертой программами (2009 год) – чуть более двух месяцев. Указанные факты частого и многократного пересмотра антикризисных программ свидетельствуют не только об отсутствии использования технологий диагностики кризисов (хотя, как показывают проведенные исследования, прогнозировать кризисы как следствие суперпозиции циклов экономической активности различной длительности и амплитуды можно заблаговременно), но и об отсутствии четкого понимания технологий локализации текущего влияния кризисов.

В-третьих, нельзя не отметить и факт инерционности влияния мероприятий по реализации антикризисных программ на национальную экономику. Так, например, анализируя влияние мероприятий по реализации антикризисных программ 1992-го, 1998-го, 2008-го, 2009-го и 2015-го годов (см. табл.1) следует отметить, что в следующими за ними годы 1993-ий, 1999-ый, 2009-ый, 2010-ый и 2016-ый соответственно) валовой внутренний продукт (ВВП) в номинальном выражении, исчисляемый в $ млрд. [12], неизменно падал.

При этом все сетования на масштабность мирового экономического кризиса 2008-2009 года видятся неубедительными на фоне динамики ВВП основных стран-партнеров России по БРИКС в период с 2008 по 2010 год, исчисляемой по паритету покупательной способности (ППС) в $ млрд. [10] (табл.2).

Сравнение динамики ВВП Бразилии, Индии, Китая и России в период с 2008 по 2010 год, исчисляемой по ППС в $ млрд.

Страна Годы	Бразилия		Индия		Китай		Россия	
	ВВП по ППС в $ млрд.	Приращение ВВП по ППС к 2008 году, %	ВВП по ППС в $ млрд.	Приращение ВВП по ППС к 2008 году, %	ВВП по ППС в $ млрд.	Приращение ВВП по ППС к 2008 году, %	ВВП по ППС в $ млрд.	Приращение ВВП по ППС к 2008 году, %
2008	2556,7	-	4232,7	-	9965,4	-	3094,5	-
2009	2572,7	+0,6	4626,7	+9,3	10985,4	+10,2	2874,2	-7,1
2010	2798,6	+9,5	5160,8	+21,9	12287,3	+23,3	3038,7	-1,8

Таблица 2

В-четвертых, анализ содержания антикризисных программ (планов и мероприятий) Правительства Российской Федерации с 1992 года по 2015 год свидетельствует о существенных диспропорциях антикризисных мер финансового и реального сектора экономики в пользу первых, что, например, наглядно продемонстрировали исследования Плана первоочередных мероприятий по обеспечению устойчивого развития экономики и социальной стабильности в 2015 г. [33], предназначенного, в первую очередь для решения проблемы импортозамещения в условиях Западных санкций [15]. Хотя именно бытие определяет сознание, и финансовая надстройка не должна превалировать над материальным базисом. Кроме того, эксперты не без оснований критиковали принимавшиеся ранее Правительством Российской Федерации антикризисные планы за то, что большое количество представленных в них мероприятий существенно уступало их качеству и конкретности.

В-пятых, проведенные исследования показывают, что текущий глобальный экономический кризис, обусловленный закономерной сменой технологических укладов [41], является гораздо более существенным [34,37,40], чем финансовые кризисы 1998-го года и 2008-2009го годов, что отмечалось еще в исследованиях 2009-2010-х годов [18-22]. О рукотворности финансовых кризисов 1998-го года и 2008-2009го годов, имевших во многом спекулятивную природу свидетельствуют, в частности, темпы

роста ВВП России в 2000-ом и 2011-ом году, в номинальном выражении, исчисляемый в $ млрд. [12], на 32,5% и на 25,2% соответственно.

Следует отметить, что эксперты не без оснований критически оценивают разработанную Правительством Российской Федерации антикризисной программы 2020-го года [31] как с точки зрения значимости и конкретности мероприятий (которых насчитывается около полутысячи), так и с точки зрения направленности, проецируемой на компенсацию дефицита бюджета, с одной стороны, и стимулирования развития экономики, с другой (рис.1) [29].

Выводы. На основании проведенных исследований необходимо отметить, что планируемый в соответствии с антикризисной программой Правительства РФ 2020-го года темп роста ВВП в 2,5% к концу 2021 года [31] на фоне ожидаемого спада ВВП страны в 2020-ом году в 6,6% [25] сложно считать успехом. И очевидно, что в текущей постановке основные усилия будут направлены на покрытие дефицита бюджета путем дальнейшего ослабления национальной валюты. Указанный вектор решает текущую бюджетную проблему. Но никоим образом не решает стратегическую проблему интенсивного экономического развития. Таким образом, следует ожидать, что разработанная Правительством Российской Федерации антикризисной программы 2020-го года [31] уже в ближайшее время потребует радикальной переработки.

Сравнительная характеристика объемов бюджетного стимулирования стран мира в период кризиса 2020-го года.

Рисунок 1

Список литературы

1. Правительство разработало план восстановления экономики и доходов россиян. Он должен обеспечить выход на темпы роста ВВП 2,5% к концу 2021 года https://www.rbc.ru/economics/02/06/2020/5ed4f5469a79474fd7568c3a (дата обращения: 20.10.2020).

2. ВАК 08.00.05. Экономика и управление народным хозяйством. https://www.teacode.com/online/vak/p08-00-05.htm (дата обращения: 20.10.2020).

3. Арутюнов Ю. А. Антикризисное управление: Учебник / Ю. А. Арутюнов. - М.: Юнити, 2017. 352 с.

4. Антикризисное управление финансами предприятия / К. В. Балдин и др. - М.: МПСИ, МОДЭК, 2016. 336 с.

5. Васин С. М. Антикризисное управление: Учебное пособие / С. М. Васин, В. С. Шутов. - М.: Риор, 2018. 288 с.

6. Гореликов, К. А. Антикризисное управление: Учебник для бакалавров / К.А. Гореликов. - М.: Дашков и К, 2016. 216 с.

7. Жарковская Е. П. Антикризисное управление: Учебник / Е. П. Жарковская, Б. Е. Бродский. - М.: Омега-Л, 2017. 400 с.

8. Антикризисное управление. Теория и практика. Учебное пособие / под ред. В. Я. Захарова. - М.: Юнити, 2016. 320 с.

9. Зуб А. Т. Антикризисное управление: Учебник / А. Т. Зуб. - Люберцы: Юрайт, 2016. 343 с.

10. Ивасенко А. Г. Антикризисное управление: Учебное пособие / А. Г. Ивасенко, Я. И. Никонова, М. В. Каркавин. - М.: КноРус, 2018. 208 с.

11. Коротков Э. М. Антикризисное управление: Учебник для бакалавров / Э.М. Коротков. - Люберцы: Юрайт, 2016. 406 с.

12. Ларионов И. К. Антикризисное управление: Учебник для магистров / И.К. Ларионов. - М.: Дашков и К, 2015. 380 с.

13. Орехов В. И. Антикризисное управление: Учебное пособие / В.И. Орехов, К. В. Балдин, Т. Р. Орехова. - М.: Инфра-М, 2015. 232 с.

14. Попов Р. А. Антикризисное управление / Р. А. Попов. - М.: Высшая школа, 2016. 480 с.

15. Антикризисное управление: теория и практика: Учебник / Под ред. Ряховской А. Н, Кован С. Е. - М.: КноРус, 2016. 320 с.

16. Основы антикризисного управления. (Аспирантура, Бакалавриат, Магистратура). Учебник. / Тебекин А. В., Валявский А. Ю., Лукошевичус Г. А., Манюшис А. Ю., Петров В. С. - Москва: Русайнс, 2020. 162 с.

17. Черненко В. А. Антикризисное управление: Учебник и практикум для академического бакалавриата / В. А. Черненко, Н. Ю. Шведова. - Люберцы: Юрайт, 2015. 409 с.

18. Программа неотложных мер по оздоровлению экономической ситуации"(одобрена на заседании Правительства РФ 16.11.1992). http://gaidar-arc.ru/file/bulletin-1/DEFAULT/org.stretto.plugins.bulletin.core.Article/file/3554 (дата обращения: 20.10.2020).

19. Утверждено Постановлением Правительства РФ от 22 мая 1998 г. № 496 "Об утверждении Плана первоочередных мер Правительства Российской Федерации". https://base.garant.ru/178761/ (дата обращения: 20.10.2020).

20. Утверждена Постановлением Правительства РФ от 10 июля 1998 г. № 762 "О мерах по стабилизации социально-экономического положения в стране"

21. -<Заявление> Правительства РФ, Совета директоров Банка России О мерах Правительства Российской Федерации и Центрального банка Российской Федерации по стабилизации социально - экономического положения в стране. http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_20959/ 0946685fb9bdba2e8c417a96810bca0e7f140920/ (дата обращения: 20.10.2020).

22. План действий, направленных на оздоровление ситуации в финансовом секторе и отдельных отраслях экономики. Утвержден Председателем Правительства Российской Федерации 6 ноября 2008 г. № 4863п-П13.

23. Перечень первоочередных мер, предпринимаемых Правительством Российской Федерации по борьбе с последствиями мирового финансового кризиса. http://www.prorazvitie.ru/show.php?action=show_stat&mykey=1025.

24. Программа антикризисных мер Правительства Российской Федерации на 2009 год. https://rg.ru/2009/03/20/programma-antikrisis-dok.html (дата обращения: 20.10.2020).

25. Программа антикризисных мер Правительства Российской Федерации на 2009 год. Утверждена Правительством Российской Федерации 19 июня 2009 г. https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/12068944/ (дата обращения: 20.10.2020).

26. "Основные направления антикризисных действий Правительства Российской Федерации на 2010 год". Одобрены на заседании Правительства РФ (протокол от 30.12.2009 № 42).

27. "План по реализации основных направлений антикризисных действий и политики модернизации российской экономики Правительства РФ на 2010 год"Утвержден Правительством РФ 02.03.2010.

28. Распоряжение Правительства РФ от 27 января 2015 г. N 98-р "О плане первоочередных мероприятий по обеспечению устойчивого развития экономики и социальной стабильности в 2015 г.» (с изменениями и дополнениями).

29. Тебекин А. В. Анализ кризисов с позиций экономической теории. // Журнал экономических исследований. 2018. Т. 4. № 12. С. 3-9.

30. Тебекин А. В. Выделение классов методов принятия управленческих решений в условиях антикризисного управления. // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Экономика и управление. 2019. № 2. С. 304-319.

31. Тебекин А. В. Оценка методов антикризисного управления на основе качественных показателей деятельности предприятий. // Вестник Московского университета им. С. Ю. Витте. Серия 1: Экономика и управление. 2019. № 2 (29).
с. 71-81.

32. Тебекин А. В. Сравнительная оценка количественных и качественных методов принятия управленческих решений в условиях антикризисного управления. // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Экономика и управление. 2019. № 3. С. 221-231.

33. ВВП России по годам: 1991 – 2020. http://global-finances.ru/vvp-rossii-po-godam/ (дата обращения: 20.10.2020).

34. Валовой внутренний продукт стран в 1980–2019 годах ППС, млрд долл. https://svspb.net/danmark/vvp-stran.php (дата обращения: 20.10.2020).

35. Жигулин В. Г. Тебекин А. В. Научно-практические проблемы импортозамещения в сфере информационно-коммуникационных технологий. В сборнике: О проблемах импортозамещения в таможенных органах и новых разработках в сфере информационно-коммуникационных технологий. Сборник материалов Межведомственной научной конференции. Российская таможенная академия. 2016. С. 81-91.

36. Тебекин, А. В. Теоретико-методические основы исследования технологических укладов экономики: монография / Тебекин А. В., Серяков Г. Н. — Москва: Русайнс, 2017. 83 с.

37. Тебекин А. В. Проблемы развития мировой экономики в условиях макроэкономической нестабильности. // Эпомен. 2020. № 41. С. 174-188.

38. Тебекин А. В. О глубине кризиса 2020-ого года для мировой и национальной экономике. // Журнал экономических исследований. Том 6, №2, 2020. С. 52-71.

39. Тебекин А. В., Петров В. С. Анализ актуальных проблем, замедляющих выход национальной экономики из кризиса и влияющих на социально-политическую ситуацию в стране. // Журнал экономических исследований. 2020. Т. 6. № 3. С. 18-31.

40. Конотопов М. В., Тебекин А. В. Апрельские тезисы 2009 года (о мировом экономическом кризисе). // Инновации и инвестиции. 2009. № 1. С. 2-8.

41. Конотопов М. В., Тебекин А. В. Декабрьские тезисы 2009 года (о мировом экономическом кризисе). // Инновации и инвестиции. 2009. № 4. С. 2-6.

42. Конотопов М. В., Тебекин А. В. Июньские тезисы 2010 года (о мировом экономическом кризисе с позиций бизнес-циклов экономической активности Дж. Китчина). // Инновации и инвестиции. 2010. № 3. С. 2-4.

43. Конотопов М. В., Тебекин А. В. Мартовские тезисы 2010 года (о мировом экономическом кризисе с позиций циклов инновационного развития К. Жугляра). // Инновации и инвестиции. 2010. № 1. С. 2-6.

44. Конотопов М. В., Тебекин А. В. Сентябрьские тезисы 2009 года (о мировом экономическом кризисе). // Инновации и инвестиции. 2009. № 3. С. 2-9.

45. Помощь в дефиците: что показало сравнение антикризисных программ. https://www.rbc.ru/opinions/finances/15/05/2020/5ebbba4b9a7947e2a2e0001a

46. МВФ ухудшил прогноз падения ВВП России в 2020 году до 6,6%. https://www.interfax.ru/business/714522 (дата обращения: 20.10.2020).

References

1. The government has developed a plan to restore the economy and incomes of Russians. It should provide access to GDP growth rates of 2.5% by the end of 2021 https://www.rbc.ru/economics/02/06/2020/5ed4f5469a79474fd7568c3a (access date: October 20, 2020).

2. VAK 08.00.05. Economy and management of the national economy. https://www.teacode.com/online/vak/p08-00-05.htm (access date: October 20, 2020).

3. Arutyunov Yu. A. Anti-crisis management: Textbook Yu. A. Arutyunov. - M.: Unity, 2017.352 p.

4. Anti-crisis management of enterprise finances / K. V. Baldin et al. - M.: MPSI, MODEK, 2016. 336 p.

5. Vasin S. M. Anti-crisis management: Textbook S. M. Vasin, V. S. Shutov. - M.: Rior, 2018.288 p.

6. Gorelikov, K. A. Anti-crisis management: Textbook for bachelors / K. A. Gorelikov. - M .: Dashkov and K, 2016.216 p.

7. Zharkovskaya, E. P. Anti-crisis management: Textbook / E. P. Zharkovskaya, B.E. Brodsky. - M .: Omega-L, 2017. 400 p.

8. Anti-crisis management. Theory and practice. Textbook / ed. V. Ya. Zakharova. - M.: Unity, 2016. 320 p.

9. Tooth, A.T. Anti-crisis management: Textbook / A. T. Tooth. - Lyubertsy: Yurayt, 2016. 343 p.

10. Ivasenko, A. G. Anti-crisis management: Textbook by A. G. Ivasenko, Ya. I. Nikonova, M. V. Karkavin. - M.: KnoRus, 2018. 208 p.

11. Korotkov, E. M. Anti-crisis management: Textbook for bachelors E. M. Korotkov. - Lyubertsy: Yurayt, 2016. 406 p.

12. Larionov, I. K. Crisis management: A textbook for masters / I.K. Larionov. - M .: Dashkov and K, 2015. 380 p.

13. Orekhov, V. I. Anti-crisis management: Textbook by V. I. Orekhov, K. V. Baldin, T. R. Orekhova. - M.: Infra-M, 2015. 232 p.

14. Popov, R. A. Anti-crisis management / R. A. Popov. M .: Higher school, 2016. 480 p.

15. Anti-crisis management: theory and practice: Textbook / Ed. Ryakhovskoy A.N., Kovan S. E. M : KnoRus, 2016. 320 p.

16. Fundamentals of crisis management. (Postgraduate, Bachelor's, Master's). Textbook. / Tebekin A.V., Valyavsky A.Yu., Lukoshevichus G. A., Manyushis A. Yu., Petrov V. S. - Moscow: Rusays, 2020. 162 p.

17. Chernenko, V. A. Crisis management: Textbook and workshop for academic bachelor's degree / V. A. Chernenko, N. Yu. Shvedova. - Lyubertsy: Yurayt, 2015. 409 p.

18. The program of urgent measures to improve the economic situation "(approved by the Government of the Russian Federation on November 16, 1992). / file / 3554 (access date: October 20, 2020).

19. Approved by the Government Decree of May 22, 1998 N 496 "On Approval of the Plan of Priority Measures of the Russian Federation". https://base.garant.ru/178761/

20. Approved by the RF Decree of July 10, 1998 N 762 "On measures to stabilize the socio-economic situation in the country."

21. - "Statement"of the Government of the Russian Federation, the Board of Directors of the Bank of Russia On the measures of the Russian Federation and the Central Russian Federation to stabilize the economic situation in the country. http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_20959/ 0946685fb9bdba2e8c417a96810bca0e7f140920/ (access date: October 20, 2020).

22. An action plan aimed at improving the situation in the financial sector and individual sectors of the economy. Approved by the approver of the Russian Federation on November 6, 2008 No. 4863-p.P13.

23. List of priority measures taken by the Government of the Russian Federation to combat the consequences of the global financial crisis. http://www.prorazvitie.ru/show.php?action=show_stat&mykey=1025 (access date: October 20, 2020).

24. Program of anti-crisis measures of the Russian Federation for 2009. https://rg.ru/2009/03/20/programma-antikrisis-dok.html (access date: October 20, 2020).

25. Program of anti-crisis measures of the Russian Federation for 2009. Approved by the Government of the Russian Federation on June 19, 2009 https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/12068944/ (access date: October 20, 2020).

26. "Main directions of anti-crisis actions of the Government of the Russian Federation for 2010". Approved by the RF Regulations (minutes of December 30, 2009 No 42).

27. "Plan for the implementation of the main anti-crisis actions and the policy of modernization of the Russian economy of the Russian Federation for 2010"Approved by the Government of the Russian Federation on 02.03.2010.

28. Order of the Government of the Russian Federation of January 27, 2015 N 98-r "On the order of priority measures to ensure sustainable development in 2015"(with changes and additions).

29. Tebekin A. V. Analysis of crises from the economic position of theory. // Journal of Economic Research. 2018.Vol. 4. No. 12. Pp. 3-9.

30. Tebekin A. V. Allocation of classes of methods for making managerial decisions in the context of anti-crisis management. // Bulletin of Tver State University. Series: Economics and Management. 2019. No. 2. Pp. 304-319.

31. Tebekin A. V. Assessment of anti-crisis management methods based on qualitative indicators of enterprises' activities. // Bulletin of the Moscow University. S. Yu. Witte. Series 1: Economics and Management. 2019. No. 2 (29). Pp. 71-81.

32. Tebekin A. V. Comparative assessment of quantitative and qualitative methods of making managerial decisions in the context of anti-crisis management. // Bulletin of Tver State University. Series: Economics and Management. 2019. No. 3. Pp. 221-231.

33. GDP of Russia by years: 1991 - 2020.http: //global-finances.ru/vvp-rossii-po-godam/

34. Gross domestic product of countries in 1980–2019 PPP, billion dollars https://svspb.net/danmark/vvp-stran.php (access date: October 20, 2020).

35. Zhigulin V. G. A. V. Tebekin Scientific and practical problems of import substitution in the field of information and communication technologies. In the collection: On the problems of import substitution in customs authorities and new developments in the field of information and communication technologies. Collection of materials of the Interdepartmental Scientific Conference. Russian Customs Academy. 2016. Pp. 81-91.

36. Tebekin, A. V. Theoretical and methodological foundations for the study of technological structures of the economy: monograph / Tebekin A. V., Seryakov G. N. - Moscow: Rusays, 2017. 83 p.

37. Tebekin A. V. Problems of the development of the world economy in the context of macroeconomic instability. // Epomen. 2020.No. 41. Pp. 174-188.

38. Tebekin A. V. On the depth of the 2020 crisis for the global and national economy. // Journal of Economic Research. Volume 6, No. 2, 2020. Pp. 52-71.

39. Tebekin A. V., Petrov V. S. Analysis of urgent problems that slow down the recovery of the national economy from the crisis and affect the socio-political situation in the country. // Journal of Economic Research. 2020.Vol. 6. No. 3.Pp. 18-31.

40. Konotopov M. V., Tebekin A. V. April theses of 2009 (on the global economic crisis). // Innovation and investment. 2009. No. 1. Pp. 2-8.

41. Konotopov M. V., Tebekin A. V. December theses of 2009 (on the global economic crisis). // Innovation and investment. 2009. No. 4. Pp. 2-6.

42. Konotopov M. V., Tebekin A. V. June theses of 2010 (on the global economic crisis from the standpoint of business cycles of economic activity by J. Kitchin). // Innovation and investment. 2010. No. 3. Pp. 2-4.

43. Konotopov M. V., Tebekin A. V. March 2010 theses (on the global economic crisis from the standpoint of K. Zhuglyar's innovation development cycles) // Innovation and investment. 2010. No. 1. Pp. 2-6.

44. Konotopov M. V., Tebekin A. V. September 2009 theses (on the global economic crisis). // Innovation and investment. 2009. No. 3. Pp. 2-9.

45. Aid in short supply: what the comparison of anti-crisis programs showed. https://www.rbc.ru/opinions/finances/15/05/2020/5ebbba4b9a7947e2a2e0001a (access date: October 20, 2020).

46. The IMF has downgraded its forecast for a fall in Russia's GDP in 2020 to 6.6%. https://www.interfax.ru/business/714522 (access date: October 20, 2020).

УДК/UDC 343.2/.7

Уголовно-правовая регламентация ответственности за превышение должностных полномочий: отдельные теоретико-правовые проблемы

Абашина Людмила Александровна
кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой уголовного права
Орловский государственный университет имени И. С. Тургенева
г. Орел, Россия
e-mail: abashinala@yandex.ru
SPIN-код: 9137-1296

Ефремова Ольга Валентиновна
старший преподаватель кафедры теории и истории права и государства
Международный юридический институт
г. Москва, Россия
e-mail: eov2209@mail.ru
SPIN-код: 7572-6350

Аннотация

Авторы, рассматривая отдельные теоретико-правовые проблемы уголовно-правовой регламентации ответственности за превышение должностных полномочий, приходят к выводу о необходимости уточнения наименования статьи, предлагая назвать ее «Выход за пределы полномочий» (с соответствующей корректировкой диспозиции ст. 286 УК РФ), а также полагают, что необходимым проведение редакционной правки, которая унифицировала бы понятие должностного лица для всех статей уголовного закона, где оно используется, либо путем его нового дефинирования в примечании 1 к ст. 285 УК РФ, либо в начальных статьях российского уголовного закона, сосредоточив в одной из них или нескольких понятийный аппарат Кодекса в рамках структурной перестройки содержания УК РФ. Авторы также предлагают конкретизировать в стоимостном выражении существенный вред, приравняв его размер к размеру крупного ущерба и размеру особо крупного ущерба, указанных в примечании к ст. 293 УК РФ, и поместить его в примечание к ст. 285 УК РФ, распространив действие этого примечания на ст. ст. 285, 286 и 293 УК РФ.

Ключевые слова: превышение должностных полномочий, должностная преступность, служебная преступность, должностное лицо.

Criminal legal regulation of liability for excess of authority: certain theoretical and legal problems

Abashina Lyudmila Aleksandrovna
Candidate of Law, assistant professor, head of a chair of the Department of Criminal Law Turgenev Orel State University
Orel, Russia
e-mail: abashinala@yandex.ru
SPIN Code: 9137-1296

Yefremova Olga Valentinova
senior lecturer at the Department of Theory and History of State and Law International Law Institute
Moscow, Russia
e-mail: eov2209@mail.ru
SPIN Code: 7572-6350

Abstract

Upon considering certain theoretical and legal problems of the criminal legal regulation of liability for exceeding official powers, the authors come to the conclusion that it is necessary to clarify the title of the article, proposing to call it "Going beyond the limits of powers"(with corresponding adjustment of the disposition of Art. 286 of the Criminal Code of the Russian Federation), and also deem it appropriate to amend the criminal law in order to introduce a uniform concept of an official for all articles where it is used, by redefining it either in note 1 to Art. 285 of the Criminal Code of the Russian Federation or in the initial articles of the Russian criminal law, concentrating in one of them or several the whole conceptual apparatus of the Code, as a part of process of structural revisioning of the content of the Criminal Code of the Russian Federation. The authors also propose to specify in value terms the significant damage, equating its extent to the extent of large-scale damage and of especially large-scale damage indicated in the footnote to Art. 293 of the Criminal Code of the Russian Federation, and place it in a note to Art. 285 of the Criminal Code of the Russian Federation, extending the effect of this note to Art. 285, 286 and 293 of the Criminal Code of the Russian Federation.

Key words: abuse of authority, official crime, official person.

В ст. 286 УК РФ «Превышение должностных полномочий» содержится основной состав; один квалифицирующий признак: занимание субъектом, виновным в совершении этого преступления, государственной должности Российской Федерации, государственной должности субъекта Российской Федерации, должности главы органа местного самоуправления, с помощью которого образуется квалифицированный состав. Третья часть этой нормы образует особо квалифицированный состав, где в качестве квалифицирующих признаков выступает совершение этого преступления специальным субъектом а) с применением насилия или с угрозой его применения; б) с применением оружия или специальных средств; в) с причинением тяжких последствий. По свидетельству А. В. Майорова, наибольшие проблемы с квалификацией у правоприменителей возникают при квалификации совершенных деяний по части третьей этой статьи, тогда как первые две части таких сложностей не вызывают [1].

Это умышленное преступление, совершаемое в форме прямого или косвенного умысла, но не неосторожно. Однако к наступлению тяжких последствий, обозначенных в п. «в» третьей части статьи 286 УК РФ, виновный может относиться как умышленно, так и неосторожно. Состав этого преступления сконструирован как материальный.

С точки зрения анализа объективной стороны этого преступления, оно может быть совершено только в форме действия. Установить, был ли выход за пределы полномочий, можно только установив общий объем полномочий, за исключением тех случаев, когда выход за их пределы настолько явный и грубый, что очевиден и без изучения должностных инструкций и иных нормативно-правовых актов, например, применение пыток к задержанным со стороны сотрудников правоохранительных органов именно таков: ни в каких инструкциях не может быть указано применение сейчас (в отличие от ведомственных инструкций НКВД) таких средств воздействия. Некоторые исследователи вообще высказали свое мнение о том, что термин «явности», очевидно избыточен при конструировании диспозиции этого состава, поскольку в ней предусмотрены существенные последствия такого выхода, а значит, он в любом случае

будет явным, а не скрытым. А. Ильин поясняет, что критерий явности используется при квалификации деяний по этой статье достаточно формально, этот ученый предлагает его заменить на «умышленный выход за пределы полномочий», демонстрируемый должностным лицом, что, как представляется, следует обсуждать в юридическом сообществе дополнительно [2, с. 19].

Мотивация, с которой совершается это преступное деяние, может быть различной, однако для квалификации мотивы преступника значения не имеют, хотя и могут иметь для разграничения со смежным составом, предусмотренным в ст. 285 УК РФ.

Диспозиция этого состава сконструирована таким образом, что требуется нормативное толкование, чтобы ответить на вопрос, что именно следует считать действиями, явно выходящими за пределы полномочий должностного лица. Если ранее первые советские кодексы шли по пути упоминания в тексте самого кодекса (например, УК РСФСР 1922 года), чаще в отдельной статье или примечании к ней, что под этим подразумевается, то теперь такого упоминания и конкретизации в тексте российского уголовного закона нет, хотя бы и в виде общих примеров. Однако Пленум Верховного Суда решил положительно этот вопрос в 2009 году, когда пояснил, что это могут быть четыре группы деяний: которые субъект не может совершить ни при каких обстоятельствах; которые должно совершать другое должностное лицо либо вышестоящее или равное по статусу; которые можно совершать только при коллегиальном обсуждении или согласовании с другими субъектами, но не единолично принимать по ним решение; должностное лицо приняло решение, которое могло принимать только при особых обстоятельствах или в особом порядке [3]. Обратим внимание на правильное замечание А. А. Ильина в адрес Верховного Суда РФ. Этот исследователь выразил справедливое нарекание тем, что, помимо установления четырех групп деяний, которыми характеризуется явный вывод за пределы своих полномочий со стороны должностного лица, Верховный Суд РФ приводит примеры такого выхода (п. 19), что может создать ложное впечатление о составлении перечня

таких действий, имеющих закрытый характер и подлежащих возможности их перечисления [4, с. 30-31]. По нашему мнению, сформированному вслед за анализом позиции А. Ильина, требуется корректировка наименования статьи, поскольку превышение полномочий предполагает вторжение в полномочия более высокого по должностному статусу лица, что оказалось обозначено только в одном из вариантов действий, которые упомянула высшая судебная инстанция РФ (совершение действий, которые должно совершать другое должностное лицо –более вышестоящее), а вот вторжение в полномочия лица, равного по должностному статусу, уже не соответствует наименованию этой статьи в актуальной редакции. Поэтому более корректным представляется название ст. 286 УК РФ «Выход за пределы полномочий», что и требуется проделать законодателю.

Очевидно, что при квалификации этого деяния, во-первых, суд должен установить наличие специального субъекта – должностного лица, который, по подсчетам Б. В. Сидорова и М. М. Фахриева, является специальным субъектом в 56 составах преступления, включая и ст. 286 УК РФ [5].

О дефиниции «должностное лицо» споры в науке не прекращаются, в частности, дискуссионным является вопрос соотношения должностных лиц со служащими. А.А. Карапетян приходит к справедливому и логичному заключению, что должностные лица – это разновидность служащих, а должностная преступность - разновидность служебной преступности [6], хотя делая такой вывод, он опирается на достаточно широкое определение А. Я. Асниса [7, с. 44-46]. Эта позиция сейчас достаточно широко распространена в уголовно-правовой доктрине. Например, она обозначена в работе И. А. Фаргиева и Н. Р. Лонерт [8].

Б. В. Сидоров и М. М. Фахриев, анализируя определение должностного лица, зафиксированное в примечании к ст. 285 УК РФ в контексте его соотношения с положениями международных документов (Европейской конвенция об уголовной ответственности за коррупцию 1999г. и др.), дефинирующих понятие «публичного должностного лица», приходят к выводу о необходимости корректировки отечественного опреде-

ления в части внесения в него уточнения, что должностные лица могут осуществлять свои функции как на возмездной основе, так и без платы. Эти же исследователи замечают, что помимо упоминания возможности осуществлять должностными лицами публичных функций, следует дополнить определение возможностью совершать ими услуги как «действия, приносящие пользу, помощь другому» [5].

Обратим внимание и на тот факт, что в примечании к ст. 285 указано, что определение «должностное лицо», проясненное в примечании к этой статье, распространяет свое действие только на содержание главы 30. Это представляется неправильным, поскольку употребляемые в кодексе понятия должны трактоваться единообразно, что вполне логично, однако противоречит содержанию некоторых других статей российского уголовного закона. В частности, попытке законодателя в примечании к ст. 318 определить представителя власти как должностное лицо правоохранительного органа или контролирующего органа или другое должностное лицо, распространив понимание этого понятия на содержание только этой статьи, тогда как еще В. Н. Кудрявцев говорил, что законодатель не может идти по пути введения расширительного или ограничительного толкования тех или иных понятий, а должен стремиться к единообразию их трактовки [9, с. 25]. Поэтому, соглашаясь с необходимостью корректировки примечания, дефинирующего понятие должностное лицо, мы предлагаем ее редакцию. Одним из вариантов может быть упоминание о широком применении понятия «должностное лицо», отмеченное в примечании к ст. 285 УК РФ, и о распространении его действия на все статьи, где использована эта дефиниция. Другим вариантом распространения этой дефиниции на все случаи употребления в УК РФ понятий «должностное лицо» могла бы стать возможность размещения ее в начале кодекса, как и других понятий, употребляемых в этом акте, по образцу уголовного законодательства некоторых стран СНГ, а также Болгарии и Польши.

В уголовно-правовой доктрине нами были встречены аналогичные предложения, авторы которых, ориентируясь на болгарский, польский и

белорусский опыт разработки уголовного законодательства, хотели бы сконструировать в начале УК РФ отдельную норму, поместив там все понятия, встречающиеся по тексту российского уголовного закона [10, с. 15]. Эта точка зрения распространена среди криминологов. Например, С. Г. Айдаев считает, что весь понятийный аппарат, которым оперирует российский уголовный закон, нужно собрать в ст. 1, поместив туда, в том числе, и определение должностного лица, и озаглавив ее «Определения основных понятий, используемых в настоящем Кодексе» [11, с. 7]. В этой же статье данный автор считает важным поместить некоторые другие положения, например, что понимать под оружием, что такое угроза насилием, и само насилие, чтобы была возможность прояснить квалифицирующий признак, который сейчас применяется в п. «б» части третьей ст. 286 УК РФ (сейчас он раскрывается правоприменителями путем анализа положений ряда нормативно-правовых актов [12-16]), которые, по мнению Н. Г. Кадникова, применяются как особые бланкетные нормы [17]).

При рассмотрении дел, возбужденных по ст. 286 УК РФ, требуется подтверждение в приговоре, что данное преступное деяние было совершено именно должностным лицом. Приведем пример из судебной практики Сосновского районного суда Челябинской области, где указано, что «Корчак С. А. на основании распоряжения от 16.12.2008 г. № 59 «О вступлении в должность Корчака С. А.», вынесенного во исполнение решения избирательной комиссией муниципального образования Солнечное сельское поселения Сосновского муниципального района Челябинской области № 14/24 от 10.12.2008 г., вступил в должность Главы муниципального образования «Солнечное сельское поселение» Сосновского муниципального района Челябинской области. При этом, Корчак С. А., занимая указанную должность, в соответствии с Уставом Солнечного сельского поселения Сосновского муниципального района Челябинской области являлся высшим должностным лицом Солнечного сельского поселения и наделялся полномочиями по решению вопросов местного значения... Таким образом, Корчак С. А. являлся должностным лицом – Главой Сол-

нечного сельского поселения, постоянно выполняющим организационно-распорядительные, административно-хозяйственные функции, а также функции представителя власти в органе местного самоуправления» [18].

Обратим внимание на то, что в п.10 Пленум в своем постановлении № 19 чрезмерно сузил понятие главы органа местного самоуправления, предложив правоприменителям понимать под ним только главу муниципального образования, как это было продемонстрировано в вышеизложенном примере, тогда как анализ положений Федерального закона от 16 сентября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» [19] показывает, что этот нормативно-правовой акт в качестве такового называет еще и руководителя органа представительной власти местного самоуправления. При этом может быть еще одна модель, в которой руководитель муниципального образования занимает должность председателя представительного органа, а руководителя на должность главы муниципального образования нанимают по контракту. В таком случае, они оба должны признаваться должностными лицами.

Иногда суды не ограничиваются описанием только существенного вреда, причиненного личности, добавляя в мотивировочную часть приговора еще и вред, причиненный обществу и государству. Например, совершенные главой Солнечного сельского поселения Корчаком С. А. действия судом трактуются как явно выходящие за пределы его должностных полномочий, которые «повлекли, помимо существенного нарушения прав и законных интересов администрации Сосновского муниципального района Челябинской области, еще и существенные нарушения охраняемых законом интересов общества и государства, что выразилось в дискредитации и подрыве авторитета Солнечного сельского поселения как органа местного самоуправления, в формировании и подтверждении негативного мнения в обществе о превышении должностных полномочий лицами, занимающими выборные муниципальные должности, в дискредитации и подрыве общественно-значимых целей, заложенных в основу

правотворческой деятельности государства в сфере земельного законодательства РФ» [18].

В других случаях суды акцентируют свое внимание только на существенном вреде, причиненном гражданину, как, например, в приговоре Одинцовского гарнизонного военного суда, где сказано, что своими действиями Арданов причинил потерпевшему Абрамчуку физическую боль, унизил его честь и достоинство, а также существенно нарушил его права и законные интересы [21].

Отметим также, что и пленарное постановление 2009 года (абз. 1,2 п. 18 постановления Пленума Верховного Суда № 19) [3], и п. 8 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29.04.1996 г. № 1 «О судебном приговоре» [20], требуют конкретизации существенного вреда, причиненного действиями соответствующего должностного лица, превысившего свои полномочия, считая, что если в приговоре такой конкретизации нет, то он необоснован и незаконен, и должен быть отменен. Применяется это правило в тех случаях, когда в приговоре приводится оценочный признак, его и следует конкретизировать в мотивировочной части приговора.

В самом УК РФ такой конкретизации нет, и само понятие существенного вреда является оценочным, причем довольно расплывчатым. В уголовно-правовой доктрине встречаются попытки предложить исправить ситуацию, дав хоть какие-то объективные критерии существенного вреда [22, с. 14-16], например, в виде причинения ущерба в крупном размере, с конкретизацией этого размера, как это сделано в законодательстве некоторых стран СНГ, тем более, что в некоторых случаях такой вред нельзя исключать из последствий совершенного преступного деяния в виде материального ущерба, причиненного действиями виновного субъекта. Приведем пример. С.С. Днепровский, с ДД.ММ.ГГГГ, находясь в должности начальника 55 котельной жилищно-коммунальной службы № филиала ФГБУ «ЦЖКУ» Минобороны России по ВВО, расположенной по адресу: городской округ закрытое административно-территориальное образование поселок Горный Забайкальского края, является должност-

ным лицом. В период с начала сентября по конец ноября 2017 года Днепровский С.С., являясь должностным лицом, действуя в рамках предоставленных ему полномочий из корыстной заинтересованности, полностью освободил своих подчиненных работников 55 котельной ФИО7, ФИО8, ФИО6 от исполнения функциональных обязанностей и трудовой деятельности с целью привлечения их к постройке личного гаража, на основании документов, содержащих в себе ложные сведения о количестве рабочих часов ФИО7, ФИО8 и ФИО6регулярно в полном размере начислялась заработная плата, а именно в период с начала сентября по конец ноября 2017 года ФИО7, ФИО8 и ФИО6, в соответствии с занимаемыми должностями начислены денежные средства в общем размере 278 069 рублей 16 копеек, что повлекло существенное нарушение охраняемых законом интересов государства в сфере трудовых отношений, подрыв авторитета ЖКС № и имущественный вред (материальный ущерб) государству в размере начисленных денежных средств [24].

Предложений встречалось множество, одни исследователи предлагали ориентироваться на размер МРОТ, обозначив сумму крупного ущерба, равной 100 МРОТ (Т. Б. Басова [25, с. 16]), причем она предлагала сконструировать преамбулу к 30 главе, обозначив такой размер ущерба для всех преступлений, которые в ней содержатся. Некоторые (А.В. Шнитенков [26, с. 12]) дифференцировали его размер по субъектному критерию: не менее 3 МРОТ для граждан (о физических лицах этот исследователь не говорит), и не менее 5 МРОТ для государства, организаций и общества. Еще одна группа ученых сразу предлагала отказаться от измерения крупного ущерба в МРОТах, заменив его конкретной суммой [27, с. 83], как это позднее и сделал законодатель во всех нормативно-правовых актах, что, на наш взгляд, обусловлено наличием двойной шкалы МРОТ, одной – ниже которой не могут платить заработную плату, а по второй шкале, исходя из размера 100 рублей, исчислялись штрафы, пошлины и пр. Дабы избежать сложностей в восприятии этой ситуации в массовом общественном правосознании, законодатель решил отказаться от этого критерия, что правильно в сложившейся

ситуации. Отметим, что в некоторых государствах СНГ исчисление этого ущерба по-прежнему производится, исходя из размера минимального размера заработной платы (например, в Республике Узбекистан сейчас текстуально, но не в стоимостном выражении разграничивают понятия «ущерба» и «размера», но продолжают их исчислять в определенных размерах минимального размера заработной платы (МРЗП): крупный размер (ущерб) – от 300 до 500 МРЗП, а особо крупный размер (ущерб) – 500 и свыше 500 МРЗП) [28].

Как уже отмечалось, в нашей стране некоторые исследователи предлагали определить его размер в твердой сумме, однако предложения о его размере существенно различались в работах разных ученых. Например, А. С. Снежко предлагал сумму крупного ущерба определить в размере 100 тыс. рублей [27, с. 83]. А. Д. Сулейманова полагала, чтобы считаться существенным, он должен превышать эту сумму [29, с. 18]. Авторы учебника писали, что его размер должен составлять 50000 рублей [30, с. 754-756]. По подсчетам А. А. Ильина, разброс мнений в определении размера крупного ущерба у различных исследователей различался в 100 раз [2, с. 20].

Очевидно, что при конструировании примечания к статье, где был бы конкретизирован в стоимостном выражении «существенный вред», нужно ориентироваться на законодательное решение, предпринятое в определении размера крупного ущерба в отношении ст. 293 УК РФ «Халатность», которое в первоначальной редакции при появлении примечания к этой статье в 2003 году как раз и составляло 100 тыс. рублей [31], а затем в 2011 году оказалось увеличено до 1,5 млн. рублей [32]. В следующую редакционную правку, произведенную в 2015 году, помимо крупного размера, появился еще размер особо крупный – 7,5 млн. рублей [33].

Считаем, что необходимо провести редакционную правку, поместив размер крупного и особо крупного вреда в примечание к ст. 285 УК РФ, распространив его действие на ст. 286 и ст. 293 УК РФ и приравняв к ним в стоимостном выражении «существенный вред», подкорректировав

при этом диспозиции составов статьей 285 и 286 УК РФ: упомянув в них в качестве вредных последствий не только причинение существенного вреда, но и крупного и особо крупного ущерба, размер которого следует определять позицией законодателя, изложенной в примечании к ст. 285 УК РФ. Редакция диспозиции ст. 286 по итогам редакционной правки может быть следующей: «Совершение должностным лицом действий, явно выходящих за пределы его полномочий и повлекших за собой крупный или особо крупный ущерб или существенное нарушение прав и законных интересов физических лиц или организаций либо охраняемых законом интересов общества или государства». Возможен более концептуальный вариант правки, и расширенный подход к ней, в котором надо изменить и название, обозначив его как «Выход за пределы должностных полномочий», и убрать оценочный критерий из диспозиции.

Отметим также актуальность предложений С. Айдаева, считающего, что назначение штрафа является слишком мягкой санкцией за совершение этого преступного деяния при его квалификации по части второй ст. 286 УК РФ в силу его большой степени общественной опасности [11, с. 8]. Еще не менее важным мы считаем возможность назначения в качестве безальтернативного дополнительного наказания лишения права занимать определенные должности.

Отметим, что суд обычно зачастую так и поступает, применяя именно штраф, что нам, вслед за С. Айдаевым, представляется неправильным. Это и произошло в уже рассмотренном нами примере приговора Сосновского районного суда, где судьей подсудимому был назначен именно стотысячный штраф, а в качестве дополнительного наказания суд лишил его права занимать определенные должности в течение годичного срока [18].

Итак, изучение и анализ общего состава преступления, предусмотренного ст. 286 УК РФ, а также ст. 285 УК РФ и примечания к ней, позволяет сделать вывод о необходимости проведения редакционной правки, которая, во-первых, унифицировала бы понятие должностного лица для всех статей уголовного закона, где оно используется. Это можно упо-

мянуть либо в самом примечании 1 к ст. 285 УК РФ (при сохранении нынешней структуры российского уголовного закона), или, по образцу уголовного законодательства некоторых зарубежных государств, следует вынести это определение в начало Кодекса, в одну из первых статей. Помимо такой правки, необходимо уточнить само содержание этого понятия.

Необходимо также скорректировать содержание тех статей, в которых упомянут существенный вред как наступившее вредное последствие: установить его размер в примечании к ст. 285 УК РФ, распространив его действие и на ст. 286 УК РФ, и ст. 293 УК РФ. Сохранить его размер, равным размеру крупного ущерба и особо крупного ущерба, приведенных в примечании к ст. 293 УК РФ (соответственно, 1,5 и 7,5 млн. рублей). Переформулировать диспозицию ст. 286 УК РФ, которая может быть сконструирована следующим образом: «Умышленный выход за пределы должностных полномочий, повлекший за собой крупный ущерб, особо крупный ущерб или иной существенный вред, а также нарушение прав и законных интересов физических лиц или организаций либо охраняемых законом интересов общества или государства». Мы полагаем, что необходимо уточнить и название этой статьи, обозначив в ней выход за пределы полномочий, и подчеркнуть это в диспозиции основного состава.

Список литературы

1. Майоров А. В. Квалифицированные виды превышения должностных полномочий // Правопорядок: история, теория, практика. 2019. № 2 (21).

2. Ильин А. А. Превышение должностных полномочий (ст. 286 УК РФ): понятие, виды, вопросы законодательной техники и дифференциации ответственности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013. 30 с.

3. О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 16.10.2009 № 19 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2009.
№ 12.

4. Ильин А. А. Виды превышения должностных полномочий (ст. 286 УК РФ) // Юридические записки молодых ученых и аспирантов: Актуальные проблемы законодательной и правоприменительной практики: сборник научных статей / отв.

ред. д-р юрид. наук, проф. М. В. Лушникова; Яросл. гос. ун-т им. П.Г. Демидова. – Ярославль: ЯрГУ, 2012. Вып. 12. С. 30-31.

5. Сидоров Б. В., Фахриев М. М. Определение должностного лица в УК РФ и проблемы совершенствования его законодательной конструкции // ВЭПС. 2008. №1.

6. Карапетян А. А. К вопросу о соотношении категорий использование «Служебного» и «Должностного» положения как квалифицирующих признаков преступлений: понятие, содержание, значение // Госсоветник. 2014. № 1 (5).

7. Аснис А. Я. Использование лицом своего служебного положения // Законность. 2004. №10. С. 44-46.

8. Фаргиев И. А., Лонерт Н. Р. Эволюция понятия должностных преступлений // Северо-Кавказский юридический вестник. 2010. №3. https://cyberleninka.ru/article/n/evolyutsiya-ponyatiya-dolzhnostnyh-prestupleniy (дата обращения: 17.09.2020).

9. Российское уголовное право. Общая часть / под ред. В. Н. Кудрявцева и А. В. Наумова. М., 1997. 454 с.

10. Аксюк В. А. Уголовная ответственность военнослужащих за злоупотребление и превышение должностных полномочий: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-н/Д, 2011. 23 с.

11. Айдаев С. Г. Превышение должностных полномочий: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. 26 с.

12. Об оружии: федеральный закон от 13.12.1996 № 150-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1996. № 51. Ст. 5681.

13. О специальных средствах и огнестрельном оружии, используемых ведомственной охраной: постановление Правительства Рос. Федерации от 30.12.1999 № 1436 // Собрание законодательства РФ. 2000. № 2. Ст. 221.

14. Об утверждении Правил применения специальных средств при защите государственной границы Российской Федерации в пределах приграничной территории и обеспечении собственной безопасности пограничных органов федеральной службы безопасности: постановление Правительства Рос. Федерации от 16.12.2017 № 1572 // Собрание законодательства РФ. 2017. № 52 (Часть I). Ст. 8149.

15. О полиции: федеральный закон от 07.02.2011 № 3-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2011. № 7. Ст. 900.

16. О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений: федеральный закон от 15.07.1995 № 103-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1995. № 29. Ст. 2759.

17. Кадников Н. Г. Особенности уголовной ответственности за злоупотребление должностными полномочиями и превышение должностных полномочий // Вестник Московского университета МВД России. 2014. № 12.

18. Приговор № 1-201/2019 от 28 мая 2019 г. по делу № 1-201/2019. Сосновский районный суд (Челябинская область) – Уголовное. URL: https://sudact.ru/regular/doc/DDnr9qGtiCUx/ (дата обращения: 15.09.2020).

19. Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации: федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2003. № 40. Ст. 3822.

20. О судебном приговоре: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.04.1996 г. № 1 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 1996. № 7. С. 11.

21. Приговор № 1-18/2019 от 28 мая 2019 г. по делу № 1-18/2019. Одинцовский гарнизонный военный суд (Московская область). Уголовное. URL: https://sudact.ru/regular/doc/P75sSlKPs2rv/ (дата обращения: 15.09.2020).

22. Ильин А. А. Характеристика существенности причинения вреда как признака превышения должностных полномочий (ст. 286 УК РФ) // Труды Академии управления МВД России. 2013. №1 (25). С. 102-104.

23. Каплин М. Н., Бражник С. Д. Существенный вред как признак превышения должностных полномочий (ст. 286 УК РФ) // АВБсП. 2015. № 1. С. 14-16.

24. Постановление № 1-90/2019 от 28 мая 2019 г. по делу № 1-90/2019. Улетовский районный суд (Забайкальский край) Уголовное. URL: https://sudact.ru/regular/doc/MYudaalId1LQ/ (дата обращения: 15.09.2020).

25. Басова Т. Б. Уголовная ответственность за должностные преступления: проблемы правотворчества и правоприменения в условиях административной реформы: автореф. дис. ... докт. юрид. наук. Владивосток. 2005. 54 с.

26. Шнитенков А. В. Ответственность за преступления против интересов службы: автореф. дис. докт. юрид. наук. Омск, 2006. 39 с.

27. Снежко А. С. Превышение должностных полномочий: законодательный и правоприменительный аспекты (по материалам судебной практики Краснодарского края): дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2004. 196 с.

28. О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Узбекистан: закон Республики Узбекистан от 29 декабря 2012 года № ЗРУ-345 URL: https://www.norma.uz/osnovy_gosudarstvenno-pravovogo_ustroystva/o_vnesenii_izmeneniy_i_dopolneniy_v_nekotorye_zakonodatelnye_akty_respubliki_uzbekistan3 (дата обращения: 18.09.2020).

29. Сулейманова А. Д. Злоупотребления полномочиями по российскому уголовному праву: проблемы квалификации и законодательной регламентации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2005. 27 с.

30. Уголовное право. Общая и Особенная части: учебник для вузов / под ред. Н.Г. Кадникова. М., 2006. 911 с.

31. О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 08.12.2003 № 162-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2003. №50. Ст. 4848.

32. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации: федер. закон от 07.12.2011 № 420-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2011. № 50. Ст. 7362.

33. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федеральный закон от 13.07.2015 № 265-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2015. № 29 (часть I). Ст. 4391.

References

1. Mayorov A. V. Qualified types of abuse of office // Law and order: history, theory, practice. 2019. No. 2 (21).

2. Ilyin A. A. Exceeding official powers (Art. 286 of the Criminal Code of the Russian Federation): concept, types, issues of legislative technique and differentiation of responsibility: author. dis. ... Cand. jurid. sciences. M., 2013. 30 p.

3. On judicial practice in cases of abuse of office and abuse of office: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated 16.10.2009 No. 19 // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2009. No. 12.

4. Ilyin A. A. Types of abuse of office (Art. 286 of the Criminal Code of the Russian Federation) // Legal notes of young scientists and graduate students: Actual problems of legislative and law enforcement practice: collection of scientific articles / otv. ed. Dr. jurid. Sciences, prof. M. V. Lushnikova; Yarros. state un-t them. P.G. Demidov. - Yaroslavl: YarsU, 2012. Issue. 12. Pp. 30-31.

5. Sidorov B. V., Fakhriev M. M. Determination of an official in the Criminal Code of the Russian Federation and the problems of improving its legislative structure // VEPS. 2008. No. 1.

6. Karapetyan A. A. On the question of the relationship between the categories, the use of "official"and "official"position as qualifying signs of crimes: concept, content, meaning // State Councilor. 2014. No. 1 (5).

7. Asnis A. Ya. Use by a person of his official position // Legality. 2004. No. 10. Pp. 44-46.

8. Fargiev I. A., Lonert N. R. Evolution of the concept of malfeasance // North-Caucasian legal bulletin. 2010. No. 3. https://cyberleninka.ru/article/n/evolyutsiya-ponyatiya-dolzhnostnyh-prestupleniy (access date: September 17, 2020).

9. Russian criminal law. General part / ed. V. N. Kudryavtseva and A. V. Naumova. M., 1997. 454 p.

10. Aksyuk V. A. Criminal liability of servicemen for abuse and abuse of office: author. dis. ... Cand. jurid. sciences. Rostov-n / D, 2011. 23p.

11. Aydaev S. G. Exceeding official powers: author. dis. ... Cand. jurid. sciences. M., 2006.26 p.

12. About weapons: Feder. Law of 13.12.1996 No. 150-FZ // Collected Legislation of the Russian Federation. 1996. No. 51. Art. 5681.

13. On special means and firearms used by departmental security: Resolution of the Government Ros. Federation of 12/30/1999 No. 1436 // Collection of the Legislation of the Russian Federation. 2000. No. 2. Art. 221.

14. On the approval of the Rules for the use of special means when protecting the state border of the Russian Federation within the border area and ensuring the own safety of border agencies of the federal security service: Resolution of the Government of the Russian Federation. Federation of 16.12.2017 No. 1572 // Collection of the Legislation of the Russian Federation. 2017. No. 52 (Part I). Art. 8149.

15. On the Police: Federal Law of 07.02.2011 No. 3-FZ // Collection of the Legislation of the Russian Federation. 2011. No. 7. Art. 900.

16. On the detention of suspects and those accused of committing crimes: Federal Law of 15.07.1995 No. 103-FZ // Collection of the Legislation of the Russian Federation. 1995. No. 29. Art. 2759.

17. Kadnikov N. G. Features of criminal liability for abuse of office and abuse of office // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2014. No. 12.

18. Sentence No. 1-201 / 2019 of May 28, 2019 in case No. 1-201 / 2019. Sosnovsky District Court (Chelyabinsk Region) - Criminal. URL: https://sudact.ru/regular/doc/DDnr9qGtiCUx (access date: September 15, 2020).

19. On the general principles of organization of local self-government in the Russian Federation: Federal Law of 06.10.2003 No. 131-FZ // Collection of the Legislation of the Russian Federation. 2003. No. 40. Art. 3822.

20. On the court verdict: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated 04.29.1996, No. 1 // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 1996. No. 7.P. 11.

21. Sentence No. 1-18 / 2019 of May 28, 2019 in case No. 1-18 / 2019. Odintsovo Garrison Military Court (Moscow Region). Criminal. URL: https://sudact.ru/regular/doc/P75sSlKPs2rv/ (access date: September 15, 2020).

22. Ilyin A. A. Characteristics of the materiality of causing harm as a sign of abuse of office (Article 286 of the Criminal Code of the Russian Federation) // Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2013. No. 1 (25). Pp. 102-104.

23. Kaplin M. N., Brazhnik S. D. Significant harm as a sign of abuse of office (Art. 286 of the Criminal Code of the Russian Federation) // AVBsP. 2015. No. 1. Pp. 14-16.

24. Resolution No. 1-90 / 2019 of May 28, 2019 in case No. 1-90 / 2019. Uletovsky District Court (Trans-Baikal Territory) Criminal. URL: https://sudact.ru/regular/doc/MYudaalId1LQ/ (access date: September 15, 2020).

25. Basova T. B. Criminal liability for malfeasance: problems of lawmaking and law enforcement in the context of administrative reform: author. dis. ... doct. jurid. sciences. Vladivostok. 2005. 54 p.

26. Shnitenkov A. V. Responsibility for crimes against the interests of the service: author. dis. doct. jurid. sciences. Omsk, 2006. 39 p.

27. Snezhko A. S. Exceeding official powers: legislative and law enforcement aspects (based on the judicial practice of the Krasnodar Territory): dis. ... Cand. jurid. sciences. Krasnodar, 2004. 196 p.

28. On amendments and additions to some legislative acts of the Republic of Uzbekistan: Law of the Republic of Uzbekistan dated December 29, 2012 No. ZPU-345) URL: https://www.norma.uz/osnovy_gosudarstvenno-pravovogo_ustroystva/o_-vnesenii_izmeneniy_i_dopolneniy_v_nekotorye_zakonodatelnye_akty_respubliki_ uzbekistan3 (access date: September 18, 2020).

29. Suleimanova A. D. Abuse of powers in Russian criminal law: problems of qualification and legislative regulation: author. dis. ... Cand. jurid. sciences. Kazan, 2005. 27 p.

30. Criminal law. General and Special parts: textbook for universities / ed. N. G. Kadnikov. M., 2006. 911 p.

31. On amendments and additions to the Criminal Code of the Russian Federation: Feder. Law of 08.12.2003 No. 162-FZ // Collection of the Legislation of the Russian Federation. 2003. No. 50. Art. 4848.

32. On amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and certain legislative acts of the Russian Federation: Feder. Law of 07.12.2011 No. 420-FZ // Collection of the Legislation of the Russian Federation. 2011. No. 50. Art. 7362.

33. On amendments to certain legislative acts of the Russian Federation: Federal Law of 13.07.2015 No. 265-FZ // Collection of the Legislation of the Russian Federation. 2015. No. 29 (part I). Art. 4391.

УДК/UDC 347.2/.3

К вопросу о государственной регистрации прав при имеющихся актуальных регистрационных записях об арестах

Алешина Елена Евгеньевна
студентка юридического факультета
Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина
г. Краснодар, Россия
e-mail: aleshina.alena363@gmail.com

Седова Наталья Александровна (научный руководитель)
кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права
Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина
г. Краснодар, Россия
e-mail: natawa3050@rambler.ru

Аннотация

В данной статье рассматривается правовая коллизия, которая обусловлена противоречием двух федеральных законов - о банкротстве и о государственной регистрации прав, ограничений (обременений) на объекты недвижимого имущества. Ввиду наложенных обеспечительных мер по закону, регулирующему государственную регистрацию прав, невозможно осуществить регистрационные действия при актуальных регистрационных записях об аресте. При этом федеральным законом, регулирующим правоотношения при банкротстве юридических и физических лиц, указано, что обеспечительные меры в отношении объекта недвижимости погашаются. Данные нормы права создают препятствия для граждан при взаимодействии с регистрирующим органом и осложняют применение данных норм на практике, в связи с чем граждане вынуждены защищать свои нарушенные права и законные интересы в административном и судебном порядке.

Ключевые слова: государственная регистрация, банкротство, арест, регистрационная запись.

The issue of state registration of rights with current registration records of arrests

Aleshina Yelena Yevgenyevna
student of the Faculty of Law
Kuban State Agrarian University
Krasnodar, Russia
e-mail: aleshina.alena363@gmail.com

Sedova Natalya Aleksandrovna (research author)
Candidate of Law, assistant professor of the Department of Civil Law
Kuban State Agrarian University
Krasnodar, Russia
e-mail: natawa3050@rambler.ru

Abstract

This article discusses a legal conflict, which is due to the contradiction of two federal laws - on bankruptcy and on state registration of rights, restrictions (encumbrances) on real estate. Due to the interim measures imposed under the law governing the state registration of rights, it is impossible to carry out registration actions with current registration records of arrest. At the same time, the federal law regulating legal relations in the event of bankruptcy of legal entities and individuals indicates that interim measures in respect of the real estate object are extinguished. These legal norms create obstacles for citizens when interacting with the registering authority and complicate the application of these norms in practice, in connection with which citizens are forced to defend their violated rights and legitimate interests in the administrative and judicial order.

Key words: state registration, bankruptcy, arrest, registration record.

Лица, приобретшие право собственности на объекты недвижимости, могут сталкиваться с некоторыми трудностями при государственной регистрации прав в связи с имеющимися актуальными регистрационными записями об арестах в отношении данного недвижимого имущества.

В соответствии с ч. 4 ст. 80 Федерального закона от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» арест имущества должника включает запрет распоряжаться имуществом, а при необходимости

- ограничение права пользования имуществом или изъятие имущества [1].

Однако нередко возникают ситуации, когда лица приобретают право собственности на объекты недвижимости при реализации имущества должника в рамках процедуры банкротства, а на данные объекты уже была наложена обеспечительная мера в виде ареста. В связи с этим возникает вопрос - как новому собственнику зарегистрировать свое право собственности на арестованные объекты недвижимого имущества?

Конечно, прежде всего - погасить ранее наложенные аресты. Законодатель четко закрепил порядок наложения обеспечительных мер, равно как и порядок их погашения.

Лица, желающие зарегистрировать право собственности при актуальной регистрационной записи об аресте, вправе обратиться в орган регистрации прав в порядке ст. 14 Федерального закона от 13 июля 2015 г. № 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости» (далее - Закон о регистрации), приобщив к подаваемым документам документ, являющийся основанием для погашения ареста.

При этом согласно абз. 9 п. 1 ст. 126 Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее - Закон о банкротстве) обеспечительные меры в виде арестов или иных ограничений, которые были наложены на имущество должника, снимаются со дня принятия арбитражным судом решения о признании должника банкротом. Данная норма права указывает, что правоустанавливающим документом для снятия ареста на имущество должника будет являться судебный акт о признании должника банкротом и об открытии конкурсного производства, и наложение новых арестов на имущество должника и иных ограничений распоряжения имуществом должника не допускается [2].

Ч. 13 ст. 32 Закона о регистрации установлено, что суд или уполномоченный орган, наложивший обеспечительные меры в отношении объекта недвижимого имущества, должен направить в орган регистрации прав в трехдневный срок заверенную копию акта о наложении ареста, о

запрете совершать определенные действия с недвижимым имуществом или об избрании в качестве меры пресечения залога, а также заверенную копию акта о снятии ареста или запрета, о возврате залога залогодателю или об обращении залога в доход государства [3].

Однако если вышеуказанная процедура не была соблюдена, орган государственной регистрации не был уведомлен об отмене обеспечительных мер в отношении какого-либо объекта, то в данном случае государственный регистратор не имеет оснований регистрировать переход права собственности ввиду имеющегося наложенного ареста.

Как изложено в Письме Минэкономразвития России от 16 июня 2017 г. № ОГ-Д23-7439, действующее законодательство не содержит в себе механизма уведомления регистрирующего органа о принятом арбитражным судом решения о признании должника банкротом и об открытии конкурсного производства, что, соответственно, затрудняет и порядок исполнения такого решения суда с точки зрения дальнейших регистрационных процедур. Помимо этого, государственный регистратор не наделен полномочиями по самостоятельному погашению соответствующих регистрационных записей [4].

Вследствие этого, поскольку специальный порядок погашения в Росеестре регистрационных записей о наложенных обеспечительных мерах в случае признания должника банкротом в порядке, предусмотренном Законом о банкротстве, не установлен Законом о регистрации, государственная регистрация должна осуществляться на общих основаниях, предусмотренных Законом о регистрации. Осуществление погашения актуальных регистрационных записей об арестах, обременениях и ограничениях в отношении объектов недвижимости, имеющихся в Росеестре, должно осуществляться на основании судебных актов или актов уполномоченных органов, наложивших соответствующий арест (запрещение).

Судебная практика в данном случае складывается неоднозначная. Суды часто становятся на сторону регистрирующего органа и устанавливают, что решение о государственной регистрации в связи с признанием должника банкротом и открытием конкурсного производства, без по-

ступления в орган регистрации прав соответствующего постановления о снятии ранее наложенных по различным основаниям и в связи с различными обстоятельствами арестов, не является основанием для погашения данной записи. Вместе с тем также существует и противоположная позиция, при которой суды поддерживают заявителя, желающего погасить арест, что отражается, например, в Решении Арбитражного суда Краснодарского края от 21 сентября 2020 г. по делу А32-24942/2020 [5].

Поэтому, на наш взгляд, имеется очевидная потребность в совершенствовании действующего законодательства путем создания механизма уведомления государственного регистратора о необходимости погашения регистрационных записей об арестах (ограничениях), наложенных при рассмотрении дела о банкротстве, для дальнейшей реализации имущества должника.

Список литературы

1. Об исполнительном производстве: Федеральный закон от 02.10.2007 № 229-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2007. № 41. Ст. 4849.

2. О государственной регистрации недвижимости: Федеральный закон от 13.07.2015 № 218-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2015. № 29 (ч. I). Ст. 4344.

3. О несостоятельности (банкротстве): Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2002. № 43. Ст. 4190.

4. Письмо Минэкономразвития России от 16.06.2017 № ОГ-Д23-7439 // Кодификация РФ. Действующее законодательство Российской Федерации. URL: https://rulaws.ru/acts/Pismo-Rosreestra-ot-22.09.2017-N-14-11524-GE_17/ (дата обращения: 20.09.2020).

5. Решение Арбитражного суда Краснодарского края от 21 сентября 2020 г. по делу А32-24942/2020 // Судебные и нормативные акты РФ. Судакт. URL: https://sudact.ru/arbitral/court/reshenya-as-krasnodarskogo-kraia/ (дата обращения: 20.09.2020).

References

1. On enforcement proceedings: Federal Law of 02.10.2007 No 229-FZ // Collection of the Legislation of the Russian Federation. 2007. No. 41. Art. 4849.

2. On state registration of real estate: Federal Law of 13.07.2015 No. 218-FZ // Collection of the Legislation of the Russian Federation. 2015. No. 29 (part I). Art. 4344.

3. On insolvency (bankruptcy): Federal Law of 26.10.2002 No 127-FZ // Collection of the Legislation of the Russian Federation. 2002. No. 43. Art. 4190.

4. Letter of the Ministry of Economic Development of Russia dated June 16, 2017 No. OG-D23-7439 // Codification of the Russian Federation. Current legislation of the Russian Federation. URL: https://rulaws.ru/acts/Pismo-Rosreestra-ot-22.09.2017-N-14-11524-GE_17 (access date: September 20, 2020).

5. The decision of the Arbitration Court of the Krasnodar Territory dated September 21, 2020 in the case A32-24942 / 2020 // Judicial and regulatory acts of the Russian Federation. Sudakt. URL: https://sudact.ru/arbitral/court/reshenya-as-krasnodarskogo-kraia/ (access date: September 20, 2020).

УДК/UDC 347.91/.95

Институт третьих лиц в гражданском процессе. Актуальные проблемы участия третьих лиц, не заявляющих самостоятельные требования

Бельчик Анастасия Максимовна
студентка юридического факультета
Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина
г. Краснодар, Россия
e-mail: belchik_a_m@mail.ru

Хасаева Анна Ильмутдиновна
студентка юридического факультета
Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина
г. Краснодар, Россия

Аннотация

В статье рассматривается институт третьих лиц в гражданском процессе, изучается правовое положение данных лиц, дается их характеристика. Определяются основные отличия третьих лиц, заявляющих самостоятельные требования на предмет спора, от не заявляющих самостоятельных требований на предмет спора, соистцов и соответчиков. В результате анализа норм действующего законодательства авторы приходят к выводу, что процессуальное законодательство относительно института третьих лиц имеет ряд пробелов и требует совершенствования. Авторы предлагают пути решения обозначенных в статье проблем.

Ключевые слова: третьи лица, не заявляющие требования на предмет спора, правовой институт, субъектный состав, стороны, соистец, соответчик.

To the question of the concept of third parties in civil proceedings and some problems of participation of third parties who do not make independent claims in the course of legal proceedings

Belchik Anastasya Maksimovna
student of the Faculty of Law
Kuban State Agrarian University
Krasnodar, Russia
e-mail: belchik_a_m@mail.ru

Khasayeva Anna Ilmutdinova
student of the Faculty of Law
Kuban State Agrarian University
Krasnodar, Russia

Abstract

The article examines the institution of third parties in the civil process, studies the legal status of these persons, gives their characteristics. The main differences are determined between third parties making independent claims on the subject of the dispute, from those who do not declare independent claims on the subject of the dispute, co-plaintiffs and co-defendants. As a result of the analysis of the norms of the current legislation, the authors come to the conclusion that the procedural legislation regarding the institution of third parties has a number of gaps and requires improvement. The authors propose ways to solve the problems identified in the article.

Key words: third parties, third parties making claims on the subject of the dispute, third parties not making claims on the subject of the dispute, co-plaintiff, co-respondent, institute.

Положения ст. 46 Конституции Российской Федерации гарантируют каждому право на судебную защиту его прав и свобод [1]. Оно заключается в возбуждении гражданского дела и участии в нем лиц, участвующем в деле. Ст. 34 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (далее - ГПК РФ) к лицам, участвующих в деле, относит тре-

тьих лиц [2], вступающих в начатый судебный процесс ввиду возникшей заинтересованности в разрешении спора наряду со сторонами [3].

Правовое положение третьих лиц характеризуется материально-правовым и процессуальным интересом в исходе дела. Положения ст. 42, 43 ГПК РФ подразделяют третьих лиц на заявляющих и не заявляющих самостоятельные требования относительно предмета спора.

Иск лиц, заявляющих самостоятельные требования относительно части или всего предмета спора, имеет свой предмет и основание. Заинтересованность данных лиц отлична от заинтересованности сторон. В то же время эти лица во многом сходны с истцами. В случае если суд не допустит третье лицо к судебному процессу, оно вправе подать иск и стать истцом в другом процессе. На практике возникает вопрос о правильности отграничения соистцов от третьих лиц, заявляющих самостоятельные требования относительно предмета спора. Основными отличиями данных участников спора от друга являются следующие:

— соистцу противостоит ответчик, третьему лицу - истец и ответчик;
— интересы третьих лиц противоположны интересам сторон, у соистцов интересы совпадают;
— соистцы могут вступить как в начатый процесс, так и подать совместно иск, третьи лица имеют право на вступление только в начатый процесс.

Третьи лица, не заявляющие самостоятельных требований относительно предмета спора, участвуют в судебном процессе на стороне истца или ответчика, поскольку исход дела может повлиять на их законные права или обязанности. Они вступают в процесс по собственной инициативе или привлекаются по ходатайству сторон, суда, прокурора, обладают процессуальными правами и обязанности. Объем прав названных лиц, в отличие от третьих лиц, заявляющих самостоятельные требования, значительно меньше, поскольку рассматриваемые участники процесса выступают в лице предполагаемых сторон спорного материально-

правового отношения и, исходя из данного факта, не посягают на объект спора.

Третьих лиц, не заявляющих самостоятельных требований на предмет спора, необходимо отличать от лиц, которые участвуют в судебном процессе как соответчики. Главное отличие заключается в различии интересов по конкретному рассматриваемому делу. Истцу в судебном процессе в любом случае всегда противостоит соответчик: он несет перед ним ответственность либо в части, либо в полной мере, а третье лицо, не заявляющее самостоятельных требований относительно предмета спора, не несет никакую ответственность перед истцом, и, наоборот, находясь на стороне ответчика, вступает в материальные правоотношения только с данной стороной.

Законодатель детально регламентирует лишь общее положение правового статуса третьих лиц, не заявляющих самостоятельных требований относительно предмета спора, а разрешение отдельных вопросов происходит на усмотрение суда. В связи с данным обстоятельством на практике существуют актуальные проблемы, которые требуют решения.

Исходя из п. 2 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21 января 2016 г. № 1 (далее - Постановление Пленума ВС РФ № 1), к судебным издержкам можно отнести расходы, которые понесли лица, участвующие в деле, в т. ч. и третьи лица, заинтересованные лица [4]. Ст. 94 ГПК РФ относит к таким издержкам расходы на производство осмотра на месте; расходы на оплату услуг представителей; суммы, подлежащие выплате свидетелям, экспертам, специалистам и переводчикам и т. д. Перечень является открытым. Т. е. судебные издержки - это те денежные суммы, которые подлежат взысканию при рассмотрении конкретного дела для возмещения затрат суду, если совершены конкретные процессуальные действия, указанные в действующем законодательстве, а также предназначенные для выплат лицам, оказывающим содействие в осуществление правосудия. Это могут быть, например, специалисты, эксперты. На практике существует спорный вопрос об участии третьих лиц в распределении судебных издержек. Постановление

Пленума ВС РФ № 1 дает разъяснение по поводу третьих лиц, не заявляющих самостоятельных требований относительно предмета спора, по поводу названного вопроса. Практикой выработано два основания, исходя из которых в пользу данных лиц присуждают возможность возмещения судебных издержек. Первое основание заключается в том, что лицо принимает участие в споре на стороне, в чью пользу вынесено постановление, второе условие состоит в фактическом поведении, способствовавшем принятию конкретного судебного акта. Так, если никаких активных действий со стороны лица не совершается, то исключается возможность права на компенсацию понесенных судебных издержек. В Постановлении Пленума ВС РФ № 1 не содержится перечня, который бы определял условия активного поведения третьего лица. Суд сам разрешает данный вопрос, что вызывает некоторые трудности в процессе. Взыскание издержек в пользу третьих лиц, не заявляющих самостоятельных требований на предмет спора, не зависит от того, как вступили в процесс данные лица - по своей инициативе или были привлечены к участию в деле по ходатайству стороны или суда. Таким образом, у названных лиц всегда появляется обязанность возмещать издержки другой стороне. На наш взгляд, это не совсем обоснованное действие. Более актуальным этот вопрос становится тогда, когда присутствует факт неплатежеспособности. Единственным ориентиром при решении названных выше проблем является судебная практика.

На наш взгляд, решить вышеуказанные проблемы можно путем изменений действующего законодательства, касающегося третьих лиц. С целью точного понимания активного поведения третьих лиц, не заявляющих самостоятельных требований относительно предмета спора, мы предлагаем законодательно закрепить перечень, регулирующий данные нормы, а также детально прописать общий вопрос, который касается судебных издержек третьих лиц. Указанные меры помогут усовершенствовать российскую судебную систему, позволят судам принимать решения по конкретному делу не на основе судебной практики, а на основе законодательства.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Собрание законодательства РФ. 2014. № 31. Ст. 4398.

2. Гражданский процессуальный кодекс РФ от 14.11.2002 № 138-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2002. № 46. Ст. 4532.

3. Мохов А. А., Воронцова И. В., Семенова С. Ю. Гражданский процесс (гражданское процессуальное право) России: учебник / Отв. ред. А. А. Мохов. М.: ООО «ЮРИДИЧЕСКАЯ ФИРМА КОНТРАКТ». 2017. 384 с.

4. Постановление Пленума ВС РФ от 21.01.2016 «О некоторых вопросах применения законодательства о возмещении издержек, связанных с рассмотрением дела» // Российская газета. 2016. № 43 (6911).

References

1. Constitution of the Russian Federation / / Collection of the legislation of the Russian Federation. 2014. No 31. Art. 4398.

2. Civil procedure code of the Russian Federation // Collection of the legislation of the Russian Federation. 2002. No 46. Art. 4532.

3. Mokhov A. A., Vorontsova I. V., Semenova S. Yu. Civil process (civil procedural law) Of Russia: textbook / ed. by A. A. Mokhov. - M.: LLC "LAW FIRM CONTRACT". 2017. 384 p.

4. Resolution of the Plenum of the RF armed forces 21.01.2016 "About some questions of application of legislation on compensation for the costs of proceedings"// Rossiyskaya gazeta. 2016. No 43 (6911).

УДК/UDC 343.98

К вопросу о взаимодействии оперативных подразделений ФСИН о России и МВД России

Волченков Владимир Васильевич
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист РФ
Московский университет МВД России им. В. Я. Кикотя
г. Москва, Россия
e-mail: kafedraord2010@yandex.ru

Кислый Олег Алексеевич
кандидат педагогических наук
Государственное бюджетное профессиональное образовательное учреждение
«Колледж полиции»
г. Москва, Россия
e-mail: razboiniki@yandex.ru

Аннотация

В статье рассматриваются вопросы по важнейшим направлениям обеспечения национальной безопасности Российской Федерации от внутренних угроз, а именно борьба с преступностью и охрана общественного порядка. Приоритет в решении указанных задач принадлежит Министерству внутренних дел Российской Федерации, которое является «ядром» системы органов исполнительной власти, призванных защищать жизнь, здоровье, права и свободы граждан, собственность, интересы общества и государства от преступных и иных форм противоправных посягательств и наделённых правом применять меры принуждения.

Ключевые слова: взаимодействие оперативных подразделений, факторы, влияющие на взаимодействие.

To the question about the interaction between operational units of the federal penitentiary service of Russia and ministry of internal affairs of Russia

Volchenkov Vladimir Vasilyevich
Doctor of Law, professor, honored lawyer of Russian Federation
Moscow University of Ministry of Internal Affairs of Russian Federation
Moscow, Russia
e-mail: kafedraord2010@yandex.ru

Kislyy Oleg Alekseyevich
Candidate of Education Sciences
Moscow Police College
Moscow, Russia
e -mail: razboiniki@yandex.ru

Abstract

The article deals with issues which relate to the most important areas of ensuring the national security of the Russian Federation from internal threats, namely the fight against crime and the protection of public order. Priority in solving these tasks belongs to the Ministry of internal Affairs of the Russian Federation which is a component of the system of Executive authorities designed to protect the life, health, rights and freedoms of citizens, property, interests of society and the state from criminal and other illegal encroachments and is entitled to use coercive measures.

Key words: interaction of operational units, the factors affecting the interaction.

Необходимость во взаимодействии оперативных подразделений ФСИН России с оперативными подразделениями МВД России [1] вызвана объективными факторами. В конце 90-х годов XX века ГУИН МВД России перешло в ведение Минюста России [2]. Таким образом, решение задач оперативно-розыскной деятельности по борьбе с преступностью стало осуществляться двумя правоохранительными органами.

За десятилетия накоплен положительный опыт их взаимодействия, но, несмотря на это, вопрос о нём в XXI веке по-прежнему актуален.

Взаимодействие двух правоохранительных органов имеет ряд специфических аспектов. Во-первых, «волна» реформ, повлиявшая на изменения законодательных и нормативных правовых актов, регламентирующих деятельность этих правоохранительных органов, поставила в затруднение установления сотрудничества. Это дало невозможность порой выработать единый подход к их взаимодействию, в силу различия в организации и тактике проведения оперативно-розыскных мероприятий. Главное в предупреждении рецидивной преступности - применение оперативно-розыскных мер указанными правоохранительными органами. Во-вторых, в ст. 2 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» указано, что «частные задачи и объекты, в отношении которых проводятся оперативно-розыскные мероприятия, различны, это и обуславливает их взаимодействие» [3]. Данный аспект определяется общностью задач.

Взаимодействие оперативных подразделений ФСИН России с оперативными подразделениями МВД России последовательно характеризуется наличием единой цели – борьба с преступностью. Ч. 4 ст. 14 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» предусматривает обязанность органов, уполномоченных на осуществление оперативно-розыскной деятельности, информировать другие органы о ставших им известным фактах противоправной деятельности, относящихся к компетенции этих органов. В соответствии со ст. 13 Закона Российской Федерации «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы», учреждения, исполняющие наказания, обязаны в пределах своей компетенции оказывать содействие органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность. Как отмечал А. Ю. Шумилов, взаимодействие субъектов оперативно-розыскной деятельности «заключается в совместной согласованной по целям, задачам, лицам, месту и времени деятельности (сотрудничестве) самостоятельных в организационном отношении субъектов» [4].

При сравнении норм законодательных актов авторы усматривают некоторые несоответствия в регулировании вопросов оперативно-

розыскной деятельности. Во-первых, Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности» не относит к числу её задач обеспечение исполнения уголовного наказания и иных мер уголовно-правового характера, а потому за пределами оперативно-розыскной деятельности ФСИН России фактически остаются лица, осужденные к мерам наказания, альтернативным лишению свободы. Во-вторых, сопоставляя цели и задачи, отражённые в ст.1 и 2 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» и ст. 84 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации, усматривается не только их текстуальное, но и также смысловое расхождение. Так в Уголовно-исполнительном кодексе Российской Федерации цели оперативно-розыскной деятельности совсем не определены – они представляют собой некий симбиоз: «обеспечение личной безопасности осужденных, персонала, других физических лиц». В Федеральном законе «Об оперативно-розыскной деятельности» эта задача изложена, как: «защита жизни, здоровья, прав и свобод человека и гражданина». В Уголовно-исполнительном кодексе Российской Федерации такие цели, как: защита собственности, обеспечение безопасности общества и государства от преступных посягательств не отражены. Следует согласиться с мнением А. П. Исиченко о том, что «задачи оперативно-розыскной деятельности в уголовно-исполнительной системе в целом должны быть скорректированы в сторону сближения с общими задачами оперативно-розыскной деятельности» [5].

Авторы считают необходимым затронуть еще один аспект вследствие необходимости перехода в настоящее время к конкретным действиям, направленным на предупреждение рецидивной преступности. На протяжении десяти лет, на фоне общего снижения преступности в Российской Федерации, уровень рецидива имеет тенденцию к увеличению. Ранее проводившиеся исследования [6] в сфере взаимодействия оперативных подразделений ФСИН России и МВД России показывают, что процент рецидива очень высок - по статистике вновь попадает за решетку каждый третий, освободившийся из мест лишения свободы. Ежедневно из учреждений ФСИН России, расположенных на территории Ярослав-

ской области, освобождается 4-6 лиц, отбывших наказание [7]. За год это число составляет около двух тысяч, но через несколько месяцев больше половины возвращаются назад за решетку. Рецидив (60,7%) совершается в течение первого года после освобождения из мест лишения свободы, «благодаря полезным связям», оставшимся как в местах лишения свободы, так и на «воле». Учитывая «печальную» составляющую рецидива, возникает замкнутый круг: совершил преступление, отбыл наказание, побыл на «воле» и опять в места лишения свободы. В соответствии с Федеральным законом «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы», он осуществляется МВД России. Прежде всего, в отношении лиц, которые совершили преступления при рецидиве преступлений и при опасном или особо опасном рецидиве преступлений (п. 1 ч. 1 и п. 2. ч. 2 ст. 3). В связи с этим, административный надзор в отношении лиц, освобождённых из мест лишения свободы, является в современных условиях одним из основных факторов, сдерживания рецидива. На основании приказа МВД России в осуществлении административного надзора участвуют «сотрудники подразделений, уполномоченных осуществлять оперативно-розыскную деятельность» [8].

На взгляд авторов происходит некий разрыв в деятельности оперативных подразделений ФСИН России и МВД России. Сотрудники оперативных подразделений ФСИН России в соответствии с ч. 1 ст. 84 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации содействуют в выявлении и раскрытии преступлений, однако только тех преступлений, которые совершены осужденными до прибытия в места лишения свободы. Первые, выполнив свою функцию, забывают об этих лицах; вторые, поставив их под административный надзор, не имеют представления, кем же они стали в социальной составляющей, «проведя» пять и более лет в местах лишения свободы, а главное, об их преступных намерениях. Однако, проведя анализ ч. 1 ст. 84 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации и ч. 4 ст. 14 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» усматривается опять-таки несоответствие в части, касающейся информирования других органов о став-

ших им известных фактах противоправной деятельности, т. е. преступлений, совершённых осужденными до прибытия в места лишения свободы.

Авторы считают, что ч. 1 ст. 84 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации должна более детально регламентировать столь важную составляющую оперативно-розыскной деятельности, как взаимодействие между правоохранительными органами. Поскольку ч. 1 ст. 84 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации указывает лишь на одну из форм взаимодействия, будет целесообразным дополнить данную норму следующей формулировкой: «выявление противоправных намерений осужденных лиц на совершение преступлений после их освобождения из мест лишения свободы». Это позволит существенным образом повысить эффективность административного надзора, в котором участвуют и оперативные подразделения МВД России.

Список литературы

1. О некоторых вопросах организации оперативно-розыскной деятельности в системе МВД России: Приказ МВД России от 19 июня 2012 г. № 608 г. // Российская газета. 3 августа 2012 г. № 177.

2. О передаче уголовно-исполнительной системы Министерства внутренних дел Российской Федерации в ведение Министерства юстиции Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 28 июля 1998 г. № 904 // Собрание законодательства Российской Федерации. 1998. № 31. Ст. 3841.

3. Лукашин М. В. Некоторые проблемы правового обеспечения взаимодействия полиции с оперативными подразделениями ФСИН России // Вестник Владимирского юридического института. – Владимир. Изд-во ВЮИ ФСИН России. 2013. № 1 (26).

4. Оперативно-розыскная энциклопедия / А. Ю. Шумилов. – М.: Изд-во Шумилова И. И., 2004.

5. Исиченко А. П. Оперативно-розыскная деятельность в исправительных учреждениях // Ведомости уголовно-исполнительной системы. – М., № 1. 2012

6. Кудрявцев А. В. Проблемы правового регулирования взаимодействия оперативных подразделений УИС с иными органами, осуществляющими ОРД // Вестник института. Научно-практический журнал Вологодского института права и экономики ФСИН. Преступление. Наказание. Исправление. – Вологда: Изд-во Волог. Ин-та права и экон. ФСИН России. № 2 (18).

7. Сайт ZASUDILI.RU Каждый третий досрочно освобожденный вновь попадает в тюрьму. 19.11.2012.

8. О Порядке осуществления административного надзора за лицами, освобожденными из мест лишения свободы: Приказ МВД России от 8 июля 2011 г. № 818 // Российская газета. 26 августа 2011 г. № 189.

References

1. On some issues of the organization of operational-search activities in the system of the Ministry of Internal Affairs of Russia: Order of the Ministry of Internal Affairs of Russia dated June 19, 2012 No. 608 // Rossiyskaya Gazeta. August 3, 2012 No. 177.

2. On the transfer of the penal system of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation to the jurisdiction of the Ministry of Justice of the Russian Federation: Decree of the President of the Russian Federation of July 28, 1998 No. 904 Collection of the Legislation of the Russian Federation. 1998. No. 31. Art. 3841.

3. Lukashin M. V. Some problems of legal support for police interaction with operational units of the Federal Penitentiary Service of Russia // Bulletin of the Vladimir Law Institute. - Vladimir. Publishing house of the All-Russian Federal Penitentiary Service of Russia. 2013. No. 1 (26).

4. Operational-search encyclopedia / A. Yu. Shumilov. - M.: Publishing house of Shumilov I. I., 2004.

5. Isichenko A. P. Operational-search activity in correctional institutions // Bulletin of the penal system. - M., No. 1. 2012

6. Kudryavtsev A. V. Problems of legal regulation of the interaction of operational divisions of the penal system with other bodies carrying out ORD // Bulletin of the Institute. Scientific and practical journal of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service. A crime. Punishment. Correction. - Vologda: Publishing house Volog. Institute of Law and Economics. FSIN of Russia. No. 2 (18).

7. Site ZASUDILI.RU Every third person released early goes to prison again. 19.11.2012.

8. On the Procedure for the implementation of administrative supervision over persons released from places of deprivation of liberty: Order of the Ministry of Internal Affairs of Russia dated July 8, 2011 No. 818 // Rossiyskaya Gazeta. August 26, 2011 No. 189.

УДК/UDC 347.61/64

Дискуссионные вопросы соглашения об уплате алиментов

Ерёмин Олег Леонидович
студент юридического факультета
Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина
г. Краснодар, Россия
e-mail: oleg.eriomin1997@yandex.ru

Аннотация

Семейный кодекс Российской Федерации предоставляет сторонам алиментного обязательства возможность урегулировать все разногласия, однако в реальной жизни исполнение данной обязанности обеспечивается принудительной силой государства. Причина в том, что алиментное соглашение является относительно молодым институтом семейного права и, как следствие, имеет много проблем и недостатков. Данная научная статья посвящена исследованию договора об уплате алиментов. В статье рассматриваются спорные вопросы терминологии, алиментных обязательств и правовой природы договора об уплате алиментов. Раскрывается влияние особенностей юридической природы соглашения на требования, выдвигаемые к его субъектному составу. Выявляются и анализируются междисциплинарные «пограничные» сферы договорного регулирования. В результате проведенного исследования автор приходит к выводу, что алиментное соглашение не может рассматриваться ни как гражданско-правовой договор, ни как семейно-правовой договор, а является межотраслевым «пограничным» комплексным правовым институтом. В статье анализируются нормы семейного и гражданского законодательства. Полученные выводы могут быть использованы в дальнейших исследованиях для совершенствования правового регулирования соглашения об уплате алиментов.

Ключевые слова: соглашение об уплате алиментов, плательщик алиментов, получатель алиментов, семейно-правовой договор, гражданско-правовой договор, правовая природа алиментного соглашения, межотраслевой комплексный правовой институт.

Debatable questions of the agreement of the payment of alimony

Eremin Oleg Leonidovich
student of the Faculty of Law
Kuban State Agrarian University
Krasnodar, Russia
e-mail: oleg.eriomin1997@yandex.ru

Abstract

The family code of the Russian Federation provides the parties to the alimony obligation with the opportunity to settle all disputes, but in real life, this obligation is enforced by the state. The reason is that the alimony agreement is a relatively young institution of family law and, as a result, has many problems and disadvantages. This scientific article is devoted to the study of the contract for the payment of alimony. The article deals with controversial issues of terminology, alimony obligations and the legal nature of the contract for the payment of alimony. The article reveals the influence of the legal nature of the agreement on the requirements for its subject composition. Interdisciplinary "borderline"areas of contractual regulation are identified and analyzed. As a result of the research, the author comes to the conclusion that the alimony agreement cannot be considered either as a civil contract or as a family law contract, but is an intersectoral "borderline"complex legal institution. The article analyzes the norms of family and civil legislation. The obtained conclusions can be used in further research to improve the legal regulation of the agreement on the payment of alimony.

Key words: agreement on the payment of alimony, the payer of the alimony, the recipient of alimony, a family law contract, civil contract, the legal nature of alimony agreements, intersectoral complex legal institution.

В настоящее время в России изменились приоритеты внутригосударственной политики. Вопросы укрепления российской семьи поставлены Президентом Российской Федерации на один уровень с вопросами национальной безопасности, экономического развития [1, с. 652].

В этом году исполнилось 25 лет с момента принятия Семейного кодекса Российской Федерации (далее - СК РФ), который изменил пра-

вовое регулирование семейных отношений, придал демократический характер семейному законодательству. Существенно выросла сфера применения диспозитивных начал. Усилилась роль таких средств саморегулирования семейных отношений, как семейно-правовые договоры и соглашения, что в советское время невозможно было даже представить.

В данной статье рассмотрим такой институт семейного права, как алиментное соглашение, его правовую природу и особенности договорной конструкции. В современной правовой действительности данное соглашение выступает как явление многогранное.

Многие вопросы, содержащие анализ алиментного соглашения (юридическая природа, отраслевая принадлежность и место в правовой системе, понятие договора, его предмет, состав участников, роль в регулировании семейных отношений), остаются до сих пор спорными и нерешенными, несмотря на появление в последние годы большого числа диссертационных исследований, монографий и научных статей.

Поэтому считаем, что глубокое понимание сущности алиментного соглашения является необходимым условием успешного функционирования этого правового института на практике.

Алименты в семейном праве - это средства, которые по законодательству одни члены семьи обязаны уплачивать на содержание других. Само понятие алиментов известно еще со времен Древнего Рима (от лат. alimentum - пища, питание). Первыми алиментщиками в мире были отцы незаконнорожденных детей. Позднее была установлена обя-занность детей содержать родителей в старости или в случае болезни. В Риме постепенное уменьшение неограниченной власти отца над членами семьи привело в начале эпохи Империи к законодательному закреплению обязательного содержания: одних родственников другими согласно законным бракам или кровному родству и внебрачными детьми матери и ее родителей. Уже у греков существовало государственное обеспечение пожилых и неработоспособных граждан и детей-сирот [2, с. 24].

Предоставление материального содержания при алиментировании происходит по различным причинам, но в первую очередь по социально-

экономическим. Государство принимает на себя во многих случаях бремя содержания недееспособных и ограниченно дееспособных лиц: выплачивает пенсии, пособия и зачисляет их на государственное обеспечение. Но даже у самого процветающего государства возможности небезграничны.

Система семейной помощи детям и престарелым, сложившаяся исторически, получила наиболее сильное выражение в правовом институте алиментирования и была закреплена в законодательстве большинства стран мира [3, с. 38].

Алиментная обязанность может появиться как по решению суда, так и по договору об уплате алиментов. Ранее уплата алиментов осуществлялась на основании судебного решения. Это было традиционной практикой в России двадцатого столетия. Алиментный же договор — это новый институт российского семейного права.

Действовавший ранее Кодекс о браке и семье РСФСР (1969 г.) [4] закреплял возможность регулирования семейных отношений исключительно государством (ст. 6). Алиментные правоотношения регулировались императивными нормами, а механизм реализации соглашения об уплате алиментов вообще не был прописан законом (ст. 67).

С принятием действующего СК РФ институт алиментных соглашений получил более четкую, ясную и полную правовую регламентацию.

Соглашению об уплате алиментов посвящена гл. 16 СК РФ [5], которая регулирует заключение, исполнение, изменение, расторжение и признание недействительным такого соглашения. Однако современное законодательство не дает полного определения понятия соглашения об уплате алиментов.

Так, например, по мнению С. П. Гришаева, соглашение об уплате алиментов (алиментное соглашение) — это соглашение между лицом, обязанным уплачивать алименты, и их получателем относительно размера, условий и порядка выплаты алиментов [6].

А. П. Сергеев и Ю. К. Толстой определили, что алиментное соглашение представляет собой гражданско-правовой договор, в силу которо-

го плательщик алиментов обязуется предоставлять получателю алиментов материальное содержание на согласованных условиях [7, с. 569].

Есть и другое определение: «Под алиментным соглашением понимается договор между двумя лицами, в силу которого устанавливаются обязанности должника в пользу кредитора, имеющего законный интерес в получении содержания, по выплате алиментов, а также компенсации расходов кредитора в течение установленного срока в определенном размере и форме с возможностью принудительного исполнения без обращения в суд» [8, с. 81].

Опираясь на нормы СК РФ и постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 26 декабря 2017 г. № 56 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел, связанных со взысканием алиментов» [9], можно определить соглашение об уплате алиментов как подлежащее нотариальному удостоверению письменное соглашение, устанавливающее размер, сроки, порядок и другие условия выплаты алиментов, заключаемое между лицом, обязанным уплачивать алименты по закону, и их получателем, которые в силу закона имеют право на их получение, с возможностью принудительного исполнения без обращения в суд. Недееспособные и не полностью дееспособные лица заключают соглашение об уплате алиментов с согласия их законных представителей.

Данное определение включает в себя указание на добровольный характер исполнения обязанности по уплате алиментов, нотариальную форму соглашения, а также упоминает субъекты соглашения.

Другим дискуссионным вопросом, который важен для определения правовой основы регулирования алиментных соглашений, является вопрос о том, может ли заключаться алиментное соглашение между любыми субъектами гражданского права или только между теми, которые указаны в СК РФ.

С одной точки зрения (М. В. Антокольская, Е. А. Чефранова, Л. М. Пчелинцева), алиментное соглашение может быть заключено как между субъектами, имеющими право на взыскание алиментов в судебном

порядке, так и между любыми другими лицами, если одна из сторон добровольно возлагает на себя алиментную обязанность.

Не предусмотренные законом соглашения об уплате алиментов могут заключаться в двух вариантах:

1) между субъектами алиментного обязательства, указанными в семейном законодательстве, но в ситуациях, не предусмотренных им (например, трудоспособные супруги);
2) между лицами, которые вообще не считаются алиментнообязанными в действующем СК РФ (например, племянники и дяди, опекуны и попечители) [10, с. 235].

Своими правами граждане могут распоряжаться по своему усмотрению. Они осуществляют их по своей воле и в своих интересах. Таким образом стороны имеют право заключать алиментное соглашение несмотря на то, что указанные в законодательстве основания отсутствуют.

В силу п. 2 ст. 421 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее - ГК РФ) [11] стороны могут заключить договор как предусмотренный, так и как не предусмотренный законом или иными правовыми актами. Отношения по такому договору оказываются неурегулированными законодательством. В этом случае в соответствии со ст. 6 ГК РФ и ст. 5 СК РФ упорядочивание отношений происходит с помощью аналогии закона по нормам гл. 16 СК РФ, регулирующим соглашение об уплате алиментов [12, с. 407].

Другой точки зрения придерживаются юристы (А. П. Сергеев, Ю. К. Толстой, А. М. Нечаева и др.), стоящие на позиции замкнутости круга субъектов алиментных соглашений [13, с. 311; 7, с. 572]. По их мнению, таковыми могут быть лишь члены семьи и бывшие члены семьи, указанные в гл. 13–15 СК РФ. Лица, которые не входят в субъектный состав алиментных обязательств, субъектами соглашений об уплате алиментов не являются. Не согласны они и с акцентом на свободу договора, т. к. в ГК РФ много договорных конструкций, где субъектный состав строго определен законом (например, кредитный договор). Точно так же

и семейный и безвозмездный характер алиментного соглашения не распространяется на неограниченный круг лиц. Между такими субъектами могут быть заключены только договоры о предоставлении содержания. Применения к этим договорам гл. 16 СК РФ по аналогии невозможно.

Сходная точка зрения изложена и в Обзоре судебной практики Верховного Суда Российской Федерации: «Соглашение об уплате алиментов, имеющее силу исполнительного листа, как следует из содержания ст. 99 СК РФ, может быть заключено только между лицом, обязанным уплачивать алименты, и их получателем — лицом, имеющим право на взыскание алиментов в судебном порядке (гл. 13–15 СК РФ) при наличии предусмотренных законом условий. Лицо вправе принять на себя добровольное обязательство, не являющееся алиментным применительно к гл. 15 СК РФ, по денежному содержанию другого лица и в том случае, если отсутствуют предусмотренные законом условия для выплаты алиментов этому лицу и оно не отнесено к кругу лиц, имеющих право требовать алименты в судебном порядке. Такой договор о предоставлении денежного содержания другому лицу в случае его нотариального удостоверения силу исполнительного листа не имеет» [15].

Хотя заключение соглашений о добровольном предоставлении содержания между фактическими супругами, родственниками дальних степеней родства, лицами, состоящими в отношениях свойства, не противоречит принципам гражданского права и имеет право на существование, возникшее обязательство не является алиментным в строгом смысле этого слова, а будет скорее гражданско-правовой сделкой. Более всего оно относится к так называемым непоименованным договорам (т. е. договорам, не предусмотренным ГК РФ) [6]. Или это договоры дарения. От привычных нам договоров дарения такие договоры отличаются способом передачи дара. Чаще всего это периодические платежи [17, с. 181].

Таким образом, субъектами соглашения об уплате алиментов являются лица, обязанные в силу закона уплачивать алименты, и их получатели.

Самой важной, на наш взгляд, проблемой обсуждения является определение юридико-отраслевой природы договоров и соглашений в семейном праве, что связано с различной трактовкой их правовой сущности.

Вопрос о правовой природе соглашения об уплате алиментов тоже является дискуссионным, потому что отношения сторон, которые вступают в правоотношения, регулируются нормами как семейного, так и гражданского законодательства Российской Федерации. В результате этого сложились различные позиции ученых:

1) соглашение об уплате алиментов определяется как гражданско-правовой договор, гражданско-правовое соглашение или гражданско-правовая сделка;
2) алиментное соглашение рассматривается как семейно-правовой договор или семейно-правовая конструкция.

Аргументация представителей первой точки зрения, в частности А. П. Сергеева, Б. М. Гонгало, П. В. Крашенинникова, М. В. Антокольской, сводится к следующим моментам. Алиментное соглашение соответствует всем признакам гражданского договора. При заключении, исполнении, расторжении и признании недействительными алиментных соглашений, а также при несоблюдении установленной формы применяются нормы гражданского законодательства (ст. 101 СК РФ, ст. 165 ГК РФ) [10, с. 232].

ГК РФ также содержит упоминания об алиментах: не допускается залог требований об уплате алиментов (ст. 336), переход к другому лицу требований об алиментах (ст. 383), зачет требований об уплате алиментов (ст. 411), первоочередное взыскание алиментов (ст. 855). Различные нюансы алиментных отношений регулируются также ст. 1109, 1112, 1183 ГК РФ [15, с. 178].

Таким образом, гражданское законодательство вбирает в свой ареал правового регулирования многие стороны алиментных обязательств.

Такой подход является цивилистическим. Он исходит из того, что семейное право выполняет служебную роль по отношению к праву граж-

данскому. В науке до сих пор распространено мнение, что гражданское право является базовой основной отраслью права, а семейное право - специальной. А беря во внимание еще и нормы ст. 4 и 5 СК РФ, можно сказать, что применение гражданско-правового подхода предполагает смешанный характер любого семейного института.

Цивилистическому противостоит подход, отстаивающий семейно-правовой характер соглашения об уплате алиментов, которого придерживаются С. Ю. Чашкова, О. Н Низамиева и другие ученые.

О. Н. Низамиева считает, что по своей природе алиментное соглашение - семейно-правовой договор, имеющий целью установление добровольного (внесудебного) порядка уплаты алиментов. Права и обязанности по предоставлению содержания одними членами семьи другим возникают в силу императивных норм СК РФ. Соглашение же об уплате алиментов является одним из способов формализации уже существующих алиментных обязательств [20].

С. Ю. Чашкова, защищая данную правовую позицию, указывает, что алиментные обязательства обладают своей спецификой, которая их отличает от гражданско-правовых договоров, например: безвозмездность алиментных обязательств, личный характер отношений, особая юридическая связь субъектов (как правило, родственная), ограничение равенства, имущественная самостоятельность и их специфическая социальная характеристика (возраст, нетрудоспособность, нуждаемость) [21, с. 113].

К алиментному соглашению не применяются основополагающие принципы гражданского права, такие как равенство участников, неприкосновенность собственности, недопустимость вмешательства в частные дела. При заключении соглашения об уплате алиментов права и обязанности ограничены рамками законодательства. Стороны не могут произвольно, по своей воле устанавливать обязанности в своем интересе, т. к. на первое место всегда ставятся интересы того лица, в чью пользу должны быть выплачены алименты.

Субъектами гражданско-правовых обязательств могут быть как физические, так и юридические лица, административно-территориальные образования и государство. Субъектами же алиментных обязательств могут выступать только физические лица. Алиментные обязательства носят сугубо личный характер, исключают возможность их передачи третьему лицу, например при наследовании, переводе долга, при уступке требования.

Алиментное соглашение обладает серьезной спецификой, т. к. все существенные условия соглашения об уплате алиментов вытекают из семейного права. Размер алиментов, периодичность выплат, предельные сроки выплаты алиментов указаны в законе.

О. В. Капитова подчеркивает, что самый главный элемент любого гражданско-правового договора - его предмет - в соглашении об уплате алиментов не определяют, т. к. он уже установлен законом [22, с. 66].

Хотя по вопросу предмета имеются и другие точки зрения. Е. А. Усачева считает, что предмет соглашения составляют не алименты сами по себе, а именно их размер, как, например, предмет договора займа составляет конкретная денежная сумма, а не деньги вообще, предмет договора купли-продажи недвижимости составляет объект, расположенный по конкретному адресу, а не абстрактная недвижимость и т. д. [23]. Однако позиция сторонников семейно-правового подхода к соглашению об уплате алиментов такими оценками не исчерпывается.

В литературе встречаются и другие достаточно интересные и оригинальные точки зрения на юридическую природу рассматриваемого института. На наш взгляд, соглашение об уплате алиментов имеет двойственную семейно-правовую и гражданско-правовую природу.

Даже сторонники цивилистического подхода считают, что алиментное соглашение имеет семейную «окраску». Ими подчеркиваются и особенности субъектного состава, и то, что соглашение об уплате алиментов имеет силу исполнительного листа (п. 2 ст. 100 СК РФ), и отличные от содержащихся в ГК РФ специальные основания изменения или расторжения соглашения, признание его недействительным. Более категорично

изложены в СК РФ некоторые правила, заимствованные из ГК РФ, такие как форма изменения или расторжения договора (п. 2 ст. 101 СК РФ), недопустимость одностороннего отказа от исполнения договора (п. 3 ст. 101 СК РФ) и др.

Хотим также сослаться на мнение О. Ю. Косовой, которая считает, что алиментные обязательства обладают правовыми качествами, которые, с одной стороны, объединяют их с близкими обязательственными правоотношениями, такими как пожизненное содержание с иждивением и дарение, а с другой — определяют их семейно-правовую специфику (субъектный состав, объект, гарантии осуществления прав и др.), не позволяющую включать их в систему гражданско-правового обязательственного правоотношения [24, с. 1].

На двойственную сущность алиментного соглашения обращают внимание Е. А. Усачева и Л. В. Дзюбровская, правда, в несколько других аспектах. По их мнению, соглашение об уплате алиментов обладает комплексной правовой природой и представляет собой семейно-правовой договор и исполнительный документ где, «с одной стороны, оно выступает как перечень условий, необходимых для соглашения как договора, с другой стороны, как перечень реквизитов, характеризующих соглашение об уплате алиментов как исполнительный документ» [25, с. 32].

Юридическая природа соглашения об уплате алиментов многогранна. С материально-правовой позиции это семейно-правовой договор, с процессуальной позиции это исполнительный документ, внесудебно-договорной способ регулирования исполнения алиментной обязанности, основание для отказа при принятии искового заявления о взыскании периодических платежей в судебном порядке [19].

В научной литературе уже давно высказывались идеи о многомерности, многоуровневости и иерархических и горизонтальных зависимостях системы права (Ю. К. Толстой) [7], о профилирующих (базовых), специальных и комплексных отраслях права (С. С. Алексеев) [28, с. 159–160; 29, с. 172–173].

Сложная, многокомпонентная структура - показатель силы и совершенства, социальной ценности, регулирующих возможностей права. Такая структура, выражая полифонию приемов и методов юридического регулирования, способна различными средствами воздействовать на общественную жизнь.

В системе права, которая сложилась в нашей стране, прочным и постоянным является комплекс профилирующих (базовых, фундаментальных) отраслей, несмотря на многозвенность своей структуры. Одной их таких отраслей является гражданское право, которое образует ее нерушимое ядро, охватывает сферу частного права и претворяет регулирование на началах юридического равенства сторон.

В соответствии с этими отраслями формируются и функционируют на базе своих общественных отношений специальные отрасли, одной из которых является семейное право. На базе идеи о полимерности системы права можно сделать вывод, что одни и те же отношения могут входить в предмет не одной, а нескольких отраслей права. И указанные отношения, неминуемо взаимодействуя с другими отношениями, входящими в предмет одной отрасли права, не меняя их сути, окрашивают их в специфические тона, на что нужно обязательно обращать внимание.

Интересной является мысль Е. Б. Козловой [25] о том, что при построении системы гражданско-правовых договоров системообразующим признаком является принадлежность норм к определенным отраслям, которые регулируют соответствующие договорные модели. По данному критерию она делит гражданско-правовые договоры на отраслевые, межотраслевые и комплексные. Отраслевые договоры регулируются нормами гражданского права как отрасли законодательства, межотраслевые - нормами актов иной отрасли законодательства, а урегулирование комплексных договоров осуществляется нормами комплексных правовых актов, которые не относятся ни к одной отдельной отрасли законодательства.

В наше время договор, являющийся правовой категорией, вышел за рамки гражданского права как отрасли и получил межотраслевые

черты. Изначально исторически семейное право было в составе гражданского права, а со временем выделилось из него и стало самостоятельной отраслью, хотя, как отмечает В. Ф. Яковлев, по «характеру регулирования» находится близко к гражданскому праву, которое для семейного права является «материнской отраслью» [26, с. 735–736].

И гражданское и семейное право - составляющие частного права, поэтому невозможно себе представить, чтобы эти отрасли существовали одна без другой, т. е. не взаимодействовали.

Поэтому согласимся с В. Д. Рузановой, которая утверждает, что гражданское и семейное право, будучи самостоятельными отраслями и имея свой предмет (соответствующие виды отношений), находятся в тесном взаимодействии, поскольку в силу исторических причин регулируют целые группы смежных отношений [28, с. 82].

Также считаем интересным по этому поводу высказывание Ю. К. Толстого о том, что с принятием ГК РФ «семейное право отнюдь не поглощается им и не утрачивает своей специфики, хотя в связи с переходом к рыночной экономике и возрастанием роли товарно-денежных отношений действительно происходит сближение категорий и понятий, применяемых в гражданском праве, с одной стороны, и семейным — с другой» [22].

В настоящее время безоговорочно признано наличие зон совместного регулирования, которые возникают на границе смежных отраслей права. Это соприкосновение отражает межотраслевые связи и целостность правового пространства. Такие зоны имеют место в координации отдельных групп отношений и наиболее часто регулируются нормами семейного и гражданского права.

Выше уже было сказано о том, что семейное право «отпочковалось» от гражданского, поэтому очевидно, что они имеют множество точек соприкосновения. Как говорит В. Д. Рузанова, «есть и такие отношения, которые нормируются (или должны нормироваться) одновременно гражданским и семейным правом, но как бы с разных сторон» [28, с. 97].

Можно привести следующие примеры: взаимосвязь между гражданско-правовой регламентацией имущественных прав и обязанностей несовершеннолетних граждан с осуществлением ими права собственности на жилое помещение и семейно-правовой обязанностью родителей содержать своих детей (п. 1 ст. 80 СК РФ).

На наш взгляд, данный феномен проявляется в целом ряде институтов, одним из которых является алиментное соглашение. По сути, гражданское законодательство дополняет СК РФ, который содержит прямые указания к целым институтам ГК РФ: опеке и попечительству, договорному праву, исковой давности. Из этого следует, что семейное законодательство регулирует лишь специфические черты семейных правоотношений, если они не обладают спецификой, они регулируются гражданским правом. В частности, алиментное соглашение регулируется общими нормами гражданского договорного права, при этом семейное законодательство содержит положения, регулирующего его особенности.

Комплексные (межотраслевые) институты понимаются отечественными правоведами как правовые институты, содержащие нормы двух и более отраслей права. Вот почему алиментное соглашение воспринимается нами как комплексный межотраслевой правовой институт, находящийся «в ведении» сразу двух отраслей права: гражданского и семейного. Оно неразрывно (трудноразделимо) между обеими отраслями и управляется в силу законодательных предписаний нормами обоих правовых образований.

Наличие комплексных межотраслевых правовых институтов признает С. В. Поленина, называя их также «пограничными», и относит к ним институты, находящиеся на стыке однородных отраслей права, где возникает подвижная предметно-регулятивная связь из-за перераспределения сферы правового регулирования между отраслями права. В основном эта связь обнаруживается там, где на предмет одной отрасли права накладываются некоторые элементы метода правового регулирования другой отрасли.

Пограничные институты могут появиться и как следствие тесного смыкания и известного взаимодействия на определенном участке предметов регулирования смежных однородных отраслей права. «В результате на границе указанных отраслей образуются зоны, регламентирующие единое по существу общественное отношение, обладающее, однако, в определенных своих частях оттенками, модификациями, обусловленными спецификой той или иной отрасли» [29].

К комплексным межотраслевым «пограничным» правовым институтам С. В. Поленина относит совместную собственность супругов и брачный договор.

На наш взгляд, имеет место факт «удвоения структуры права» по отношению к комплексным отраслям права, о котором писал С. С. Алексеев [30, с. 142]. Оставаясь нормами основных отраслей права (в данном случае гражданского), отдельные гражданско-правовые предписания проникают, встраиваются во вторичную правовую структуру — специальную отрасль семейного права, что довольно часто подтверждается в нормах СК РФ. Здесь имеется ввиду вероятность субсидиарного применения норм гражданского права к семейным отношениям (ст. 4 и 5 СК РФ).

Такого рода нормы сохраняют свою «постоянную прописку» в ГК РФ, но при необходимости привлекаются для регулирования отношений между членами семьи, т. к. это в известной мере не идет вразрез с сутью семейных отношений.

В заключении обобщим вышесказанное. С одной стороны, соглашение об уплате алиментов действительно регулируется гражданским законодательством. С другой стороны, данное соглашение обладает серьезной спецификой, поскольку все существенные условия соглашения об уплате алиментов так или иначе вытекают из семейного права.

Гражданское законодательство регулирует общий механизм функционирования соглашения об уплате алиментов, а семейное законодательство устанавливает специальные правила, вытекающие из специфического характера алиментных обязательств.

Основываясь на анализе позиций ученых, норм СК РФ о соглашении об уплате алиментов в сопоставлении с нормами ГК РФ, считаем, что соглашение об уплате алиментов является межотраслевым «пограничным» комплексным правовым институтом, сочетающим в себе императивные и диспозитивные нормы, которые определяют взаимное согласие членов семьи или бывших членов семьи.

Оно выполняет превентивную, регулятивную и охранительную функции в семейных отношениях и направлено на реализацию установленных семейным законодательством Российской Федерации прав на получение алиментов и обязанностей по их предоставлению с учетом индивидуально-различных жизненных обстоятельств.

Список литературы

1. Кудрявцева Л. В. О проблемных вопросах правового регулирования, связанных с лишением и ограничением родителей в родительских правах // Научное обеспечение агропромышленного комплекса: сборник статей по материалам 72-й научно-практической конференции преподавателей по итогам НИР за 2016 г. 2017. С. 652–653.

2. Словарь античности. Пер. с нем. М.: Прогресс, 1989. 704 с.

3. Кудрявцева Л. В., Шевченко В. С. Проблемы коллизионного регулирования брачно-семейных отношений в международном частном праве //Актуальные проблемы современности. 2018. № 3 (21). С. 38–43.

4. Кодекс о браке и семье РСФСР от 30.06.1969 // Информационно-правовой портал «Гарант».

5. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ // СПС «Консультант Плюс».

6. Гришаев С. П. Алиментные обязательства // СПС «Консультант Плюс»

7. Гражданское право: учебник: в 3 томах. Т. 3 / Под ред. А. П. Сергеева, Ю. К. Толстого. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Велби, 2005. 848 с.

8. Карпов М. В. О некоторых вопросах заключения соглашения об уплате алиментов // Законы России: опыт, анализ, практика. 2013. № 4. С. 80–83.

9. О применении судами законодательства при рассмотрении дел, связанных со взысканием алиментов: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26.12.2017 № 56 // СПС «Консультант Плюс»

10. Антокольская М. В. Семейное право: учебник. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Норма: Инфра-М, 2013. 336 с.

11. Гражданский кодекс Российской Федерации от 30.11.1994 № 51-ФЗ. Часть первая // СПС «Консультант Плюс».

12. Пчелинцева Л. М. Семейное право России. М., 2006. 688 с.

13. Комментарий к Семейному кодексу Российской Федерации / Отв. ред. А. М. Нечаева. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, Юрайт-Издат, 2011 г.

14. Обзор законодательства и судебной практики Верховного Суда РФ за второй квартал 2004 г. Утв. постановлением Президиума Верховного Суда РФ от 6 октября 2004 г. // Бюллетень Верховного Суда РФ. Январь. 2005. № 1.

15. Семейное право: учебник / Б. М. Гонгало, П. В. Крашенинников, Л. Ю. Михеева, О. А. Рузакова; под ред. П. В. Крашенинникова. М.: Статут, 2016. С. 181.

16. Ахметьянова З. А., Ковалькова Е. Ю., Низамиева О. Н. и др. Комментарий к Семейному кодексу Российской Федерации (постатейный) / Отв. ред. Низамиева О. Н. М.: Проспект, 2010. С. 374.

17. Чашкова С. Ю. Система договорных обязательств в российском семейном праве: дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2004. 197 с.

18. Капитова О. В. Правовая природа механизма алиментирования в семейном праве Российской Федерации: дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2009. 177 с.

19. Усачева Е. А. Юридическая природа соглашения об уплате алиментов // Актуальные проблемы российского права. 2014. № 6 (43).

20. Косова О. Ю. Семейно-правовое регулирование отношений по предоставлению содержания членам семьи: дисс. ... докт. юрид. наук. М., 2005. 386 с.

21. Дзюбровская Л. В. Содержание соглашения об уплате алиментов как исполнительного документа // Семейное и жилищное право. 2010. № 2. С. 32–34.

22 Толстой Ю. К. Гражданское право и гражданское законодательство // Правоведение. 1998. № 2. С. 135–136.

23. Алексеев С. С. Избранное. М.: Статут, 2016.

24. Алексеев, С. С. Общая теория права: учебник. 2-е изд. М: Проспект, 2008. 317 с.

25. Козлова Е. Б. Развитие системы договорных моделей, опосредующих создание объектов недвижимого имущества в Российской Федерации: дисс. ... докт. юрид. наук. М., 2013. 510 с.

26. Яковлев, В. Ф. Гражданское право в системе права // Избранные труды (в 3-х т.). Т. 2. Гражданское право: История и современность. Кн. 1. М.: Статут, 2012. 1328 с.

27. Рузанова В. Д. Гражданское право и семейное право как самостоятельные и взаимосвязанные отрасли // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 5: Юриспруденция. 2013. № 4 (21). С. 76–84.

28. Рузанова В. Д. Вопросы приоритетного действия Гражданского кодекса Российской Федерации по отношению к другим отраслевым кодексам // Вестник Саратовской государственной юридической академии 2014. № 3 (98). С. 95–99.

29. Поленина С. В. Взаимодействие системы права и системы законодательства в современной России // Государство и право. 1999. № 9. С. 5–12.

30. Алексеев С. С. Проблемы теории права: курс лекций (в 2-х т.). Том 1: Основные вопросы общей теории социалистического права. Свердловск, 1972. 396 с.

References

1. Kudryavtseva L. V. On problematic issues of legal regulation related to the deprivation and restriction of parents in parental rights // Scientific support of the agro-industrial complex: a collection of articles based on the materials of the 72nd scientific-practical conference of teachers based on the results of research for 2016 - 2017. Pp. 652-653.

2. The word for antiquity. Per. with him. - Moscow, "Progress 1989. 704 p.

3. Kudryavtseva L. V., Shevchenko V. S. Problems of conflict regulation of marriage and family relations in private international law // Actual problems of the present. 2018. No. 3 (21). Pp. 38-43.

4. Code on marriage and family of the RSFSR dated July 30, 1969 // Information and legal portal GARANT.RU

5. Family Code of the Russian Federation of December 29, 1995 No. 223-FZ // Consultant Plus.

6. Grishaev S. P. Alimony obligations // Consultant Plus. 2011 r.

7. Civil law: textbook: in 3 volumes. Volume 3 / ed. A. P. Sergeeva, Yu .K. Tolstoy. - 4th ed., Revised. and add. - Moscow: Welby, 2005. 848 p.

8. Karpov M. V. On some conclusions of the agreement on the payment of alimony // Laws of Russia: experience, analysis, practice. 2013. No. 4. Pp. 80-83.

9. On the application of the court in the consideration of cases related to the recovery of alimony: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of December 26, 2017 No. 56 // Consultant Plus.

10. Antokolskaya M. V. Family law: textbook / M. V. Antokolskaya - 3rd ed., Revised. and add. - Moscow: Norma: Infra-M, 2013. 336 p.

11. Civil Code of the Russian Federation. Part one of November 30, 1994 № 51-FZ // Consultant Plus.

12. Pchelintseva L. M. Smaynoe right of Russia. M., 2006. 688 p.

13. Commentary on the Family Code of the Russian Federation (Editor-in-chief AM Nechaev) - 3rd ed., Revised. and add. - "Yurayt "Yurayt-Izdat 2011.

14. Review of legislation and judicial practice of the Supreme Court of the Russian Federation for the second quarter of 2004. Approved. Resolution of the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation dated October 6, 2004 // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. January. 2005. No. 1.

15. Family law: textbook / B. M. Gongalo, P. V. Krasheninnikov L. Yu. Mikhe-eva O. A. Ruzakov; ed. P. V. Krasheninnikov. - Moscow: Statute, 2016. P. 181.

16. Akhmetyanova Z. A., Kovalkova E. Yu., Nizamieva O. N. et al. Commentary on the Family Code of the Russian Federation (itemized) (Resp. Ed. ON Nizamieva). - "Prospect 2010. P. 374.

17. Chashkova S. Yu. The system of contractual obligations in Russian family law: Dis. ... Cand. legal. sciences. M. 2004. 197 p.

18. Kapitova O. V. The legal nature of the alimony mechanism in family law of the Russian Federation Dis. ... Cand. legal. sciences. M. 2009.177 p.

19. Usacheva E. A. The legal nature of the agreement on the payment of alimony // Actual problems of Russian law. 2014. No. 6 (43).

20. Kosova O. Yu. Family-legal regulation of relations on the provision of a family member: dis. ... Doct. legal. Sciences: 12.00.03 Kosova Olga Yurevna. - Moscow, 2005. 386 p.

21. Dzyubrovskaya L. V. The content of the agreement on the payment of alimony as an executive document // Family and housing law. 2010. No. 2. Pp. 32-34.

22 Tolstoy Yu.K. Civil law and civil legislation // Legal practice. 1998. No. 2. Pp. 135-136.

23. Alekseev S. S. Favorites. - M.: Statute, 2016.

24. Alekseev S. S. General theory of law: textbook / SS Alekseev. - 2nd ed. - Moscow Prospect, 2008. 317 p.

25. Kozlova E. B. Development of a system of contractual models that mediate the creation of real estate objects in the Russian Federation: Dissertation... Doctor of Law. Moscow, 2013. 510 p.

26. Yakovlev V. F. Civil law in the system of law / V. F. Yakovlev // Selected works. [In 3 volumes]. T. 2. Civil law: History and modernity. Book. 1 / V.F. Yakovlev. - M.: Statut, 2012. 1328 p.

27. Ruzanova V. D. Civil law and family law as independent and interconnected industries // Bulletin of the Volgograd State University. Series 5: Jurisprudence. 2013. No. 4 (21). Pp. 76-84.

28. Ruzanova V.D. Questions of priority action of the civil code of the Russian Federation in relation to other industry codes // Bulletin of the Saratov State Law Academy 2014. No. 3 (98). Pp. 95-99.

29. Polenina S. V. The interaction of the system of law and the system of legislation in modern Russia // State and Law. 1999. No. 9.

30. Alekseev S. S. Problems of the theory of law: a course of lectures: in 2 volumes. Volume 1: Basic questions of the general theory of socialist law / S. S. Alekseev. - Sverdlovsk: [b. and.], 1972. 396 p.

УДК/UDC 340

Социально-правовая регламентация искусственного прерывания беременности

Живодрова Надежда Анатольевна
кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права
Пензенский государственный университет
г. Пенза, Российская Федерация
e-mail: jivodrova@mail.ru

Аннотация

В статье приводятся положения международного и отечественного законодательства, касающиеся репродуктивных прав, в частности закрепленное право женщин решать вопрос о материнстве. Анализируются отечественные акты здравоохранения, закрепляющие социальное и медицинские показания к прерыванию беременности. Раскрываются признаки законного искусственного прерывания беременности. Делается вывод о необходимости реформирования норм действующего законодательства.

Ключевые слова: искусственное прерывание беременности, сроки прерывания беременности, социальное показание, медицинские показания, ответственность.

Social and regulation of artificial termination of pregnancy

Zhivodrova Nadezhda Anatolyevna
Candidate of Law, associate professor, department of Criminal Law
Penza State University
Penza, Russia
e-mail: jivodrova@mail.ru

Abstract

The article presents the provisions of international and domestic legislation concerning reproductive rights, in particular the right of women to decide on motherhood. The article analyzes domestic health care acts that establish social and medical indications

for termination of pregnancy. The signs of legal artificial termination of pregnancy are revealed. The conclusion is made about the need to reform the current legislation.

Key words: artificial termination of pregnancy, term of termination of pregnancy, social indication, medical indications, responsibility.

Современная правовая основа обеспечения искусственного прерывания беременности связана с соблюдением репродуктивных прав женщины. Конвенция о ликвидации дискриминации в отношении женщин 1979 г. в ст. 16 закрепляет: «одинаковые права женщин и мужчин свободно и ответственно решать вопрос о числе детей и промежутках между их рождениями и иметь доступ к информации, образованию, а также средствам, которые позволяют им осуществлять это право» [1]. Репродуктивное здоровье и права являлись предметом обсуждения и в ходе проведения Международной конференции ООН по народонаселению и развитию 1994 г. в г. Каир.

В случае наступления незапланированной беременности, согласно нормам международного права, должны быть обеспечены права женщины в области возможности ее прерывания. При этом прерывание беременности должно происходить в условиях оказания доступной и квалифицированной медицинской помощи. Нарушение этих прав признается дискриминацией женщин и, соответственно, грубым нарушением международных норм права по охране материнства, которое, в соответствии п. 2 ст. 25 Всеобщей Декларации прав человека, дает право на «особое попечение и помощь» [2].

Согласно ч. 4 ст. 15 Конституции Российской Федерации составной частью правовой системы нашей страны являются нормы и принципы международного права. В связи с этим представляется, что охрана репродуктивных прав также является конституционно гарантированным правом граждан нашей страны. Также конституционно гарантированными правами гражданина РФ (ст. ст. 20, 41 Конституции РФ) являются право на жизнь и охрану здоровья [3]. Данные права образуют

первооснову для реализации всех остальных прав и законных интересов. При осуществлении незаконного прерывания беременности государство не может гарантировать женщине сохранение жизни и здоровья, а также оказания своевременной полноценной медицинской помощи. В связи с этим осуществление данной процедуры является нарушением не только норм и принципов международного права, но и конституционных прав гражданина. Несомненно, государству присущи свои демографические интересы, однако женщина вправе самостоятельно выбирать – принимать ей участие в осуществлении репродуктивных процессов или нет. Представляется, что праву на материнство должна соответствовать государственная обязанность создания для него всех необходимых условий. При желании женщины прервать беременность, речь идет о степени личной свободы, о границах, в которых субъект может действовать самостоятельно, не опасаясь применения санкций со стороны государства. При неприятии самой идеи материнства женщина может воспользоваться правом на стерилизацию, проведение которой регламентировано Федеральным законом от 21 ноября 2011 г. №323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (ст. 57).

В соответствии с вышеназванным законом каждая женщина вправе решать вопрос о собственном материнстве самостоятельно, что не противоречит нормам международного права (ч. 1 ст. 56). Однако прерывание беременности должно осуществляться только квалифицированными специалистами в установленном законом порядке, и незаконное проведение данной процедуры влечет за собой наступление административной или уголовной ответственности (ч. 8 ст. 56) [4].

Под прерыванием беременности в медицинской литературе понимается преждевременное прерывание беременности, которое может быть самопроизвольным либо искусственным на сроке до 22 недель. Самопроизвольное прерывание беременности обусловливают патологическое протекание беременности либо иные факторы, не связанные с волевым решением человека. В свою очередь, искусственное прерывание беременности

представляет собой результат сознательных действий самой беременной либо третьих лиц.

Что касается юридического понятия искусственного прерывания беременности, то в нормативных актах не существует его точного определения, определяются лишь сроки, в рамках которых возможно его проведение, а также критерии законности. Следует отметить, что исходя из смысла диспозиции ст. 123 УК РФ, понятие искусственного прерывания беременности является более узким по сравнению с медицинским, т.к. им не охватывается самопроизвольное прерывание беременности. С другой стороны, оно является более широким, поскольку распространяется на весь срок беременности.

Действующее законодательство не предусматривает ответственность за прерывание беременности самой женщиной. Искусственное прерывание беременности третьими лицами может быть правомерным или неправомерным; а в последнем случае – содержащим или не содержащим признаки состава административного правонарушения или преступления.

Законным в России признается искусственное прерывание беременности, которое произведено:

1. Надлежащим лицом (врачом, имеющим высшее медицинское образование соответствующего профиля);
2. В надлежащих условиях (в поликлинике или стационаре после проведения всех необходимых анализов и исследований при наличии лицензии на осуществление соответствующей медицинской деятельности);
3. При соблюдении сроков обращения в медицинское учреждение, предусмотренных законодательством (не ранее 48 часов или 7 суток после обращения в медицинское учреждение, в зависимости от сроков беременности);
4. При соблюдении установленных законом сроков беременности (до 12 недель по волеизъявлению женщины; до 22 недель при наличии социального показания);

5. При наличии добровольного письменного согласия женщины (искусственное прерывание беременности у несовершеннолетних младше 15 лет, а также несовершеннолетних, больных наркоманией младше 16 лет, проводится на основе добровольного информированного согласия одного из родителей или иного законного представителя).

Форма согласия утверждена Приказом Минздрава России от 07.04.2016 № 216 н «Об утверждении формы информированного добровольного согласия на проведение искусственного прерывания беременности по желанию женщины». Под информированностью понимают разъяснение пациентке об отсутствии противопоказаний для вынашивания данной беременности и рождению ребенка, о возможных последствиях и осложнениях и др. [5].

Нарушение вышеназванных сроков и требований о получении информированного добровольного согласия влечет административную ответственность (ст. 6.32 КоАП РФ) [6], а в случае, проведения искусственного прерывания беременности лицом, не имеющим соответствующего медицинского образования - уголовную ответственность (ст. 123 УК РФ) [7].

Искусственное прерывание беременности производится в соответствии с Порядком оказания медицинской помощи по профилю «акушерство и гинекология (за исключением использования вспомогательных репродуктивных технологий)», утвержденном Приказом Минздрава России от 1 ноября 2012 г. № 572 н [8]. Оно осуществляется в рамках программ обязательного медицинского страхования в учреждениях, имеющих лицензию на указанный вид деятельности, медицинскими работниками, имеющими специальную подготовку.

На сроке беременности более 12 недель производство искусственного прерывания беременности возможно по социальным показаниям (при сроке беременности до 22 недель), а при наличии медицинских показаний – вне зависимости от срока беременности. Медицинскими противопоказаниями к проведению данной процедуры являются острые вос-

палительные и инфекционные заболевания. Перечень медицинских показаний для искусственного прерывания беременности установлен Приказом Минздравсоцразвития России «Об утверждении Перечня медицинских показаний для искусственного прерывания беременности» [9]. Указанные показания могут быть разделены на: показания по состоянию здоровья матери и показания со стороны плода. К показаниям по состоянию здоровья матери относятся некоторые инфекционные заболевания и паразитные болезни, злокачественные новообразования, болезни эндокринной системы, нарушения обмена веществ (тяжелые формы сахарного диабета и другие заболевания), болезни крови и кроветворных органов, психические расстройства, болезни нервной системы и др., а также физиологическая незрелость (возраст до 15 лет). Показания со стороны плода: врожденные аномалии (пороки развития), деформации и хромосомные нарушения.

Социальные показания к проведению процедуры определяет Правительство РФ. До августа 2003 г. социальных показаний было тринадцать. Согласно Постановлению Правительства РФ от 11 августа 2003 г. № 485 «О перечне социальных показаний для искусственного прерывания беременности», их число было сокращено до четырех. К их числу относились: наличие решения суда о лишении либо ограничении родительских прав женщины, наступление беременности в результате изнасилования, пребывание женщины в местах лишения свободы, наличие инвалидности I–II группы у мужа либо смерть мужа в период беременности [10].

В настоящее время в соответствии с Постановлением Правительства РФ от 6 февраля 2012 г. № 98 «О социальном показании для искусственного прерывания беременности» социальным показанием для искусственного прерывания беременности является только беременность, которая наступила в результате совершения преступления, предусмотренного ст. 131 УК РФ (изнасилование) [11]. Вопрос о проведении искусственного прерывания беременности по социальным показаниям решает комиссия в составе руководителя медицинской организации, вра-

ча акушера-гинеколога, юриста, специалиста по социальной работе. Комиссией рассматривается письменное заявление женщины, заключение врача акушера-гинеколога о сроке беременности, документы, которые подтверждают наличие социального показания для искусственного прерывания беременности.

Вместе с тем нормативно-правовое регулирование искусственного прерывания беременности имеет ряд недостатков, на которые неоднократно указывали многие исследователи. Так, следует согласиться с предложением М. А. Горбатовой об установлении формы документа, подтверждающего факт беременности, наступившей в результате изнасилования и закрепления более длительного срока для прерывания беременности по социальному показанию [12].

Поддерживаем устоявшуюся позицию ученых-правоведов о необходимости внесения изменений и дополнений о включении в диспозицию ст. 123 УК РФ требований нормативных актов здравоохранения, регламентирующих порядок проведения искусственного прерывания беременности (проведение искусственного прерывания беременности вне медицинских организаций; при нарушении сроков беременности; нарушение правил и порядка проведения операции по искусственному прерыванию беременности лицом, имеющим высшее медицинское образование соответствующего профиля) [13-18]. Данные изменения прекратят существующие споры в науке, ликвидируют пробелы в законодательстве и позволят привлекать виновных лиц к ответственности.

Таким образом, российское законодательство не содержит определения искусственного прерывания беременности, однако на основании проведенного исследования можно дать следующее определение. Искусственное прерывание беременности – это преждевременное прерывание беременности в соответствии с медицинскими и социальными показаниями в установленные законом сроки и в порядке, установленном законодательством РФ. Согласно нормам международного права и законодательству РФ, должны быть обеспечены права женщины в области возможности прерывания беременности. Прерывание беременности должны

осуществлять только квалифицированные специалисты в установленном законом порядке, в противном случае должны следовать адекватные меры реагирования со стороны государства.

Список литературы

1. Конвенция о ликвидации дискриминации в отношении женщин (Заключена 18.12.1979) (с изм. от 22.05.1995) // Ведомости ВС СССР. 1982. № 25. Ст. 464.

2. Всеобщая декларация прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948) // Российская газета. № 67. 05.04.1995.

3. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=2875&dst=0&rnd=0.1562919115040977#09592175629386486 (дата обращения: 08.10.2020)

4. Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации: федеральный закон от 21 ноября 2011 г. №323-ФЗ (ред. от 31.07.2020) // Российская газета. № 263. 23.11.2011.

5. Об утверждении формы информированного добровольного согласия на проведение искусственного прерывания беременности по желанию женщины: приказ Минздрава России от 07.04.2016 № 216н // Российская газета. № 105. 18.05.2016.

6. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 31.07.2020) // Российская газета. № 256. 31.12.2001.

7. Уголовный кодекс РФ от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 31.07.2020) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

8. Об утверждении Порядка оказания медицинской помощи по профилю «акушерство и гинекология (за исключением использования вспомогательных репродуктивных технологий)»: приказ Минздрава России от 01.11.2012 № 572н (ред. от 21.02.2020) // Российская газета (специальный выпуск). № 90/1. 25.04.2013.

9. Об утверждении Перечня медицинских показаний для искусственного прерывания беременности: приказ Минздравсоцразвития РФ от 03.12.2007 № 736 (ред. от 27.12.2011) // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 2008. № 9.

10. О перечне социальных показаний для искусственного прерывания беременности: постановление Правительства РФ от 11.08.2003 № 485 // Российская газета. - № 161. - 15.08.2003. (утратило силу).

11. О социальном показании для искусственного прерывания беременности: постановление Правительства РФ от 06.02.2012 № 98 // Российская газета. № 32. 15.02.2012.

12. Горбатова М. А. Некоторые проблемы уголовной ответственности за незаконное производство аборта // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: право. 2013. Том 13. С. 44-48.

13. Гецманова И. В. Правовое регулирование искусственного прерывания беременности и ответственности за незаконное производство аборта: история, проблемы, перспективы // Медицинское право. 2016. № 5. С. 31-35.

14. Дядюн К. В. Охрана репродуктивной сферы как элемент гендерного подхода в нормах Особенной части уголовного закона РФ // Вопросы современной юриспруденции. 2016. № 61. С. 110-121.

15. Мальцева Н. Н., Морозова Е. А., Левченко В. Е., Новиков О. О., Крикун Е. Н. Уголовно-правовой аспект операции по искусственному прерыванию беременности: возможные проблемы и пути их решения // Современные проблемы науки и образования. - 2016. № 5. С. 153-161.

16. Симонян Р. З. Актуальные проблемы уголовной ответственности за незаконное проведение искусственного прерывания беременности // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований, 2016. № 11. С. 552- 555.

17. Казакова В.А. Преступления против здоровья ненасильственного характера // Пробелы в российском законодательстве. 2018. № 6. С. 134-143.

18. Калугина Н. Г., Позднев А. Р. Искусственное прерывание беременности: уголовно-правовой аспект // Здоровье, демография, экология финно-угорских народов. – 2018. № 4. С. 28-32.

References

1. Convention on the elimination of discrimination against women (concluded on 18.12.1979) (as amended) from 22.05.1995) // Vedomosti VS SSSR. 1982. No. 25. Art. 464.

2. The universal Declaration of human rights (adopted by the UN General Assembly 10.12.1948) // Rossiyskaya Gazeta. No 67. 05.04.1995.

3. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12.12.1993 with amendments approved during the all-Russian vote on 01.07.2020). [Electronic resource] // Mode of access: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=2875&dst=0&rnd=0.1562919115040977#09592175629386486 (access date: October 08, 2020).

4. On the basics of public health protection in the Russian Federation: Federal law No. 323-FZ of November 21, 2011 (ed. from 31.07.2020) // Rossiyskaya Gazeta. No 263. 23.11.2011.

5. On approval of the form of informed voluntary consent to perform artificial termination of pregnancy at the request of a woman: order of the Ministry of health of the Russian Federation No. 216n dated 07.04.2016 // Rossiyskaya Gazeta. No. 105. 18.05.2016.

6. Code of the Russian Federation on administrative offenses of 30.12.2001 No. 195-FZ (ed. of 31.07.2020) // Rossiyskaya Gazeta. No. 256. 31.12.2001.

7. The criminal code of the Russian Federation from 13.06.1996 № 63-FZ (as amended on 31.07.2020) // Collection of the legislation of the Russian Federation. 1996. No. 25. Art. 2954.

8. On approval of the procedure for providing medical care in the profile "obstetrics and gynecology (except for the use of assisted reproductive technologies)": order of the Ministry of health of the Russian Federation dated 01.11.2012 No. 572n (ed. from 21.02.2020) // Rossiyskaya Gazeta (special issue). No. 90/1. 25.04.2013.

9. On approval of the list of medical indications for artificial termination of pregnancy: order of the Ministry of health and social development of the Russian Federation from 03.12.2007 No. 736 (ed. from 27.12.2011) // Bulletin of normative acts of Federal Executive authorities. 2008. No. 9.

10. On the list of social indications for artificial termination of pregnancy: decree of the government of the Russian Federation No. 485 of 11.08.2003 // Rossiyskaya Gazeta. No 161. 15.08.2003. (expire).

11. On social indications for artificial termination of pregnancy: decree of the government of the Russian Federation No. 98 of 06.02.2012 // Rossiyskaya Gazeta. No. 32. 15.02.2012.

12. Gorbatova M. A. Some problems of criminal liability for illegal abortion // Bulletin of the South Ural state University. Series: pravo. 2013. Volume 13. Pp. 44-48.

13. Getmanova I. V. Legal regulation of abortion and penalties for illegal abortion: history, problems, prospects // Medical law. 2016. No. 5. Pp. 31-35.

14. Dyadyun K. V. reproductive sphere as an element of the gender approach in the norms of the Special part of the criminal law of the Russian Federation // Questions of modern jurisprudence. 2016. No. 61. Pp. 110-121.

15. Maltseva N. N., Morozova E. A., Levchenko V. E., Novikov O. O., Krikun E. N. Criminal-legal aspect of operation for artificial termination of pregnancy: possible problems and ways to solve them // Modern problems of science and education. 2016. No. 5. Pp. 153-161.

16. Simonyan R. Z. Actual problems of criminal liability for illegal artificial termination of pregnancy // International journal of applied and fundamental research, 2016. No. 11. Pp. 552-555.

17. Kazakova V. A. Crimes against health of non-violent nature // Gaps in Russian legislation. 2018. No. 6. Pp. 134-143.

18. Kalugina N. G., Pozdnev A. R. Artificial termination of pregnancy: criminal-legal aspect // Health, demography, ecology of Finno-Ugric peoples. 2018. No. 4. Pp. 28-32.

УДК/UDC 352

Ретроспективный анализ развития нормативно-правовых актов о противодействии коррупции в городе Пенза

Живодрова Светлана Анатольевна
кандидат исторических, доцент кафедры государственного управления и социологии региона
Пензенский государственный университет,
г. Пенза, Российская Федерация
e-mail: jivodrova_s@mail.ru

Аннотация

Коррупция на современном этапе развития российского государства является одним из наиболее опасных явлений, способствующих увеличению количества правонарушений, не только в обществе, но и в системе государственного и муниципального управления. Коррупция снижает эффективность исполнения, органами публичной власти закрепленных полномочий, одновременно подрывая авторитет государственных и муниципальных служащих. Выявление причин, условий и особенностей развития коррупции в системе местного самоуправления способствует разработке эффективной политики, направленной на пресечение и предупреждение данных явлений. В рамках данной статье раскрыты основные этапы принятия нормативно-правовых актов по противодействию коррупции в городе Пенза.

Ключевые слова: коррупция, муниципальная служба, муниципальные служащие, антикоррупционная политика.

Retrospective analysis of the development of legal acts on anti-corruption in the city of Penza

Zhivodrova Svetlana Anatolyevna
Candidate of History, associate Professor of the Department of Public administration and sociology of the region
Penza state University, Penza, Russian Federation
e-mail: jivodrova_s@mail.ru

Abstract

Corruption at the present stage of development of the Russian state is one of the most dangerous phenomena that contribute to an increase in the number of offenses, not only in society, but also in the system of state and municipal administration. Corruption reduces the effectiveness of public authorities ' performance of assigned powers, while undermining the authority of state and municipal employees. Identification of the causes, conditions and features of corruption in the local government system contributes to the development of effective policies aimed at preventing and suppressing these phenomena. This article describes the main stages of adoption of legal acts to combat corruption in the city of Penza.

Key words: corruption, municipal service, municipal employees, anti-corruption policy.

Зародившись вместе с общественными отношениями и государственным строем, коррупция в современном мире представляет собой совокупность способов и инструментов, используемых заинтересованными людьми для того, чтобы склонить должностных лиц органов государственной и муниципальной власти к совершению определенных действий. В зависимости от масштаба этих действий и используемых инструментов влияния они квалифицируются как административные правонарушения или уголовные преступления.

Особенности системы местного самоуправления, содержания и основных направлений работы органов муниципальной власти приводит к тому, что, с одной стороны, система местного самоуправления больше подвержена коррупции, с другой стороны – эти явления характеризуются повышенным уровнем социально-экономической опасности. Это связано с тем, что в системе местного самоуправления сосредоточены основные ресурсы, связанные с материально-техническим, финансовым, экономическим, кадровым, информационным обеспечением муниципальных образований и соответствующими ресурсами для реализации оперативного управления в данной сфере.

Противодействие коррупции представляет собой деятельность не только органов государственной и муниципальной власти, а также ин-

ститутов и структур гражданского общества, направленную на выявление и устранение причин и рисков коррупции, ее профилактику, а также непосредственное выявление и предупреждение, пресечение и раскрытие коррупционных преступлений, минимизацию или ликвидацию их последствий. Основные меры подобного противодействия предусмотрены российским законодательством:

- реализация мероприятий, направленных на формирование в российском обществе нетерпимости к коррупционному поведению;
- обеспечение информационной открытости органов государственной власти и местного самоуправления;
- проведение антикоррупционной экспертизы нормативно-правовых актов и их проектов;
- предъявление ряда требований к кандидатам на государственную и муниципальную службу;
- установление запретов и ограничений для государственных и муниципальных служащих;
- установление обязанности государственных и муниципальных служащих предоставлять сведения о своем имуществе, доходах, обязательствах, носящих имущественный характер;
- установление мер юридической ответственности для лиц, обвиняемых в совершении правонарушений коррупционного характера;
- развитие институтов контроля, в том числе, общественного контроля за соблюдением основных законодательных положений о противодействии коррупции.

В городе Пенза созданы и успешно реализуются необходимые правовые и организационные условия для проведения единой государственно-муниципальной политики по противодействию коррупции. Формирование и совершенствование антикоррупционной политики и организация деятельности органов местного самоуправления города по решению задач, направленных на противодействие коррупции является

одним из важных направлений деятельности, находящемся под контролем Главы города и Главы Администрации.

Главными принципами работы в этой сфере являются, приоритетность профилактических мер, обеспечение четкой правовой регламентации деятельности должностных лиц органов местного самоуправления, совершенствование процедур предоставления муниципальных услуг, а также решения других вопросов, непосредственно затрагивающих права и законные интересы граждан и юридических лиц. Работа по противодействию коррупции на муниципальной службе ведется по следующим основным направлениям:

1. Формирование организационно-правовой основы противодействия коррупции;
2. Реализация мер по минимизации коррупциогенных факторов в деятельности органов власти и управления;
3. Обеспечение исполнения лицами, замещающими муниципальные должности и муниципальными служащими ограничений и запретов, установленных в целях противодействия коррупции;
4. Организация взаимодействия с институтами гражданского общества и гражданами повышение эффективности информационно-пропагандистских и просветительских мер, направленных на создание в обществе атмосферы нетерпимости к коррупционным проявлениям.

Деятельность по совершенствованию организации работы по противодействию коррупции в органах местного самоуправления Пензенского городского округа организуется на основе принятого распоряжения Губернатора Пензенской области от 28.08.2014 № 257-р «О некоторых вопросах организации работы по противодействию коррупции в органах местного самоуправления муниципальных образований Пензенской области» [1].

На основе данного распоряжения для повышения эффективности работы по противодействию коррупции в городе Пенза:

— разработан и утвержден «План противодействия коррупции»;

— определены должностные лица, ответственные за реализацию соответствующих мероприятий плана;
— установлен порядок ежеквартального формирования отчетной информации.

При утверждении условий контракта с Главой администрации города Пензы предусмотрена обязанность главы администрации города уведомлять в письменной форме работодателя о личной заинтересованности при исполнении должностных обязанностей, которая может привести к конфликту интересов, и принимать меры по предотвращению подобного конфликта. Данная мера нашла свое правовое закрепление в решении Пензенской городской Думы от 25.03.2005 N 55-6/4 «Об утверждении условий контракта с Главой администрации города Пензы» [2].

В целях повышения эффективности муниципальной службы в городе Пензе и контроля за соблюдением ограничений и запретов, связанных с муниципальной службой глава администрации города Пензы утвердил «Порядок организации проверки сведений, предоставляемых лицами, замещающими должности муниципальной службы в администрации города, иных органах местного самоуправления города Пензы» путем принятия постановления Главы администрации города Пензы от 11.09.2006 № 1055 [3].

Решением Пензенской городской Думы от 30.11.2007 N 825-41/4 было утверждено Положение «О проведении аттестации муниципальных служащих в городе Пензе». В механизм проведения аттестации включен расширенный перечень вопросов, затрагивающих знания антикоррупционного законодательства аттестуемыми [4].

В органах местного самоуправления образованы комиссии по соблюдению требований к служебному поведению муниципальных служащих и урегулированию конфликта интересов. Данная правовая норма нашла свое закрепление в решении Пензенской городской Думы от 23.04.2009 № 31-5/5 [5].

Постановлением Администрации г. Пензы от 16.07.2009 N 925 был утвержден порядок уведомления представителя нанимателя (работода-

теля) о фактах обращения в целях склонения муниципального служащего, замещающего должность муниципальной службы в администрации города к совершению коррупционных правонарушений [6].

Безусловную эффективность в борьбе с коррупцией демонстрирует также возложенная на муниципальных служащих федеральным законом «О муниципальной службе в РФ» обязанность ежегодно декларировать свои доходы и сведения об обязательствах имущественного характера, приобретенном имуществе [7, ст. 15.1]. Решением Пензенской городской Думы от 27.11.2009 № 214-11/5 был утвержден перечень муниципальных должностей и должностей муниципальной службы в городе Пензе, при назначении на которые граждане и при замещении которых муниципальные служащие города Пензы, лица, замещающие муниципальные должности на постоянной основе, обязаны представлять сведения о своих доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера, а также сведения о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера своих супруги (супруга) и несовершеннолетних детей [8].

Одним из направлений по противодействию коррупции является деятельность по проведению антикоррупционной экспертизы. В связи, с чем решением Пензенской городской Думы от 24.06.2010 № 370-19/5 и постановлением Администрации г. Пензы от 10.09.2010 N 983 был утвержден «Порядок проведения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов города Пензы» [9].

Одним из важнейших в условиях современного государства направлением противодействия коррупции в системе муниципального управления является повышение значимости требований к служебному поведению муниципального служащего и соблюдению им требований, предъявляемых кодексами профессиональной этики. С целью обеспечения условий для добросовестного и эффективного исполнения муниципальными служащими администрации города Пензы должностных обязанностей был утвержден постановлением Администрации г. Пензы от 22.06.2011 №

716 «Кодекс этики и служебного поведения муниципальных служащих в администрации города Пензы» [10].

Данный нормативно-правовой акт выступает в качестве одного из средств повышения эффективности выполнения обязанностей муниципальных служащих, а также авторитета и престижа муниципальной службы, формирования доверия населения к соответствующих властным структурам. Знание его содержания и требований муниципальными служащими является своего рода доказательством их профессиональной пригодности, эффективности работы и качества служебного поведения. Требованиями Кодекса определяются принципы и правила поведения муниципальных служащих, критерии их оценки, нормы ответственности за нарушение предъявляемых требований.

Разработанные в кодексе меры выступают в качестве важнейших элементов формирования правовой и корпоративной культуры муниципальных служащих и одним из эффективных нравственных механизмов противодействия коррупции. Соответственно, активное поддержание этики и морали муниципальной службы будет способствовать и формированию антикоррупционной культуры. Установление четких критериев ответственности и создание реально действующих контрольных органов позволит значительно снизить уровень коррупционных рисков [11, с.117-118].

В городе Пенза постановлением Администрации г. Пензы от 03.09.2012 N 1080 утвержден порядок применения взысканий к муниципальным служащим за несоблюдение ограничений и запретов, требований о предотвращении или об урегулировании конфликта интересов и неисполнение обязанностей, установленных в целях противодействия коррупции [12].

Решением Пензенской городской Думы от 22.02.2013 N 1141-48/5 усовершенствованы меры по реализации отдельных положений Федерального законодательства в части противодействия коррупции [13].

В целях формирования целостной системы общественного контроля за деятельностью органов местного самоуправления города Пензы

постановлением Администрации г. Пензы от 26.11.2013 N 1412 создан «Совет общественности по противодействию «бытовой» коррупции при главе администрации города Пензы.

Основными задачами Совета общественности являются:

— анализ мер по предупреждению коррупции, по выявлению и последующему устранению причин развития коррупции в городе Пензе;
— изучение практики применения мер по противодействию «бытовой» коррупции;
— содействие в разработке программных мероприятий по реализации антикоррупционной политики в городе Пензе;
— внесение предложений в администрацию города Пензы по вопросам минимизации коррупционных проявлений;
— поддержка гражданских инициатив, направленных на противодействие коррупции;
— участие в проведении антикоррупционной пропаганды, формирование нетерпимого отношения населения города Пензы к проявлениям коррупции.

Основными формами работы Совета общественности являются:

— проведение заседаний по обсуждению и анализу хода реализации антикоррупционных мер на территории города Пензы;
— проведение общественной проверки органов местного самоуправления, муниципальных и иных организаций с целью выявления причин и условий возникновения «бытовой» коррупции;
— разработка рекомендаций руководителям органов местного самоуправления города Пензы, руководителям муниципальных и иных организаций по улучшению работы по противодействию коррупции;
— изучение мнения жителей города Пензы об уровне развития коррупции, о действенности принимаемых мер по борьбе с ней;
— участие в разработке и реализации программ, направленных на противодействие коррупции;

— информационная и консультативная поддержка некоммерческих организаций, общественных объединений (движений) города Пензы, а также гражданских инициатив, направленных на формирование в обществе нетерпимости к коррупционному поведению [14].

Постановлением администрации города Пензы от 28.11.2013 № 1415 образован Совет по противодействию коррупции при главе администрации города Пензы. Совет является совещательным органом, который оказывает содействие главе Администрации, иным органам местного самоуправления в вопросах разработки и реализации антикоррупционной политики на территории муниципального образования. Совет был создан с целью:

— участия в разработке и реализации приоритетных направлений осуществления антикоррупционной политики во взаимодействии с территориальными органами федеральных органов исполнительной власти, исполнительными органами государственной власти Пензенской области, органами местного самоуправления города Пензы, предприятиями, учреждениями и организациями, гражданами и общественными объединениями;
— подготовки предложений, направленных на реализацию мероприятий по предупреждению, пресечению и устранению причин и условий, способствующих возникновению коррупции в городе Пензе.

Функции совета заключаются в:

— участии в разработке и реализации направлений, форм и методов антикоррупционной политики;
— содействии развитию общественного контроля за реализацией антикоррупционной политики;
— поддержке общественных объединений, деятельность которых направлена на противодействие коррупции;

— рассмотрении результатов антикоррупционной экспертизы проектов и вступивших в силу правовых актов органов местного самоуправления города Пензы [15].

Решением Пензенской городской Думы от 25.04.2014 № 1484-61/5 принят порядок сообщения лицами, замещающими муниципальную должность, муниципальными служащими о получении подарка в связи с протокольными мероприятиями, служебными командировками и другими официальными мероприятиями, участие в которых связано с исполнением ими служебных (должностных) обязанностей, сдачи и оценки подарка, реализации (выкупа) и зачисления средств, вырученных от его реализации [16].

Постановлением администрации города Пензы от 15.08.2014 № 960 утверждена муниципальная программа «Развитие и повышение эффективности муниципальной службы в городе Пензе на 2015 - 2020 годы», подпрограмма – «Противодействие коррупции в городе Пензе на 2015 - 2020 годы» [17].

В январе 2014 года в структуре Администрации города Пенза был создан Отдел противодействия коррупции с целью:

— профилактики коррупционных и иных правонарушений в администрации города, иных органах местного самоуправления и муниципальных учреждений (предприятий, организациях) города Пензы.
— обеспечения деятельности по соблюдению муниципальными служащими, замещающими должности муниципальной службы в администрации города Пензы, а также руководителями иных органов местного самоуправления города Пензы, запретов, ограничений, обязательств и правил служебного поведения.
— методического обеспечения и мониторинга реализации законодательства в сфере профилактики коррупционных правонарушений на муниципальной службе в городе Пензе.

Постановлением администрации города Пензы от 25.12.2015 N 2227 утверждается «Порядок уведомления представителя нанимателя (работодателя) муниципальными служащими администрации города Пензы о возникновении личной заинтересованности при исполнении должностных обязанностей, которая может привести к конфликту интересов» [18].

Решением Пензенской городской Думы было приятно ряд нормативно-правовых актов, в частности:

— от 29.04.2016 № 450-21/6 образована Комиссия Пензенской городской Думы по контролю за достоверностью сведений о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера, представляемых депутатами Пензенской городской Думы;
— от 29.04.2016 № 449-21/6 было утверждено Положение о Комиссии Пензенской городской Думы по контролю за достоверностью сведений о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера, представляемых депутатами Пензенской городской Думы
— от 29.04.2016 № 453-21/6 внесены изменения в решение Пензенской городской Думы от 25.04.2014 № 1484-61/5 «Об утверждении Положения «О порядке уведомления лицами, замещающими муниципальную должность, муниципальными служащими о получении подарков на официальных мероприятиях в связи с их должностным положением или исполнением ими должностных обязанностей, сдачи и оценки подарка, реализации (выкупа) и зачисления средств, вырученных от его реализации»;
— от 29.04.2016 № 452-21/6 утвержден Порядок размещения на официальном сайте Пензенской городской Думы в информационно – телекоммуникационной сети «Интернет» представляемых депутатами сведений о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера, сведений об источниках получения средств, за счет которых совершена сделка по приобретению земельного участка, другого объекта недви-

жимости, транспортного средства, ценных бумаг, акций (долей участия, паев в уставных (складочных) капиталах организаций), и порядок предоставления этих сведений средствам массовой информации для опубликования в связи с их запросом»

— от 27.05.2016 № 485-22/6 принят порядок принятия лицами, замещающими муниципальные должности и осуществляющими свои полномочия на постоянной основе, почетных и специальных званий, наград и иных знаков отличия (за исключением научных и спортивных) иностранных государств, международных организаций, политических партий, иных общественных объединений и других организаций.

Постановлением администрации города Пензы от 09.09.2016 № 1530 утверждена форма соглашения о сотрудничестве по противодействию коррупции на территории города Пензы.

Постановлением администрации города Пензы от 31.03.2017 № 537 обновлен порядок уведомления представителя нанимателя (работодателя) о фактах обращения в целях склонения муниципального служащего, замещающего должность муниципальной службы в администрации города Пензы, к совершению коррупционных правонарушений [19].

Администрация города Пензы в 2017 году приняла активное участие во Всероссийской акции, включающей интерактивную лекцию «Объединяя усилия бизнеса и власти: системные меры по предупреждению коррупции», приуроченную к Международному дню борьбы с коррупцией.

28 сентября 2017 года в здании администрации города Пензы состоялось подписание очередного соглашения о сотрудничестве по противодействию коррупции на территории города Пензы. Указанное соглашение действует в соответствии с Федеральным законом от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» в рамках основных направлений деятельности органов по повышению эффективности противодействия коррупции.

Согласно ст. 7 Федерального закона «О противодействии коррупции» одним из направления деятельности является создание механизма взаимодействия правоохранительных и иных государственных органов с общественными и парламентскими комиссиями по вопросам противодействия коррупции, а также с гражданами и институтами гражданского общества.

В целях реализации указанной статьи постановлением администрации города Пензы от 09.09.2016 №1530 утверждена форма соглашения о сотрудничестве по противодействию коррупции на территории города Пензы, согласно приложению к настоящему постановлению.

Предметом данного Соглашения является сотрудничество между администрацией города Пензы и общественным объединением, с целью:

1. Реализации антикоррупционной политики на территории города Пензы;
2. Совершенствования антикоррупционного законодательства по противодействию коррупции, устранению причин и условий, порождающих коррупцию;
3. Искоренения злоупотреблений и пресечения преступлений с использованием служебного положения;
4. Обеспечения норм служебной этики муниципальными служащими;
5. Создания благоприятных условий для экономического развития города Пензы [20].

В марте 2018 года был осуществлен запуск муниципальной антикоррупционной онлайн площадки. Главной целью данной Площадки является полный охват антикоррупционных мероприятий и открытой информации муниципальных органов и организаций города. Указанную цель обозначил Президент Российской Федерации 1 марта 2018 года в послании Президента Федеральному собранию, на котором В. В. Путин сказал: «Цифровизация работы властей позволит повысить прозрачность и бороться с коррупцией».

В апреле 2018 года Администрацией города Пензы был утвержден план мероприятий («дорожной карты») по реализации принципов и механизмов (инструментов) открытости деятельности администрации города Пензы [21].

С целью повышения эффективности деятельности работников органов местного самоуправления, муниципальных учреждений, предприятий и иных организаций города Пензы, ответственных за работу по профилактике коррупционных и иных правонарушений утвержден «Порядок оценки деятельности указанных работников» [22].

По результатам Всероссийского конкурса «Лучшие кадровые практики и инициативы в системе государственного и муниципального управления» кадровая практика администрации Пензы признана лучшей на федеральном уровне, администрация города Пензы удостоена Благодарности Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации.

На сайте администрации города Пенза жителям города предлагается пройти онлайн-опрос «Исследование эффективности принимаемых антикоррупционных мер в городе Пензе». Основными задачами опроса общественного мнения в рамках исследования эффективности принимаемых антикоррупционных мер в городе Пенза выступают:

— исследование общественного мнения различных слоёв населения для определения уровня восприятия коррупции населением;
— определение доли граждан, доверяющих деятельности органов государственной власти города Пенза в 2018-2019 гг.;
— определение, по мнению граждан, уровня информационной прозрачности деятельности органов государственной власти города Пенза;
— определение доли граждан, сталкивавшихся с проявлениями коррупции;
— определение степени информированности граждан о проблемах коррупции и антикоррупционных мероприятиях, проводимых в городе Пенза;

— определение причин возникновения коррупции в различных сферах жизнедеятельности (по мнению респондентов);
— оценка эффективности мероприятий по противодействию коррупции в органах государственной власти городе Пенза (по мнению респондентов) [23].

Результаты, проводимых социальных опросов населения позволяют органам местного самоуправления скорректировать комплекс мероприятий, направленных на противодействие коррупции, как в органах муниципальной власти, так и в подведомственных предприятиях и учреждениях.

Анализ содержания принятых органами местного самоуправления нормативно-правовых актов и их практики реализации, позволяет сделать вывод о необходимости продолжения дальнейшей работы по противодействию коррупции путем:

— внедрения в практику деятельности муниципальных служащих и сотрудников муниципальных предприятий и учреждений неукоснительного соблюдения норм антикоррупционного законодательства Российской Федерации;
— совершенствование законодательства с учетом мнения населения, выявляемого путем проведения социологических опросов и в соответствии с изменяющимися условиями развития общества и государства, а также лучших зарубежных практик борьбы с данным явлением;
— формирования среди всех слоев населения нетерпимого отношения к совершению действий коррупционного характера.

Список литературы

1. О некоторых вопросах организации работы по противодействию коррупции в органах местного самоуправления муниципальных образований Пензенской области: Распоряжение Губернатора Пензенской области от 23.09.2015 № 340 [Электронный ресурс] Режим доступа: http://docs.cntd.ru/document/432804301 (дата обращения: 13.10.2020)

2. Об утверждении условий контракта с Главой администрации города Пензы: Решение Пензенской городской Думы от 25.03.2005 № 55-6/4 [Электронный ресурс] Режим доступа: http://docs.cntd.ru/document/440546839 (дата обращения: 14.10.2020)

3. Порядок организации проверки сведений, предоставляемых лицами, замещающими должности муниципальной службы в администрации города, иных органах местного самоуправления города Пензы: Постановление Главы администрации города Пензы от 11.09.2006 № 1055. [Электронный ресурс] Режим доступа: http://docs.cntd.ru/document/440542319 (дата обращения: 14.10.2020).

4. О проведении аттестации муниципальных служащих в городе Пензе: Решение Пензенской городской Думы от 30.11.2007 № 825-41/4 [Электронный ресурс] Режим доступа: http://docs.cntd.ru/document/440545508 (дата обращения: 13.10.2020).

5. Об утверждении Положения «О комиссиях по соблюдению требований к служебному поведению муниципальных служащих и урегулированию конфликта интересов»: Решение Пензенской городской Думы от 23.04.2009 № 31-5/5. [Электронный ресурс] Режим доступа: http://docs.cntd.ru/document/440546360 (дата обращения: 13.10.2020).

6. Порядок уведомления представителя нанимателя (работодателя) о фактах обращения в целях склонения муниципального служащего, замещающего должность муниципальной службы в администрации города к совершению коррупционных правонарушений: Постановление Администрации г. Пензы от 16.07.2009 № 925 [Электронный ресурс] Режим доступа: http://docs.cntd.ru/document/440541953(дата обращения: 15.10.2020).

7. О муниципальной службе в Российской Федерации: Федеральный закон Российской Федерации от 02.03.2007 № 25-ФЗ [Электронный ресурс] Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_66530/(дата обращения: 13.10.2020).

8. О перечне муниципальных должностей и должностей муниципальной службы в городе Пензе, при назначении на которые граждане и при замещении которых муниципальные служащие города Пензы, лица, замещающие муниципальные должности на постоянной основе, обязаны представлять сведения о своих доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера, а также сведения о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера своих супруги (супруга) и несовершеннолетних детей: Решение Пензенской городской Думы от 27.11.2009 № 214-11/5 [Электронный ресурс] Режим доступа: http://docs.cntd.ru/document/440544186 (дата обращения: 15.10.2020).

9. Об утверждении порядка проведения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов города Пен-

зы: Решение Пензенской городской Думы от 24.06.2010 № 370-19/5 [Электронный ресурс] Режим доступа: http://docs.cntd.ru/document/440543949 (дата обращения: 15.10.2020).

10. Об утверждении Кодекса этики и служебного поведения муниципальных служащих в администрации города Пензы: Постановление Администрации г. Пензы от 22.06.2011 № 716 [Электронный ресурс] Режим доступа: http:http://docs.cntd.ru/document/440546681 22.06.2011 № 716 (дата обращения: 14.10.2020).

11. Рассадина О.В., Живодрова С.А. Реализация антикоррупционной политики в системе муниципального управления. // II Всероссийская научно-практическая конференция «Социум и жизненное пространство (междисциплинарные аспекты) – Пенза, изд-во АННОО «Приволжский дом знаний», 2019. С.114-120.

12. Об утверждении Порядка применения взысканий к муниципальным служащим администрации города Пензы за несоблюдение ограничений и запретов, требований о предотвращении или об урегулировании конфликта интересов и неисполнение обязанностей, установленных в целях противодействия коррупции: Постановление Администрации г. Пензы от 03.09.2012 № 1080 [Электронный ресурс] Режим доступа: http://docs.cntd.ru/document/440545247 (дата обращения: 14.10.2020).

13. О мерах по реализации отдельных положений Федерального законодательства в части противодействия коррупции: Решение Пензенской городской Думы от 22.02.2013 № 1141-48/5 [Электронный ресурс] Режим доступа: http://docs.cntd.ru/document/440546582 (дата обращения: 14.10.2020).

14. О совете общественности по противодействию «бытовой» коррупции при главе Администрации города Пензы: постановление Администрация г. Пенза от 26.11.2013 № 1412 [Электронный ресурс] Режим доступа: http://docs.cntd.ru/document/440587154 (дата обращения: 13.10.2020).

15. О Совете по противодействию коррупции при главе Администрации города Пензы: постановление Администрации города Пензы от 28.11.2013 № 1415 [Электронный ресурс] Режим доступа: http://docs.cntd.ru/document/440545044 (дата обращения: 14.10.2020).

16. Об утверждении Порядка сообщения лицами, замещающими муниципальную должность, муниципальными служащими о получении подарка в связи с протокольными мероприятиями, служебными командировками и другими официальными мероприятиями, участие в которых связано с исполнением ими служебных (должностных) обязанностей, сдачи и оценки подарка, реализации (выкупа) и зачисления средств, вырученных от его реализации: Решение Пензенской городской Думы от 25.04.2014 № 1484-61/5 [Электронный ресурс] Режим доступа: https://www.garant.ru/hotlaw/penza/543067/ (дата обращения: 13.10.2020).

17. Об утверждении муниципальной программы «Развитие и повышение эффективности муниципальной службы в городе Пензе на 2015 - 2020 годы»: Постановление администрации города Пензы от 15.08.2014 № 960 [Электронный ресурс] Режим доступа: http://docs.cntd.ru/document/440546084 (дата обращения: 14.10.2020).

18. Об утверждении Порядка уведомления представителя нанимателя (работодателя) муниципальными служащими администрации города Пензы о возникновении личной заинтересованности при исполнении должностных обязанностей, которая может привести к конфликту интересов: Постановление администрации города Пензы от 25.12.2015 № 2227 1415 [Электронный ресурс] Режим доступа: http://docs.cntd.ru/document/440546113 (дата обращения: 14.10.2020).

19. Об утверждении порядка уведомления представителя нанимателя (работодателя) о фактах обращения в целях склонения муниципального служащего, замещающего должность муниципальной службы в администрации города Пензы, к совершению коррупционных правонарушений администрация города Пензы: постановление от 31.03.2017 года № 537 [Электронный ресурс] Режим доступа: http://docs.cntd.ru/document/446177326 (дата обращения: 13.10.2020).

20. Об утверждении формы соглашения о сотрудничестве по противодействию коррупции на территории города Пенза: Постановление администрации города Пензы от 09.09.2016 № 1530 [Электронный ресурс] Режим доступа: http://docs.cntd.ru/document/440546917 (дата обращения: 13.10.2020).

21. Об утверждении Плана мероприятий («дорожной карты») по реализации принципов и механизмов (инструментов) открытости деятельности администрации города Пензы: постановление Администрации города Пензы от 25.04.2018 № 696 [Электронный ресурс] Режим доступа: http://docs.cntd.ru/document/543726040 (дата обращения: 13.10.2020).

22. Об утверждении порядка оценки деятельности ответственных работников органов местного самоуправления, муниципальных учреждений, предприятий и иных организаций города Пензы по профилактике коррупционных и иных правонарушений: постановление Администрации города Пензы от 05.07.2018 №1178 [Электронный ресурс] Режим доступа: http://docs.cntd.ru/document/550144263 (дата обращения: 13.10.2020).

23. Отчёт по результатам опроса населения об исследовании эффективности принимаемых антикоррупционных мер в городе Пенза. [Электронный ресурс] // Режим доступа: https://drive.google.com/file/d/
12gIUHJuMWQSESotzi3FiP8W2QrVQLmmr/view (дата обращения: 14.10.2020).

References

1. About some questions of the organization of work on counteraction of corruption in local self-government bodies of municipalities of the Penza region: The order Of the Governor of the Penza region of 23.09.2015 No 340 [Electronic resource] access mode: http://docs.cntd.ru/document/432804301 (access date: October 13 ,2020).

2. About approval of terms of the contract with the head of administration of the city of Penza: the decision of the Penza city Duma of 25.03.2005 No 55-6/4 [Electronic resource] access mode: http://docs.cntd.ru/document/440546839 (access date: October 14, 2020).

3. The Order of the organization of verification of the data provided by the persons holding positions of municipal service in city administration, other local self-government bodies of the city of Penza: The resolution of the Head of administration of the city of Penza of 11.09.2006 No 1055. [Electronic resource] Mode of access: http://docs.cntd.ru/document/440542319 ((access date: October 14, 2020).

4. About carrying out certification of municipal employees in the city of Penza: the decision of the Penza city Duma of 30.11.2007 No 825-41/4 [Electronic resource] access mode: http://docs.cntd.ru/document/440545508 (access date: October 13, 2020).

5. On approval of the regulations "On commissions for compliance with the requirements for official behavior of municipal employees and conflict of interest resolution": decision of the Penza city Duma of 23.04.2009 No 31-5/5. [Electronic resource] Mode of access: http://docs.cntd.ru/document/440546360 (access date: October 13, 2020).

6. The notification procedure of the representative of the employer (employer) about the address facts for the purpose of inducement of the municipal employee replacing a post of municipal service of the city administration for corruption offenses: resolution of the city of Penza dated 16.07.2009 No. 925 [Electronic resource] Mode of access: http://docs.cntd.ru/document/440541953 (access date: October 15, 2020).

7. On municipal service in the Russian Federation: Federal law of the Russian Federation dated 02.03.2007 No 25-FZ [Electronic resource] Mode of access: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_66530/ (access date: October 13, 2020).

8. About the list of municipal positions and positions of municipal service in the city of Penza, at which appointment citizens and at which replacement municipal employees of the city of Penza, the persons replacing municipal positions on a permanent basis are obliged to provide data on the income, on property and obligations of property character, and also data on the income, on property and obligations of property character of the spouse (spouse) and minor children: the decision of the Penza city Duma of 27.11.2009 No

214-11/5 [Electronic resource] Mode of access: http://docs.cntd.ru/document/440544186 (access date: October 15, 2020).

9. On approval of the procedure For conducting anti-corruption expertise of normative legal acts and draft normative legal acts of the city of Penza: decision of the Penza city Duma of 24.06.2010 No 370-19/5 [Electronic resource] Mode of access: http://docs.cntd.ru/document/440543949 (access date: October 15, 2020).

10. On approval of the Code of ethics and business conduct for municipal employees in the city administration of Penza: the Resolution of Administration of Penza from 22.06.2011 No. 716 [Electronic resource] Mode of access: http:http://docs.cntd.ru/document/440546681 22.06.2011 No. 716 (access date: October 14, 2020).

11. Rassadin O. V., Zhivodrova S. A. The Implementation of anti-corruption policy in the system of municipal management. // II all-Russian scientific and practical conference "Society and living space (interdisciplinary aspects) – Penza, publishing house of the Volga house of knowledge, 2019. Pp. 114-120.

12. On approval of the Procedure of application of penalties to municipal employees of a city administration of Penza for failure to comply with restrictions and prohibitions, requirements on prevention or settlement of conflict of interests and failure to perform duties prescribed in order to counter corruption: resolution of the city of Penza from 03.09.2012 No 1080 [Electronic resource] Mode of access: http://docs.cntd.ru/document/440545247 (access date: October 14, 2020).

13. About measures for implementation of certain provisions of the Federal law on countering corruption: The Decision of the Penza city Duma on 22.02.2013 No 1141-48/5 [Electronic resource] Mode of access: http://docs.cntd.ru/document/440546582 (access date: October 14, 2020).

14. About public Council on combating "domestic"corruption at the head of Administration of Penza city: resolution city Administration of Penza from 26.11.2013 No 1412 [Electronic resource] Mode of access: http://docs.cntd.ru/document/440587154 (access date: October 13, 2020).

15. About the Council for countering corruption at the head of a city Administration of Penza: the resolution of a city Administration of Penza of 28.11.2013 No. 1415 [Electronic resource] Mode of access: http://docs.cntd.ru/document/440545044 (access date: October 13, 2020).

16. On approval of the Order of the message by individuals holding a municipal position municipal servants about receiving a gift in connection with Protocol events, official journeys and other official events, participation in which is connected with the performance of their official (official) duties, delivery and evaluation of a gift, sale (redemption) and transfer of the proceeds from its implementation: the Decision of

the Penza city Duma on 25.04.2014 No 1484-61/5 [Electronic resource] Mode of access: https://www.garant.ru/hotlaw/penza/543067/ (access date: October 13, 2020).

17. On approval of the municipal program "Development and efficiency of municipal service in the city of Penza for 2015 - 2020": The Resolution of a city administration of Penza on 15.08.2014 No. 960 [Electronic resource] Mode of access: http://docs.cntd.ru/document/440546084 (access date: October 14, 2020).

18. On approval of the procedure for notifying the representative of the employer (employer) by municipal employees of the Penza city administration of the occurrence of personal interest in the performance of official duties, which may lead to A conflict of interests: The resolution of a city administration of Penza from 25.12.2015 No 2227 1415 [Electronic resource] Mode of access: http://docs.cntd.ru/document/440546113 (access date: October 14, 2020).

19. On approval of the notification procedure of the representative of the employer (employer) about the address facts for the purpose of inducement of the municipal employee replacing a post of municipal service of a city administration of Penza, for committing corruption offences, the administration of Penza city: resolution from 31.03.2017, No. 537 [Electronic resource] Mode of access: http://docs.cntd.ru/document/446177326 (access date: October 14, 2020).

20. About approval of the form of cooperation agreements for countering corruption in the city of Penza: The Resolution of a city administration of Penza from 09.09.2016 No 1530 [Electronic resource] Mode of access: http://docs.cntd.ru/document/440546917 (access date: October 14, 2020).

21. On approval of the action Plan ("roadmap") on implementation of principles and mechanisms (tools) the openness of the activities of a city administration of Penza: the resolution of a city Administration of Penza from 25.04.2018 No. 696 [Electronic resource] Mode of access: http://docs.cntd.ru/document/543726040 (access date: October 14, 2020).

22. About approval of the procedure of evaluation of activities of officials of local governments, municipal institutions, enterprises and other organizations of the city of Penza on the prevention of corruption and other offences: a resolution of the city Administration of Penza from 05.07.2018 No. 1178 [Electronic resource] Mode of access: http://docs.cntd.ru/document/550144263 (access date: October 14, 2020).

23. Report on the results of the survey about the study the effectiveness of anti-corruption measures in Penza. [Electronic resource] // Mode of access: https://drive.google.com/file/d/12gIUHJuMWQSESotzi3FiP8W2QrVQLmmr/view (access date: October 14, 2020).

УДК/UDC 342.9

Закон как источник муниципального права Российской Федерации

Казахецян Гагик Оганесович
студент юридического факультета
Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина
г. Краснодар, Россия
e-mail: kazahetsyan09@mail.ru

Аннотация

В данной работе поднимается проблемный вопрос о системных иерархиях источников права (в т. ч. муниципального) в Российской Федерации. В частности, рассматривается правовая коллизия, связанная с тем, что некоторые федеральные законы, касающиеся вопросов муниципального права, противоречат федеральным конституционным законам. По мнению автора, такие значимые правовые пробелы требуют законодательного разрешения.

Ключевые слова: муниципальное право России, источник права, система законодательства.

Law as a source of municipal law of the Russian Federation

Kazahetsyan Gagik Oganesovich
student of the Faculty of Law
Kuban State Agrarian University
Krasnodar, Russia
e-mail: kazahetsyan09@mail.ru

Abstract

This article raises the problematic issue of the systemic hierarchies of sources of law (including municipal) in the Russian Federation. In particular, a legal conflict is considered related to the fact that some federal laws concerning issues of municipal law contradict

federal constitutional laws. According to the author, such significant legal gaps require legislative resolution.

Key words: municipal law of Russia, source of law, system of legislation.

Муниципальное право России - это комплексная отрасль отечественного права, которая квалифицируется специальным предметом правового регулирования, присутствием собственной законодательной системы, специфичными субъектами государственных отношений, правовыми отношениями общественных потребностей, максимальной остросоциальной значимостью общественных отношений. Вместе с тем комплексное восприятие источников права сначала объясняет их общесистемные особенности. В связи с этим чрезвычайно важным представляется вопрос о системных иерархиях источников права, в т. ч. муниципального.

Ст. 76 Конституции Российской Федерации (далее - Конституция РФ) фиксирует верховенство федерального конституционного закона (далее - ФКЗ) над иными нормативно-правовыми актами меньшей юридической силы. Положения федерального закона (далее - ФЗ) не должны противоречить ФКЗ. При этом в России отсутствуют ФКЗ, непосредственным предметом регулирования которых является местное самоуправление. На основе прямого толкования ст. 76 Конституции РФ ФКЗ способны утверждаться лишь по вопросам, отнесенным к исключительному ведению РФ. Безусловно, ФКЗ утверждаются по предметам, определенным Основным законом государства. Конституция РФ не содержит указания, что по каким-либо вопросам местного самоуправления должны приниматься ФКЗ, поэтому следующим уровнем системы источников муниципального права следует считать ФЗ. В табл. 1 приведена иерархия нормативно-правовых актов в Российской Федерации:

Иерархия нормативно-правовых актов в Российской Федерации

1. Конституция РФ	Основной закон государства. Определяет конституционную политику государства, государственный строй, права и свободы человека, а также основные права и обязанности граждан
2. ФКЗ	Регулируют вопросы, которые определены в Конституции РФ, т. е. в статьях Конституции РФ содержатся вопросы, по которым необходимо принять ФКЗ
3. ФЗ	Правовые акты, регулирующие вопросы в различных сферах общественных отношений (социальной, политической, экономической, семейной и др.)

Таблица 1

Однако, стоит заметить, что некоторые ФЗ противоречат ФКЗ, поскольку присутствует коллизия. Существует позиция, что ФКЗ не может быть принят по любому вопросу независимо от его актуальности: ФКЗ в силу требований ч. 1 ст. 108 Конституции РФ принимаются только по вопросам, предусмотренным Конституцией РФ. Если такого упоминания нет либо указано, что данный вопрос регулируется ФЗ, то принятие ФКЗ по этому вопросу невозможно. Такая точка зрения поддерживается значительной частью ученых.

Между тем, по мнению Н. С. Тимофеева, в некоторых ФКЗ имеются отдельные положения, регулирующие те или иные вопросы, связанные с функционированием местного самоуправления [1, с. 19].

Примером тому могут служить следующие ФКЗ: Федеральный конституционный закон от 28 июня 2004 г. № 5-ФКЗ (ред. от 18 июня 2017 г.) «О референдуме Российской Федерации» [2]; Федеральный конституционный закон от 30 мая 2001 г. № 3-ФКЗ (ред. от 3 июля 2016 г.) «О чрезвычайном положении» [3]. Таким образом, можно прийти к выводу, что ФКЗ можно рассматривать как источники местного законодательства.

Фактически ФКЗ имеет особенный статус в согласовании с Федеральным законом от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ (ред. от 20 июля 2020 г.) «Об общих принципах организации местного самоуправления в Россий-

ской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу 28 августа 2020 г.) [4]. При этом ст. 4 (ч. 2) названного ФЗ содержится указание, что изменение общих принципов организации местного самоуправления, установленных данным ФЗ, допускается не иначе как путем внесения изменений и дополнений в него. Как считают Д. С. Велиева, В. В. Лысенко, Ю. В. Капитанец, никакой иной ФЗ, который затрагивает организацию местного самоуправления, не должен противоречить названному выше закону [5]: «Тем самым комментируемому Закону отведено центральное, системообразующее место среди правовых актов, составляющих правовую основу местного самоуправления» [6, с. 193].

Вне всякого сомнения, этот подход типичен для кодифицированных актов большей части отраслей права. Данный вопрос обсуждался и в Конституционном Суде России, который не занял точной позиции. Например, в Постановлении Конституционного Суда Российской Федерации № 22-О от 3 февраля 2000 г. [7] суд прямо указал, что Конституцией РФ не определяется и не может определяться иерархия актов внутри одного их вида, в данном случае - ФЗ. Ни один ФЗ в силу ст. 76 Конституции РФ не обладает по отношению к другому ФЗ большей юридической силой. Согласно заявлению М. В. Преснякова, кодифицированные акты в данный момент не занимают специализированного места в федеральной законодательной системе, что не весьма точно с точки зрения унификации функционирующего законодательства [8, с. 39].

Таким образом, крайне важно изучить системную характеристику источников муниципального права. Это касается не только вертикальной иерархической структуры нормативно-правовых актов в зависимости от их юридической силы, но и горизонтальной, или предметной, дифференциации правового регулирования местного самоуправления. Безусловно, не стоит забывать о совершенствовании действующего законодательства с целью устранения подобных коллизий.

Список литературы

1. Муниципальное право России: учебник / Под ред. С. А. Авакьяна. М., 2009, 369 с.

2. О референдуме Российской Федерации: Федеральный конституционный закон от 28.06.2004 № 5-ФКЗ // Собрание законодательства РФ. 2004. № 27. Ст. 2710.

3. О чрезвычайном положении: Федеральный конституционный закон от 30.05.2001 № 3-ФКЗ // Собрание законодательства РФ. 2001. № 23. Ст. 2277.

4. Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации: Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2003. № 40. Ст. 3822.

5. Комментарий к Федеральному закону «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (постатейный) / Д. С. Велиева, В. В. Лысенко, Ю. В. Капитанец и др. М., 2005, 361 с.

6. Борисов А. Н. Комментарий к Федеральному закону «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (постатейный). М., 2010, 784 с.

7. Определение Конституционного Суда РФ от 03.02.2000 № 22-О по запросу Питкярантского городского суда Республики Карелия о проверке конституционности статьи 26 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве) кредитных организаций» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2000. № 3. URL: https://legalacts.ru/doc/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-03022000-n/ (дата обращения 01.10.2020).

8. Пресняков М. В. Правовая определенность как системное качество российского законодательства // Журнал российского права. 2009. № 5. С. 33–42.

References

1. Municipal law of Russia: textbook / ed. S.A. Avakyan. M., 2009, 369 p.

2. On the referendum of the Russian Federation: Federal Constitutional Law of June 28, 2004 No 5-FKZ // Collection of the Legislation of the Russian Federation. 2004. No 27. Art. 2710.

3. On the state of emergency: Federal Constitutional Law of 30.05.2001 No 3-FKZ // Collection of the Legislation of the Russian Federation. 2001. No 23. Art. 2277.

4. On the general principles of organization of local self-government in the Russian Federation: Federal Law of 06.10.2003 N 131-FZ // Collection of the legislation of the Russian Federation. 2003. No. 40. Art. 3822.

5. Commentary to the Federal Law "On General Principles of Organization of Local Self-Government in the Russian Federation"(itemized) / D. S. Velieva, V. V. Lysenko, Yu. V. Captain [and others]. M., 2005, 361 p.

6. Borisov A. N. Commentary on the Federal Law "On the General Principles of Organization of Local Self-Government in the Russian Federation"(itemized). M., 2010, 784 p.

7. Determination of the Constitutional Court of the Russian Federation from 3 Feb. 2000 No. 22-O at the request of the Pitkyaranta City Court of the Republic of Karelia on the verification of the constitutionality of Article 26 of the Federal Law "On Insolvency (Bankruptcy) of Credit Organizations"// Bulletin of the Constitutional Court of the Russian Federation. 2000. No. 3. URL: https://legalacts.ru/doc/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-03022000-n/ (access date: October, 01, 2020).

9. Presnyakov M. V. Legal certainty as a systemic quality of Russian legislation // Journal of Russian law. 2009. No. 5. Pp. 33-42.

УДК/UDC 343.2/.7

Юридическая герменевтика и интерпретация норм уголовного права

Казанкова Ольга Андреевна
студентка юридического факультета
Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина
г. Краснодар, Россия
e-mail: kazankova.aa@mail.ru

Мороз Елена Сергеевна
студентка юридического факультета
Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина
г. Краснодар, Россия
e-mail: lena.b.1998@list.ru

Аннотация

В статье рассматривается понятие и поднимается вопрос актуальности юридической герменевтики - отрасли знаний, связанной с изучением способов толкования норм права, установлением смысла, а также способов изложения правовой нормы, уяснением воли законодателя. На практике часто возникают проблемы, связанные с интерпретацией норм права, обусловленные различными факторами, в т. ч. внесениями изменений и поправок в действующие нормативно-правовые акты. Объектом исследования является Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации. Анализируются нормы права, изложенные в данном нормативно-правовом акте, и имеющиеся в нем противоречия. Авторы приходят к выводу о том, что нормы уголовно-исполнительного законодательства содержат дефекты, обусловленные недостатками юридической техники, что затрудняет процесс понимания их содержания и осложняет процесс правоприменения. Авторами предлагается путь совершенствования законодательства через методы юридической герменевтики.

Ключевые слова: герменевтика, юридическая герменевтика, интерпретация, нормы права, толкование, методы.

Legal hermeneutics and interpretation of criminal law norms

Kazankova Olga Andreyevna
student of the Faculty of Law
Kuban State Agrarian University
Krasnodar, Russia
e-mail: kazankova.aa@mail.ru

Moroz Yelena Sergeyevna
student of the Faculty of Law
Kuban State Agrarian University
Krasnodar, Russia
e-mail: lena.b.1998@list.ru

Abstract

The article examines the concept and raises the issue of the relevance of legal hermeneutics the branch of knowledge associated with the study of ways of interpreting the rules of law, establishing the meaning, as well as ways of presenting a legal norm, understanding the will of the legislator. In practice, problems often arise related to the interpretation of legal norms due to various factors, including h. changes and amendments to the current regulatory legal acts. The object of the research is the Criminal Executive Code of the Russian Federation. The article analyzes the norms of law set forth in this regulatory legal act, and the contradictions in it. The authors come to the conclusion that the norms of the criminal executive legislation contain defects due to the shortcomings of legal technology, which complicates the process of understanding their content and complicates the process of law enforcement. The authors propose a way to improve legislation through the methods of legal hermeneutics.

Key words: hermeneutics, legal hermeneutics, interpretation, legal norms, interpretation, methods.

Герменевтика представляет собой метод классической науки о языке, с помощью которого становится возможным толкование самых древних источников права. Герменевтика - это учение о научном понимании предмета. В психологии герменевтика - это способность постичь смысл

чего-либо и благодаря этому достичь определенного результата. Герменевтика связана с уяснением содержания текста.

Относительно юридических наук герменевтика связана с толкованием правовых норм. Так, юридическая герменевтика объединяет в себе знания о юридическом тексте, о толковании норм права, а также о правовой экспертизе. При рассмотрении герменевтики как методе исследования норм права принято говорить о «герменевтическом круге». Данное понятие связано с пониманием содержания текста. Так, речь идет о понимании частей и об итоговом понимании всего целого [1].

Относительно юридических наук герменевтика имеет особенности. Если для понимания литературного произведения необходимо понять смысл слов, то для понимания текста норм права часто следует понять намерение законодателя, обстановку и причины принятия нормативно-правового акта. Намерение законодателя, связанное с разработкой нормативно-правового акта, может быть обусловлено различными факторами. Помимо постижения намерения, необходимо иметь представление о всей системе права. Поэтому толкование юридических норм связано с разными аспектами, каждый из которых заслуживает внимания.

Эффективность и высокий уровень законодательной техники при разработке нормативно-правовых актов проявляется в стабильности законодательства. Однако почти все нормативно-правовые акты подвергаются определенным изменениям и внесению поправок в период своего действия. Такая ситуация вполне объяснима: нормы права - это регуляторы общественной жизни, а жизнь общества не стоит на месте. Эффективность правовых норм снижается, когда они перестают «поспевать» за общественными изменениями.

Общественная жизнь развивается динамично, а процедура внесения законодательных изменений затруднена, поэтому многие отмечают наличие определенного отставания, консерватизм норм права. Помимо этого, учитывая сложность процедуры внесения изменений в нормы права, нужно иметь довольно веские основания для пересмотра норм и вне-

сения поправок. Чаще всего актуальность описанной ситуации придает анализ практики правоприменения, точнее сказать, придают трудности, возникающие в процессе правоприменения, которые являются поводом для начала работы над изменениями законодательства [2].

Закон должен работать, именно в процессе правоприменения реализуются его регулятивные и охранительные функции. Если закон не работает, его необходимо менять. В качестве образца для исследования следует рассмотреть положения Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации (далее - УИК РФ), в котором, как отмечают многие исследователи, имеются противоречия.

Реализация норм права - это проявление юридической герменевтики. Анализ норм уголовно-исполнительного права показывает, что применяется право посредством двух процессов: понимания и толкования. В связи с этим текст закона должен быть понятным, он не должен допускать двойного толкования. Поэтому важно обратить внимание не только на содержание норм, но и на точность изложения, на полноту текста, отсутствие двусмысленности, отсутствие фактического и логического противоречия [2].

Технико-юридические дефекты - это неадекватное отражение в тексте нормы права, которое, как правило, говорит о недостатках вербального выражения. Обычно это не препятствие для применения норм права и не основание для изменения текста закона, однако это негативно сказывается на качестве изложения юридического текста.

Для наглядности проанализируем положения УИК РФ, начиная с рассмотрения общих вопросов, а затем переходя к частным. Общим вопросом при исполнении уголовного наказания является вопрос, связанный с выбором исправительного учреждения. По общему правилу, согласно положениям УИК РФ, уголовное наказание исполняется судом, который вынес обвинительный приговор. Суд в рамках исполнения приговора направляет распоряжение об исполнении в государственный орган, уполномоченный исполнять наказание. О результатах исполнения приговора уполномоченный орган уведомляет суд [3].

Так, например, в ст. ст. 16, 77 УИК РФ предусмотрено, что наказание в виде лишения свободы исполняется в том числе следственным изолятором в тех случаях, когда осужденные оставлены в изоляторе для выполнения хозяйственных работ». Таким образом, по смыслу закона, следственные изоляторы могут выполнять функции исправительных учреждений в отношении лиц, осужденных на срок менее 6 месяцев. Сама формулировка ст. 16 представляется неверной, поскольку следственные изоляторы только выполняют функции исправительных учреждений, поэтому говорить об исполнении ими наказания неверно [4].

Положения ст. 24 УИК РФ предусматривают правила посещения исправительных учреждений лицами, которые не имеют на такое посещение специального права ввиду отсутствия должностных полномочий. Так, посещать учреждения без специального разрешения имеют право «Генеральный прокурор, прокуроры субъектов, подчиненные прокуроры», однако сама формулировка «подчиненные» является некорректной, поскольку все прокуроры подчиняются Генеральному прокурору.

В ст. 32 УИК РФ предусмотрена формулировка «злостно уклоняющийся от уплаты штрафа», а в той же статье, но в другой части говорится о «злостном уклонении от отбывания наказания», однако, по общему правилу, штраф - это не срочное наказание, поэтому его нельзя «отбыть» [4].

Таким образом, нормы уголовно-исполнительного законодательства содержат дефекты, обусловленные недостатками юридической техники, что затрудняет процесс понимания их содержания и осложняет процесс правоприменения, поэтому повышение уровня формальной логичности и устранение дефектов - это важное направления совершенствования законодательства. Герменевтика позволяет решить проблемы понимания и толкования норм права, свести к минимуму основания для возникновения противоречий, а также адекватно отразить нормы права в тексте статьи закона, исключая несовпадения норм одного источника или одной отрасли по смыслу.

Учесть все факторы, связанные с разработкой того или иного нормативно-правового акта, позволит системное толкование. Речь идет не только об уяснении внутренней взаимосвязи, но и об определенной последовательности применения, при нарушении которой можно получить ошибочный результат [5].

Использование герменевтического круга связано с цикличным процессом толкования норм права, а также с формированием текста нормы права под влиянием воли законодателя. Герменевтический круг отличается системностью способов толкования, которые связаны между собой и помогают получить достоверные знания о воле законодателя. Среди способов толкования различают грамматические, специально-юридические, системный, логический, которые позволяют дать оценку условиям, в которых принимался нормативно-правовой акт, социально-исторический и политический способ толкования позволяют понять обстановку и цели законодателя при разработке нормативно-правового акта [6].

Кроме того, существует также последовательность применения способов толкования, которые связаны с буквальным толкованием, определением точного значение смысла правовой нормы путем анализа слов и выражений.

Толкование норм права отличается цикличностью, речь идет о прохождении уровней толкования и установлением правовой конструкции, а также об обеспечении согласованности применения.

Многие авторы часто высказывают мнение о том, что процесс толкования - это процесс, обладающий уровнями, а сами способы толкования имеют разное положение, поскольку познание многоступенчато, его этапы различны, а объект познания может быть многосложным. Так, А. А. Еникеев в своей работе «От герменевтики к философии текста: логика развития лингвистической философии XX в.» отмечал: «Герменевтика в качестве универсальной методологии гуманитарного исследования оказала решающее влияние как на философию языка, так и на философию текста». С данной точкой зрения нельзя не согласиться [7].

При толковании правовых норм речь идет о трех стадиях. На первой стадии происходит анализ буквального текста нормы права путем исследования словесно-документального выражения воли законодателя. Далее проводится догматический анализ, связанный с изучением технико-юридического содержания правовых норм, а затем социально-политический, связанный с исследованием обстановки разработки и принятия нормативно-правового акта. Каждый этап связан с отдельным методом, на первом уровне проводится грамматическое и логическое толкование, на втором - специально-юридическое и системное, на третьем - историко-политическое.

На практике речь чаще всего идет о реальном толковании, связанном с системным и логическим анализом, отправной точкой в данном случае является текст, а затем происходит переход к контексту, от текста нормы права - к воле законодателя [8].

Герменевтика позволяет сформировать основу для применения толкования правовых норм, для лучшего уяснения положений норм права. Юридическая герменевтика - это отдельная отрасль знаний, связанная с изучением способов толкования норм права, установлением смысла, а также способов изложения правовой нормы, уяснением воли законодателя [9].

Список литературы

1. Алексеев С. С. Общая теория права. М.: Проспект, 2018.

2. Сырых М. В. Логическое основание общей теории права. Т. 1: Элементы состава. М.: Юстицинформ, 2014.

3. Иванников И. А. Теория государства и права. Ростов н/Д: Изд-во Ростовского гос. ун-та, 2017.

4. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 08.01.1997 № 1-ФЗ (ред. от 31.07.2020) // Собрание законодательства РФ. 13.01.1997. № 2. Ст. 198.

5. Бриллиантов А. В., Курганов С. И. Комментарий к Уголовно-исполнительному кодексу Российской Федерации (постатейный) / Под ред. А. В. Бриллиантова. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2016. 576 с.

6. Попондопуло В. Ф. Правопонимание: критический обзор основных концепций // Российский юридический журнал. 2020. № 3. С. 15–29.

7. Еникеев А. А. От герменевтики к философии текста: логика развития лингвистической философии XX в. // Общество: философия, история, культура. 2018. № 3. С. 9–12.

8. Керимов Д. А. Методология права (предмет, функции проблемы философии права). М.: Аванта., 2017.

9. Еникеев А. А., Шаповалов А. В. Юридическая и философская герменевтика: сравнительный анализ // Евразийский юридический журнал. 2020. № 2 (141). С. 104–108.

References

1. Alekseev S. S. General theory of law. Moscow: Prospect, 2018.

2. Syrykh M.V. The logical foundation of the general theory of law. T. 1: Elements of the composition. M.: Justicinform, 2014.

3. Ivannikov I.A. Theory of State and Law. Rostov n / a: Publishing house of the Rostov state. University, 2017.

4. The Criminal Executive Code of the Russian Federation: dated 01/08/1997 No. 1-FZ// Collected Legislation of the Russian Federation. 1997. No. 198.

5. Brilliantov A. V., Kurganov S.I. Commentary on the Criminal Executive Code of the Russian Federation (itemized) / ed. A.V. Brilliantova. 3rd ed., Rev. and add. Moscow: Prospect, 2016. 576 p.

6. Popondopulo V. F. Legal Understanding: A Critical Review of the Basic Concepts // Russian Law Journal. 2020. No. 3. Pp. 15-29.

7. Enikeev A. A. From hermeneutics to the philosophy of the text: the logic of the development of linguistic philosophy of the XX century // Society: philosophy, history, culture. 2018. No. 3. Pp. 9-12.

8. Kerimov D. A. Methodology of law (subject, functions of the problem of philosophy of law). M.: Avanta. 2017.

9. Enikeev A. A., Shapovalov A. V. Legal and philosophical hermeneutics: comparative analysis // Eurasian legal journal. 2020. No. 2 (141). Pp. 104-108.

УДК/UDC 349

К вопросу о приватизации объектов культурного наследия

Комаров Даниил Сергеевич
магистр кафедры международного частного и предпринимательского права
Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина
г. Краснодар, Россия
e-mail: fesstp@mail.com

Масленникова Людмила Владимировна
кандидат юридических наук, доцент кафедры международного частного и предпринимательского права
Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина
г. Краснодар, Россия

Аннотация

В статье изучаются особенности приватизации объектов культурного наследия, в т. ч. субъектами малого и среднего предпринимательства. Рассматриваются способы приватизации объектов культурного наследия, среди которых особое внимание уделяется приватизации путем продажи на конкурсе. Авторы приходят к выводу о наличии в действующем законодательства коллизии норм права: допускается приватизация объекта культурного наследия только совместно с занимаемым им земельным участком, однако для каждого из вышеуказанного имущества устанавливаются разные процедуры приватизации, в связи с чем приватизация объектов культурного наследия фактически невозможна. Также поднимается вопрос невозможности приобретения объекта культурного наследия субъектами малого и среднего предпринимательства путем реализации преимущественного права выкупа арендуемого ими объекта культурного наследия. Несмотря на попытки государственных органов внести соответствующие изменения в федеральные законы, проекты федеральных законов о внесении изменений остались без движения.

Ключевые слова: объект культурного наследия, приватизация, реформа законодательства, конкурс, преимущественное право выкупа, судебная практика.

On the issue of privatization of cultural heritage site

Komarov Daniil Sergeyevich
student in the master's programme of the Department of International Private and Business Law
Kuban State Agrarian University
Krasnodar, Russia
e-mail: fesstp@mail.com

Maslennikova Lyudmila Vladimirovna
Candidate of Legal Sciences, assistant professor of the Department of International Private and Business Law
Kuban State Agrarian University
Krasnodar, Russia

Abstract

In this article, the authors study the features of the privatization of cultural heritage objects, including by small and medium-sized businesses. Methods of privatization of cultural heritage objects are considered, among which special attention is paid to privatization through sale at a tender. The authors come to the conclusion that there is a conflict of law in the current legislation: the privatization of a cultural heritage object is allowed only together with the land plot it occupies, however, for each of the above property, different privatization procedures are established, and therefore the privatization of cultural heritage objects is virtually impossible. It also raises the question of the impossibility of acquiring a cultural heritage object by small and medium-sized businesses by exercising the preemptive right to buy out the cultural heritage object leased by them. Despite attempts by government agencies to amend federal laws, the draft federal laws on amendments remained unmoved.

Key words: cultural heritage object, privatization, legislative reform, competition, preemptive right to purchase, judicial practice.

Российское законодательство о приватизации с момента своего возникновения в 90-х гг. XX в. по настоящее время претерпело неоднократные и порой кардинальные изменения, но, несмотря на это, сущность приватизации с общетеоретической точки зрения осталась неизменной - это переход имущества из публичной собственности в частную собствен-

ность граждан или юридических лиц в порядке и на условиях, предусмотренных специальным законодательством о приватизации [1].

Одно из законодательных определений приватизации дано в ст. 1 Федерального закона от 21 декабря 2001 г. № 178-ФЗ «О приватизации государственного и муниципального имущества» (далее - Федеральный закон № 178-ФЗ), в соответствии с которой под приватизацией понимается только возмездное отчуждение имущества, находящегося в публичной собственности, в собственность физических и (или) юридических лиц [2].

Особое внимание, по нашему мнению, стоит уделить приватизации объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации (далее - объекты культурного наследия) не только ввиду их особого правового статуса, но и в связи с существующими правовыми коллизиями законодательства о приватизации. Так, обязанность каждого субъекта права на территории Российской Федерации заботиться о сохранении исторического и культурного наследия, беречь памятники истории и культуры является конституционной [3].

Федеральный закон от 25 июня 2002 г. № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» (далее - Федеральный закон № 73-ФЗ) регулирует отношения в области сохранения, использования, популяризации и государственной охраны объектов культурного наследия [4].

В соответствии со ст. 3 Федерального закона № 73-ФЗ под объектами культурного наследия понимаются объекты недвижимого имущества (включая объекты археологического наследия) и иные объекты с исторически связанными с ними территориями, обладающие историко-культурной ценностью [4], т. е. объект культурного наследия признается законодателем именно вещью. С учетом возможности нахождения в соответствии со ст. 48 Федерального закона № 73-ФЗ во всех формах собственности, объекты культурного наследия, за исключением объектов археологического наследия [4], могут выступать в качестве объектов приватизации.

И действительно, Федеральный закон № 178-ФЗ допускает возможность приватизации объектов культурного наследия, выделяя особенности реализации данной процедуры в отдельную ст. 29. Однако именно положения данной статьи не позволяют в настоящее время физическим и юридическим лицам участвовать в приватизации объектов культурного наследия в связи с коллизией правовых норм, содержащихся не только в иных законодательных актах, но и в самом Федеральном законе № 178-ФЗ.

Так, в силу ст. 29 Федерального закона № 178-ФЗ объекты культурного наследия, включенные в реестр объектов культурного наследия, могут приватизироваться только следующими установленными способами:

1) в составе имущественного комплекса унитарного предприятия, преобразуемого в акционерное общество или общество с ограниченной ответственностью;
2) путем внесения указанных объектов в качестве вклада в уставный капитал акционерного общества;
3) путем продажи на конкурсе [2].

Хотелось бы отметить, что в первых двух случаях приватизации объектов культурного наследия такие объекты не всегда полностью уходят в гражданский оборот между частными лицами, поскольку субъекты приватизации зачастую подконтрольны и (или) подведомственны органам государственной или муниципальной власти. Таким образом, только приватизация путем продажи на конкурсе способна вовлечь объект культурного наследия в полный частный оборот, исключив все недостатки нахождения такого имущества в государственной или муниципальной собственности.

Приватизация, являясь одним из способов перехода права собственности от одного лица к другому, должна отвечать основным принципам гражданского законодательства, одним из которых является единство судьбы земельного участка и прочно связанных с ним объектов, к которым можно отнести и объекты культурного наследия. Данный принцип

нашел свое отражение в ст. 28 Федерального закона № 178-ФЗ, в соответствии с которой приватизация объектов, признанных самостоятельными объектами недвижимости, осуществляется одновременно с отчуждением лицу, приобретающему такое имущество, земельных участков, занимаемых таким имуществом и необходимых для их использования, если иное не предусмотрено федеральным законом [2]. При этом ст. 20 Федерального закона № 178-ФЗ устанавливает закрытый перечень объектов, которые могут приватизироваться в рамках процедуры конкурса, и земельные участки в данном перечне отсутствуют [2].

Исходя из толкования вышеуказанных норм права, можно сделать вывод, что объект культурного наследия может приватизироваться только в едином комплексе с занимаемым им земельным участком и только в рамках процедуры конкурса. Однако этот же земельный участок не может быть приватизирован путем продажи на конкурсе.

В связи с вышеизложенным мы считаем, что приватизация объектов культурного наследия в рамках Федерального закона № 178-ФЗ в настоящее время в принципе невозможна ввиду внутренней коллизии данного нормативно-правового акта.

Примечательно, что в прошлом предпринимались попытки устранения данной коллизии. Так, Министерством экономического развития Российской Федерации в мае 2017 г. был разработан проект федерального закона, устраняющего вышеуказанную коллизию (ID проекта - 01/05/05-17/00066257) [5], однако по неизвестным причинам данный проект до настоящего времени в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации так и не поступил.

Также хотелось бы отметить, что объекты культурного наследия, находящиеся в государственной или муниципальной собственности, нередко используются на основании договоров аренды субъектами малого и среднего предпринимательства для осуществления в них основной деятельности.

Как справедливо заметил Президент Российской Федерации В. В. Путин: «Общество и государство заинтересованы в появлении массового

слоя успешных, перспективных компаний. Их создание станет достойным ответом на непростые вызовы, которые стоят сейчас перед российской экономикой... Взаимоотношения бизнеса и власти должны строиться на философии общего дела» [6]. В законодательной сфере одним из примеров поддержки малого и среднего бизнеса выступает Федеральный закон от 22 июля 2009 г. № 159-ФЗ «Об особенностях отчуждения недвижимого имущества, находящегося в государственной или муниципальной собственности и арендуемого субъектами малого и среднего предпринимательства, и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее - Федеральный закон № 159-ФЗ).

В соответствии со ст. 3 Федерального закона № 159-ФЗ субъекты малого и среднего предпринимательства при возмездном отчуждении арендуемого имущества из государственной или муниципальной собственности пользуются преимущественным правом на приобретение такого имущества (далее - преимущественное право выкупа) по цене, равной его рыночной стоимости и определенной в соответствии с установленной законом процедурой [7]. П. 3 ст. 1 Федерального закона № 159-ФЗ устанавливает, что отношения, связанные с участием субъектов малого и среднего предпринимательства в приватизации арендуемого имущества и неурегулированные данным Федеральным законом, регулируются Федеральным законом № 178-ФЗ [7].

При этом хотелось бы отметить, что право преимущественного выкупа само по себе не является способом приватизации государственного имущества, поскольку отсутствует в закрытом перечне таких способов, установленном ст. 13 Федерального закона № 178-ФЗ. Указание же на применение норм Федерального закона № 178-ФЗ, на наш взгляд, является лишь отсылочной нормой, призванной оптимизировать Федеральный закон № 159-ФЗ. Интересной в данном случае является позиция Верховного Суда Российской Федерации, согласно которой в ст. 20 и 29 Федерального закона № 178-ФЗ установлены особенности приватизации объектов культурного наследия, которые являются специальными по отношению к п. 5 ст. 3 Федерального закона № 159-ФЗ и подлежат при-

менению при приватизации объектов культурного наследия [8]. Иными словами, в определении высказана позиция, что реализация преимущественного права выкупа, предоставленного Федеральным законом № 159-ФЗ, субъектами малого и среднего предпринимательства невозможна в отношении арендуемого имущества, отнесенного к объектам культурного наследия.

Несмотря на то, что определения судебных коллегий Верховного Суда Российской Федерации не могут, в отличие от постановлений Президиума Верховного Суда Российской Федерации, служить основанием для прямого применения, вышеуказанное определение может являться основанием для отказа субъектам малого и среднего предпринимательства в реализации преимущественного права выкупа арендуемых объектов культурного наследия [9; 10; 11].

Необходимо заметить, что в декабре 2019 г. Законодательным Собранием Санкт-Петербурга в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации был направлен проект федерального закона, призванного устранить вышеуказанную правовую неопределенность путем внесения изменений в ст. 29 Федерального закона № 178-ФЗ в виде добавления преимущественного права выкупа как одного из способов приватизации объекта культурного наследия [12]. Примечательно, что 8 июля 2020 г. Правительством Российской Федерации был дан официальный отзыв, согласно которому вышеуказанный законопроект не поддерживается. Суть возражений Правительства Российской Федерации прямо противоположна позиции Верховного Суда Российской Федерации: преимущественное право выкупа не является одним из способов приватизации, поэтому не может быть указано в Федеральном законе № 178-ФЗ [13].

На основании проведенных научных исследований можно сделать вывод, что коллизии законодательства о приватизации искусственно сделали объекты культурного наследия, находящиеся в государственной или муниципальной собственности, ограниченными в обороте, позволяя передавать их во всех уровнях публичной собственности, закреплять на

ограниченных вещных правах за юридическими лицами, передавать во владение и пользование на основании гражданско-правовых договоров, но никак не передавать в частную собственность. Такое положение дел, по нашему мнению, ведет к снижению инвестиционной привлекательности объектов культурного наследия, находящихся в государственной или муниципальной собственности, что, в свою очередь, влечет за собой утрату интереса и уважения народов Российской Федерации к культурным и историческим ценностям. Кроме того, невозможность реализации субъектами малого и среднего предпринимательства преимущественного права выкупа в отношении объектов культурного наследия негативно сказывается не только на развитии конкретных коммерческих субъектов, но и на потребителях их товаров и услуг, а значит, и на экономике всего государства [14].

Одним из способов недопущения развития вышеуказанных проблем, на наш взгляд, является принятие указанных в настоящей статье проектов федеральных законов, что позволит вернуть объекты культурного наследия, находящиеся в государственной или муниципальной собственности, в гражданский оборот.

Список литературы

1. Калпин А. Г., Масляев А. И. Гражданское право. Ч. 1. М., 1997. 309 с.

2. О приватизации государственного и муниципального имущества: Федеральный закон от 21.12.2001 № 178-ФЗ // Российская газета. 2002. № 16.

3. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Собрание законодательства РФ. 2014. № 31. Ст. 4398.

4. Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации: Федеральный закон от 25.06.2002 № 73-ФЗ // СПС «Консультант Плюс».

5. О внесении изменений в Федеральный закон «О приватизации государственного и муниципального имущества» и Земельный кодекс Российской Федерации: Проект федерального закона 01/05/05-17/00066257 // Федеральный портал проектов нормативных правовых актов. URL: https://regulation.gov.ru/projects#npa=66257 (дата обращения: 24.09.2020).

6. Латухина К. Все по делу // Российская газета. 2015. № 112. С. 2.

7. Об особенностях отчуждения недвижимого имущества, находящегося в государственной или муниципальной собственности и арендуемого субъектами малого и среднего предпринимательства, и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 22.07.2009 № 159-ФЗ // Российская газета. № 158. 2008.

8. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 10.12.2018 по делу № А11-10976/2016 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: https://sudact.ru/vsrf/doc/ZMlgobD4njZP/?vsrf-txt=&vsrf-case_doc=%D0%9011-10976%2F2016&vsrf-lawchunkinfo=&vsrf-date_from=&vsrf-date_-to=&vsrf-judge=&_=1601023343893&snippet_pos=148#snippet (дата обращения: 23.09.2020).

9. Решение Арбитражного суда города Москвы от 14.11.2019 по делу № А40-205675/2019 // Картотека арбитражных дел. URL: https://kad.arbitr.ru/Card/e124128b-3094-4099-a4d1-91d19f7df8e4 (дата обращения: 24.09.2020).

10. Решение Арбитражного суда города Москвы от 25.10.2019 по делу № А40-194096/2019 // Картотека арбитражных дел. URL: https://kad.arbitr.ru/Card/3ec02527-f026-4834-96bc-448b6f7feb60 (дата обращения: 24.09.2020).

11. Решение Арбитражного суда Красноярского края от 13.06.2019 по делу № А33-14000/2019 // Картотека арбитражных дел. URL: https://kad.arbitr.ru/Card/ec4ba402-333c-46b2-b41c-cf410bc1d5d3 (дата обращения: 24.09.2020).

12. О внесении изменения в статью 3 Федерального закона «О приватизации государственного и муниципального имущества»: Законопроект № 856817-7 // Система обеспечения законодательной деятельности. URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/856817-7 (дата обращения: 24.09.2020).

13. Официальный отзыв Правительства Российской Федерации от 06.07.2020 № 5653п-п13 // Система обеспечения законодательной деятельности. URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/856817-7 (дата обращения: 24.09.2020).

14. Масленникова Л. В., Брантова Е. Г. Особенности государственной регистрации индивидуальных предпринимателей // Молодой ученый. 2017. № 13 (147). С. 458–460.

References

1. Kalpin, A.G., Maslyaev, A.I. Civil law. Part 1. - M., 1997. 309 p.

2. On the privatization of state and municipal property: Feder. Law of 21.12.2001 No. 178-FZ // Rossiyskaya Gazeta. 2002. No. 16.

3. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12.12.1993) (as amended by the nationwide vote on 1 July 2020) // Collection of the Legislation of the Russian Federation. 2014. No. 31. Art. 4398.

4. On objects of cultural heritage (monuments of history and culture) of the peoples of the Russian Federation: Feder. Law of 25.06.2002, No. 73-FZ // Rossiyskaya Gazeta. No. 1167-117. 2002.

5. On amendments to the Federal Law "On the Privatization of State and Municipal Property"and the Land Code of the Russian Federation: Draft Federal Law 01/05 / 05-17 / 00066257 // Federal portal of draft regulatory legal acts. - URL: https://regulation.gov.ru/projects#npa=66257 (access date: September, 24, 2020).

6. Latukhina K. Everything on the case // Russian newspaper. 2015. No. 112. P. 2.

7. On the peculiarities of alienation of real estate owned by state or municipal property and leased by small and medium-sized businesses, and on amendments to certain legislative acts of the Russian Federation: Feder. law of 22.07.2009 No. 159-FZ // Rossiyskaya Gazeta. No. 158. 2008.

8. Determination of the Judicial Collegium for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation dated 10.12.2018 in case No. A11-10976 / 2016 // Judicial and regulatory acts of the Russian Federation. URL: https://sudact.ru/vsrf/doc/ZMlgobD4njZP/?vsrf-txt=&vsrf-case_doc=%D0%9011-10976%2F2016&vsrf-lawchunkinfo=&vsrf-date_from=&_vsrf-date&fud&from=&_vsrf-date&f= 1601023343893 & snippet_pos = 148 # snippet (access date: September, 23, 2020).

9. The decision of the Arbitration Court of the city of Moscow dated 11/14/2019 in case No. A40-205675 / 2019 // Card file of arbitration cases. URL: https://kad.arbitr.ru/Card/e124128b-3094-4099-a4d1-91d19f7df8e4 (access date: September, 24, 2020).

10. The decision of the Arbitration Court of the city of Moscow dated 10.25.2019 in case No. A40-194096 / 2019 // Card file of arbitration cases. URL: https://kad.arbitr.ru/Card/3ec02527-f026-4834-96bc-448b6f7feb60 (access date: September, 24, 2020).

11. The decision of the Arbitration Court of the Krasnoyarsk Territory dated 06/13/2019 in case No. A33-14000 / 2019 // Card file of arbitration cases. URL: https://kad.arbitr.ru/Card/ec4ba402-333c-46b2-b41c-cf410bc1d5d3 (access date: September, 24, 2020).

12. On amendments to Article 3 of the Federal Law "On the Privatization of State and Municipal Property": Draft Law No. 856817-7 // System for ensuring legislative

activity. URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/856817-7 (access date: September, 24, 2020).

13. Official review of the Government of the Russian Federation dated 06.07.2020 No. 5653p-p13 // Legislative support system. URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/856817-7 (access date: September, 24, 2020).

14. Maslennikova, L. V. Features of state registration of individual entrepreneurs / LV. Maslennikova, E.G. Brantova // Young scientist. 2017. No. 13 (147). Pp. 458-460.

УДК/UDC 347.635

Правовой статус ребенка в семейном праве Российской Федерации

Кудрявцева Лариса Владимировна
кандидат юридических наук, доцент кафедры международного частного и предпринимательского права
Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина
г. Краснодар, Россия
e-mail: larisa-k75@mail.ru

Морозова Регина Игоревна
студентка юридического факультета
Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина
г. Краснодар, Россия
e-mail: regina-morozova-2599@mail.ru

Аннотация

Ребенок является особым участником правоотношений, что обусловлено рядом факторов. К числу таких факторов относятся, в частности, возраст ребенка, его личностные характеристики, участие его законных представителей в реализации его прав и интересов в целях восполнения дееспособности ребенка. Принцип специальной заботы о ребенке нашел свое отражение не только в нормах международного права, но и в положении Конституции Российской Федерации, Семейном кодексе Российской Федерации, а также в Национальной стратегии действий в интересах детей. Чтобы в полной мере реализовать принцип специальной заботы о ребенке, необходимо определить его правовой статус. В настоящее время приоритетным направлением является расширение самостоятельности ребенка как субъекта семейного права, а также сочетание его самостоятельности и участия законных представителей и иных лиц, отвечающих за соблюдение прав несовершеннолетнего.

Ключевые слова: правовой статус, ребенок, права и обязанности, принцип специальной заботы, семейное право.

The legal status of a child in family law of the Russian Federation

Kudryavtseva Larisa Vladimirovna
Candidate of Law, assistant professor of the Department of International Private and Business Law
Kuban State Agrarian University
Krasnodar, Russia
e-mail: larisa-k75@mail.ru

Morozova Regina Igorevna
student of the Faculty of Law
Kuban State Agrarian University
Krasnodar, Russia
e-mail: regina-morozova-2599@mail.ru

Abstract

The child is a special participant in legal relations, which is due to a number of factors. These factors include, in particular, the child's age, his personal characteristics, the participation of the child's legal representatives in the realization of his rights and interests in order to replenish the child's legal capacity. The principle of special care for a child is reflected not only in the norms of international law, but also in the provisions of the Constitution of the Russian Federation, the Family Code, as well as in the National Strategy for Action in the Interests of Children. To fully implement the principle of special child care, it is necessary to determine the legal status of the child. Currently, the priority is to expand the independence of the child as a subject of family law, as well as a combination of his independence and the participation of legal representatives and other persons responsible for the observance of the rights of the child.

Key words: legal status, child, rights and obligations, the principle of special care, family law.

Само понятие «правовой статус» в научной литературе находит разные интерпретации. В наиболее обобщенном виде под правовым статусом понимается совокупность прав и свобод, обязанностей, а также законных интересов. Все вместе в совокупности отражает правовой ста-

тус личности, а также обуславливает наличие взаимосвязи личности и государства. Правовой статус личности представляет собой совокупность правовых норм, которые характеризуют правовой статус, правосубъектность, права и обязанности, а также интересы и ответственность [1].

Иногда понятия «правовой статус» и «правовое положение» отождествляют, однако относительно статуса ребенка следует отметить, что правовое положение и правовой статус в данном случае различны, поскольку относятся к разным категориям. Особенность правового статуса ребенка связана с его пассивностью: он не совершает действий, имеющих юридическое значение, юридическую силу, а, скорее, представляет собой статичную фигуру.

Правовое положение ребенка меняется под влиянием факторов, не зависящих от его воли. Например, его статус меняется из-за его взросления, состояния здоровья и семейного положения. Поэтому правовой статус ребенка представляет собой совокупность прав и интересов, которые обусловлены естественным положением ребенка в семье [2].

В рамках семейных правоотношений ребенок вступает самостоятельно в отношения с другими участниками, приобретая права и обязанности. При этом на семейно-правовой статус несовершеннолетнего оказывает влияние эффективность осуществления и соблюдения его прав. Данный критерий позволяет установить уровень заботы о ребенке [3].

Однако при определении семейно-правового статуса ребенка встречаются проблемы, связанные с отсутствием комплексного правового регулирования его статуса, недостаточная проработка норм права, наличие определенных ограничений, связанных с осуществлением прав несовершеннолетнего. Семейно-правовой статус ребенка образуют правоспособность и дееспособность. В семейном законодательстве данные понятия отсутствуют. Это обстоятельство предопределяет наличие проблем, связанных с отсутствием критериев, позволяющих определить дееспособность ребенка. Это негативно сказывается на возможности осуществления ребенком своих прав и обязанностей.

Семейная правоспособность и дееспособность - это специальные правовые конструкции, позволяющие ребенку осуществлять права и обязанности как самостоятельно, так и через законных представителей, органов государственной власти. В связи с этим очевидно, что в Семейный кодекс Российской Федерации (далее - СК РФ) следует добавить положения о правоспособности и дееспособности ребенка, что позволит решить проблемы, возникающие на практике, а также реализовать принцип специальной заботы.

Положения СК РФ предусматривают имущественные и личные неимущественные права ребенка, при этом законодатель также устанавливает определенные обязанности, однако перечень прав и обязанностей определен нечетко, без механизма реализации и защиты. Некоторые права изложены неясно, а иногда и вовсе отсутствуют.

Кроме того, в нормах семейного законодательства, определяющего правовой статус ребенка, встречаются противоречия. В СК РФ предусмотрен принцип приоритета семейного воспитания и заботы о ребенке, а также особый порядок защиты интересов несовершеннолетнего, что обуславливает, например, судебный порядок расторжения брака при наличии детей, даже если один из супругов не согласен на расторжение. В итоге ребенок лишается возможности воспитываться в семье. Чтобы изменить ситуацию в лучшую сторону, необходимо пересмотреть нормы семейного права, регламентирующие порядок расторжения брака [4].

Так, следует увеличить сроки примирения, наделить суд правом отказать в иске о расторжении брака при наличии оснований полагать возможной дальнейшую семейную жизнь, а также правом выслушать мнение ребенка относительно его местожительства.

Семейное законодательство наделяет субъектов Российской Федерации полномочием снижать нижний возраст вступления в брак, поэтому в зависимости от субъекта брачный возраст может различаться. При этом необходимо установить общий возраст вступления в брак на всей территории России, а также определить единые правила снижения воз-

раста, установив обязательное освидетельствование на предмет умственной, психической и физической возможности вступить в брак [5].

Интересам ребенка напрямую противоречит раннее вступление в брак, поскольку он еще является незрелым, не осознает всех последствий данного решения. Вступление в брак должно происходить по доброй воле.

Негативное влияние на обеспечение прав и интересов ребенка оказывает судебный порядок установления места его проживания при расторжении брака его родителей, а также порядок наложения алиментных обязательств и их исполнение. Трудности, вызванные такими спорами, могут стать предметом нового судебного разбирательства. Иногда родители скрывают достоверную информацию о месте своего жительства, о своих доходах. При этом никакой ответственности для родителей не предусмотрено [6].

Для обеспечения достоверности предоставляемой в таких спорах информации необходимо обязать нотариально удостоверять все представляемые суду сведения. Кроме того, к рассмотрению таких споров необходимо привлечь органы опеки и попечительства, которые на основе полученных сведений могут дать заключение, позволяющее обеспечить реализацию прав и интересов ребенка.

Вопрос об оформлении факта отцовства также вызывает много обсуждений. Данный способ указан в Постановлении Пленума Верховного суда Российской Федерации от 25 октября 1996 г. № 9 «О применении судами Семейного кодекса Российской Федерации при рассмотрении дел об установлении отцовства и о взыскании алиментов» [7].

Не всегда мужчина (предполагаемый отец) может высказать мнение относительно своего отцовства, поэтому законодателю необходимо предусмотреть данную процедуру в положениях СК РФ. Законодательные уточнения необходимы и для установления порядка общения ребенка с бабушками и дедушками. Такие правила должны устанавливаться судом аналогично установлению правил общения ребенка и родителей.

В законодательном уточнении нуждается также ст. 64 СК РФ, предусматривающая обязанность суда назначить несовершеннолетнему представителя из органов опеки и попечительства при наличии между ребенком и его родителями разногласий. Однако совершенно неясно, каким образом происходит реализация положений законодательства [1].

При установлении порядка общения ребенка и его родителей, установлении места жительства несовершеннолетнего необходимо учитывать причины расторжения брака. В таких случаях родители могут злоупотреблять своими правами, действуя друг против друга, а также пытаясь таким образом манипулировать, умышленно провоцируя конфликт.

При рассмотрении споров о лишении родительских прав необходимо установить обязанность родителей возместить ребенку причиненный вред, а суд и органы опеки и попечительства должны определить размер такой компенсации. Рассматривая споры о восстановлении родительских прав, следует установить в судебном порядке механизм общения родителя с ребенком, а также критерии, позволяющие определить, что положение родителей улучшилось [3].

По истечении 6 месяцев, при отсутствии оснований полагать, что состояние родителей ребенка улучшилось, а их поведение говорит об исправлении, органы опеки и попечительства обращаются в суд с исковым заявлением о лишении родительских прав. Однако механизм принудительного исполнения данной обязанности органов опеки и попечительства отсутствует, а как быть, если органы не исполняют данную обязанность, не известно.

Таким образом, семейное законодательство, предусматривающее правовой статус ребенка, зачастую не позволяет реализовать принцип специальной заботы и нуждается в совершенствовании, поскольку зачастую при рассмотрении норм семейного права можно увидеть определенные отступления, неэффективность осуществления прав и интересов ребенка [6].

В настоящее время положения семейного права не предусматривают механизм осуществления контроля за действиями законных пред-

ставителей ребенка, поэтому его воспитание во многом зависит от их усмотрения. Однако действия законных представителей ребенка, к сожалению, далеко не всегда позволяют обеспечить его интересы.

Таким образом, действующие нормы семейного права Российской Федерации, определяющие правовой статус ребенка, нуждаются в доработке, поскольку в настоящий момент отсутствует комплексный подход к определению правового статуса ребенка, принцип специальной заботы не воплощается в полной мере [8].

Так, совершенствование семейного законодательства должно происходить в направлении выстраивания концепции самостоятельности ребенка, заботы государства о несовершеннолетнем, ответственности родителей и законных представителей. Необходимо установить систему правовых мер, позволяющую обеспечить реализацию принципа специальной заботы, а также разработать систему мер ответственности законных представителей, отвечающих за соблюдение прав ребенка и исполнение своих обязанностей [9].

Направлением совершенствования правового статуса ребенка также можно считать и расширение его самостоятельности: так, он может высказывать мнение относительно вопросов его воспитания. Помимо этого, можно расширить перечень вопросов, которые должны решаться с учетом мнения ребенка. Необходимо на законодательном уровне установить возможность ребенка высказать свое мнение и оценить ситуацию, м. б. посредством проведения комплексной медико-педагогической экспертизы. Кроме того, совершенствование правового статуса несовершеннолетнего должно происходить с учетом складывающейся обстановки, обусловленной миграцией населения, заключением браков между гражданами различных государств. Коллизионные нормы, связанные с разрешением споров в отношении детей, нуждаются в совершенствовании [10].

Подводя итог, следует отметить, что приоритетным направлением является расширение самостоятельности ребенка как субъекта семейного права, а также сочетание его самостоятельности и участия законных

представителей и иных лиц, отвечающих за соблюдение прав ребенка. Указанные меры должны соответствовать принципу специальной заботы.

Список литературы

1. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 06.02.2020) // Российская газета. № 17. 27.01.1996.

2. Беспалов Ю. Ф. Семейно-правовой статус ребенка: проблемы семейного законодательства РФ // Семейное и жилищное право. 2016. № 5. С. 11–15.

3. Геворгян М. А. Правовой статус и нематериальные блага ребенка в гражданском и семейном праве России // Законы России: опыт, анализ, практика. 2020. № 1. С. 56–59.

4. Гогин А. А., Липинский Д. А., Малько А. В. и др. Теория государства и права: учебник / Под ред. А. В. Малько, Д. А. Липинского. М.: Проспект, 2016. С. 78.

5. Летова Н. В. Семейный статус ребенка: проблемы теории и практики: монография. М.: Проспект, 2018. 144 с.

6. Беспалов Ю. Ф. Семейно-правовое положение ребенка в Российской Федерации: Монография. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2015. С. 21.

7. О применении судами Семейного кодекса Российской Федерации при рассмотрении дел об установлении отцовства и о взыскании алиментов: Постановление Пленума Верховного суда РФ от 25 октября 1996 г. № 9 // Российская газета. 05.11.1996.

8. Кудрявцева Л. В., Приходько Е. Г. Российское коллизионное законодательство в сфере брачно-семейных отношений: актуальные проблемы и пути совершенствования // Пробелы в российском законодательстве. № 1. 2020. С. 57–60.

9. Кудрявцева Л. В., Шевченко В. С. Проблемы коллизионного регулирования брачно-семейных отношений в международном частном праве // Актуальные проблемы современности. № 3 (21). С. 38–43.

10. О Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012–2017 годы: Указ Президента РФ от 01.06.2012 № 761 // Собрание законодательства РФ. 2012. № 23. Ст. 2994.

References

1. Family Code of the Russian Federation: dated December 29, 1995 N 223-FZ (as amended on 02/06/2020) // Rossiyskaya Gazeta. No 17. 1996.

2. Bespalov Yu. F. Family and legal status of a child: problems of family legislation of the Russian Federation // Family and housing law. 2016.No 5. Pp. 11-15.

3. Gevorgyan M. A. Legal status and intangible benefits of a child in civil and family law in Russia // Laws of Russia: experience, analysis, practice. 2020. No 1. Pp. 56 - 59.

4. Gogin A. A., Lipinsky D. A., Malko A. V. and others. Theory of state and law: Textbook / Ed. A. V. Malko, D. A. Lipinsky. M.: Prospect, 2016. P. 78.

5. Letova N. V. The family status of a child: problems of theory and practice: monograph. Moscow: Prospect, 2018. 144 p.

6. Bespalov Yu. F. Family and legal status of a child in the Russian Federation: Monograph. 2nd ed., Rev. and add. M.: Prospect, 2015. P. 21.

7. On the application by the courts of the Family Code of the Russian Federation when considering cases of establishing paternity and recovering alimony: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of October 25, 1996 N 9 // Rossiyskaya Gazeta. November 5, 1996

8. Kudryavtseva L. V., Prikhodko E. G. Russian conflict legislation in the field of marriage and family relations: current problems and ways of improvement // Gaps in Russian legislation, No. 1, 2020. Pp. 57-60.

9. Kudryavtseva L. V., Shevchenko V. S. Problems of conflict regulation of marriage and family relations in private international law // Actual problems of our time. No. 3 (21). Pp. 38-43.

10. On the National Strategy of Action in the Interests of Children for 2012 - 2017: Decree of the President of the Russian Federation of June 1, 2012 N 761 // Collection of the legislation of the Russian Federation. 2012. No 23. Art. 2994.

УДК/UDC 347.157

Имущественные права несовершеннолетних

Кудрявцева Лариса Владимировна
кандидат юридических наук, доцент кафедры международного частного и предпринимательского права
Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина
г. Краснодар, Россия
e-mail: larisa-k75@mail.ru

Мочайлова Елизавета Борисовна
студентка юридического факультета
Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина
г. Краснодар, Россия
e-mail: liza.mochajlova.99@mail.ru

Аннотация

В статье рассматриваются актуальные проблемы осуществления и защиты имущественных прав несовершеннолетних как субъектов семейного права. Проводится анализ действующего семейного и гражданского законодательства. Под имущественными правами понимаются субъективные права участников гражданско-правовых отношений, непосредственно связанные с владением, пользованием и распоряжением имуществом, а также с иными материальными требованиями. Выделяют такие виды имущественных прав несовершеннолетних: вещные права, обязательственные права, исключительные права. В статье особое внимание уделяется алиментным правам несовершеннолетних, перечисляются субъекты, обязанные выплачивать алименты. Авторы приходят к выводу о необходимости дальнейшего теоретического осмысления и определения более четких правовых мер и способов по предупреждению и пресечению правонарушений, которые могут совершаться в данной сфере правоотношений.

Ключевые слова: имущественные права, семейное право, несовершеннолетние, имущественные отношения, алиментные права, алиментные обязательства, получение содержания.

Property rights of minors

Kudryavtseva Larisa Vladimirovna
Candidate of Law, assistant professor of the Department of International Private and Business Law
Kuban State Agrarian University
Krasnodar, Russia
e-mail: larisa-k75@mail.ru

Mochaylova Yelizaveta Borisovna
student of the Faculty of Law
Kuban State Agrarian University
Krasnodar, Russia
e-mail: liza.mochajlova.99@mail.ru

Abstract

The article deals with the actual problems of the implementation and protection of property rights of minors as subjects of family law. The analysis of the current family and civil legislation is carried out. Property rights are understood as the subjective rights of participants in civil law relations directly related to the ownership, use and disposal of property, as well as other material requirements. There are such types of property rights of minors: property rights, rights of obligation, exclusive rights. The article pays special attention to the alimony rights of minors, lists the subjects who are obliged to pay alimony. The authors come to the conclusion about the need for further theoretical comprehension and definition of clearer legal measures and methods for the prevention and suppression of offenses that may be committed in this area of legal relations.

Key words: property rights, family law, minors, property relations, alimony rights, alimony obligations, receiving maintenance.

Актуальной проблемой в современном обществе является обеспечение соблюдения имущественных прав несовершеннолетних и их защита. Это можно объяснить изменением восприятия семейных ценностей, эмансипацией, проблемами при обеспечении тайны усыновления, а также усложнением гражданского оборота.

Согласно ч. 2 ст. 35 Конституции Российской Федерации каждый вправе иметь имущество в собственности, владеть, пользоваться и распоряжаться им как единолично, так и совместно с другими лицами [1]. В данной норме отсутствует какая-либо дифференциация в зависимости от возраста субъекта. Если мы обратимся к гражданскому законодательству, то обнаружим, что согласно положению ряда норм самостоятельность в приобретении и использовании имущественных прав несовершеннолетними имеет возрастные ограничения.

Легальное определение имущественных прав в гражданском законодательстве отсутствует, но, рассмотрев содержание ст. 128 Гражданского кодекса Российской Федерации, можно прийти к выводу, что имущественные права определяются как «иное имущество» [2]. Чтобы понять, что подразумевается под этой категорией, следует обратиться к науке гражданского права. Мнения ученых по данному вопросу различаются. Так, А. С. Яковлев понимает под ними субъективные права участников гражданско-правовых отношений, непосредственно связанные с владением, пользованием и распоряжением имуществом, а также с иными материальными требованиями [3, с. 54]. Особенность имущественных прав несовершеннолетнего заключается в том, что субъект является лицом, не обладающим в полном объеме дееспособностью.

Выделяют такие виды имущественных прав несовершеннолетних: вещные права, обязательственные права, исключительные права. Также следует подчеркнуть, что несовершеннолетние имеют ограничения в осуществлении своих имущественных прав: их объем зависит от объема дееспособности. Если объем прав не позволяет совершить какие-либо действия, то имущественные права несовершеннолетнего могут быть исполнены его законными представителями или с их согласия.

Объем дееспособности зависит от возраста несовершеннолетнего. Лица в возрасте от 6 до 14 лет способны самостоятельно совершать мелкие бытовые сделки, сделки, направленные на безвозмездное получение выгоды, которые не предусматривают нотариального удостоверения и государственной регистрации, а также сделки по использованию средств,

предоставленных законными представителями или с их согласия [4]. От имени несовершеннолетних указанного возраста сделки могут совершать их законные представители.

Большей дееспособность обладают несовершеннолетние в возрасте от 14 до 18 лет. Они способны самостоятельно распоряжаться своим заработком или иными видами доходов, осуществлять права авторов художественных произведений, вносить вклады в кредитные организации, а также распоряжаться ими, совершать сделки, которые предусмотрены для лиц в возрасте от 6 до 14 лет. В данном возрасте несовершеннолетние самостоятельно несут имущественную ответственность. Таким образом, мы можем наблюдать, что несовершеннолетние ограничены согласно гражданскому законодательству в имущественных правах и во многом они находятся в зависимости от законных представителей, которые не всегда могут осуществлять деятельность в интересах детей.

Согласно ст. 60 Семейного кодекса Российской Федерации (далее - СК РФ) несовершеннолетий имеет право на получение содержания как от своих родителей, так в ряде случаев и от иных родственников, а также право собственности на доходы, на имущество, полученное в порядке наследования, в дар или же приобретенное на средства ребенка [5].

Неотъемлемой частью имущественных прав несовершеннолетних следует считать их алиментные права. Алиментные обязательства не определяются в зависимости от возраста ребенка (например, алименты могут получать совершеннолетние нетрудоспособные дети). По общему правилу выплата алиментных платежей прекращается с достижением лицом совершеннолетия, но они могут продолжить выплачиваться, если будет установлено, что лицо не является трудоспособным. Данная проблема является достаточно актуальной в наше время в связи с увеличением случаев уклонения от уплаты алиментных платежей.

Обязанность содержания несовершеннолетнего возлагается на родителей. Законодатель предусмотрел несколько форм установления размера алиментов: путем долевого соотношения (количество детей, которым лицо выплачивает алиментные платежи, влияет на размер доли от

общего объема доходов лица), путем установления твердого размера алиментного платежа [6].

Перечень видов доходов, из которых происходит удержание денежных средств для выплаты алиментов, определен Постановлением Правительства Российской Федерации от 18 июля 1996 г. № 841. Алименты могут удерживаться, например:

— с заработной платы, начисленной по тарифным ставкам, окладам (должностным окладам) за отработанное время;
— с премий и вознаграждений, предусмотренных системой оплаты труда;
— с доходов от передачи в аренду имущества;
— с доходов по акциям и других доходов от участия в управлении собственностью организации (дивиденды, выплаты по долевым паям и т. д.) [7].

Однако встречаются ситуации, когда взыскать алименты с родителей несовершеннолетнего представляется невозможным. В этих случаях семейным законодательством предусмотрена возможность требования выплаты алиментов совершеннолетними братьями и сестрами, если у них есть для этого средства.

Согласно ст. 94 СК РФ несовершеннолетние внуки вправе получать алиментные выплаты, установленные в судебном порядке, от своих дедушек и бабушек, которые обладают необходимыми для этого средствами.

В случае неисполнения алиментных обязательств родителями предусмотрены различные последствия. Так, согласно ст. 71 СК РФ родителей могут лишить родительских прав, что означает, что они теряют все права, связанные с фактом родства с ребенком [8]. Также законодателем предусмотрена административная и уголовная ответственность.

Нормы законодательства, регулирующие имущественные и неимущественные права несовершеннолетних, не всегда соответствуют уровню общественных отношений. Судебная и правоприменительная практика свидетельствует об участившихся случаях нарушения имущественных прав несовершеннолетних [9]. Данный факт объясняется тем, что в на-

стоящее время отсутствует единообразие в использовании норм гражданского и семейного законодательства для обеспечения эффективной охраны и защиты имущественных прав несовершеннолетних. Здесь следует выделить право несовершеннолетних на доход, право на жилые помещения, право на занятие предпринимательской деятельностью.

Важным является предупреждение и пресечение правонарушений, которые могут совершаться в данной сфере правоотношений. Так, Генеральная прокуратура в своих приказах указывает на необходимость срочного реагирования на факты нарушения прав несовершеннолетних, в частности на факты нарушения их имущественных прав, а также принятия полных и всесторонних мер по восстановлению нарушенных прав [10].

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 (с изм. от 04.07.2020) // Собрание законодательства РФ. 2014. № 31. Ст. 4398.

2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): Федеральный закон от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

3. Яковлев А. С. Имущественные права как объекты гражданских правоотношений. Теория и практика. М.: Ось-89, 2005. 192 с.

4. Соколов Е. С., Высоцкая Ю. П. Имущественные права несовершеннолетних: гражданско-правовой анализ // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2017. № 7. С. 150–153.

5. Семейный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 08.12.1995 № 223-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1996. № 1. Ст. 16.

6. Игнатьева С. В. К вопросу о защите имущественных прав несовершеннолетних // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2020. № 1 (85). С. 76–80.

7. О Перечне видов заработной платы и иного дохода, из которых производится удержание алиментов на несовершеннолетних детей: Постановление Правительства Российской Федерации от 18.07.1996 № 841 // Собрание законодательства РФ. 1996. № 31. Ст. 3743.

8. Кудрявцева Л. В., Подольская А. С. Осуществление и защита родительских прав // В сборнике: Научное обеспечение агропромышленного комплекса. Сборник

статей по материалам 74-й научно-практической конференции студентов по итогам НИР за 2018 год. Отв. за вып.: А. Г. Кощаев. 2019. С. 1364-1366.

9. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 3 (2019): утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации от 27.11.2019 // URL: http://www.supcourt.ru/documents/practice/28477 (дата обращения: 19.10.2020).

10. Об организации прокурорского надзора за исполнением законов о несовершеннолетних и молодежи: приказ Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 26.11.2007 № 188 // СПС «Гарант»

References

1. The Constitution of the Russian Federation: adopted by popular vote 12.12.1993 (as amended on 04.07.2020) // Collection of the Legislation of the Russian Federation. 2014. No. 31. Art. 4398.

2. The Civil Code of the Russian Federation (Part One): Federal Law of 30.11.1994 No. 51-FZ // Collection of the Legislation of the Russian Federation. 1994. No. 32. Art. 3301.

3. Yakovlev A. S. Property rights as objects of civil relations. Theory and practice. Moscow: Os-89, 2005.192 p.

4. Sokolov E. S., Vysotskaya Yu. P. Property rights of minors: civil and legal analysis // International Journal of Humanities and Natural Sciences. 2017. No. 7. Pp. 150–153.

5. Family Code of the Russian Federation: Federal Law of 08.12.1995 No. 223-FZ // Collection of the Legislation of the Russian Federation. 1996. No. 1. Art. 16.

6. Ignatieva S. V. On the issue of protecting the property rights of minors // Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2020. No. 1 (85). Pp. 76–80.

7. On the List of types of wages and other income, from which alimony for minor children is withheld: Decree of the Government of the Russian Federation of 18.07.1996 No. 841 // Collection of the Legislation of the Russian Federation. 1996. No. 31. Art. 3743.

8. Kudryavtseva L. V., Podolskaya A. S. Implementation and protection of parental rights // In the collection: Scientific support of the agro-industrial complex. Collection of articles based on the materials of the 74th scientific-practical conference of students on the results of research work for 2018. Resp. per issue: A. G. Koschaev. 2019. Pp. 1364-1366.

9. Review of judicial practice of the Supreme Court of the Russian Federation No. 3 (2019): approved. Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation dated November 27, 2019 // URL: http://www.supcourt.ru/documents/practice/28477 (access date: October 19, 2020).

10. On the organization of prosecutorial supervision over the implementation of laws on minors and youth: order of the General Prosecutor's Office of the Russian Federation dated November 26, 2007 No. 188 // Garant.

УДК/UDC 347.635

Правовые особенности международного усыновления

Кудрявцева Лариса Владимировна
кандидат юридических наук, доцент кафедры международного частного и предпринимательского права
Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина
г. Краснодар, Россия
e-mail: larisa-k75@mail.ru

Топчиева Светлана Константиновна
студентка юридического факультета
Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина
г. Краснодар, Россия
e-mail: topchieva99@bk.ru

Аннотация

Права и свободы человека в международном праве провозглашены как высшие ценности. Исходя из этого, соблюдение, а также защита прав и свобод - это обязанность любого государства. Так, Всеобщая декларация прав человека предусматривается в качестве одного из основных принципов принцип особой заботы и помощи детям. Международное сообщество, поддерживая данный принцип, приняло Конвенцию о правах ребенка, признавая на международном уровне особое значение обеспечения интересов несовершеннолетних. Поддержка семьи является приоритетным направлением для многих государств. В результате проведенного исследования авторы приходят к выводу о необходимости развивать сотрудничество, устранять противоречия в международно-правовых актах, укрепляя систему обеспечения, охраны и защиты прав и интересов усыновленных детей.

Ключевые слова: форма устройства, усыновление, обеспечение прав, усыновитель, семейное право.

Legal features of international adoption

Kudryavtseva Larisa Vladimirovna
Candidate of Law, assistant professor of the Department of International Private and Business Law
Kuban State Agrarian University
Krasnodar, Russia
e-mail: larisa-k75@mail.ru

Topchiyeva Svetlana Konstantinovna
student of the Faculty of Law
Kuban State Agrarian University
Krasnodar, Russia
e-mail: topchieva99@bk.ru

Abstract

Human rights and freedoms are proclaimed as the highest values in international law. Based on this, the observance and protection of rights and freedoms is the duty of any state. For example, the universal Declaration of human rights provides for the principle of special care and assistance to children as one of the basic principles. The international community, supporting this principle, has adopted the Convention on the rights of the child, recognizing at the international level the special importance of ensuring the interests of minors. Family support is a priority for many States. As a result of the study, the conclusion is made about the need to develop cooperation, eliminate contradictions in international legal acts, strengthening the system of ensuring, protecting and protecting the rights and interests of adopted children.

Key words: form of device, adoption, securing rights, adoptive parent, family law.

Считается, что в любом цивилизованном обществе должна обеспечиваться поддержка детей. Такие обязанности не может нести исключительно государство. Полноценное развитие ребенка может быть обеспечено только семейным воспитанием, поэтому Семейный кодекс Российской Федерации (далее - СК РФ) предусматривает, что дети, оставшиеся без опеки родителей, должны быть переданы на воспитание в семью. Вос-

питание в семье является наиболее благоприятной формой устройства детей, которые остались без попечения родителей [1].

Вопросам международного усыновления посвящены несколько международно-правовых актов. Их положения ратифицированы многими странами для унификации правового регулирования данного вопроса. Речь идет о таких международно-правовых актах, как Международный пакт о гражданских и политических правах, Конвенция о правах ребенка, Декларация прав ребенка. Специальными международными актами являются Конвенция правовой помощи и правовых отношений по гражданским, семейным и уголовным делам, Конвенция о защите детей и о сотрудничестве в сфере иностранного усыновления, а также Европейская конвенция об усыновлении детей.

СК РФ предусматривает порядок международного усыновления и международные последствия. Нормы гл. 19 СК РФ регулируют отношения, связанные с усыновлением российскими гражданами на территории России, а ст. 162 СК РФ предусматривает порядок усыновления с участием иностранных граждан, подданных иностранных государств, а также лиц без гражданства. Российская Федерация закрепляет гарантию обеспечения прав ребенка в виде сохранения гражданства страны происхождения [2]. Ребенок, рожденный на территории Российской Федерации и усыновленный родителями, имеющими гражданство иностранного государства, сохраняет гражданство Российской Федерации и приобретает второе гражданство страны его усыновителей.

Помимо этого, Российская Федерация предусматривает перечень требований для родителей-граждан иностранного государства. Речь идет о требованиях разницы в возрасте, о порядке усыновления, о получении согласия супруга усыновителя, а также о согласии самого ребенка, если он достиг десятилетнего возраста. Усыновление является приоритетной формой устройства детей, оставшихся без попечения родителей. На практике термины «усыновление» и «удочерение» являются синонимами. Усыновление обладает такими характеристиками, как бессрочный

характер и установление особой правовой связи, во многом напоминающей отношения ребенка и родителя [3].

Процедура усыновления должна отвечать интересам ребенка, а также учитывать особенности этнического происхождения, религиозной принадлежности, знание ребенком родного языка, уровень физического развития ребенка, наличие у него определенных заболеваний. Законодательство предусматривает, что братья и сестры не могут быть усыновлены разными лицами, однако в некоторых случаях, с учетом интересов детей, такое усыновление допустимо.

Речь идет о ситуациях, когда дети не знают, что у них есть полнокровные братья и сестры, когда такие дети никогда не воспитывались совместно, не проживали вместе, например ввиду наличия тяжелого заболевания у одного из них. Раздельное усыновление полнокровных братьев и сестер может быть в том случае, когда один из детей страдает тяжелым заболеванием и ему требуется специальных уход. В таких случаях законодательство позволяет разделить детей.

В процессе усыновления необходимо соблюдать принцип взаимности интересов усыновляемого и усыновителей. Согласно положениям международного частного права в Российской Федерации усыновление российских детей иностранными гражданами осуществляется по законодательству усыновителя, а при усыновлении лицом, не имеющим гражданства, - по праву государства, в котором данное лицо имеет постоянное место жительства.

При наличии у иностранных граждан или лиц без гражданства желания усыновить ребенка из России им необходимо встать на учет в соответствующий государственный орган. Процедура усыновления регулируется различными двусторонними договорами и соглашениями об усыновлении, которые призваны обеспечить права и интересы детей.

В 2010 г. Правительство Российской Федерации разработало и утвердило Правила передачи детей и осуществления контроля за условиями их жизни и воспитания. На основании этих правил осуществляется контроль уполномоченными органами Российской Федерации [4]. Вопро-

сы международного усыновления нашли свое отражения в Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 8 от 20 апреля 2006 г. «О применении судами законодательства при рассмотрении дел об усыновлении (удочерении) детей». В данном нормативно-правовом акте разъяснены вопросы подсудности, формы и содержания документов, разъяснен порядок усыновления, а также содержится ряд рекомендаций для иностранных усыновителей [5].

В частности, разъяснения Верховного Суда Российской Федерации предусматривают, что международное усыновление допускается только в тех случаях, когда отсутствует возможность передачи ребенка в семью граждан Российской Федерации. При этом действует принцип запрета на использование неоправданных льгот для усыновителей. Усыновители должны представить документы об отсутствии у них заболеваний, которые препятствуют усыновлению.

Процедура международного усыновления проходит в несколько этапов. На начальном этапе усыновители подают заявление в органы опеки и попечительства Российской Федерации или обращаются в федеральный банк учета детей, оставшихся без попечения родителей. Вместе с заявлением усыновитель предоставляет документы, предусмотренные Постановлением Правительства Российской Федерации № 275. В случае принятия положительного решения после изучения документов органы опеки и попечительства созывают комиссию, которая изучает условия жизни семьи. После проведения проверки дается заключение о целесообразности усыновления.

После принятия положительного заключения органы опеки и попечительства предоставляют заявителю сведения о детях, оставшихся без попечения родителей. Выбирая ребенка, усыновители изучают медицинские документы и заключения о здоровье и состоянии ребенка. Затем происходит знакомство будущих усыновителей с ребенком с целью общения и налаживания контакта [6]. Мнение ребенка о заявителях является довольно важным, поскольку переезд в другую страну связан с большим стрессом для ребенка. А действующее российское законодательство рас-

сматривает такой стресс как причинение психологической травмы, что противоречит принципу специальной заботы о ребенке [7].

При решении вопроса об усыновлении последнее слово остается за судом. Дела об усыновлении рассматриваются в порядке особого производства, происходят в закрытом судебном заседании с участием прокурора и представителя органа опеки и попечительства. Кроме того, если усыновляемому ребенку исполнилось 10 лет, в судебном заседании также выясняют и его мнение. Изучив все материалы дела, суд принимает решение об удовлетворении заявления об усыновлении или об отказе в удовлетворении.

Усыновление влечет за собой последствия, предусмотренные ст. 137 СК РФ: между родителями и ребенком возникают взаимные права и обязанности [8]. Однако по просьбе усыновителя между родителями и ребенком может сохраниться правовая связь, а также могут поддерживаться отношения с кровными родственниками ребенка. Тайна усыновления не всегда является обязательным условием, ее сохранение зависит от волеизъявления усыновителей. Семейное законодательство большинства государств предусматривает прямой запрет на заключение брака усыновителей и усыновленных [9].

Исходя из изложенного, следует отметить, что международное усыновление - это альтернатива устройству детей в семьи российских граждан. Основанием для международного усыновления является нахождение сведений о ребенке, оставшемся без попечения родителей сроком более 6 месяцев. Российская Федерация принимает необходимые меры по обеспечению и защите прав и интересов детей, переданных на воспитание в семью граждан других государств. В данной связи был принят федеральный закон «О мерах воздействия на лиц, причастных к нарушениям основополагающих прав и свобод человека, прав и свобод граждан Российской Федерации», согласно которому гражданам США запрещено усыновление российских детей [10].

Перспективы развития международного усыновления должны быть связаны с обеспечением интересов ребенка. Прежде всего следу-

ет стимулировать передачу детей, оставшихся без попечения родителей, в семьи граждан Российской Федерации. Применение международного усыновления - это крайняя мера устройства детей в семьи. Нормы, связанные с привлечением к ответственности недобросовестных усыновителей, причинивших вред ребенку, нуждаются в доработке. Необходимо принять единый нормативно-правовой акт в данной части.

Институт международного усыновления обращает внимание на наличие социально-экономических проблем, ставит под вопрос возможность обеспечения интересов, обусловленных этническим происхождением, религиозными убеждениями. Большинство практических работников отмечают, что международное усыновление - это односторонняя миграция детей. При этом дети, не достигшие возраста 10–12 лет, не всегда мигрируют добровольно. Кроме того, нельзя исключать трудности при адаптации ребенка в чужой стране [11].

На сегодняшний день в области международного усыновления, на наш взгляд, необходимо развивать сотрудничество, устранять противоречия в международно-правовых актах, укрепляя систему обеспечения, охраны и защиты прав и интересов усыновленных детей. До сих пор не создано единого режима усыновления, а правовые акты не универсальны.

Список литературы

1. Семейное право: учебник / Под науч. ред. Л. М. Пчелинцевой, общ. ред. Л. В. Цитович. М.: Юрайт, 2015. 330 с.

2. Гонгало Б. М., Крашенинников П. В., Михеева Л. Ю. и др. Семейное право: учебник / Под ред. П. В. Крашенинникова. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Статут, 2016. С. 237.

3. Тринченко К. О. Особенности международно-правового регулирования трансграничного усыновления в двухсторонних договорах России с иностранными государствами // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 2. С. 17–18.

4. Об утверждении правил передачи детей на усыновление (удочерение) и осуществления контроля за условиями их жизни и воспитания в семьях усыновителей на территории Российской Федерации и Правил постановки на учет консульскими учреждениями Российской Федерации детей, являющихся гражданами Российской

Федерации и усыновленных иностранными гражданами или лицами без гражданства; Постановление Правительства РФ от 29.03.2000 № 275 (ред. от 02.06.2016) // Собрание законодательства РФ. 2000. № 15. Ст. 1590.

5. О применении судами законодательства при рассмотрении дел об усыновлении (удочерении) детей: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 20.04.2006 № 8 (ред. от 17.12.2013) // Российская газета. № 0 (4058). 03.05.2006.

6. Семейный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 06.02.2020) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 1. Ст. 16.

7. Рузакова О. А. Некоторые вопросы усыновления с иностранным элементом в условиях международной интеграции // Семейное и жилищное право. 2017. № 2. С. 16–18.

8. О мерах воздействия на лиц, причастных к нарушениям основополагающих прав и свобод человека, прав и свобод граждан Российской Федерации: Федеральный закон от 28.12.2012 № 272-ФЗ, ред. от 23.05.2015 // Российская газета. № 302 (5975). 29.12.2012.

9. Безрукова М. Ю. Актуальные проблемы усыновления в международном частном праве: сравнительный анализ // Научный форум: Юриспруденция, история, социология, политология и философия: Сб. ст. по материалам XIX междунар. науч.-практ. конф. № 6 (19). М.: МЦНО, 2018. С. 55–60.

10. Кудрявцева Л. В., Приходько Е. Г. Российское коллизионное законодательство в сфере брачно-семейных отношений: актуальные проблемы и пути совершенствования // Пробелы в российском законодательстве. № 1. 2020. С. 57–60.

11. Кудрявцева Л. В., Шевченко В. С. Проблемы коллизионного регулирования брачно-семейных отношений в международном частном праве // Актуальные проблемы современности. № 3 (21). С. 38–43.

References

1. Family law: Textbook / Under scientific. ed. L. M. Pchelintseva, total. ed. L. V. Tsitovich. M.: Yurayt, 2015. 330 p.

2. Gongalo B. M., Krasheninnikov P. V., Mikheeva L. Yu. and others. Family Law: Textbook / Ed. P. V. Krasheninnikov. 3rd ed., Rev. and add. Moscow: Statut, 2016. P. 237.

3. Trinchenko K. O. Features of international legal regulation of cross-border adoption in bilateral agreements between Russia and foreign states // Actual problems of Russian law. 2015. No 2. Pp. 17-18.

4. On the approval of the rules for the transfer of children for adoption and control over the conditions of their life and upbringing in the families of adoptive parents on the territory of the Russian Federation and the Rules for the registration of children who

are citizens of the Russian Federation and adopted by foreign citizens or persons without citizenship; Resolution of the Government of the Russian Federation of March 29, 2000 N 275 (as amended on June 2, 2016) // Collection of the Legislation of the Russian Federation. 2000. No 15. Art. 1590.

5. On the application of legislation by the courts when considering cases of adoption (adoption) of children: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 20.04.2006 N 8 (as amended on 17.12.2013) // Rossiyskaya Gazeta. No. 0 (4058). 2006.

6. Family Code of the Russian Federation: Federal Law of December 29, 1995 No. 223-FZ (as amended on February 6, 2020) // Collection of the Legislation of the Russian Federation. 1996. No 1. Art. 16.

7. Ruzakova O.A. Some issues of adoption with a foreign element in the context of international integration // Family and housing law. 2017. No 2. Pp. 16-18.

8. On measures of influence on persons involved in violations of fundamental human rights and freedoms, rights and freedoms of citizens of the Russian Federation: Federal Law of 28.12.2012 N 272-FZ, rev. from 05/23/2015 // Rossiyskaya Gazeta. No. 302 (5975). 2012.

9. Bezrukova M.Yu. Actual problems of adoption in private international law: a comparative analysis // Scientific forum: Jurisprudence, history, sociology, political science and philosophy: Sat. Art. based on the materials of the XIX Intern. scientific-practical conf. No. 6 (19). Moscow: MCNO, 2018. Pp. 55-60.

10. Kudryavtseva L. V., Prikhodko E. G. Russian conflict legislation in the field of marriage and family relations: current problems and ways of improvement // Gaps in Russian legislation, No. 1, 2020. Pp. 57-60.

11. Kudryavtseva L. V., Shevchenko V.S. Problems of conflict regulation of marriage and family relations in private international law // Actual problems of our time. No. 3 (21). Pp. 38-43.

УДК/UDC 343.98

Теоретические аспекты оптимизации технико-криминалистического обеспечения раскрытия и расследования преступлений

Лузгин Иван Иванович
аспирант кафедры криминалистики
Белорусский государственный университет
г. Минск, Республика Беларусь
e-mail: yariy_winner@mail.ru

Аннотация

Оптимизация процесса уголовно-правовой квалификации преступлений и объективизация процесса доказывания обеспечивается собиранием и процессуальным закреплением фактических данных, относящихся к совершенному деянию. Порядок и способы выявления и фиксации признаков преступных деяний разрабатываются криминалистикой имеющей собственное, отличающееся от уголовного права, представление о преступлении. В процессе научного развития криминалистическое представление о преступлении приобрело форму как описания наиболее значимых его признаков, так и сформировало систему выявления, фиксации и исследования материально фиксированных признаков преступлений. Что повлекло появление научных категорий «криминалистическая характеристика преступлений» и «технико-криминалистическое обеспечение раскрытия преступлений». Криминалистическая характеристика преступлений, выступая общей категорией, не охватывает в полной мере квалификацию и доказывание каждого отдельного преступления. Роль «технико-криминалистического обеспечения» состоит в создании условий оптимизации и объективизации процесса доказывания и правильной квалификации каждого из преступлений. Оно должно основываться на криминалистическом понимании преступления как структурированной системы, состоящей из материальных элементов, подлежащих изучению в процессе следственной деятельности с использованием современных криминалистических технологий и средств и судебно-экспертных методик.

Ключевые слова: технико-криминалистическое обеспечение, судебно-экспертная деятельность, криминалистика, криминалистически значимая информация, криминалистические технологии, криминалистическая структура преступления.

Theoretical aspects of the optimization and forensic provision of crime disclosure and investigation

Luzgin Iwan Iwanovich
postgraduate student of the Department of Criminalistics,
Belarusian State University,
Minsk, Republic of Belarus
e-mail: yariy_winner@mail.ru

Abstract

The optimization of the criminal law crime qualifying process and objectification of the proving process are provided by collecting and formal fixation of the in-fact data concerning the act committed. The procedure and means of the criminal acts features identification and fixation are designed by forensic science having the specific vision on a crime which is different from the criminal law one. During science evolution process forensic vision on a crime took the form of the most significant characteristics specification of the crime and constitued the system of physically fixed crime characteristics identification, fixation and analysis. This caused the birth of the following scientific concepts: "forensic crime characteristic" and "technical and forensic crime disclosure provision". Forensic crime characteristic being general notion doesn't cover every single crime qualifying and proving processes in full measure. The role of "technical and forensic provision" is in optimization conditions creation and every single crime proving and correct qualifying processes objectification. It is to be based on the forensic concept of the crime as the structured system which consists of the material elements, the latter be studied during investigation activity with the usage of the contemporary forensic means, technologies and forensic expertise methods.

Key words: technical and forensic provision; forensic expertise activity; forensic science; forensically relevant data; forensic technologies; forensic crime structure.

Объективность приговора начинается с объективности квалификации совершенных деяний, обеспеченных доказательственной базой и криминалистически значимой информацией (КЗИ) в том числе. Как юридической основой результативности борьбы с преступлениями является правильная правовая оценка деяния в соответствии с нормой уголовного кодекса [1, с. 153], так и уровень криминалистически значимой инфор-

мации обеспечивает эффективность этой деятельности объективизируя ее, по сути, и оптимизируя ее же и как систему и как процесс.

Так как сущность квалификации заключается в установлении и юридическом закреплении признаков совершенного деяния в соответствии с признаками состава преступления, предусмотренного уголовно-правовой нормой, то действия по их установлению предстают как процесс выявления и определения степени их соответствия [2, с. 5].

Так как данный процесс не всегда завершается обнаружением их полного соответствия в силу большинства объективно существующих причин оптимизации данного процесса служит собираемая и процессуально закрепляемая КЗИ, объективно свидетельствующая о недостающих элементах и оптимизация комплексности, получение которой обеспечивает эффективный результат.

Будучи активно развивающейся наукой у современной криминалистики сформировано собственное представление о преступлении и способах, порядке выявления и фиксации фактических признаков преступного деяния. Криминалистическое представление о преступлении как об описательной системе наиболее значимых его признаков в рамках научной категории «криминалистическая характеристика преступлений» стала структурным звеном частной методики расследования преступлений как её практико-значимый элемент [3; 4].

Однако описательные характеристики преступлений, не обладая достаточным уровнем конкретики не в полной удовлетворяли взгляды, как практиков, так и ученых-криминалистов на преступление как на структурированный системный объект. Как само по себе, так и по содержанию описание элементов, выполняя лишь роль чисто информационного значения и не содержала в себе подлинной конкретики структур криминалистической значимости указывающих на получение данных, как содействующие квалификации, так и на характер поиска виновных [5, с. 434]. В силу необходимости, развитие научных взглядов криминалистов на преступление, как на чисто описательную систему претерпело ряд существенных изменений [6, с. 264].

И на сегодня его можно рассматривать лишь как частное в более общем. И такой более общей научной категорией стало учение о преступлении как о системном образовании материального характера. Этому способствовал тот факт, что криминалистически каждое из преступлений ни что иное, как структурированный системный объект в каждом из которых присутствуют материальные элементы. При таком рода научном подходе к рассмотрению преступлений в каждом из них как в системном образовании материального характера отчетливо прослеживается поэлементная их конкретная следовая и ситуационная взаимосвязь. Что изначально не только позволяет конкретизировать характер действий, но и получать данные о направлении поиска и характере недостающих элементов в криминалистической структуре каждого из преступлений. Что открывает иные горизонты, как с точки зрения криминалистической науки, так и возможности для практической деятельности по раскрытию, расследованию и квалификации преступлений. Перспективность такого подхода к современному взгляду на криминалистическое познание преступлений основывается на криминалистическом учении о материальной структуре преступления [7].

Обоснованность криминалистического учения о материальной структуре преступления заключается в том, что само преступление, изучаемое рядом наук, изучает в нем различные его стороны. Ими являются либо характер покушения на общественные отношения, либо преступление как социальное явление. До возникновения учения о материальной структуре преступления отсутствовало изучение преступления как результата преступной деятельности в технологическом и материальном планах. Именно по этой причине была сформулирована идея криминалистического исследования преступления, воплотившаяся в категорию исследования его криминалистической структуры [8, с. 72–83].

Создание данного учения– научное достижение белорусской криминалистической школы. Представление о преступлении как системе взаимосвязанных материальных элементов выполненное учеными кафедры криминалистики Белорусского государственного университета

имеет целью комплексное изучение как отдельных элементов и их характера, так и характера взаимодействия каждого из элементов криминалистической структуры преступления в их статике и динамике. Их изучение, осуществляется на основе объективных данных различных отраслей науки. При криминалистическом анализе с использованием передовых достижений различных наук все элементы криминалистической структуры преступления обретают конкретную значимость с научной точки зрения и формируют практически ориентированный результат. Оптимизируется установление характера и объёма формируемой криминалистически значимой информации в рамках следовой картины преступления и формирующего субъекта, создается детализация характера отражения и взаимоотражения криминалистически значимой информации и направлений ее поиска.

Частные методики расследования состоят из блоков криминалистической характеристики преступлений и обстоятельств подлежащие установлению, особенностей возбуждения уголовных дел, типичных следственных ситуаций и тактики, первоначальных и последующих следственных действий и организационные мер.

С позиции учения о материальной структуре преступления все вышеуказанное обретает более высокую как научную, так и практическую значимость. Исходя из положений данного учения создание не описательных, а предельно конкретных и действенных элементов матриц расследования формирует систему криминалистических моделей преступлений и действенных организационных и иных мер по их раскрытию и расследованию [9, с. 86-87].

Практически любые криминалистические структуры различных видов преступлений, даже обусловленные сложностью осуществления преступной деятельности, тем не менее, поэлементно взаимосвязаны и взаимосвязано функционируют. Криминалистический анализ их взаимодействия и взаимосвязей с позиции исследования материальной структуры преступления обеспечивают решение всех возникающих задач и определение характера действий по ним.

В частности, орудия и средства совершения преступлений наиболее ярко отражают наличие и характер взаимосвязей. Поэтому их криминалистически значение в том, что с позиции исследования материальной структуры преступления именно средства совершения обналичивают фактическое проявление признаков совершения конкретных преступлений.

Тем самым технико-криминалистическое обеспечение раскрытия и расследования преступлений выступает криминалистической политехнологической системой оптимизации и объективизации решений, стоящих перед современной криминалистикой задач[10; 11, с. 629-632].

Что требует рассмотрения отдельных теоретических аспектов технико-криминалистического обеспечения.

Исходя из положений учения о материальной структуре преступления из анализа понятия механизма следообразования, можно сделать вывод, что следовое отражение,-это диалектически обусловленный и ситуационно запечатлённый, но и, прежде всего, системно отраженный и отражающий отражаемое механизм кодированного пространственно-временного поликоординатного запечатления событийного ряда отраженного в системе сред имеющего информационную сущность и процессуально обусловленное доказательственное значение.

Имея основой единую информационную сущность материальные, идеальные и виртуальные следы лишь условно (на уровне видимости, не отражающей общности сущности данных структур) разделены, но не их сущностью и информационной природой, а свойствами отражающих отражаемое в результатах отражения системой представленных сред. Современное понятие следов определяется до настоящего времени как разделённые видо-подвидовые локальные образования, что в их подлинном значении не отражает их сущности. Так как в основе их образования лежат процессы, формирующие следы (как результаты отражения) как комплексные информационно содержащие и комплексно отражающие объекты.

Существующая исследовательская и экспертная системы судебно-экспертной деятельности скорее отражают утилитизацию и формализацию процесса оценки и исследования следов направленного на создание и поддержания в действии нынешней системы их видоразделённого исследования отражающего конвейерную систему их обработки. Удобную по форме, но громоздкую и затратную по силам и средствам и главное, - не обеспечивающую подлинно методологически обусловленную их исследовательскую глубину. Вместо целостного восприятия и разработки технологий работы со следами как комплексными образованиями и многоуровневыми информационно-содержательными системами используется и декларируется как единственно верная ныне существующая Использующая комплексные исследования не как базовый уровень, а как исключение при решении локальных задач.

Вместе с тем понятие следа в современной криминалистике с точки зрения его информационной сущности и содержательности может быть представлено следующим образом: след – это информационно обусловленная и отражённая в материальных, идеальных и виртуальных средах кодированная информационно-ситуационная, отображающая и содержащая следовая система пригодная к декодированию (для обеспечения процесса доказывания) на уровне качеств применяемых инструментальных технико-технологических криминалистических систем. А установившееся понятие следовой локальности - ни что иное, как инерция мышления, а, в сущности, - элемент «частного, в общем». Тем не менее, имеющее глубокую межсистемную, межвидовую, меж форменную и межсредовую взаимосвязь.

Поэтому и современное определение криминалистически значимых объектов (КЗО),как представляется, должно звучать несколько иначе: КЗО - физически, идеально и виртуально отображенные во времени и пространстве элементы информационной структуры преступления, обладающие системными и межсистемными связями взаимодействия и отображения и единой информационно обусловленной сущностью.

С методологической точки зрения более правильно определять следовые формы отображений КЗИ и её взаимодействий как механизм следо-средообразования. Данное понятие обладает гораздо более высокой степенью общности по отношению к понятию локальногоследообразования. Это позволяет его оценивать не с позиции специфики образования каждого из следов по отношению к различным формам их отражений (в процессе чего часто теряется сам смысл построений их классификаций,- и главное, - громоздко выглядящие классификации не способствуют их использованию в целях решения практических задач), а с позиции специфики следоотражения в средах отражения, как отдельного, так и всей совокупности в целом следов (в их внутренней системной взаимосвязи) исходя из функциональной обусловленности качеств каждой из сред. Это позволит вычленить и классифицировать по более высокоуровневому основанию не только каждый из большинства известных видов следов, но и технологически смоделировать базы сравнения и анализа потенциально все возможных вариантов их ситуационного образования для каждой из сред. Это позволяет оптимизировать разработку технологий их обнаружения, фиксации, изъятия и исследования и оптимизировать систему судебно-экспертной деятельности(СЭД).

Следовоспринимающие и отображающие среды имеют информационно обусловленный характер (что указывает на то, что в принципе возможен уровень технологий, позволяющих произвольно изменять содержание их структуры влияющей на характер отображения в них) и следы изначально отображаются в информационно обусловленной среде. Сохранение ими своей индивидуальности, при наложении информации ситуационности и следо-средоотражения обуславливает и ситуационную составляющую информационных взаимодействий второго порядка обеспечивающих считывание с самих сред как носителей знаковых систем, ситуационно обусловленных и ситуационно-значимых информационно обусловленных взаимодействий имеющих значение как доказательственные факты, встраиваемые в систему доказывания через систему процессуально обусловленных процедур.

Среды следоотображения криминалистически значимой информации обладают динамикой функционирования. Вместе с процессом отображения включается процесс уничтожения информации, как элемент функциональной эргономики отображающей среды. Но отображаемое всегда имеет комплексный характер, так как это ни что иное, как итог взаимодействий системных процессов функционально -динамических систем. Сама же сущность отражения целостна, но исключительно сложна для непосредственного восприятия и оценки в том числе. На что указывает и относительная результативность предварительных исследований, не обеспеченных в должной мере комплексными технологиями. Но развитие математических форм обработки различных видов информации позволяет дифференцированно подходить и к процессам разработки и использования такого рода методов. Как в работе с КЗИ, так и к созданию технологий, обеспечивающих ев получение и обработку. Перспективность такого рода подхода к проблеме заключается в том, что моделирование процессов как возникновения КЗИ в системах сред, так и системы её извлечения не имеют бесконечных вариантов проявлений и могут быть просчитаны. Могут быть созданы оптимальные системы, обеспечивающие извлечение КЗИ и её криминалистический анализ. Что позволяет при правовом обеспечении данного процесса продвинуться в направлении нового комплексно-технологического уровня СЭД.

В силу этого, и понятие СЗ может быть сформулировано несколько по иному (в их криминалистической интерпретации): специальные знания, - это практическая форма реализации функции извлечения из систем отображения (как внешней видимости систем отражения) в том числе и с помощью инструментальных технико-технологических криминалистических методов и средств (ИТТКСМ) их информационной сущности. На основе исследования, как их внутренней информационной структуры, так и систем их ситуационно обусловленных взаимосвязей с учётом специфики отражения КЗИ в системах функциональных сред в целях решения правовых задач.

Множественность отображающих сред находящихся в динамике взаимодействий при едином механизме отражения и специфике отображения обусловленной функциональностью сред, тем не менее, предопределяет многофункциональность создаваемых высокотехнологичных инструментальных технико-криминалистических систем при логическом и интегральном единстве их информационно-коммуникативных и пространственно-распределённых платформ. А необходимость комплексных и высокодинамичных систем технико-криминалистического обеспечения (ТКО) и используемых ТКСМ предопределяется и временным фактором взаимодействия процессов образования и исчезновения КЗИ. Так как внешне воспринимаемые как разнонаправленные процессы образования и исчезновения информации в системе следоотражающих сред, в сущности, ни что иное, как единый взаимосвязанный информационной природы следо-средообусловленный их функционалностью процесс. Существенное различие в понимании значения и роли средообусловленности следосредообразования от простого механизма следообразования заключается в том, что введение понятия средообусловленности следообразования позволяет изначально на базово обусловленном уровне дифференцировать особенности следообразования всех, как используемых на сегодня, так и возможных видов следов. И по отношению к характеру их проявления для каждой из такого рода отображающих КЗИ сред. Более того, это позволяет устанавливать и предопределять и сам характер всех возможных видов криминалистически значимой информации в системах отображающих сред. Как на основе матричного криминалистического анализа параметров отражающих и содержащих сред (путем компьютерного моделирования характеристик данных сред по отношению к характеру и уровню образования, отображения и хранения в них всех возможных следов), так и путём введения в их системы параметров как используемой нт сегодня КЗИ, так и не известной, но потенциально пригодной доказательственной информации. Выстраивая систему работы не как видоразделенный и достаточно затратный в физическом и во

временном планах процесс, а, формируя его как единую высокотехнологичную задачу.

Рациональность данного подхода заключается в том, что мы предполагаем неизменным наличие самого всеобщего свойства материи, - отражения, не зависящего от определяемого лишь исследователями удобства ферм исследования. Что сложно было осуществить до внедрения математических систем обработки информации, но возможно реализовать на данный момент. Что позволит работать со следами на основе их полиметрических данных и их комплексных электронных копий-моделей, каждая из которых, отражая своё информационное поле, тем не менее, будет сохранять с входящими в состав следа видовыми информационными полями общематрицированную информационно и ситуационно обусловленную их взаимосвязь. Обеспечивая как изъятие, тек и моделирование их на компьютерных платформах в неразрушающих системах исследований. Базовой основой, которых и в идентификационном плане могут стать как точечные сканирующие технологии с последующей сшивкой изображений, так и голографические системы.

С точки зрения повышения уровня объективизации судебно-экспертного обеспечения различных видов процессов вышеуказанное можно характеризовать как одно из направлений формирования системной реализации криминалистической и судебно-экспертной деятельности и их взаимодействия с позиции перспектив их развития и повышения уровня системности в объективизации в целом решения правоохранительных задач.

Изложенное позволяет сделать выводы о том, что:

наибольшее количество данных необходимых для эффективного раскрытия и расследования преступлений и правильной их квалификации можно получить, основываясь на криминалистическом понимании и исследовании материальных элементов преступлений, так как описательные методики их расследования недостаточны для эффективного решения практических задач;

для оптимизации деятельности по раскрытию и расследованию преступлений и их уголовно-правовой квалификации следует основываться, прежде всего, на криминалистическом понимании преступления как структурированной системы, состоящей из материальных элементов, устанавливаемых в ходе расследования уголовных дел основанной на учении о материальной структуре преступления;

использование технико-криминалистического обеспечения раскрытия и расследования преступлений, с позиции учения о материальной структуре преступления, обеспечивает наиболее эффективный результат вне зависимости от степени сложности возникающих задач;

разработка теоретических основ технико-криминалистического обеспечения на основе учения о материальной структуре преступления способствует, как оптимизации процесса в целом, так и разработки отвечающих требованиям времени используемых для раскрытия и расследования преступлений современных криминалистических технологий, сил и средств.

Список литературы

1. Мальцев В. В. Уголовно-правовая квалификация и принципы уголовного права // Вестник ВолГУ. 2003-2004. Серия 5. Вып. 6. С. 152–157.

2. Кудрявцев В. Н. Общая теория квалификации преступлений. М.: Юристъ, 2004. 304 с.

3. Ермолович В. Ф. Криминалистическая характеристика преступлений: моногр. / Мн.: Амалфея, 2001. 304 с.

4. Криминалистика: Учебник / Под ред. А. Г. Филиппова. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Спарк, 2000. 687 с.

5. Криминалистика: учебн. для вузов / под ред. И. Ф. Герасимова, Л. Я. Драпкина. – М.: Высш. шк., 1994. 528 с.

6. Белкин Р. С. Избранные труды. - М. Норма, 2008. 675 с.

7. Гучок А. Е. Основы криминалистического учения о материальной структуре преступлений. Мн.: Тесей, 2012. 228 с.

8.Криминалистика: Учебное пособие. Под ред. А. В. Дулова. – Мн.: Экоперспектива, 1996. 415 с.

9.Гучок А. Е. Понятие и содержание методики экспертно–криминалистического сопровождения расследования отдельных видов преступлений / А.Е. Гучок // Совершенствование правового регулирования и механизмов функционирования системы противодействия преступности: материалы междунар. науч,- практ. конф., 18—19 окт. 2013 г., Минск / редкол.: И. О. Грунтов (отв. ред.) [и др.]. — Минск : Изд. центр БГУ, 2013. 276 с.

10.Григорович В. Л. Голографические технологии в криминалистике : монография / ВЛ. Григорович, И.И Лузгин; под. ред. В. Л. Григоровича. - Саарбрюккен, Германия: LAPLAMBERT Academic Publishing, 2013. 249 с.

11. Лузгин, И. И. Методология как основа технико-криминалистического обеспечения // Фундаментальные научные исследования: теоретические и практические аспекты: сборник материалов III международной научно-практической конференции (29-30 января 2017 года). Том II – Кемерово: ЗапСибНЦ. 2017. 686 с

References

1. Maltsev V. V. Criminal legal qualification and principles of criminal law // Bulletin of VolSU. 2003-2004. Series 5. Issue. 6. Pp. 152–157.

2. Kudryavtsev V. N. General theory of qualification of crimes. Moscow: Yurist, 2004. 304 p.

3. Ermolovich V. F. Forensic characteristics of crimes: monograph. / Mn.: Amalfeya, 2001. 304 p.

4. Criminalistics: Textbook / Ed. A. G. Filippova. - 2nd ed., Rev. and add. - M.: Spark, 2000. 687 p.

5. Forensic science: textbook. for universities / ed. I.F. Gerasimova, L. Ya.Drapkina. - M.: Higher. shk., 1994. 528 p.

6. Belkin R.S. Selected Works. - M. Norma, 2008. 675 p.

7. Guchok AE Fundamentals of criminalistic doctrine about the material structure of crimes. Minsk: Tesey, 2012. 228 p.

8. Forensic science: textbook. Ed. A. V. Dulova. - Minsk: Ekoperspektiva, 1996. 415 p.

9.Guchok A. E. The concept and content of the methodology of expert-criminalistic support of the investigation of certain types of crimes // Improvement of legal regulation and mechanisms of functioning of the system of combating crime: materials of the international. scientific, - practical. Conf., 18-19 oct. 2013, Minsk / editorial board: I. O. Gruntov (editor-in-chief) [and others]. - Minsk: Ed. Center BSU, 2013. 276 p.

10. Grigorovich V.L. Holographic technologies in forensic science: monograph / VL. Grigorovich, I.I. Luzgin; ed. VL. Grigorovich. - Saarbrücken, Germany: LAPLAMBERT Academic Publishing, 2013. 249 p.

11. Luzgin, I. I. Methodology as the basis of technical and forensic support // Fundamental scientific research: theoretical and practical aspects: collection of materials of the III international scientific and practical conference (January 29-30, 2017). Volume II - Kemerovo: ZapSibNTs, 2017. 686 p.

УДК/UDC 343.9

Некоторые аспекты современного состояния комплексного противодействия преступности

Лукашин Михаил Владимирович
кандидат юридических наук
Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации
г. Москва, Россия
e-mail: piskovo2012@yandex.ru

Суркова Светлана Николаевна
юридический колледж
г. Москва, Россия
e-mail:razboiniki@yandex.ru

Аннотация

В статье проведен ретроспективный анализ зарождения и развития организованной преступности в России. Дается определение данному общественно опасному явлению, отражены его признаки и формы. Предложены криминологические, организационно-управленческие и правовые меры предупреждения и борьбы с организованной преступностью.

Ключевые слова: преступность и общество, преступления, наиболее часто совершаемые в учреждениях ФСИН России.

Some aspects of the current state of integrated crime prevention

Lukashin Mikhail Vladimirovich
Candidate of Law
Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
Moscow, Russia
e-mail: piskovo2012@yandex.ru

Surkova Svetlana Nikolaevna
College of Law
Moscow, Russia
e-mail: razboiniki@yandex.ru

Abstract

The article provides a retrospective analysis of the origin and development of organized crime in Russia. The definition of this socially dangerous phenomenon is given, its signs and forms are reflected. Criminological, organizational, managerial and legal measures to prevent and combat organized crime are proposed.

Key words: crime and society, crimes most often committed in the institutions of the Federal penitentiary service of Russia.

Преступность на протяжении столетий, будучи одним из важных факторов, определяет жизнь общества и функционирование государства, вне зависимости от их социально-экономического и политического устройства. Общество и государство прилагают достаточно усилий и привлекают ресурсы по противодействию ей, как следствие сохраняя приемлемый уровень общественного порядка и общественной безопасности. Преступность как совокупность исторически и социально изменчивых явлений, «представляющих собой систему преступлений» [1], быстро приспосабливается к комплексному противодействию государства в лице правоохранительных органов, в частности органов внутренних дел и ФСИН России. По мнению авторов, развивается процесс динамичного вытеснения примитивного уголовного типа из сферы корыстной преступности и замещение его интеллектуальным видом, с более изощренными способами. Немаловажную роль на повышение уровня преступности в Российской Федерации оказывает глобализация. Ее двадцатилетний период преобразовал структуру экономических отношений, увеличив преступления корыстной направленности. Стоит отметить, что преступность имеет свойство циркуляции – лицо, которое осуждено за совершение общественно опасных деяний, находясь в учреждении ФСИН

России, совершает «пенитенциарное» преступление. После отбытия наказания, через какое-то время лицо вновь совершает уголовно наказуемые действия, вследствие чего приобретает статус «рецидивиста». А в учреждении ФСИН России, «благодаря полезным связям», такой человек приобретает негативный опыт, который, в свою очередь, затрудняет проведение следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий, осуществляемых правоохранительными органами по привлечению его к уголовной ответственности.

ФСИН России имеет своими целями исправление преступников и предупреждение совершения новых преступлений как осужденными, так и иными лицами. Еще в XVIII веке было отмечено, что «наиболее эффективный способ предупредить преступление, заключается не в жестокости наказания, а в ее неизбежности» [2]. К сожалению, исправление и предупреждение совершения лицами новых преступлений не всегда реализуется в полной мере. Приобретенный негативный опыт способствует росту латентной преступности, при этом нередко она является объективным фактором, отображающим современное состояние комплексного противодействия преступности. Данный фактор вызывает недоверие со стороны общества правоохранительным органам. Надо сказать, что такая наука, как «криминология», служит ориентиром, который отражает деятельность правоохранительных органов посредством составления статистики совершенных преступлений в обществе. Согласно данным Генеральной прокуратуры Российской Федерации [3], в 2018 году зарегистрировано 2 352 тыс. преступлений, в то время как в 2017 году их количество составило 2 166 тыс., следовательно, их рост составил 8,6%. Число «пенитенциарных» преступлений составило 124 тысячи [4]. Осужденные по данной категории преступлений (18,5%) содержатся в местах лишения свободы и имеют психические патологии: из них 54,8 тыс. страдают расстройствами психики, 49,6 тыс. наркоманией, 20,5 тыс. больны алкоголизмом. К преступлениям, наиболее часто совершаемым в учреждениях ФСИН России, следует отнести: побег из места лишения свободы, из-под ареста или из-под стражи (29%); преступления, связанные с

незаконным оборотом наркотиков (25%); преступления против жизни и здоровья (18,4%). Основной вид учреждений ФСИН России, в которых преимущественно совершаются действия, дезорганизующие их работу, – это исправительные колонии для взрослых. При этом фиксируется варьирующаяся динамика роста с амплитудой в 75%. На вопрос: «Как Вы оцениваете деятельность правоохранительных органов по борьбе с преступностью?» - только 2,5% граждан дали положительную оценку, 19,9% оценили как «удовлетворительно», 43,7% признали деятельность «неудовлетворительной», а 33,9% - «крайне негативно». В числе основных недостатков они указали: коррумпированность правоохранительных органов (92,4%), низкий профессиональный уровень (74,6%) [5].

Недаром криминологи ассоциируют преступность как болезнь общества, поражающую его и человека. При этом такое болезненное состояние важно предотвратить, чем лечить. Предупредительные меры по противодействию преступности имеют исключительное значение, поскольку они исходят от государства через правоохранительные органы. Превентивные меры включают в себя, прежде всего, разработку и реализацию стратегии [6] комплексного противодействия преступности, особенно среди осужденных, которым назначено наказание, не связанное с лишением свободы, или наказание в виде лишения свободы при условном осуждении, состоящими на учете уголовно-исполнительных инспекций. Согласно статистическим данным, их доля в 2018 году составила 57,1% (в 2014 г. – 43,6%). Несмотря на Регламент [7], комплексное противодействие преступности в этом направлении затруднено при взаимодействии органов внутренних дел и ФСИН России. Данный нормативный правовой акт содержит перечень совместных мероприятий, однако указанные мероприятия также имеют амбивалентный характер. С одной стороны, они призваны разрешить имеющиеся недостатки при организации противодействия и профилактики совершения общественно опасных деяний, но с другой стороны, данные указания достаточно общие по содержанию или характеризуются низкой эффективностью в силу объективных или субъективных причин. «Изъяны» в системе противодей-

ствия преступности выражаются в несвоевременном направлении органами внутренних дел информационно-аналитических материалов о совершения преступлений осужденными, в добавление, затяжной процесс корреспонденции существенным образом создает препятствие сотрудникам ФСИН России осуществлять контроль за данной категорией лиц. В Уголовно-исполнительном кодексе Российской Федерации (п. 1 ст. 18.1) отражено, что первоначальные розыскные мероприятия лиц, скрывшихся от отбывания назначенного наказания, осуществляются по истечении 30 суток, если не удалось установить их местонахождение. Это достаточно продолжительный срок – за это время они могут не только покинуть пределы региона, но и совершить преступления. Авторам представляется целесообразным, чтобы сотрудники органов внутренних дел начинали бы своевременно оказывать содействие в этот промежуток времени. В практической деятельности сотрудников ФСИН России отмечается проблема невозможности составления административного протокола в отношении указанных лиц, находящихся в состоянии алкогольного опьянения (ст. 20.21 КоАП РФ). Сотрудники ФСИН России для выполнения этой задачи вынуждены обращаться к сотрудникам органов внутренних дел.

Из всего вышесказанного следует отметить, что комплекс противодействия преступности должен обеспечивать профилактику в отношении рассматриваемых лиц с целью недопущения рецидива. В том числе возникает необходимость в дополнении или принятии нормативного правового и законодательного актов, что позволит эффективно регулировать организацию их взаимодействия.

Список литературы

1. Актуальные проблемы борьбы с преступностью: вопросы теории и практики: материалы XXIII международной научно-практической конференции (2-3 апреля 2020 г.): в 2 ч. / отв. ред. Д. В. Ким; Федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего образования «Сибирский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации». – Красноярск: СибЮИ МВД России, 2020.

2. Беккариа Ч. О преступлениях и наказаниях / Сост. и предисл. В.С. Овчинского. – М.: ИНФРА-М. 2004.

3. Комплексный анализ состояния преступности в Российской Федерации и расчетные варианты ее развития: аналитический обзор / Ю. М. Антонян, Д. А. Бражников, М. В. Гончарова и др. – М.: ФГКУ «ВНИИ МВД России», 2018.

4. Репецкая А. Л., Сутурин М. А. Российская пенитенциарная преступность: Динамика современного состояния и структуры. Сибирский юридический вестник. № 4 (87). 2019.

5. Авдеев В. А., Авдеева Е. В. Правовой анализ общеуголовной корыстной преступности в Российской Федерации: Состояние и тенденции развития // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. 2019 Т. 23 № 1.

6. Указ Президента РФ от 31 декабря 2015 г. № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2016. № 1 (часть II). Ст. 212.

7. Об утверждении Регламента взаимодействия ФСИН России и МВД России по предупреждению совершения лицами, состоящими на учете уголовно-исполнительных инспекций, преступлений и других правонарушений: Приказ Минюста России и МВД России от 4 октября 2012 г. № 190/912 / Российская газета. 2012 г. № 248.

References

1. Actual problems of combating crime: theory and practice: materials of the XXIII international scientific and practical conference (April 2-3, 2020): 2 hours / otv. ed. D. V. Kim; Federal State Treasury Educational Institution of Higher Education "Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation". - Krasnoyarsk: Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2020.

2. Beccaria Ch. On crimes and punishments / Comp. and foreword. B.C. Ovchinsky. - M.: INFRA-M. 2004.

3. Comprehensive analysis of the state of crime in the Russian Federation and design options for its development: an analytical review / Yu.M. Antonyan, D.A. Brazhnikov, M. V. Goncharova et al. -M.: FGKU "VNII MIA of Russia 2018.

4. Repetskaya A. L., Suturin M. A. Russian Penitentiary Crime: Dynamics of the Current State and Structure. Siberian legal bulletin. No. 4 (87). 2019.

5. Avdeev V. A., Avdeeva E. V. Legal analysis of general criminal mercenary crime in the Russian Federation: State and development trends. RUDN Bulletin. Series: Legal Sciences. 2019 Vol. 23 No. 1.

6. Decree of the President of the Russian Federation of December 31, 2015 No. 683 "On the National Security Strategy of the Russian Federation"// Collection of the Legislation of the Russian Federation. 2016. No. 1 (Part II). Art. 212.

7. Order of the Ministry of Justice of Russia and the Ministry of Internal Affairs of Russia dated October 4, 2012 No. 190/912 On the approval of the Regulations for interaction between the Federal Penitentiary Service of Russia and the Ministry of Internal Affairs of Russia to prevent the commission of crimes and other offenses by persons registered with criminal executive inspections // Rossiyskaya Gazeta. 2012 No. 248.

УДК/UDC 343.2/.7

К вопросу об эффективности уголовно-правовой охраны охотничьих животных

Машкина Татьяна Сергеевна
студентка магистратуры юридического факультета
Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина
г. Краснодар, Россия
e-mail: 1mtsstm1@mail.ru
SPIN-код: 9009-0915

Степанова Кристина Витальевна
преподаватель кафедры уголовного права
Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина
г. Краснодар, Россия
e-mail: naumeyko93@gmail.com
SPIN-код: 3367-4740

Аннотация

В статье рассмотрен вопрос об эффективности существующей уголовной ответственности за незаконную охоту и оборот охотничьих животных. Выявлены проблемы, возникающие у сотрудников правоохранительных органов в ходе квалификации преступлений, предусмотренных ст. 258 Уголовного кодекса Российской Федерации, обусловленные сложностью установления признаков состава преступления в случае выявления преступления на стадии транспортировки охотничьих ресурсов, что приводит к уходу нарушителей от уголовной ответственности. На основе проведенного исследования авторами предложены и обоснованы пути решения указанных проблем. Так, предложено ввести в Уголовный кодекс Российской Федерации состав преступления, предусматривающий ответственность за незаконный оборот особо ценных охотничьих ресурсов. Такие изменения позволят предотвратить занесение многих видов охотничьих животных в Красную книгу Российской Федерации.

Ключевые слова: охотничьи животные, незаконная охота, уголовная ответственность, браконьерство.

On the issue of the effectiveness of criminal law protection of hunting animals

Mashkina Tatyana Sergeyevna
student in the master's programme of the Faculty of Law
Kuban State Agrarian University
Krasnodar, Russia
e-mail: 1mtsstm1@mail.ru
SPIN Code: 9009-0915

Stepanova Kristina Vitalyevna
Lecturer of the Department of Criminal Law
Kuban State Agrarian University
Krasnodar, Russia
e-mail: naumeyko93@gmail.com
SPIN Code: 3367-4740

Abstract

The article discusses the effectiveness of the existing criminal liability for illegal hunting and trafficking of hunting animals. The problems encountered by law enforcement officers in the course of qualifying crimes under article 258 of the criminal code of the Russian Federation, due to the complexity of establishing signs of a crime in the event of detection of a crime at the stage of transportation of hunting resources, which leads to evasion of criminal liability of violators. On the basis of the conducted research the author proposes and substantiates the ways of solving these problems. Thus, it is proposed to introduce into the criminal code of the Russian Federation a crime that provides for liability for illegal trafficking of especially valuable hunting resources. Such changes will prevent the inclusion of many species of hunting animals in the Red book of the Russian Federation.

Key words: hunting animals, illegal hunting, criminal liability, poaching.

Охотничьи животные являются неотъемлемой частью экологической системы Российской Федерации. Большинство таких животных имеют устойчивые популяции на территории Российской Федерации. Вместе с тем прирост таких популяций значительно ниже, чем возмож-

ная биологическая продуктивность животных. Например, прирост количества диких копытных составляет 1–3% в год, что весьма незначительно. Следовательно, число охотничьих животных может быть намного больше, чем на настоящий момент, т. к. по данным, изложенным в Стратегии развития охотничьего хозяйства до 2030 г., экологическая емкость охотничьих угодий в Российской Федерации позволяет увеличить численность диких копытных в 6 раз [1].

Также в разделе 2 Стратегии развития охотничьего хозяйства до 2030 г. указано, что каждый год результатом незаконной охоты становится причинение ущерба охотничьим животным в размере более 18 млрд рублей [1]. Основной причиной столь медленного и незначительного увеличения популяций является браконьерство, что, несомненно, является серьезной угрозой для сохранения биологического разнообразия данных видов в Российской Федерации. Этому способствует высокая стоимость на рынке охотничьих животных и понимание преступниками, что вероятность наступления уголовной ответственности за незаконную охоту минимальна. Реальной угрозой выступает лишь административная ответственность за правонарушение, предусмотренное ст. 8.37 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, максимальным наказанием за совершение которого является штраф в размере 5 тыс. рублей [2]. Бесспорно, что такое положение дел не способствует выработке фактора сдерживания преступников от нарушения правил охоты.

Мониторинг правоприменения ст. 258 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее - УК РФ) [3] показывает неэффективность применения его положений при пресечении и профилактике правонарушений, связанных с незаконной охотой.

Причинами этого выступают следующие проблемы, возникающие на практике.

Привлечение к уголовной ответственности за незаконную охоту на стадии транспортировки продукции охоты вызывает трудности в процессе установления состава преступления в действиях нарушителей. Такие

лица дают показания, что нашли продукцию охоты в лесу или приобрели в соседнем населенном пункте и являются законными ее собственниками. Доказать обратное не представляется возможным. Вследствие чего преступники остаются безнаказанными, а ущерб, причиненный охотничьим ресурсам и их популяции, не может быть возмещен.

В этой связи следует отметить высокую латентность и, следовательно, общественную опасность таких преступлений. В данном случае налицо нарушение принципа неотвратимости наказания за экологические преступления, что является неприемлемым.

Учитывая изложенное, для обеспечения устойчивого существования и использования охотничьих животных необходимо принять меры по их сохранению путем введения уголовной ответственности за незаконный оборот отдельных видов охотничьих ресурсов, представляющих особую экономическую ценность и особую биологическую ценность в экологических системах, т. к. сокращение их численности угрожает сохранению биоразнообразия (т. е. необходимо принять меры, предотвращающие занесение соответствующих видов в Красную книгу Российской Федерации).

Для этого предлагаем внести изменения в УК РФ путем дополнения гл. 26 УК РФ «Экологические преступления» новой ст. 258.2, предусматривающей ответственность за незаконный оборот особо ценных охотничьих ресурсов. Кроме того, необходима разработка постановления Правительства Российской Федерации, в котором будет закреплен перечень таких охотничьих ресурсов.

Данные изменения будут способствовать достижению целей Стратегии развития охотничьего хозяйства в Российской Федерации до 2030 г. и подпрограммы 3 «Сохранение и воспроизводство охотничьих ресурсов» государственной программы Российской Федерации «Воспроизводство и использование природных ресурсов», утвержденной постановлением Правительства Российской Федерации от 15 апреля 2014 г. № 322 [4].

Список литературы

1. Об утверждении Стратегии развития охотничьего хозяйства в Российской Федерации до 2030 г.: Распоряжение Правительства РФ от 03.07.2014 № 1216-р // Российская газета. 07.07.2014.

2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: Федеральный закон от 30.12.2001 № 195-ФЗ // Российская газета. № 256. 31.12.2001.

3. Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

4. Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Воспроизводство и использование природных ресурсов»: Постановление Правительства Российской Федерации от 15.04.2014 № 322 // Собрание законодательства РФ. 2014. № 18. Ст. 2168.

References

1. On the approval of the Strategy for the development of the hunting economy in the Russian Federation until 2030: Order of the Government of the Russian Federation of 03.07.2014 No. 1216-r // Rossiyskaya Gazeta. July 7, 2014.

2. Code of the Russian Federation on Administrative Offenses: Federal Law of 30.12.2001 No. 195-FZ // Rossiyskaya Gazeta. No. 256.31.12.2001.

3. The Criminal Code of the Russian Federation: Federal Law of 13.06.1996 No. 63-FZ // Collection of the Legislation of the Russian Federation. 1996. No. 25. Art. 2954.

4. On approval of the state program of the Russian Federation "Reproduction and use of natural resources": Resolution of the Government of the Russian Federation of April 15, 2014 N 322 // Collection of the Legislation of the Russian Federation, 2014, No. 18, Art. 2168.

УДК/UDC 343.2/.7

Ущерб, причиненный в результате незаконной добычи (вылова) водных биологических ресурсов (ст. 256 Уголовного кодекса Российской Федерации)

Машкина Татьяна Сергеевна
студентка магистратуры юридического факультета
Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина
г. Краснодар, Россия
e-mail: 1mtsstm1@mail.ru
SPIN-код: 9009-0915

Степанова Кристина Витальевна
преподаватель кафедры уголовного права
Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина
г. Краснодар, Россия
e-mail: naumeyko93@gmail.com
SPIN-код: 3367-4740

Аннотация

В статье рассмотрен вопрос исчисления ущерба, причиненного водным биологическим ресурсам в результате совершения преступлений, предусмотренных ст. 256 Уголовного кодекса Российской Федерации, по таксам, принятым Постановлением Правительства Российской Федерации от 3 ноября 2018 г. № 1321. Выявлена необходимость изменения подхода к исчислению стоимостного выражения ущерба, причиненного водным биологическим ресурсам в результате совершения преступлений. Это обусловлено тем, что размер такс не имеет за собой экономического обоснования, не соответствует рыночной стоимости водных биологических ресурсов, что во многих случаях ведет к нарушению принципа справедливости при привлечении к уголовной ответственности по ст. 256 Уголовного кодекса Российской Федерации. На основе проведенного исследования авторами предложены и обоснованы пути решения сложившейся проблемы.

Ключевые слова: водные биологические ресурсы, незаконный вылов, рыба, браконьерство, таксы.

Damage caused as a result of illegal extraction (catch) of aquatic biological resources (article 256 of the criminal code of the Russian Federation)

Mashkina Tatyana Sergeyevna
student in the master's programme of the Faculty of Law
Kuban State Agrarian University
Krasnodar, Russia
e-mail: 1mtsstm1@mail.ru
SPIN Code: 9009-0915

Stepanova Kristina Vitalyevna
Lecturer of the Department of Criminal Law
Kuban State Agrarian University
Krasnodar, Russia
e-mail: naumeyko93@gmail.com
SPIN Code: 3367-4740

Abstract

The article considers the issue of calculating the damage caused to aquatic biological resources as a result of committing crimes under article 256 of The criminal code of the Russian Federation, according to the taxes adopted in 2018 By the decree Of the government of the Russian Federation No. 1321 of 03.11.2018. The need to change the approach to calculating the value of damage caused to aquatic biological resources as a result of crimes is revealed. This is because the size of fees has no economic rationale, does not correspond to the market value of the aquatic biological resources, which in many cases leads to a violation of the principle of justice when bringing to criminal liability under article 256 of the criminal code. Based on the research, the author suggests and justifies ways to solve the problem.

Key words: aquatic biological resources, illegal fishing, fish, poaching, dachshunds.

Водные биологические ресурсы наиболее подвержены преступным посягательствам, что подтверждается статистическими данными Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. Так, согласно отчету Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации о числе осужденных по всем составам преступлений Уголовного кодекса Российской Федерации (далее - УК РФ) общее число осужденных лиц по составам гл. 26 УК РФ (за исключением ст. 256 УК РФ) составляет 648 человек, число осужденных по всем частям ст. 256 УК РФ - 2237 человек [1]. Таким образом, число осужденных по ст. 256 УК РФ превышает общее число всех осужденных лиц за все иные преступления, предусмотренные гл. 26 УК РФ «Экологические преступления» почти в 3,5 раза.

Постановлением Правительства Российской Федерации от 3 ноября 2018 г. № 1321 «Об утверждении такс для исчисления размера ущерба, причиненного водным биологическим ресурсам» были утверждены таксы в денежном выражении, по которым исчисляется вред, причиненный водным биологическим ресурсам, в целях квалификации по ст. 256 УК РФ, а также в целях исчисления вреда, подлежащего возмещению [2].

До принятия указанного постановления действовало Постановление Правительства Российской Федерации от 25 мая 1994 г. № 515 «Об утверждении такс для исчисления размера взыскания за ущерб, причиненный уничтожением, незаконным выловом или добычей водных биологических ресурсов» [3].

Ранее действовавшее постановление закрепляло заниженный размер такс для исчисления ущерба, причиненного водным биологическим ресурсам, не соответствующий экономическому развитию страны. При этом принятое взамен него постановление предусматривает завышенный размер такс, не имеющий под собой никакого экономического обоснования. Стоимость некоторых видов рыб за один экземпляр независимо от размера и веса достигает почти 300 тыс. рублей. Кроме того, указанные таксы не предусматривают градации их размера в зависимости от рыбохозяйственного бассейна. Хотя это очень важно, т. к. в том или ином

рыбохозяйственном бассейне обитают разные виды рыбы и в разном количестве. Стоит отметить, что таксы для исчисления в денежном выражении ущерба, причиненного лесным насаждениям, используемые для квалификации по ст. 260 УК РФ, предусматривают разную стоимость деревьев для каждого региона Российской Федерации [4].

Исчисление ущерба, причиненного водным биологическим ресурсам, по указанным таксам привело к увеличению лиц, осужденных по ч. 3 ст. 256 УК РФ, а также к уменьшению числа прекращенных уголовных дел в связи с освобождением от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа. Складывается такая ситуация, когда лицо, выловившее одну рыбу, может понести такое же наказание, как лицо, выловившее сотню рыб такой же породы, поскольку крупным ущербом в соответствии с примечанием к ст. 250 УК РФ является ущерб, причиненный водным биологическим ресурсам на сумму более 250 тыс. рублей [4]. Кроме того, довольно несправедливо то, что крупный браконьер, зарабатывающий на незаконном обороте водных биологических ресурсов большие суммы денежных средств, будет освобожден от уголовной ответственности, возместив ущерб, в то время как мелкие рыболовы не будут иметь возможности сделать это, т. к. многие из них прибегают к совершению таких преступлений, не имея средств к существованию.

По нашему мнению, использование для квалификации деяний по ст. 256 УК РФ такс для исчисления размера ущерба водным биологическим ресурсам, которые не имеют под собой экономического обоснования и искусственно завышены, влечет за собой нарушение принципа соответствия наказания общественной опасности совершенного деяния, т. е. нарушается один из важнейших принципов уголовного права - принцип справедливости.

В целях совершенствования уголовной ответственности за совершение преступления, предусмотренного ст. 256 УК РФ, предлагаем пересмотреть размер установленных такс для исчисления ущерба, причиненного водным биологическим ресурсам, установив его в соответствии с рыночной стоимостью отдельных пород рыб, а также в соответствии

с состоянием популяций рыб каждого рыбохозяйственного бассейна Российской Федерации. Указанное позволит восстановить справедливость при назначении наказания за совершение преступлений, предусмотренных ст. 256 УК РФ.

Список литературы

1. Отчет о числе осужденных по всем составам преступлений Уголовного кодекса Российской Федерации // Судебный департамент при Верховном Суде РФ. URL: http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5259 (дата обращения: 17.09.2020).

2. Об утверждении такс для исчисления размера ущерба, причиненного водным биологическим ресурсам: Постановление Правительства РФ от 03.11.2018 № 1321 // Собрание законодательства РФ. 2018. № 46. Ст. 7063.

3. Об утверждении такс для исчисления размера взыскания за ущерб, причиненный уничтожением, незаконным выловом или добычей водных биологических ресурсов: Постановление Правительства РФ от 25.05.1994 № 515 // Собрание законодательства РФ. 1994. № 6. Ст. 604.

4. Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

References

1. Report on the number of convicts for all types of crimes of the Criminal Code of the Russian Federation // Judicial Department at the Supreme Court of the Russian Federation. URL: http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5259 (access date: September 17, 2020).

2. On the approval of rates for calculating the amount of damage caused to aquatic biological resources: Decree of the Government of the Russian Federation of 03.11.2018 No. 1321 // Collection of the Legislation of the Russian Federation. 2018. No. 46. Art. 7063.

3. On the approval of the rates for calculating the amount of the penalty for damage caused by the destruction, illegal fishing or extraction of aquatic biological resources: Government of the Russian Federation dated May 25, 1994 N 515 // Collection of the Legislation of the Russian Federation. 1994. No. 6. Art. 604.

4. The Criminal Code of the Russian Federation: Federal Law of 13.06.1996 No. 63-FZ // Collection of the Legislation of the Russian Federation. 1996. No. 25. Art. 2954.

УДК/UDC 343.162

Проблемы института выборности судей в Российской Федерации: зарубежный опыт и возможности его реализации в правовой системе России

Мустафин Рафаэль Фаильевич
кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского процесса и международного права
Кубанский государственный университет
г. Краснодар, Россия
e-mail: mustafinrf@yandex.ru
SPIN-код: 9755-4812

Мустафина Светлана Анатольевна
кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры земельного, трудового и экологического права
Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина
г. Краснодар, Россия
e-mail: grisertel666@yandex.ru
SPIN-код: 1641-9272

Мальцева Анна Сергеевна
студентка юридического факультета
Кубанский государственный университет
г. Краснодар, Россия
e-mail: maltseva-annochka@bk.ru
ORCID: 0000-0001-9756-511X

Аннотация

В статье проанализировано законодательство, регулирующее процедуру назначения на должность кандидатов в судьи. В ходе работы выявлены пробелы правового регулирования данного института в Российской Федерации и предложены способы их устранения. Выборность судей как альтернатива их назначению рассмотрена на основе опыта США, выявлены достоинства и недостатки данной системы.

Ключевые слова: выборность судей, назначение судей, опыт зарубежных стран, США.

Problems of the institute of election of judges in the Russian Federation: foreign experience and opportunities for its implementation in the Russian legal system

Mustafin Rafael Failyevich
Candidate of Law, assistant professor of the Department of Civil Procedure and International Law
Kuban State University
Krasnodar, Russia
e-mail: mustafinrf@yandex.ru
SPIN Code: 9755-4812

Mustafina Svetlana Anatolyevna
Candidate of Law, senior lecturer of the Department of Land, Labor and Environmental Law
Kuban State Agrarian University
Krasnodar, Russia
e-mail: grisertel666@yandex.ru
SPIN Code: 1641-9272

Maltseva Anna Sergeyevna
student of the Faculty of Law
Kuban State University
Krasnodar, Russia
e-mail: maltseva-annochka@bk.ru
ORCID: 0000-0001-9756-511X

Abstract

The article analyzes the legislation regulating the procedure for appointing candidates to the position of judges. In the course of the work, gaps in the legal regulation of this institution were identified and ways to eliminate them were proposed. The selection of judges as an alternative to their appointment is considered on the basis of the experience

of the United States of America, and the advantages and disadvantages of this system are identified.

Key words: election of judges, appointment of judges, experience of foreign countries, USA.

В связи с распадом СССР и появлением демократического правового государства перед законодателем появилась задача формирования судебной системы, отвечающей принципам и требованиям нового политического режима. В связи с этим была принята Концепция судебной реформы 1991 г. [1], направленная прежде всего на создание и утверждение независимой и самостоятельной судебной власти в механизме государства, а также защиту и неуклонное соблюдение основных прав и свобод человека, конституционных прав граждан в судопроизводстве, повышение авторитета суда в глазах народа. Следует сказать, что все эти начала нашли свое отражение в Конституции Российской Федерации (далее - Конституции РФ). Как демократическое и правовое государство Российская Федерация закрепляет в статьях Основного Закона принцип народовластия как одного из важнейших принципов демократии. Формой его реализации является участие граждан в управлении делами государства, в т. ч. в отправлении правосудия, как это определяет ст. 32 Конституции РФ [2]. Управление делами государства может осуществляться двумя способами - непосредственно или через представителей. Ч. 3 ст. 3 Конституции РФ конкретизирует данное положение и указывает, что «высшим непосредственным выражением власти народа являются референдум и свободные выборы». Но, к сожалению, на практике мы видим, что данные права реализуются в достаточно ограниченном виде. Так, до сих пор не создан механизм выявления действительной воли народа в вопросах формирования и деятельности органов судебной власти [3, с. 46]. Согласно ст. 6 Федерального закона от 26 июня 1992 г. № 3132-1 «О статусе судей в Российской Федерации» [4] источником судейских полномочий при их назначении на должность является властное распо-

ряжение Президента Российской Федерации (далее - Президента РФ). Как известно, государственная власть в России осуществляется тремя ветвями власти, независимыми друг от друга, - законодательной, исполнительной и судебной. Президент РФ не относится ни к одной из них. Тем самым в определенном смысле ставится под вопрос самостоятельность судебных органов, на достижение которой и была направлена упоминаемая выше Концепция судебной реформы. С точки зрения некоторых авторов такое полномочие Президента РФ рассматривается не как ограничение независимости органов судебной власти, а как некий элемент системы «сдержек и противовесов» между ветвями власти [5, с. 227]. В таком случае данная процедура должна максимально регламентироваться законом, а также быть открытой и ясной для понимания. Но если мы обратимся к действующему законодательству, то обнаружим, что на сегодняшний день процедура назначения судей Президентом РФ имеет множество пробелов и противоречий в нормативном регулировании и, следовательно, не может выступать в качестве элемента обеспечения системы «сдержек и противовесов».

Из каких же этапов состоит процедура назначения судей в России и в чем ее несовершенства? Во-первых, уже упомянутый Федеральный закон «О статусе судей в Российской Федерации» не содержит в себе нормы, предусматривающие повторную проверку кандидатов в судьи Президентом РФ. Но такая процедура существует и закрепляется подзаконным актом - Указом Президента РФ от 19 декабря 2014 г. № 795 (ред. от 03.04.2020) «Об утверждении состава Комиссии при Президенте Российской Федерации по предварительному рассмотрению кандидатур на должности судей федеральных судов» [6]. Уже на данном этапе возникает вопрос о юридической силе этого подзаконного акта. Как указывалось выше, процедура назначения судей должна полноценно определяться именно нормами закона, а не расширяться посредством подзаконных актов. Во-вторых, неясно, по каким критериям оценивать кандидатов на должность судей на этапе одобрения Президентом РФ, т. к. Закон тоже не регламентирует этот вопрос. Комиссия представляет со-

бой консультативный орган при Президенте РФ по назначению судей федеральных судов. Ее основная роль заключается в подготовке рекомендаций Президенту РФ с учетом мнения его полномочных представителей в федеральных округах по отбору кандидатур для назначения на должности судей. Сам по себе Указ не закрепляет формы или же процедуры сбора и предоставления такого мнения полномочных представителей. С другой стороны, совершенно неясно, какие правовые последствия имеет данное мнение и имеет ли оно хоть какую-то юридическую силу при принятии решения Президентом РФ в вопросах назначения кандидатов на должность судей. В-третьих, ни Закон, ни какие-либо другие нормативно-правовые акты (даже подзаконные акты) не содержат четко установленных оснований отказа Президента в назначении того или иного кандидата на должность судьи, обязанность Президента мотивировать свой отказ, а также механизма обжалования кандидатом такого отказа в случае несогласия с ним. К тому же следует сказать, что Президент РФ в своем решении никак не связан с предыдущим этапом отбора кандидата квалификационной коллегией судей. Даже при положительной оценке кандидата коллегией Президент имеет право отказать ему в назначении на должность. Т. е. сложилась такая практика, что Президент РФ является некой «безапелляционной инстанцией» в процессе отбора и назначения кандидата на должность судьи и его полномочие в таком случае нельзя назвать элементом системы «сдержек и противовесов». Данная проблема, на наш взгляд, имеет два пути решения: детальная и подробная регламентация на уровне федерального законодательства процедуры назначения судей Президентом РФ или же отказ от этой системы и переход к выборности судей, что представляется нам хорошей альтернативой институту назначения судей, который отвечает основным принципам Конституции РФ.

В истории нашего государства, как известно, уже был опыт применения данного способа наделения полномочиями судей. Декрет СНК РСФСР от 24 ноября 1917 г. «О суде» [7] в п. 2 предусматривал прямые демократические выборы в местные суды. Принцип выборности судей

законодательно был закреплен и в Конституции СССР, в конституциях союзных и автономных республик, в «Основах законодательства о судоустройстве Союза ССР, союзных и автономных республик» 1958 г. Он подчеркивал принцип народного суверенитета и просуществовал до самого распада СССР. К тому же не стоит забывать, что идея о выборности судей сохранилась и в законодательстве современной России. Федеральный закон от 17 декабря 1998 г. № 188-ФЗ «О мировых судьях в Российской Федерации» [8] в ст. 6 содержит оговорку о возможности избирать судей низшего эшелона: «Мировые судьи назначаются (избираются) на должность законодательным (представительным) органом государственной власти субъекта Российской Федерации либо избираются на должность населением соответствующего судебного участка в порядке, установленном законом субъекта Российской Федерации». Это в очередной раз подтверждает возможность перехода к альтернативному способу наделения полномочиями судей.

Рассмотрим и проанализируем опыт применения данного принципа в праве зарубежных стран. Наиболее ярким и распространенным в литературе примером можно назвать систему выборности судей в США. На сегодняшний день данная система в США подразделяется на три вида: выборы «партийных судей», выборы «беспартийных судей» и выборы за продление полномочий судей. Последняя из представленных разновидностей кажется наиболее применимой в рамках нашей правовой системы. Первые две из представленных могут вызывать вопросы относительно соответствия принципу независимости судей, поскольку избранные кандидаты так или иначе связаны определенными политическими идеями, что, скорее всего, будет отражаться и на их профессиональной деятельности. Система выборов за продление полномочий судей, в свою очередь, представляет собой совмещение и даже в некотором роде компромисс между назначением судей и их выборностью. Изначально специально уполномоченный на то орган отбирает наиболее достойного кандидата на определенный срок и наделяет его полномочиями судьи. В разных штатах устанавливается свой срок замещения должности. По его про-

шествии проходят выборы, суть которых состоит в том, что граждане голосуют за продление срока полномочий того или иного кандидата или же за смещение его с должности. Такая система впервые была применена в штате Миссури еще в 1940 г. Специальная квалификационная комиссия отбирала трех кандидатов, одного из них назначал на должность губернатор штата. Через год производились выборы, на которых население либо продлевало полномочия судьи, либо же отменяло это назначение. Главная положительная черта данной системы усматривается нами в том, что, с одной стороны, отбором кандидатов занимается профессиональный и компетентный в этом вопросе орган, а с другой стороны, население осуществляет общественный контроль и непосредственно реализует свое право участвовать в отправлении правосудия.

Противники данной системы считают, что выборность судей нарушает принцип их несменяемости [5, с. 231]. Опровергает данное мнение возможность судьи оказаться несменяемым только в случае его поддержки населением, что подтвердит его высокий профессионализм и доверие со стороны граждан. Необходимо отметить тот факт, что существующая на сегодняшний день в России процедура замещения должности судьи требует масштабных изменений или же кардинального преобразования в новую систему выборности судей, которая позволит обеспечить гражданам России реализацию их основных прав, закрепленных в Конституции нашей страны.

Список литературы

1. О Концепции судебной реформы в РСФСР: Постановление ВС РСФСР от 24.10.1991 № 1801-1 // Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1991. № 44. Ст. 1435.

2. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202007040001 (дата обращения 04.07.2020).

3. Джавахян Р. М. Совершенствование форм участия граждан в осуществлении правосудия как механизм конституционного преобразования судебной власти // Российский юридический журнал. 2017. № 2. С. 45–54.

4. О статусе судей в Российской Федерации: Федеральный закон от 26.06.1992 № 3132-1 // Ведомости СНД и ВС РФ. 1992. № 30. Ст. 1792.

5. Шадрин Д. Н. Выборность судей как альтернатива их назначению // Вопросы российского и международного права. 2016. № 3. С. 226–234.

6. Об утверждении состава Комиссии при Президенте Российской Федерации по предварительному рассмотрению кандидатур на должности судей федеральных судов: Указ Президента РФ от 19.12.2014 № 795 // Собрание законодательства РФ. 2014. № 51. Ст. 7419.

7. О суде: Декрет СНК РСФСР от 24.11.1917 // Газета Временного Рабочего и Крестьянского Правительства. № 17. 24.11.1917.

8. О мировых судьях в Российской Федерации: Федеральный закон от 17.12.1998 № 188-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1998. № 51. Ст. 6270.

References

1. On the Concept of judicial reform in the RSFSR: The decree of the RSFSR Supreme Soviet dated 24.10.1991 No 1801-1 // Vedomosti SND I VS RSFSR. 1991. No 44. Art. 1435.

2. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote 12.12.1993 with changes approved in a nationwide vote 01.07.2020) // the Official text of the Constitution, as amended from 14.03.2020 published on the Official Internet portal of legal information http://www.pravo.gov.ru, v (access date: July 04, 2020).

3. Javakhyan R. M. Improving the forms of citizens ' participation in the administration of justice as a mechanism for constitutional transformation of the judicial power // Russian law journal. 2017. No 2. Pp. 45-54.

4. On the status of judges in the Russian Federation: Law of the Russian Federation of 26.06.1992 No 3132-1 // Vedomosti SND and the Supreme court of the Russian Federation. 1992. No 30. Art. 1792.

5. Shadrin D. N. Election of judges as an alternative to their appointment // Questions of Russian and international law. 2016. No. 3. Pp. 226-234.

6. On approval of the Commission under the President of the Russian Federation for preliminary consideration of candidates for judges of the Federal courts: The decree of the President of the Russian Federation from 19.12.2014 No. 795 // Collection of the Legislation of the Russian Federation. 2014. No 51. Art. 7419.

7. On the court: The decree of the SNK RSFSR from 24.11.1917 // The Newspaper of the Provisional workers' and peasants 'Government". No 17. 1917.

8. About world judges in the Russian Federation: Federal law of 17.12.1998 No 188-FZ // Collection of the Legislation of the Russian Federation. 1998. No 51. Art. 6270.

УДК/UDC 341.9

Некоторые аспекты применения Гаагской конвенции от 25 октября 1980 г. в рамках решения вопроса о международном похищении детей

Мустафин Рафаэль Фаильевич
кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского процесса и международного права
Кубанский государственный университет
г. Краснодар, Россия
e-mail: mustafinrf@yandex.ru
SPIN-код: 9755-4812

Передрий Татьяна Евгеньевна
старший преподаватель кафедры гражданского процесса и международного права
Кубанский государственный университет
г. Краснодар, Россия
e-mail: peredrii@mail.ru

Гукасян Яна Романовна
студентка юридического факультета
Кубанский государственный университет
г. Краснодар, Россия
e-mail: jana.gukasyan2014@yandex.ru

Аннотация

В статье представлены результаты анализа положений Гаагской конвенции о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей 1980 г., выявлены особенности и основные проблемы применения данной Конвенции. Также проанализирована судебная практика применения норм Гаагской конвенции в Российской Федерации. По мнению авторов, присоединение России к Конвенции 1980 г. способствует созданию в нашей стране механизма цивилизованного рассмотрения трансграничных споров о детях.

Ключевые слова: международное похищение детей, возвращение ребенка, Гаагская конвенция, практика ЕСПЧ.

Some aspects of the application of the Hague convention of 24 October 1980 in addressing the issue of international child abduction

Mustafin Rafael Failyevich
Candidate of Law, assistant professor of the Department of Civil Procedure and International Law
Kuban State University
Krasnodar, Russia
e-mail: mustafinrf@yandex.ru

Peredriy Tatyana Evgenyevna
senior lecturer of the Department of Civil Procedure and International Law
Kuban State University
Krasnodar, Russia
e-mail: peredrii@mail.ru

Gukasyan Yana Romanovna
student of the Faculty of Law
Kuban state University
Krasnodar, Russia
e-mail: jana.gukasyan2014@yandex.ru

Abstract

The article reveals the results of the analysis of the provisions of the Convention on civil aspects of international child abduction, identifies the features and main problems of the application of this Convention. The article also analyzes the judicial practice of applying the Convention in the Russian Federation. According to the authors, Russia's accession to the 1980 Convention contributes to the creation in our country of a mechanism for the civilized consideration of cross-border disputes about children.

Key words: international child abduction, the return of child, Hague Convention, jurisprudence of the ECHR.

В настоящее время количество трансграничных браков сильно возросло, но, как и обычные семьи, международные союзы тоже могут рас-

падаться. В таких ситуациях сложнее всего защитить интересы ребенка, и это является проблемой первостепенного значения.

На данный момент в международном законодательстве созданы специальные инструменты, предназначенные для таких ситуаций: Конвенция о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей от 25 октября 1980 г. (далее - Конвенция 1980 г.) [1] и Конвенция о юрисдикции, применимом праве, признании, исполнении и сотрудничестве в отношении родительской ответственности и мер по защите детей от 19 октября 1996 г. (далее - Конвенция 1996 г.) [2]. Участниками Конвенции 1980 г., кроме Российской Федерации, в настоящее время являются более 90 государств. В их числе и большинство стран СНГ, а также Израиль, США и др.

Конвенция 1980 г. содержит в себе определенные условия, при наличии которых ее положения подлежат применению:

1. Конвенция ратифицирована в государстве.
2. Перемещение или удержание ребенка является незаконным.
3. Возраст ребенка не должен превышать 16 лет.
4. Перемещение произошло не ранее даты вступления в силу Конвенции 1980 г. для конкретной пары стран.

В Российской Федерации заявление о возвращении ребенка или об осуществлении в отношении ребенка прав доступа на основании Конвенции 1980 г. подается в суд родителем или иным лицом, полагающим, что ответчиком нарушены его права опеки или права доступа, либо подается в суд прокурором. Ранее единственным способом, позволяющим требовать исполнения суда на иностранной территории, был договор о международной правовой помощи. Установленный гл. 45 Гражданско-процессуального кодекса Российской Федерации порядок признания и исполнения решений иностранных судов не мог обеспечить защиту прав и законных интересов детей трансграничных семей надлежащим образом, тем более что даже в настоящее время есть множество стран, с которыми не заключен такой договор. Таким образом, отсутствовали эффективные способы взаимодействия для защиты прав детей в подобных

ситуациях. Рост международных браков, вывоз детей в те страны, с которыми не были заключены международные договоры о правовой помощи, а также наличие проблем исполнения судебных решений при взаимодействии с государствами, с которыми такие договоры были заключены, обусловили присоединение Российской Федерации к Конвенции 1980 г. Перемещение или удержание ребенка рассматриваются как незаконные, если:

— они осуществляются с нарушением прав опеки, которыми были наделены какое-либо лицо, учреждение или иная организация, совместно или индивидуально, в соответствии с законодательством государства, в котором ребенок постоянно проживал до его перемещения или удержания;
— во время перемещения или удержания эти права эффективно осуществлялись, совместно или индивидуально, или осуществлялись бы, если бы не произошло перемещение или удержание.

Существуют некоторые положения, исключающие действие Конвенции 1980 г. В частности, необходимо подать заявление до истечения одного года со дня похищения, иначе судебный или административный орган могут отказать в выдаче предписания о возврате ребенка, если решат, что ребенок адаптировался, или его возврат может создать угрозу серьезного физического или психического вреда ребенку. Помимо указанного выше основания, суд не обязан предписывать возвращение ребенка в следующих случаях:

1. Если будет доказано, что лицо, учреждение или иная организация, осуществлявшие заботу о ребенке, фактически не осуществляли свои права опеки на момент перемещения или удержания ребенка, или дали согласие на его перемещение или удержание, или впоследствии не выразили возражений против таковых (п. «a» ст. 13).
2. Если будет доказано, что имеется очень серьезный риск того, что возвращение ребенка создаст угрозу причинения ему физи-

ческого или психологического вреда или иным образом поставит его в невыносимые условия (п. «b» ст. 13).

3. Если суд придет к заключению, что ребенок возражает против возвращения и уже достиг такого возраста и степени зрелости, при которых следует принять во внимание его мнение (абз. 2 ст. 13). Но тут же возникает вопрос, когда мнение ребенка уже можно учитывать? Конвенция 1980 г. не содержит подробных критериев. Скорее всего, здесь придется обращаться к внутреннему законодательству. Например, в России согласно ст. 57 Семейного кодекса Российской Федерации мнение ребенка учитывается с 10 лет [3].
4. Если возвращение ребенка противоречит основополагающим принципам запрашиваемого государства, касающимся защиты прав человека и основных свобод (ст. 20).

Также в Российской Федерации была введена особая подсудность таких дел по федеральным округам. Заявление по делу о возвращении незаконно перемещенного в Россию ребенка можно подать только в один из восьми судов первой инстанции, перечень которых закреплен в ст. 244.11 Гражданско-процессуального кодекса Российской Федерации [4]. С 2016 по 2018 гг. суды первой инстанции вынесли 71 решение по делам о возвращении ребенка на основании Конвенции 1980 г. По 23 делам суд согласился, что ребенка необходимо вернуть. По 48 делам в удовлетворении требования о возвращении ребенка было отказано [5]. По нашему мнению, присоединение России к Конвенции 1980 г. [6] стало очень важным шагом, открывающим новые возможности по защите прав детей в трансграничных семьях, но вместе с тем применение данной Конвенции невозможно без проблем и противоречий. Во-первых, этот механизм работает во взаимоотношениях только с теми странами, которые признали Российскую Федерацию. К сожалению, это сделали далеко не все государства. Во-вторых, имеется существенная проблема в толковании понятий. Например, понятие «похищение». В Конвенции 1980 г. перемещение ребенка без согласия родителя может быть признанно незаконным, но

в России в соответствии с Федеральным законом «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» согласие другого родителя не требуется, но иногда проблемы могут возникнуть при въезде в некоторые страны, где такое согласие необходимо. Также ребенка нельзя будет вывезти только при прямом несогласии родителя, который об этом заявит [7]. Несмотря на то, что многие страны мира подписали и ратифицировали Конвенцию 1980 г., в практике нередки случаи, когда национальное законодательство толкует похищение ребенка как уголовно-наказуемое деяние, в связи с чем возникает проблема применения международного документа и положений внутреннего законодательства. Обращаясь к российскому законодательству, следует отметить, что Уголовный кодекс Российской Федерации не предусматривает уголовно-правовую ответственность за кражу ребенка одним из родителей. Возможность квалификации по уголовному законодательству может производиться только по ст. 330 «Самоуправство», т. е. самовольное, вопреки установленному законом или иным нормативным правовым актом порядку совершение каких-либо действий, правомерность которых оспаривается организацией или гражданином, если такими действиями причинен существенный вред [8]. Кроме того, ст. 126 Уголовного кодекса Российской Федерации «Похищение человека» распространяется также и на ребенка на общих основаниях, однако несмотря на отсутствие толкования данной статьи как в Уголовном кодексе, так и Постановлениях Пленума Верховного Суда Российской Федерации, она применяется только в случаях, если требуется выкуп. Рассмотрим механизм действия норм Конвенции на примере судебной практики, а именно на примере первого дела с участием Российской Федерации, ставшего предметом рассмотрения в Европейском суде по правам человека (далее - ЕСПЧ), - «Владимир Ушаков против Российской Федерации» [9]. Предыстория конфликта сторон такова. Двое российских супругов проживали в Финляндии, в браке родилась девочка. В возрасте двух лет ее родители столкнулись с разладом в семейной жизни, и дело дошло до развода и судов. Финский суд постановил, что ребенку следует в основном проживать с отцом в

Финляндии. Мать не согласилась с решением и подала апелляционную жалобу, а еще взяла ребенка и увезла в Россию к себе и своим родственникам, где и осталась. Это было в 2015 г. Отец ребенка инициировал судебный процесс в России на основании Конвенции 1980 г., утверждая, что ребенка похитили с места его основного пребывания, и он должен быть возвращен. Суд первой инстанции поддержал ребенка и отца. Однако апелляционный суд в Санкт-Петербурге посчитал, что основным местом жительства ребенка двух россиян должна быть Россия, и его возвращение в Финляндию является нежелательным с точки зрения физического и психологического состояния. Ко всему прочему мать ребенка инициировала процесс о взыскании алиментов на территории России и довела его до логического завершения: судебные приставы инициировали исполнительное производство и запретили отцу выезд из Российской Федерации. Таким образом, отец ребенка начиная с 2015 г. не видел дочку. В 2017 г. жалобу на российские судебные акты по этому делу принял к рассмотрению ЕСПЧ, и уже в июне 2019 г. вынес решение, которым признал нарушение российскими судами права на уважение семейной жизни. 18 сентября 2019 г. решение стало окончательным. К сожалению, постановление ЕСПЧ не решило проблему конкретной семьи, однако стало первым на пути преодоления масштабной проблемы правосудия в России по аналогичным делам. Таким образом, мы приходим к выводу о том, что присоединение России к Конвенции 1980 г. способствует созданию в Российской Федерации механизма цивилизованного рассмотрения трансграничных споров о детях. Безусловно, это является большим шагом к урегулированию вопроса похищения детей. Считаем, что представляется необходимым стимулировать родителей к мирному внесудебному урегулированию возникающих между ними споров, для этого принципиально важно внедрять механизмы альтернативного разрешения споров в рассмотрение семейных дел, в частности процедуры семейной медиации.

Список литературы

1. Конвенция о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей (заключена в Гааге 25 октября 1980 г.) // Бюллетень международных договоров. № 1. 2013.

2. Конвенция о юрисдикции, применимом праве, признании, исполнении и сотрудничестве в отношении родительской ответственности и мер по защите детей (заключена в Гааге 19 октября 1996 г.) // Собрание законодательства РФ. № 32. 2013.

3. Семейный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 29.12.1995 № 223-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1996. № 1. Ст. 16.

4. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 14.11.2002 № 138-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2002. № 46. Ст. 4532.

5. Обзор практики рассмотрения судами дел (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 18.12.2019) // СПС «Консультант Плюс».

6. О присоединении Российской Федерации к Конвенции о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей: Федеральный закон от 31.05.2011 № 102- ФЗ // Российская газета. 03.06.2011.

7. О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию: Федеральный закон от 15.08.1996 № 114-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1996. № 34. Ст. 4029.

8. Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 13 июня 1996 № 63-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

9. Дело № 15122/17 «Владимир Ушаков против России» от 18.06.2019 // Сайт обращений в ЕСПЧ. URL: http://european-court-help.ru/delo-15122-17-vladimir-ushakov-protiv-rossii/ (дата обращения: 24.09.2020).

References

1.Convention on civil law issues of international kidnapping of children (concluded in The Hague, October 25, 1980) // Bulletin of international treaties. No. 1. 2013.

2. Convention on Jurisdiction, Applicable Law, Recognition, Enforcement and Cooperation in Respect of Parental Responsibility and Measures to Protect Children (concluded in The Hague, October 19, 1996) // Collection of the Legislation of the Russian Federation. No. 32. 2013.

3. Family Code of the Russian Federation of December 29, 1995 No 223-FZ // Collection of the Legislation of the Russian Federation. January.1996. No 1. Art. 16.

4. The Civil Procedure Code of the Russian Federation: dated 14.11.2002 No 138-FZ // Collection of the Legislation of the Russian Federation. 2002. No. 46. Art. 4532.

5. Review of the practice of considering cases by courts (approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on December, 18, 2019) // Consultant Plus.

6. On the accession of the Russian Federation to the Convention on the Civil Aspects of International Child Abduction: Federal Law No. 102-FZ of 31.05.2011 // Rossiyskaya Gazeta. 2011. 3 June.

7. Federal Law of August 15, 1996 No 114-FZ "On the procedure for leaving the Russian Federation and entering the Russian Federation"// Collection of the Legislation of the Russian Federation. 1996. No 34. Art. 4029

8. The Criminal Code of the Russian Federation of June 13, 1996 No 63-FZ // Collection of the Legislation of the Russian Federation. 1996. No 25. Art. 2954.

9. Case No. 15122/17 "Vladimir Ushakov v. Russia"dated June 18, 2019 // http://european-court-help.ru/delo-15122-17-vladimir-ushakov-protiv-rossii/ (access date: September 24, 2020).

УДК/UDC 346.91

Категория «иностранные лица» в российском арбитражном процессе

Парышкура Анастасия Ивановна
студент магистратуры Крымского филиала
Российский государственный университет правосудия
г. Симферополь, Россия
e-mail: rusjamarr@gmail.com

Пеленицына Марина Валентиновна (научный руководитель)
кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского и арбитражного судопроизводства
Российский государственный университет правосудия
г. Симферополь, Россия
e-mail: rusjamarr@gmail.com

Аннотация

В статье осуществлен анализ основных вопросов, связанных с определением понятия иностранных лиц в арбитражном процессе. Исследованы нормы смежных отраслей законодательства, в частности о внешнеэкономической деятельности, валютного, банковского, налогового законодательства, а также нормы хозяйственного (арбитражного) процессуального законодательства иных стран, регламентирующих понятие иностранных лиц. Автор, доказывая, что способность обеспечить судебную защиту иностранных граждан в случае нарушения их законных прав и интересов в сфере бизнеса и другой экономической деятельности зависит от четкого и недвусмысленного понимания категории «иностранные лица», формулирует авторское определение данного термина. В статье также рассматривается вопрос привлечения иностранных компаний, не наделённых статусом юридического лица, к участию в разбирательстве в арбитраже в Российской Федерации.

Ключевые слова: арбитражный процесс, иностранные лица, участие, физическое лицо, юридическое лицо.

Category «foreign persons» in the Russian arbitration process

Paryshkura Anastasia Ivanovna,
Master's student of the Crimean branch
Russian State University of Justice
Simferopol, Russia
e-mail: rusjamarr@gmail.com

Pelenitsyna Marina Valentinovna (research author)
Candidate of Law, associate Professor of the Department of Civil and Arbitration Proceedings
Russian State University of Justice
Simferopol, Russia
e-mail: rusjamarr@gmail.com

Abstract

The article analyzes the main issues related to the definition of the concept of foreign persons in the arbitration process. The norms of related branches of legislation, in particular, on foreign economic activity, currency, banking, tax legislation, as well as the norms of economic (arbitration) procedural legislation of other countries, regulating the concept of foreign persons, have been investigated. The author, proving that the ability to provide judicial protection for foreign citizens in case of violation of their legal rights and interests in the field of business and other economic activity depends on a clear and unambiguous understanding of the category of "foreign persons", formulates the author's definition of this term. The article also discusses the issue of attracting foreign companies that are not endowed with the status of a legal entity to participate in arbitration proceedings in the Russian Federation.

Key words: arbitration process, foreign persons, participation, individual, legal entity.

В настоящее время уделяется большое внимание международному диалогу в сфере экономического правосудия. Иностранным инвесторам и коммерческим организациям с иностранными инвестициями в России гарантируют стабильность работы и защиту от незаконного вмешательства в их деятельность, в том числе и вмешательства госорганов. Разрешение

таких дел зависит также и от эффективности правового регулирования порядка судопроизводства по ним.

Наблюдается устойчивая тенденция количественного роста обращений иностранных лиц в арбитражные суды Российской Федерации. Количество таких споров с 2014 года увеличилось более чем в 5 раз. Так в 2018 году арбитражные суды завершили рассмотрение 1,908 млн. дел, а в 2019 году – 1,879 млн. дел. Количество споров с участием иностранных лиц в арбитражных судах РФ в 2019 году составило 5,9 тыс., а доля выигранных ими споров – 85%. Суды стали рассматривать больше споров с участием иностранных инвесторов [1].

Некоторые вопросы, связанные с рассмотрением судебного спора с участием иностранных лиц, стали предметом исследования в науке арбитражного процессуального права. Однако многомерный анализ основных вопросов, связанных с правовым положением иностранных граждан и юридических лиц в арбитражном процессе, не проводился. Указанная проблематика находится на начальном этапе исследований и требует, по нашему мнению, более детального и тщательного изучения.

Общими и частными проблемами производства с участием иностранных лиц занимались ученые-процессуалисты, а именно: В. О. Аболонин, Н. Г. Беляева, Н. А. Васильчикова, Е. В. Васьковский, И. В. Воронцова, С. А. Дергачев, Н. Г. Елисеев, Т. П. Ерохина, В. М. Жуйков, Е. В. Клинова, А. А. Кольцов, А. Г. Лисицын-Светланов, А. А. Мамаев, Т. Н. Нешатаева, А. О. Осипов, Н. В. Павлова, М. М. Петрова, В. К. Пучинский, З. З. Саттарова, В. В. Терехов, М. К. Треушников, Р. М. Ходыкин, И. М. Шевченко, В. В. Ярков и др. Кроме того некоторые аспекты данной проблематики были представлены в работах по международному частному праву Д. Д. Аверина, Ю. М. Акимовой, Л. П. Ануфриевой, М. Х. Бабаева, М. М Богуславского, Л. А. Лунца, Н. И. Марышевой, С. В. Николюкина и т.д.

Некоторые процедурные вопросы арбитражного разбирательства с участием иностранных граждан, в частности связанные с их арбитражно-процессуальным статусом, не могут считаться достаточно

исследованными и нуждаются изучении. Арбитражное процессуальное право вместе с гражданским процессуальным правом представляет собой отдельную правовую ветвь, в которой четкое и своевременное соблюдение процессуальных элементов играет важную роль. Способность обеспечить судебную защиту (доступ к российскому правосудию) в случае нарушения их законных прав и интересов в сфере бизнеса и другой экономической деятельности зависит от четкого и недвусмысленного понимания концепции и состава иностранных граждан как участников арбитражного процесса [2, с. 62].

Ограничительное толкование термина «иностранные лица» может привести к нарушению права конкретного иностранного лица, занимающегося предпринимательской и иной экономической деятельностью, обращаться в арбитражный суд Российской Федерации. Поэтому, следует более подробно остановиться на характеристике термина «иностранные лица», используемого в российском арбитражном процессуальном праве.

В этом случае представляется целесообразным в контексте указанной проблемы провести параллели с арбитражным (экономическим) процессуальным законодательством ряда стран, а именно Беларуси, Кыргызстана, Таджикистана, Туркменистана, Узбекистана и Украины. Выбор в качестве объекта сравнения законодательства перечисленных государств определяется тем, что в этих странах, как и в России, существует система специализированных государственных арбитражных (экономических, хозяйственных) судов, которые рассматривают экономические споры, вытекающие из предпринимательской и иной хозяйственной деятельности как с участием своих сограждан и организаций, так и иностранных лиц. Этот сравнительный анализ позволит нам выявить слабые и сильные стороны правового регулирования не только в понятии «иностранные лица» и их содержании, но и в других вопросах, которые являются объектом данного диссертационного исследования.

Понятие «иностранные лица» является собирательной и обобщающей категорией. Он был введен в Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации (далее – АПК РФ) и использовался, в частности,

в названии раздела V. Аналогичный термин присутствует в гражданско-процессуальном законодательстве (в заголовках раздела V, глава 44, в названиях и текстах статей 398, 402, 403, 404 ГПК РФ). В АПК РФ термин «иностранные лица» упоминается в заголовках раздела V, главы 32 и 33, в статьях 27, 109, 121, 247-250, 253-254.

В других нормативных актах этот собирательный термин используется крайне редко. Например, в законодательстве о внешнеэкономической деятельности используется общий термин «иностранные участники внешней торговли (иностранные лица)», который включает: корпорации (организации) различных организационно-правовых форм, гражданская правоспособность которых устанавливается законодательством другой страны, в которой они зарегистрированы; физические лица-иностранцы, гражданская правоспособность и дееспособность которых устанавливается по правилам государства, в подданстве которого они состоят; лица, у которых нет гражданства, дееспособность которых устанавливается законодательством зарубежного государства, в котором последние проживают в постоянном режиме (см. Федеральный закон от 08.12.2003 № 164-ФЗ «Об основах государственного регулирования внешнеторговой деятельности»).

В различных российских нормативных правовых актах о валютном, банковском, налоговом регулировании категория «нерезидент» активно используется для общего обозначения нероссийских лиц. Поэтому в рамках законодательства о валютном регулировании и контроле «нерезидент» означает:

— лицо, постоянно проживающее вне пределов РФ, включая тех, кто временно находится на территории России;
— корпорации (организации), зарегистрированные по правилам и согласно закону иного государства, находящиеся за пределами РФ;
— корпорации (организации), зарегистрированные в другой стране с местонахождением вне пределов РФ, а также расположенные в пределах РФ обособленные подразделения нере-

зидентов (см. Федеральный закон от 10.12.2003 № 173-ФЗ «О валютном регулировании и валютном контроле»).

В инвестиционном законодательстве применяется собирательный термин «иностранный инвестор», под которым понимается:

— иностранная предприятие, гражданская правоспособность которого закреплена в законном порядке по правилам страны, в которой оно создано, и которое может в соответствии с законодательством данной страны инвестировать в хозяйственную деятельность в РФ;

— иностранное лицо, не имеющее статус юридического лица, правоспособность которого установлена в законном порядке по правилам страны, в которой оно образовано, и которое имеет право в соответствии с законодательством данной страны инвестировать в хозяйственную деятельность в РФ;

— иностранное физическое лицо, правоспособность, а также дееспособность которого установлена в законном порядке по правилам страны его подданства, и которое имеет право в соответствии с законодательством данной страны инвестировать в хозяйственную деятельность в РФ;

— физическое лицо, не имеющее гражданства, постоянно пребывающее вне территории РФ, правоспособность, а также дееспособность которого установлена в законном порядке по правилам страны его постоянного места проживания, и имеющее право в соответствии с законодательством данной страны инвестировать в хозяйственную деятельность в РФ;

— международная организация, имеющая право согласно международным договоренностям инвестировать в хозяйственную деятельность в РФ;

— зарубежные государственные образования в соответствии с правилами, установленными законами РФ (см. Федеральный закон от 09.07.1999 № 160-ФЗ «Об иностранных инвестициях в Российской Федерации»).

Отметим, что в хозяйственном (арбитражном) процессуальном законодательстве стран-участников СНГ (бывшего ЕврАзЭС) в применении обобщающего термина «иностранные лица» нет единообразия.

В арбитражно-процессуальном (хозяйственно-процессуальном) законодательстве одних стран, также как и в АПК РФ, он присутствует (к примеру, ХПК Республики Беларусь, ЭПК Таджикистана, ЭПК Узбекистана), а в иных (АПК Туркменистана, ГПК Кыргызской Республики, ХПК Украины) – отсутствует. Так, в ХПК Украины при обозначении иностранных лиц – участников процесса применяется термин «иностранный субъект предпринимательской деятельности» [3]. В АПК Туркменистана вместо общего термина «иностранные лица» используется словосочетание «иностранные юридические и физические лица» [4].

Понятие «иностранные лица» объединяет множество лиц, имеющих различный правовой статус. В названную группу ст. 210 АПК РФ включает зарубежных и международных организаций, иностранцев и лиц без гражданства, занимающихся хозяйственной деятельностью. Ч. 1 ст. 247 АПК РФ предусматривается, что арбитражным судом рассматриваются экономические спор и иные дела, вытекающие из хозяйственных отношений, в которых участниками выступают указанные выше иностранные субъекты. Иностранцем (иностранным подданным), в смысле законодательства о гражданстве, является лицо, не состоящее в гражданства России и имеющее подданство (гражданство) другой страны; под термином «лицо без гражданства» понимается субъект, не состоящий в гражданстве России и не имеющий достоверных доказательств, подтверждающих наличие подданства (гражданства) иного государства (ст. 3 Федерального закона «О гражданстве Российской Федерации» от 31.05.2002 № 62-ФЗ). Определение иностранного гражданина и лица без гражданства, которое имеет практически идентичное содержание, дано в п. 1 ст. 2 закона «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» от 25.07.2002 № 115-ФЗ.

По нашему мнению, формулировка «иностранные граждане, лица без гражданства, осуществляющие предпринимательскую и иную эко-

номическую деятельность» является недостаточно чёткой, «размытой» по сравнению с определением российского гражданина-индивидуального предпринимателя, данным в АПК РФ. Неопределённость, присущая обсуждаемой формулировке, относящейся к иностранцам, объясняет наличие в юридической литературе расширительного её толкования. Например, как считает А. А. Мамаев, что вовсе не важно, зарегистрирован ли иностранный гражданин либо апатрид в качестве лица, осуществляющего предпринимательскую деятельность без образования юридического лица. Важно осознать главное – необходимо чтобы лицо фактически занималось предпринимательской или иной хозяйственной деятельностью [5, с. 132].

Мнение А. А. Мамаева в какой-то мере перекликается с высказанным Л. А. Грось предложением о необходимости передачи споров, возникающих из обязательств, связанных с осуществлением предпринимательской деятельности гражданами, не зарегистрированными в качестве частных предпринимателей либо утратившими статус предпринимателей, на рассмотрение конкретного суда [6, с. 7].

В литературе встречается и противоположная точка зрения. Так, например, В. К. Пучинский отмечает, что в целях исключения затруднений и путаницы целесообразно сформировать практику принятия арбитражными судами дел с участием только иностранных граждан, которые на своей территории считаются официально зарегистрированными коммерсантами [7, с. 28]. Его поддерживают и другие авторы [8, с. 293; 9, с. 7]. Действительно, арбитражным судам следует допускать к участию в деле тех граждан, которые в своей стране официально зарегистрированы в качестве индивидуального предпринимателя (ст. 2 Соглашения о порядке разрешения споров, связанных с осуществлением хозяйственной деятельности от 20.03.1992) [10].

В некоторых странах, однако, отсутствует обязательная регистрация предпринимателей (коммерсантов), и последние занимаются предпринимательством формально без таковой (например, «возможные коммерсанты» в ФРГ, коммерсанты в США) [11, с. 106]. В подобных слу-

чаях, как нам представляется, арбитражный суд может рассматривать хозяйственные споры с участием таковых субъектов, но обязательно с применением норм ст. 1191 ГК РФ, наделяющей лицо правом на занятие бизнесом (предпринимательством) без создания юридического лица в ранге частного предпринимателя, устанавливается законодательством его государства. Если же данное требование не может быть выполнено из-за отсутствия государственной регистрации, то дело рассматривается по законодательству государства основного места осуществления хозяйственной деятельности.

Предлагаемый вариант используется в практике хозяйственных судов Республики Беларусь, где иностранные граждане, осуществляющие предпринимательскую деятельность, но не имеющие статуса предпринимателя ввиду отсутствия в их стране такой регистрации, фактически рассматриваются как надлежащие участники хозяйственного процесса. Согласно разъяснениям Президиума ВХС РБ, подтверждение иностранного происхождения иностранного предпринимателя определяется в соответствии с законодательством его страны. Если по законодательству страны иностранного предпринимателя регистрации или выдачи лицензии не предусматривается, оценка представленных физическим лицом доказательств иностранного происхождения производится судом [12].

Под международной организацией понимается объединение государств (межправительственные, межгосударственные, публичные международные организации) или объединение национальных обществ, ассоциаций, граждан различных государств (неправительственные, частные международные организации), учрежденное на постоянной основе, имеющее органы управления и действующее для достижения определенных целей. Законодательное определение международной организации представлено в Федеральном законе «О международных договорах Российской Федерации». В силу п. «ж» ст. 2 закона «международная организация» означает межгосударственную, межправительственную организацию.

Иностранной признается организация, учреждённая за границей (статьи 1202-1203 ГК РФ). Между тем, АПК РФ, используя термин «иностранная организация», не раскрывает его содержание. В результате возможны различные варианты его толкования.

В юридической литературе высказывается точка зрения, согласно которой под иностранными организациями следует понимать исключительно иностранные юридические лица и никакие другие [13, с. 10; 14, с. 68]. Однако мы поддерживаем точку зрения А. Н. Гуева, который понятие «иностранные организации» трактует как «коммерческие и некоммерческие организации, обладающие статусом юридического лица; иные корпоративные образования, в том числе и не обладающие статусом юридического лица» [15, с. 430].

Следует полагать, словосочетание «иностранные организации» подразумевает как иностранных коммерческих субъектов (корпорации), так и организации, не являющиеся таковыми. Данное заключение исходит из смысла положений ч. 2 ст. 27 АПК РФ, устанавливающей, среди иных, таких участников арбитражно-процессуальных правоотношений, как организации и образования, к которым неприменимо указанная категория в классическом понимании.

В отечественной арбитражно-процессуальной доктрине в сфере привлечения инвестиций иностранных компаний называют иностранные организации, физических лиц, чья гражданская правоспособность устанавливается в порядке, регламентированном законодательством РФ, а также державой, в которой они созданы, порядке, и которое наделено указанным государством правом производить иностранное инвестирование в пределах РФ (Федеральный закон от 09.07.1999 № 160-ФЗ «Об иностранных инвестициях в Российской Федерации»).

Что же касается зарубежных компаний, возможность их участия в арбитражном разбирательстве не ставится под сомнение. Несколько иначе дело обстоит с зарубежными организациями, не являющимися юридическими лицами. Те из них, что не имеют статуса юридического лица, охватывают в себе «фактические» компании, которые, согласно

законодательству другой страны, де-факто созданы и зарегистрированы в коммерческом реестре и могут вести бизнес. Указанные образования возникают тогда, когда участники (акционеры), которые предприняли серьезную попытку учредить компанию в надлежащем порядке, не прошли регистрацию из-за отклонения от требований законодательства. Однако субъект, тем не менее, участвует в хозяйственном обороте. В США, например, суды проводят рассмотрение подобных дел с участием таких лиц на общих условиях [16, с. 18].

Полагаем, что зарубежная организация, не наделённая статусом юридического лица, может входить в круг участников разбирательства в арбитражном суде в РФ по делам, отнесённым к специальной подведомственности арбитражных судов. Однако следует отметить, что среди прочих центральных участников арбитражного разбирательства ст. 27 АПК РФ говорит об организациях, являющихся юридическими лицами, и граждан, которые осуществляют предпринимательскую деятельность без образования юридического лица и имеют статус индивидуального предпринимателя [17].

Тщательный анализ норм ч. 2, 5 ст. 27 и ч. 1 ст. 247 АПК РФ дает возможность сформулировать заключение о том, что российское процессуальное законодательство об арбитраже предоставляет иностранным организациям, не имеющим статуса юридического лица, возможность обратиться в арбитражный суд в РФ с целью защиты своих прав во всех хозяйственных спорах и в других делах, связанных с осуществлением предпринимательской (экономической) деятельности [18, с. 94; 19, с. 295].

Указанная проблема тесно связана с размежеванием терминов «активная правоспособность» и «пассивная правоспособность» применительно к иностранным лицам [20, с. 153]. Согласно мнения В.Г. Гусева незарегистрированные коммерческие и некоммерческие лица могут иметь только пассивную правоспособность, т.е. возможность участвовать только в качестве ответчика [21, с. 17]. Однако данное утверждение входит в определенное противоречие с основоположными принципами судопроизводства, такими как равенство всех перед законом и судом (ст. 19

Конституции РФ, ст. 7 АПК РФ), доступ к правосудию (ст. 46 Конституции РФ, ст. 4 АПК РФ), равноправие сторон (ст. 8 АПК РФ).

Таким образом, отечественный арбитражный процессуальный закон обеспечивает доступность правосудия в области хозяйственной деятельности более широкому кругу иностранных лиц, нежели законодательство большинства стран СНГ. Словосочетание «иностранные организации» следует понимать как иностранных коммерческих субъектов (корпорации), так и организации, не являющиеся таковыми. Поэтому термин «иностранные лица» означает физическое лицо либо юридическое лицо или не являющаяся юридическим лицом по праву иностранного государства организация, которые не являются российскими лицами. В то же время скорейшего чёткого (однозначного) правового регулирования объективно требует вопрос привлечения иностранных компаний, не наделённых статусом юридического лица, к участию в арбитраже. Полагаем, что данная проблема должна быть решена посредством внесения конкретных нововведений и дополнений в действующий АПК РФ либо путём дачи руководящих разъяснений высшими судебными органами Российской Федерации.

Список литературы

1. Доклад Председателя Верховного Суда РФ к совещанию судей судов общей юрисдикции и арбитражных судов Российской Федерации. URL: https://www.vsrf.ru/files/28759/ (дата обращения: 20.09.2020).

2. Кольцов А. А. Участие иностранных лиц в российском арбитражном процессе: дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.15: Саратов, 2004. 215 с.

3. Хозяйственный процессуальный кодекс Украины от 06.11.1991 № 1798-XII. URL: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=30418667 (дата обращения: 20.09.2020).

4. Арбитражный процессуальный кодекс Туркменистана от 19.12.2000 № 52-II. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31339384 (дата обращения: 20.09.2020).

5. Мамаев А. А. Установление компетентного арбитражного суда по делам с участием иностранных лиц: новое в правовом регулировании // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. М.: ЮРИТ-Вестник, 2003, № 3. С. 129-132.

6. Грось Л. А. Влияние норм материального права на гражданское процессуальное право: научно-практические проблемы: автореф. дисс... докт. юрид. наук. М., 1999. 62 с.

7. Пучинский В. К. Производство по делам с участием иностранных лиц // Хозяйство и право. 1996. № 4. С. 16-33.

8. Арбитражный процесс: учебник / Под ред. В. В. Яркова. М.: Юристъ. 1998. 480 с.

9. Порохов М. Ю. Гражданско-правовые споры с участием иностранных лиц : автореф. дис... канд. юрид. наук. СПб., 2001. 20 с.

10. О ратификации Соглашения о порядке разрешения споров, связанных с осуществлением хозяйственной деятельности: Постановление ВС РФ от 09.10.1992 № 3620-1. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_835/11f5a8e6e30558e054dd10d3a20a623290fad292/ (дата обращения: 20.09.2020).

11. Гражданское и торговое право капиталистических государств: учебник для вузов / Е. А. Васильев, В. В. Зайцева, А. А. Костин и др.; Отв. ред. Е. А. Васильев. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Междунар. отношения, 1992. 554 с.

12. О некоторых вопросах рассмотрения хозяйственными судами Республики Беларусь дел с участием иностранных лиц и оказания правовой помощи: методические рекомендации (утв. Постановлением Президиума ВХС РБ от 26.06.2013 № 25). URL: https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=X21100021 (дата обращения: 20.09.2020).

13. Нешатаева Т. Н. Иностранные предприниматели в России. Судебно-арбитражная практика. М.: Дело, 1998. 216 с.

14. Комментарий к Арбитражному процессуальному кодексу Российской Федерации: [Постатейный] / Моск. гос. юрид. акад.; под ред. М. С. Шакарян. М.: Проспект, 2003. 731 с.

15. Постатейный комментарий к Арбитражному процессуальному кодексу Российской Федерации / А. Н. Гуев. 2-е изд., доп. и перераб. Москва: Экзамен, 2007. 542 с.

16. Пучинский В. К. Производство по делам с участием иностранных лиц // Хозяйство и право. 1996. № 4. С. 16-33.

17. Информационное письмо Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 25.12.1996 № 10 «Обзор практики рассмотрения споров по делам с участием иностранных лиц, рассмотренных арбитражными судами после 1 июля 1995 года» // Вестник ВАС РФ. 1997. № 3. С. 87.

18. Клеандров М. И. Арбитражный процесс: Учебник. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юрист. 2003. 381 с.

19. Сборник международных договоров о взаимной правовой помощи по гражданским и уголовным делам / [Сост. Л. В. Ефремов]; под общ. ред. Б. В. Кравцова. М.: Междунар. отношения, 1988. 639 с.

20. Учебник гражданского процесса / Васьковский Е.В.; Под ред., с предисл.: Томсинов В. А. М.: Зерцало, 2003. 464 с.

21. Гусев В. Г. Гражданская процессуальная правоспособность: дисс .... канд. юрид. наук ; спец. 12.00.03 // Саратов. 1996. 161 с.

References

1. Report of the Chairman of the Supreme Court of the Russian Federation to the meeting of judges of courts of general jurisdiction and commercial courts of the Russian Federation. URL: https://www.vsrf.ru/files/28759/ (access date: September 20, 2020).

2. Koltsov A. A. The participation of foreign persons in the Russian arbitration process: diss. ... Cand. jurid. Sciences: 12.00.15: Saratov, 2004. 215 p.

3. The Commercial Procedural Code of Ukraine dated 06.11.1991 No. 1798-XII. URL: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=30418667 access date: September 20, 2020).

4. The Arbitration Procedure Code of Turkmenistan dated December 19, 2000 No. 52-II. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31339384 access date: September 20, 2020).

5. Mamaev A. A. Establishment of a competent arbitration court in cases involving foreign persons: new in legal regulation // Bulletin of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation. M.: YURIT-Bulletin, 2003, No. 3. Pp. 129-132.

6. Gros L. A. Influence of the norms of substantive law on civil procedural law: scientific and practical problems: author. diss ... doct. jurid. sciences. M., 1999. 62 p.

7. Puchinsky V. K. Proceedings in cases with the participation of foreign persons // Economy and law. 1996. No. 4. Pp. 16-33.

8. Arbitration process: textbook / Ed. V. V. Yarkova. M.: Jurist. 1998. 480 p.

9. Porokhov M. Yu. Civil disputes with the participation of foreign persons: author. dis ... cand. jurid. sciences. SPb., 2001. 20 p.

10. On the ratification of the Agreement on the procedure for resolving disputes related to the implementation of economic activities: Resolution of the RF Armed Forces dated 09.10.1992 No. 3620-1. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_-LAW_835/ 11f5a8e6e30558e054dd10d3a20a623290fad292 / access date:
September 20, 2020).

11. Civil and commercial law of capitalist states: a textbook for universities / EA Vasiliev, V. V. Zaitseva, A. A. Kostin and others; Resp. ed. E. A. Vasiliev. 2nd ed., Rev. and add. M.: Mezhdunar. relations, 1992. 554 p.

12. On some issues of consideration by the economic courts of the Republic of Belarus of cases with the participation of foreign persons and the provision of legal assistance: methodological recommendations (approved by the Resolution of the Presidium of the Supreme Economic Court of the Republic of Belarus No. 25 dated 26.06.2013). URL: https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=X21100021 (access date: September 20, 2020).

13. Neshataeva T. N. Foreign entrepreneurs in Russia. Litigation and arbitration practice. M.: Delo, 1998. 216 p.

14. Commentary on the Arbitration Procedural Code of the Russian Federation: [Itemized] / Mosk. state jurid. acad .; ed. M.S. Shakaryan. M.: Prospect, 2003. 731 p.

15. Article-by-article commentary to the Arbitration Procedure Code of the Russian Federation / A. N. Guev. 2nd ed., Add. and revised Moscow: Examination, 2007. 542 p.

16. Puchinsky B. K. Proceedings in Cases with the Participation of Foreign Persons // Economy and Law. 1996. No. 4. Pp. 16-33.

17. Information letter of the Presidium of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation dated December 25, 1996 No. 10 "Review of the practice of considering disputes in cases involving foreign persons considered by arbitration courts after July 1, 1995"// Bulletin of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation. 1997. No. 3. P. 87.

18. Kleandrov M. I. Arbitration process: Textbook. 2nd ed., Rev. and add. M.: Lawyer. 2003. 381 p.

19. Collection of international treaties on mutual legal assistance in civil and criminal cases / [Comp. L. V. Efremov]; Under total. ed. B.V. Kravtsova. M.: Mezhdunar. relations, 1988. 639 p.

20. Textbook of civil procedure / Vaskovsky E. V.; Ed., With a foreword: V. A. Tomsinov. M.: Zertsalo, 2003. 464 p.

21. Gusev V. G. Civil Procedural Legal Capacity: Diss .... Cand. jurid. sciences; spec. 12.00.03 // Saratov. 1996. 161 p.

УДК/UDC 343.1

Реализация профилактических функций уголовного наказания через институт освобождения от уголовного наказания

Рысалдиева Айжан Ергеновна
доктор PhD, ассоциированный профессор
Казахско-Американский университет
г. Алматы, Казахстан
e-mail: aizhu@mail.ru
SPIN-код: 1209-8090

Аннотация

Статья посвящена вопросам профилактических функций уголовных наказаний в процессе их исполнения. Реализация профилактической функции наказания в виде лишения свободы - процесс наиболее сложный и противоречивый по сравнению с исполнением других видов наказания. В данной работе проведен сравнительный анализ института освобождения от уголовного наказания по законодательству Республики Казахстан и по уголовному законодательству Российской Федерации. Также в ходе исследования вопроса реализации профилактических функций уголовных наказаний проанализированы виды поощрительных норм. По мнению автора, для более успешной реализации профилактических функций уголовного наказания в нормативном порядке должны быть расширены возможности применения института освобождения от уголовного наказания.

Ключевые слова: уголовное наказание, профилактика, освобождение от наказания.

Realization of the preventive functions of criminal punishment through the institute of exemption from criminal punishment

Rysaldiyeva Ayzhan Yergenovna
Doctor PhD, assistant professor
Kazakh-American University
Almaty, Kazakhstan
e-mail: aizhu@mail.ru
SPIN Code: 1209-8090

Abstract

The article is devoted to the preventive functions of criminal punishments in the process of their execution. The implementation of the preventive function of punishment in the form of imprisonment is the most complex and contradictory process in comparison with the execution of other types of punishment. A comparative analysis of the institution of exemption from criminal punishment under the legislation of the Republic of Kazakhstan and under the criminal legislation of the Russian Federation has been carried out. Also, during the study of the implementation of the preventive functions of criminal punishments, the types of incentive norms were analyzed. According to the author, for a more successful implementation of the preventive functions of criminal punishment in the normative order, the possibilities of using the institution of exemption from criminal punishment should be expanded.

Key words: criminal punishment, prevention, exemption from punishment.

Уголовно-правовая доктрина советского периода развития государства допускала то, что применение уголовного наказания являлось чуть ли не единственным методом уголовно-правового регулирования.

Так, например, профессор М. И. Ковалев в своей фундаментальной работе «Советское уголовное право» писал, что единственным методом регулирования уголовно-правовых отношений являются угроза применения наказания, содержащегося в уголовно-правовых санкциях, и его применение в случае совершения уголовно-наказуемого деяния [1].

Данная позиция являлась общепринятой в среде ученых того времени и сохранялась практически до середины 70-х гг. XX в. И только к началу 80-х гг. стали появляться работы таких ведущих ученых, как В. М. Галкин, Н. А. Стручков, Н. И. Загородников, А. Б. Сахаров и др., оспаривающих или ставящих под сомнение ведущую роль карательного метода в уголовном праве.

Указанная позиция нашла отражение и в действующем на тот период уголовном законодательстве Союза ССР и союзных республик.

Так, в ст. 20 «Цели наказания» Уголовного кодекса Казахской ССР было указано: «Наказание не только является карой за совершенное преступление, но и имеет целью исправление и перевоспитание осужденных в духе честного отношения к труду, точного исполнения законов, уважения к правилам социалистического общежития, а также предупреждение совершения новых преступлений как осужденными, так и иными лицами. <. . . > Наказание не имеет целью причинение физических страданий или унижение человеческого достоинства» [2].

В Уголовном кодексе Республики Казахстан 1997 г. (ст. 38) содержание уголовного наказания претерпело определенные, а в Уголовном кодексе Республики Казахстан 2014 г. (ст. 39) - значительные изменения.

Так, наказание определено как мера государственного принуждения, назначаемая по приговору суда. «Наказание применяется к лицу, признанному виновным в совершении уголовного правонарушения, и заключается в предусмотренном настоящим Кодексом лишении или ограничении прав и свобод этого лица. Наказание применяется в целях восстановления социальной справедливости, а также исправления осужденного и предупреждения совершения новых уголовных правонарушений, как осужденным, так и другими лицами. Наказание не имеет своей целью причинение физических страданий или унижение человеческого достоинства» [3].

Как следует из содержания указанного определения наказания, законодатель полностью отказался от слова «кара», но вместе с тем предпочтение отдал пониманию наказания как «меры государственного при-

нуждения», т. к. без принуждения уголовное право как отрасль права могло потерять свое назначение.

Но, как нам представляется, в современных условиях с учетом демократизации общества и проводимой уголовной политики по либерализации уголовного законодательства необходим поиск новых путей по повышению эффективности уголовно-правового воздействия на лиц, совершивших уголовные правонарушения, не только путем их кары, но и путем использования поощрительных норм, заложенных в уголовном законодательстве (тех, которые имеют профилактический потенциал как в отношении лиц, к которым они применяются, так и в отношении иных граждан).

Для Казахстана решение указанной проблемы в современный период является весьма актуальным. До недавнего времени в стране сохранялась сложная ситуация, вызванная негативными тенденциями постоянного роста численности «тюремного» населения страны. За весь период суверенного развития Казахстана по данным Комитета уголовно-исполнительной системы МВД Республики Казахстан через исправительные учреждения прошли свыше 1,5 миллиона человек.

Поэтому, как нам кажется, вполне обоснованно государственной властью Казахстана была поставлена и частично решена задача сокращения численности осужденных в местах лишения свободы. Эту линию следует продолжить, в т. ч. путем более широкого применения поощрительных норм, заложенных в уголовном законодательстве Республики Казахстан и позволяющих не изолировать от общества лиц, раскаявшихся в содеянном, желающих вернуться к законопослушному поведению и стремящихся полностью изменить свою жизнь в лучшую сторону.

Принимая решения о сокращении сферы применения лишения свободы и о расширении альтернативных мер наказания, следует иметь в виду то, что уголовное наказание в виде лишения свободы имеет достаточное число отрицательных свойств. Более того, нередко их суммарный эффект таков, что вызывает сомнение в реалистичности достижения поставленных перед наказанием целей. По данному поводу очень

убедительно высказался известный российский ученый Г. Ф. Хохрякова: «Здравый смысл подсказывает, что задача по исправлению и перевоспитанию в условиях изоляции от общества недостижима. <...> Действительно, ставя цель по приспособлению человека к жизни в обществе, его отделяют от этого общества; желая научить его полезному активному поведению, содержат в обстановке, где каждый шаг расписан, что вырабатывает пассивность; думая заменить в сознании человека вредные привычки полезными, его содержат среди себе подобных, что способствует взаимному заражению, и т. п.» [4].

Проблема поощрительных норм в уголовном праве, уступок со стороны государства в пользу провинившегося или так называемых компромиссов в сфере уголовно-правовой и уголовно-исполнительной политики была предметом самостоятельного исследования ученых как России, так и Казахстана [5]. Вместе с тем следует отметить то, что таких исследований с учетом изменившихся современных условий явно недостаточно. Между тем о поощрительных нормах, уступках или компромиссах в сфере борьбы с преступностью говорят постоянно на самом высоком уровне обеих стран, и компромиссы всегда присутствовали и присутствуют в правоприменительной практике.

По мнению О. В. Старкова, компромисс с преступностью - это соглашение путем взаимных уступок, причем уступки государства - это:

1) освобождение от уголовной ответственности и наказания вплоть до признания преступления непреступным (например, действия агентов, вынужденных к этому обстоятельствами; членов преступных организаций, содействовавших правоохранительным органам; при добровольной сдаче оружия и др.);
2) смягчение наказания, назначения наказания ниже низшего предела при наличии смягчающих обстоятельств (например, при содействии правоохранительным органам, предотвращении вредных последствий своего деяния и проч.) [6].

Известный ученый А. И. Долгова, говоря о компромиссе в противодействии преступности, указывает на то, что речь идет об опреде-

ленной сделке между государством и преступником, но это, во-первых, вынужденная сделка, во имя более оптимальных результатов борьбы с преступностью, во-вторых, скорее «сделка-прощение», чем «сделка-компромисс»: преступника освобождают от уголовной ответственности вовсе не потому, что допускают при определенных условиях его преступное поведение. Причем, по мнению А. И. Долговой, понятие «компромисс», которое употребляется все чаще применительно к борьбе с преступностью, не кажется точным. Такой «компромисс» допускается только при реагировании на конкретные преступления, в отношении конкретных преступников либо определенного контингента. Но не на преступность как массовой явление [7].

На наш взгляд, термин «компромисс» в отношении противодействия преступности можно использовать несколько шире, чем предлагает А. И. Долгова, поскольку те же гуманизация и либерализация уголовного законодательства, амнистия, декриминализация отдельных составов преступлений в комплексе оказывают позитивное профилактическое влияние не только на отдельно взятое лицо, но и на всю преступность.

Не случайно, по мнению ученых, уголовная политика понимается как выработанная государством генеральная линия, определяющая основные направления, цели и средства воздействия на преступников путем формирования уголовного, уголовно-процессуального, уголовно-исполнительного законодательства, регулирования практики его применения, а также путем выработки и реализации мер, направленных на предупреждение преступлений [8].

В новом Уголовном кодексе Республики Казахстан, который вступил в силу 1 января 2015 г., основания освобождений от уголовной ответственности и от уголовного наказания не разграничены. Они помещены в раздел 5, который так и называется: «Освобождение от уголовной ответственности и наказания» и включает в себя 13 статей (ст. 65–77). Несмотря на это, необходимо различать освобождение от уголовной ответственности и освобождение от уголовного наказания. Так, освобождение от уголовного наказания предполагает неисполнение уже вынесенно-

го обвинительного приговора суда. Виновное в совершении преступления лицо может быть освобождено от уголовного наказания полностью или частично (в зависимости от того, утрачена ли полностью общественная опасность личности осужденного или же она значительно снизилась).

Видами освобождения от уголовной ответственности являются:

— ст. 65 указанного Кодекса - освобождение от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием;
— ст. 66 - освобождение от уголовной ответственности при превышении пределов необходимой обороны;
— ст. 67 - освобождение от уголовной ответственности при выполнении условий процессуального соглашения;
— ст. 68 - освобождение от уголовной ответственности в связи с примирением;
— ст. 69 - освобождение от уголовной ответственности с установлением поручительства;
— ст. 70 - освобождение от уголовной ответственности в связи с изменением обстановки;
— ст. 71 - освобождение от уголовной ответственности в связи с истечением срока давности;
— ст. 78 - освобождение от уголовной ответственности на основании акта амнистии;
— ч. 1 ст.83 - освобождение несовершеннолетних от уголовной ответственности и наказания и специальные случаи освобождения от уголовной ответственности, предусмотренные Особенной частью Уголовного Кодекса при совершении отдельных категорий преступлений (примечания к ст. 125, 175, 176, 179, 217, 218, 236, 253, 255, 258, 260, 261, 262, 263, 264, 265, 266, 267, 268, 287, 288, 296, 347, 367, 387, 405, 426, 441, 442, 444, 445, 446, 447, 448).

В российском законодательстве основания освобождения от уголовной ответственности и от наказания помещены в отдельные главы Уголовного кодекса Российской Федерации: гл. 11 называется «Освобож-

дение от уголовной ответственности» и включает в себя ст. 75–78, а гл. 12 называется «Освобождение от наказания» и включает в себя ст. 79–83.

Освобождение от уголовного наказания основано на достижении поставленных перед наказанием целей: исправление осужденного и предупреждение совершения новых преступлений. Конечно, организация исправительного воздействия на осужденного в полном объеме в столь короткие периоды времени затруднительна. Некоторые скептики в отношении всех осужденных, отбывающих лишение свободы в исправительных учреждениях, выражают сомнения в достижении цели их исправления. Имеются в науке крайне радикальные позиции о том, что осужденного, как горбатого, «только могила исправит». Эти радикальные взгляды были уже оценены профессором В. И. Селиверстовым: «Да, около трети осужденных после освобождения вновь совершают преступления. И иногда говорят, что надо исключить исправление из целей наказания и из названия исправительных учреждений. Но я об этом обычно говорю следующее. Всех ли больных вылечивает больница? Нет. Ну, тогда давайте уберем исцеление из названия. И назовем больницы так: «Морг № 1», «Морг № 2» и т. д. Не всех можно вылечить и не всех можно исправить. Но цель такую ставить необходимо» [9].

В некоторой степени остается сомнительной и эффективность реализации профилактических функций уголовных наказаний как в части общей, так и частной превенции. Но все же освобождение от уголовного наказания должно быть использовано только в профилактических целях, а не наоборот. Следует принять во внимание опасения судей, сотрудников правоохранительных органов, потерпевших в том, что освобождение от отбывания наказания может быть своеобразным льготным механизмом необоснованного освобождения от наказания опасных преступников, которое может спровоцировать совершение ими повторных преступлений (рецидив).

Для предотвращения подобного результата должны быть усовершенствованы правовые процедуры рассмотрения ходатайств осужденных об освобождении, прокурорского, судебного, правозащитного и об-

щественного контроля за законностью и обоснованностью принятых решений. Весьма актуальным для России и Казахстана является восстановление существовавшего в СССР статистического учета постпенитенциарного рецидива, в рамках которого следует отдельно получать данные о постпенитенциарном рецидиве лиц, освобожденных от отбывания наказания по различным основаниям [10].

Указом Президента Республики Казахстан от 17 августа 2010 г. «О мерах по повышению эффективности правоохранительной деятельности и судебной системы в Республики Казахстан» были предусмотрены регламентация порядка освобождения лиц от уголовной ответственности в связи с примирением сторон, когда вред причиняется государству, и установление ограничений для применения меры пресечения в виде ареста к лицам, совершившим экономические преступления небольшой и средней тяжести, а также их освобождение от уголовной ответственности в случае добровольного погашения причиненного ущерба.

Далее, в Законе Республики Казахстан от 18 января 2011 г. «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам дальнейшей гуманизации уголовного законодательства и усиления гарантий законности в уголовном процессе» внесены существенные изменения в Уголовный кодекс Республики Казахстан, предусматривающие существенную гуманизацию действующего уголовного законодательства путем сокращения применения такого наиболее распространенного в судебной практике наказания, как лишение свободы [11].

Гуманизм по отношению к преступнику не должен перерастать в гуманизм по отношению к преступности как социальному явлению. Также необходимо повысить контроль над принятием амнистий, ввести ограничения на частоту применения этого института освобождения от уголовной ответственности и наказания, обеспечив стабильность политики государства в отношении уголовного правосудия. Конечно, полный отказ от институтов освобождения от уголовной ответственности и наказания недопустим. Наличие таких разумно применяемых институтов

в определенной мере стимулирует исправление осужденных, содействует повышению профилактических функций уголовных наказаний в борьбе с преступностью.

Хотелось бы обратить внимание еще на один аспект. В России и в Казахстане до сих пор нет практики освобождения осужденных, отбывающих пожизненное лишение свободы, по болезни. Уголовное законодательство России (ч. 2 ст. 81 Уголовного кодекса Российской Федерации) и уголовное законодательство Казахстана (ст. 73 Уголовного кодекса Республики Казахстан) допускает такую возможность, поскольку предусматривает освобождение от наказания, а пожизненное лишение свободы является одним из видов уголовного наказания. Данный пробел правоприменительной практики может быть устранен путем разъяснения судебной практики верховными судами обоих государств.

Необходимо также обратить внимание на предупредительное значение института освобождения от наказания. На практике действие данного института выглядит так: совершивший преступление раскаялся, примирился с потерпевшим, в корне изменилась обстановка, а возможно, и истек срок давности - уголовно-правовые отношения при этих и схожих с ними основаниях и поводах прекращаются и на этом завершаются и их правовые последствия.

Вместе с тем вопросы об освобождении от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием, превышением пределов необходимой обороны, примирением с потерпевшим, изменением обстановки, при выполнении условий процессуального соглашения, с установлением поручительства, в связи с истечением срока давности (ст. 65–71 Уголовного кодекса Республики Казахстан) законодатель решил, по нашему мнению, недостаточно равновесно.

Следует отметить, что законодателем предусмотрено расширение возможностей применения института освобождения от уголовного наказания. Это провозглашено стремлением к соблюдению принципа гуманизма, идей целесообразности и экономии мер уголовной репрессии. Можно согласиться и с тем, что в определенных случаях для более эф-

фективного достижения целей уголовного наказания целесообразней отказаться от реального его применения. Однако чрезмерная «глобальная» либерализация отечественного уголовного законодательства недопустима [11].

Для того чтобы усилить их превентивную составляющую, возможно, следовало бы предусмотреть в указанных нормах дополнительные обязанности, особые правила поведения, обеспечивающие в течение определенного срока контроль над поведением лиц, освобожденных от уголовной ответственности (по типу тех, которые предусмотрены ст. 72 указанного Кодекса и могут быть возложены на условно-досрочно освобожденных от отбывания наказания).

Исходя из того, что освобождение от наказания является актом гуманизма, мы не можем допустить, чтобы этот акт стал по своему содержанию проявлением жестокости и варварства по отношению к человеку.

Список литературы

1. Ковалев М. И. Советское уголовное право. Курс лекций. Свердловск, 1971. Вып. 1. С. 82.

2. Уголовный кодекс Казахской ССР (Официальный текст с изменениями и дополнениями на 1 сентября 1986 г.). Алма-Ата: Казахстан, 1987. С. 15.

3. Уголовный кодекс Республики Казахстан. Алматы: ЮРИСТ, 2019. С. 20.

4. Хохряков Г. Ф. Наказание в виде лишения свободы: оценка эффективности // Советское государство и право. 1989. № 2. С. 187.

5. Аликперов Х. Д., Зейналов М. А. Компромиссы в борьбе с преступностью. М., 1999.

6. Старков О. В. Предупреждение преступлений: учебное пособие. М.: Юристъ, 2005. С. 19.

7. Криминология: учебник / Под общ. ред. А. И. Долговой. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Норма: Инфра-М, 2010. С. 431.

8. Полный курс уголовного права: В 5 т. / Под ред. док. юрид. наук, проф., заслуженного деятеля науки РФ А. И. Коробеева. Т. I. Преступление и наказание. СПб.: Издательство Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2008. С. 75.

9. От сумы и от тюрьмы не зарекайся // Наследник. Православный молодежный журнал. 2008. № 22. URL: http://www.naslednick.ru/archive/rubric/rubric_-25.html (дата обращения: 01.10.2020).

10. Селиверстов В. И. Правовые проблемы освобождения осужденных от отбывания уголовного наказания по болезни // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. № 7. 2017. С. 45.

11. Акимжанов Т. К., Торгаутова Б. А., Рысалдиева А. Е. Об усилении профилактического содержания уголовно-правовых и уголовно-исполнительных норм при воздействии на преступность // Science of Europe. Vol. 3. № 26 (2018). С. 54.

References

1. Kovalev M. I. Soviet criminal law. Lecture course. Sverdlovsk, 1971. Issue. 1. P. 82.

2. The Criminal Code of the Kazakh SSR (Official text as amended and supplemented as of September 1, 1986). Alma-Ata: Kazakhstan, 1987. P. 15.

3. The Criminal Code of the Republic of Kazakhstan. Almaty: YURIST, 2019, p. 20.

4. Khokhryakov G. F. Punishment in the form of imprisonment: evaluation of effectiveness // Soviet state and law. 1989. No. 2. P. 187.

5. Alikperov Kh. D., Zeynalov M. A. Compromises in the fight against crime. M., 1999.

6. Starkov O. V. Crime prevention: a tutorial. M.: Jurist, 2005. P. 19.

7. Criminology: textbook / Under total. ed. A. I. Debt. 4th ed., Rev. and add. M.: Norma: Infra-M, 2010. P. 431.

8. Complete course of criminal law: In 5 volumes / Ed. doc. jurid. Sciences, prof., Honored Scientist of the Russian Federation A. I. Korobeeva. T. I. Crime and Punishment. St. Petersburg: R. Aslanov's Publishing House "Legal Center Press 2008. P. 75.

9. Do not renounce your money and prison // Heir. Orthodox youth magazine. 2008. No. 22. URL: http://www.naslednick.ru/archive/rubric/rubric_25.html (access date: October 01, 2020).

10. Seliverstov V. I. Legal problems of releasing convicts from serving a criminal sentence due to illness // Bulletin of the University named after O. E. Kutafina. No. 7. 2017. p. 45.

11. Akimzhanov T. K., Torgautova B. A., Rysaldieva A. E. On strengthening the preventive content of criminal law and criminal executive norms when influencing crime // Science of Europe. Vol. 3. No. 26 (2018). P. 54.

УДК/UDC 341.96

Проблемы коллизионно-правового регулирования института суррогатного материнства

Соколовская Светлана Олеговна
студентка юридического факультета
Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина
г. Краснодар, Россия.
e-mail: miss.sockolowsckaya2013@yandex.ru

Аннотация

В статье рассматриваются проблемы, возникающие при коллизионном регулировании института суррогатного материнства с трансграничным характером. Данный правовой вопрос в науке вызывает множество дискуссий, в т. ч. насчет того, нужно ли развивать институт суррогатного материнства или же его следует запретить. Во многих странах мира суррогатное материнство запрещено законом, однако в России оно пользуется спросом не только у россиян, но и у иностранных граждан. В российском государстве не развито коллизионное регулирование института суррогатного материнства и иных отношений, которые непосредственно связаны с данным институтом. Такое положение обусловлено тем, что вспомогательные репродуктивные технологии - достаточно молодая отрасль биомедицины. В данной работе предлагаются коллизионные нормы, вытекающие из института суррогатного материнства, которые бы более детально урегулировали отношения, осложненные иностранным элементом. Кроме того, автором даются рекомендации, которые бы позволили разрешить споры, возникающие между генетическими родителями и суррогатными материями, по некоторым вопросам в области применения вспомогательных репродуктивных технологий. Также в научной работе приведены примеры жизненных и правовых ситуаций, которые требуют разрешения на законодательном уровне.

Ключевые слова: коллизионные нормы, суррогатное материнство, отношения с трансграничным характером, вспомогательные репродуктивные технологии, генетические родители, суррогатная мать, национальное законодательство.

Problems of collision-legal regulation of the institute of surrogate maternity

Sokolovskaya Svetlana Olegovna
student of the faculty of Law
Kuban State Agrarian University
Krasnodar, Russia.
e-mail: miss.sockolowsckaya2013@yandex.ru

Abstract

The article deals with the problems arising in the conflict regulation of the institution of surrogacy with a cross-border nature. This legal issue in science causes many discussions, incl. H. about whether it is necessary to develop the institution of surrogacy or whether it should be banned. In many countries of the world, surrogacy is prohibited by law, but in Russia it is in demand not only among Russians, but also among foreign citizens. In the Russian state, conflict regulation of the institution of surrogate motherhood and other relations that are directly related to this institution are not developed. This situation is due to the fact that assisted reproductive technologies are a fairly young branch of biomedicine. This paper proposes conflict of laws rules arising from the institution of surrogacy, which would regulate in more detail relations complicated by a foreign element. In addition, the author gives recommendations that would allow resolving disputes arising between genetic parents and surrogate mothers, on some issues in the field of assisted reproductive technologies. Also, the scientific work provides examples of life and legal situations that require permission at the legislative level.

Key words: Conflict rules, surrogacy, cross-border relationships, assisted reproductive technologies, genetic parents, surrogate mother, national legislation.

Рождение детей имеет огромное значение как для государства в целом, так и для отдельных граждан, которые образуют семьи для продолжения рода. Однако не все семейные пары могут по медицинским показаниям иметь детей. Ранее такого рода проблемы решались посредством усыновления, но всегда пары готовы брать ребенка из детских домов или других подобных учреждений.

С развитием биомедицины стало возможным использование различных вспомогательных репродукционных технологий. Это методы лечения бесплодия, при применении которых отдельные или все этапы зачатия и раннего развития эмбрионов осуществляются вне материнского организма (в т. ч. с использованием донорских и (или) криоконсервированных половых клеток, тканей репродуктивных органов и эмбрионов, а также суррогатного материнства) [1].

В Российской Федерации, в отличие от некоторых стран, суррогатное материнство разрешено законом. Однако в российском законодательстве отсутствуют коллизионные нормы, которые регулируют отношения, связанные с суррогатным материнством. Кроме того, и на международном уровне возникают трудности полной унификации коллизионных и материальных норм не только в сфере суррогатного материнства, но и во многих семейно-правовых отношениях, т. к. каждое государство имеет свои исторические корни, обычаи и традиции [2].

В первую очередь следует понять, что понимается в национальном законодательстве под суррогатным материнством - это вынашивание и рождение ребенка (в т. ч. преждевременные роды) по договору, заключаемому между суррогатной матерью (женщиной, вынашивающей плод после переноса донорского эмбриона) и потенциальными родителями, чьи половые клетки использовались для оплодотворения, либо между суррогатной матерью и женщиной, для которой вынашивание и рождение ребенка невозможно по медицинским показаниям [3].

Осложненные иностранным элементом правоотношения в сфере суррогатного материнства могут быть обусловлены следующими факторами:

— суррогатная мать или генетические родители являются гражданами иностранного государства, имеют постоянное место жительство за границей или вовсе не имеют гражданства;
— договор суррогатного материнства заключен на территории иностранного государства;
— ребенок рожден на территории иностранного государства;

— имплантация эмбриона осуществлялась на территории иностранного государства [4].

Как следует из определения суррогатного материнства, описываемые отношения возникают на основании договора суррогатного материнства, который является по форме и содержанию согласно законодательству Российской Федерации договором возмездного оказания услуг [5]. Коллизионные нормы в национальном праве позволяют согласно ст. 1210 Гражданского кодекса Российской Федерации выбрать право страны, которое будет регулировать отношения в случае возникновения спора между сторонами договора. Помимо этого, в случае если стороны не предусмотрели в договоре применимое право, то к отношениям, вытекающим из договора, будет применяться право государства, где на момент заключения договора находится место жительства или основное место деятельности стороны, которая осуществляет исполнение, имеющее решающее значение для договора [6]. Так, стороной по данной норме права, чье исполнение имеет решающее значение для договора, является исполнитель - по договору возмездного оказания услуг. Однако если из существа договора или из обстоятельств дела вытекает, что правовые отношения имеют тесную связь с определенным государством, то будет применяться право именно этого государства.

Мы считаем, что в национальном законодательстве необходимо разработать новую конструкцию договора, а именно договора суррогатного материнства, который бы отличался многими правовыми нюансами от договора возмездного оказания услуг (предметом договора, правами и обязанностями сторон и иными условиями). Также мы считаем, что в случае отсутствия в данном договоре условия о применимом праве к отношениям при возникновении спора следует применять право страны, являющейся местом постоянного жительства суррогатной матери или местом рождения ребенка.

Кроме того, необходимо закрепить на законодательном уровне в Семейном кодексе Российской Федерации положение, которое бы регламентировало, что в случае заключения иностранными гражданами до-

говора с суррогатной матерью, являющейся гражданкой России, и/или в случае если договор заключается на территории России, требования к суррогатной матери предъявляются в соответствии с национальным законодательством Российской Федерации.

В настоящее время суррогатной матерью может быть женщина:

1) в возрасте от 20 до 35 лет;
2) имеющая собственного здорового ребенка;
3) получившая медицинское заключение об удовлетворительном состоянии здоровья;
4) давшая согласие на медицинское вмешательство;
5) в случае нахождения в браке имеющая согласие супруга на то, чтобы стать суррогатной матерью;
6) не являющаяся одновременно донором яйцеклетки.

Следует также подчеркнуть важный правовой нюанс, который регламентируется ч. 4 ст. 51 Семейного кодекса Российской Федерации, согласно которому генетические родители могут быть записаны родителями ребенка только с согласия суррогатной матери [7]. На практике часто встречаются правовые ситуации, когда суррогатная мать не хочет отдавать ребенка, ссылаясь на возникновение между матерью и ребенком глубокой психоэмоциональной связи, но при этом злоупотребляет своими правами, что выражается в шантаже генетических родителей или же в получении субсидий от государства на ребенка, направленных на улучшение жизни суррогатной матери, и др.

В связи с этим можно сделать вывод, что ч. 4 ст. 51 Семейного кодекса Российской Федерации требует своей модернизации. В частности, на наш взгляд, при рождении ребенка от суррогатной матери родителями ребенка автоматически должны записываться генетические родители. Мы считаем, что женщина, которая решила стать суррогатной матерью, должна осознавать тот факт, что ей придется передать ребенка генетическим родителям. В свою очередь, генетические родители заинтересованы в том, чтобы стать родителями ребенка, которого они не могли по

каким-либо медицинским причинам зачать и/или родить естественным путем.

Данная норма применяется и для договора суррогатного материнства, осложненного иностранным элементом, соответственно, это имеет огромное значение как для россиян, так и для иностранных граждан.

То, какое гражданство получит ребенок, рожденный от суррогатной матери, уже не регулируется договорными отношениями. В настоящее время в России применяется национальное законодательство, а именно Федеральный закон «Об актах гражданского состояния» от 15 ноября 1997 г. № 143-ФЗ. Закон содержит положение о том, что родителям выдается свидетельство о рождении ребенка независимо от того, являются они иностранцами или нет, при условии того, что они дали согласие на имплантацию эмбриона и получили согласие от суррогатной матери [8].

Соответственно, на основании данного свидетельства ребенок не может получить гражданство Российской Федерации, он получает гражданство генетических родителей, что в последующем регистрируется в консульстве соответствующего государства.

Следует подметить, что все национальные нормы по правовому институту суррогатного материнства изложены в разных нормативно-правовых актах, поэтому генетическим родителям, которые являются иностранными гражданами, очень сложно ознакомиться с нормами, которые регулируют эти отношения.

По нашему мнению, регулирование суррогатного материнства с осложненным иностранным элементом должно быть включено в гл. 7 Семейного кодекса Российской Федерации, т. к. суррогатное материнство - это не только гражданско-правовые отношения, но и семейные, поскольку основной целью данных отношений является желание генетических родителей родить ребенка с помощью вспомогательных репродуктивных технологий.

Список литературы

1. Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации: Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ // СПС «Консультант Плюс».

2. Толмачева Н. С., Серикова Э. М. Проблемы коллизионного регулирования договора суррогатного материнства // Сборник статей международных научных конференций, сборник докладов студентов, аспирантов и профессорско-преподавательского состава по результатам научных конференций. 2016. С. 67–71.

3. О порядке использования вспомогательных репродуктивных технологий, противопоказаниях и ограничениях к их применению: Приказ Министерства здравоохранения РФ от 30 августа 2012 г. № 107н // СПС «Консультант Плюс».

4. Байбороша Н. С. Влияние механизмов ограничения коллизионного метода на отношения суррогатного материнства в контексте репродуктивных прав // Сборник материалов республиканской научно-практической молодежной конференции с международным участием «Научные стремления – 2010» (Минск, 1–3 ноября 2010 г): в 2 ч. / Нац. акад. Наук Беларуси; Совет молодых ученых НАН Беларуси; редкол.: В. В. Казбанов [и др.]. Минск, 2010. Ч. 2. С. 102–103.

5. Савицкая А. А., Кудрявцева Л. В. Актуальные проблемы правового регулирования суррогатного материнства // В сборнике: Научное обеспечение агропромышленного комплекса. Сборник статей по материалам 74-й научно-практической конференции студентов по итогам НИР за 2018 год. Отв. за вып.: А. Г. Кощаев. 2019. С. 1394–1398.

6. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): Федеральный закон от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

7. Семейный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 29.12.1995 № 223-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1996. № 1. Ст. 16.

8. Об актах гражданского состояния: Федеральный закон от 15.11.1997 № 143-ФЗ // СПС «Консультант Плюс».

References

1. On the basics of protecting the health of citizens in the Russian Federation: Feder. Law of 21.11.2011 No. 323-FZ // Consultant Plus.

2. Tolmacheva N. S., Serikova E. M. Problems of conflict regulation of a surrogacy agreement // Coll. articles of international scientific conferences, collection of articles. reports of students, graduate students and faculty based on the results of scientific conferences. 2016. Pp. 67-71.

3. On the procedure for using assisted reproductive technologies, contraindications and restrictions to their use: Order of the Ministry of Health of the Russian Federation of August 30, 2012 No. 107n // Consultant Plus.

4. Bayborosha N. S. The influence of the mechanisms of limiting the collisional method on the relationship of surrogate motherhood in the context of reproductive rights // Coll. materials Rep. scientific-practical youth. conf. with int. Participation "Scientific Aspirations - 2010"(Minsk, November 1-3, 2010): in 2 hours / Nat. acad. Sciences of Belarus; Council of Young Scientists of the National Academy of Sciences of Belarus; editorial board: V. V. Kazbanov [and others]. - Minsk, 2010. Part 2. Pp. 102-103.

5. Savitskaya A. A., Kudryavtseva L. V. Actual problems of legal regulation of surrogacy // In the collection: Scientific support of the agro-industrial complex. Collection of articles based on the materials of the 74th scientific-practical conference of students on the results of research work for 2018. Responsible for the release of A. G. Koschaev. 2019. Pp. 1394-1398.

6. Civil Code of the Russian Federation (part one) from 30.11.1994. No. 51-FZ // Collection of the Legislation of the Russian Federation. 1994. No. 32. Art. 3301.

7. Family Code of the Russian Federation: Feder. Law of December 29, 1995 No. 223-FZ as amended by from 05/29/2019 // Collection of the Legislation of the Russian Federation. 1996.No. 1. Art. 16.

8. On acts of civil status: Feder. Law of 15.11.1997 No. 143-FZ // Consultant Plus.

УДК/UDC 343.7

«Отложенная» взятка: вопросы квалификации

Хилюта Вадим Владимирович
кандидат юридических наук, доцент
Гродненский государственный университет им. Я. Купалы
г. Гродно, Беларусь
e-mail: tajna@tut.bu

Аннотация

В статье рассматривается проблема квалификации случаев взяточничества, когда на момент принятия материальных ценностей лицо не является должностным («отложенная» взятка). Анализируется судебно-следственная практика и основные положения науки уголовного права по данному вопросу. Обращается внимание, что взяточничество имеет место только тогда, когда взятка передается должностному лицу, а он ее принимает, за совершение конкретного незаконного деяния, которое это должностное лицо могло совершить и совершает с использованием своих полномочий в интересах определенных лиц (взяткодателя или иных). Должностное лицо должно обладать соответствующей компетенцией. Автором предлагается при оценке случаев взяточничества принимать во внимание не только статус лица, но и его полномочия на момент совершения незаконных действий.

Ключевые слова: коррупция, взятка, должностное лицо, полномочия лица, получение взятки, мошенничество.

"Deferred"bribe: qualification issues

Khilyuta Vadim Vladimirovich
Candidate of Law, Associate Professor
Grodno State University of Y. Kupala
Grodno, Belarus
e-mail: tajna@tut.bu
SPIN Code: 1396-9471

Abstract

The article addresses the problem of qualification of cases of bribery, at the time of acceptance of material values, a person is not an official ("deferred"bribe). The judicial investigation practice and the basic provisions of the science of criminal law on this issue are analysed. It is noted that bribery takes place only when the bribe is handed over to an official and he accepts it, for the commission of a specific illegal act that the official may have committed and committed with the use of his authority for the benefit of certain persons (bribe-taker or others). The official must have the appropriate competence. When assessing cases of bribery, the author is invited to take into account not only the status of the person, but also his authority at the time of the commission of illegal actions.

Key words: corruption, bribe, official, person's powers, receiving bribes, fraud.

В правоприменительной практике зачастую возникает немало квалификационных задач, требующих особого внимания к пониманию текста уголовного закона. Они представляют особую сложность, потому как ответы на поставленные практикой вопросы не всегда содержатся в доктрине уголовного права и, в связи с этим, конкретный правоприменитель (будь то следователь, прокурор или судья) вынужден формулировать собственное правило квалификации тех или иных противоправных деяний или таковыми не являющимися. Здесь основную трудность представляет именно обоснование принятого решения и отражения сути того самого правила, которое бы имело рациональный смысл и могло применяться в будущем к однотипным ситуациям.

В этой связи приведем материалы одного из уголовных дел, вызвавших диспут среди правоприменителей и отголоски которого дошли все-таки до представителей юридической науки.

Суть дела примерно такова. Гражданин А., работавший в налоговой инспекции, проверял субъект хозяйствования. При проведении проверки были выявлены многочисленные нарушения. Руководитель проверяемого субъекта хозяйствования (Б.) не желал, чтобы А. фиксировал допущенные нарушения законодательства и предложил ему заключить обоюдовыгодную «сделку» в виде передачи взятки А. Выполняя достиг-

нутую договоренность, А. не указал в акте проверки допущенные нарушения субъектом хозяйствования, однако сказал Б., чтобы тот передал ему взятку спустя два месяца, когда А. уже не будет работать в налоговой инспекции, потому как срок его контракта к этому времени истечет. Впоследствии, при передаче денег (спустя два месяца после составления акта проверки), А. был задержан с поличным.

Вопрос здесь возник по поводу того, может ли А. быть субъектом получения взятки, т.к. получая ее, он уже не являлся должностным лицом. А согласно уголовному закону (ст. 290 УК РФ) получить взятку может только должностное лицо («получение должностным лицом ... взятки»), т.е. речь идет о специальном субъекте преступления. Проблема здесь как бы заключается и в том, что лицо получало материальные ценности за действия, которое оно совершало по службе с использованием своих служебных полномочий и тогда являлось должностным лицом, однако на момент принятия (получения) этих материальных ценностей оно уже таковым (должностным лицом) не являлось.

При решении настоящего казуса, безусловно, можно прийти к двум прямо противоположным выводам: либо привлекать это лицо к уголовной ответственности за получение взятки ввиду того, что не нахождение конкретного лица на службе на момент принятия ценностей не может менять квалификацию преступления (1), либо не привлекать к уголовной ответственности за получение взятки ввиду того, что в силу прямого указания закона субъектом получения взятки может быть только должностное лицо (2).

Надо сказать, что в доктрине уголовного права авторитетные криминалисты не без оснований придерживаются второго подхода [1, с. 20-21], т.к. на момент принятия ценностей лицо не являлось должностным. Признаки должностного лица указаны в ч. 1 примечания к ст. 285 УК РФ, и как полагает Н. А. Бабий, должностными являются лица, которые в связи с занимаемым ими в юридическом лице служебным положением или по специальному полномочию наделены в установленном законом порядке правом управлять действиями физических иди юри-

дических лиц посредством дачи обязательных для исполнения указаний (приказов, распоряжений и т.п.) либо совершения действий или выдачи официальных документов, прямо и непосредственно влекущих последствия публично-правового характера [2, с. 189].

Тем не менее, если обратиться к самой диспозиции ст. 290 УК РФ, то мы здесь не увидим ответа на вопрос о том, когда по времени должно происходить принятие должностным лицом денег, ценных бумаг, иного имущества, имущественных прав и услуг имущественного характера. Такого временного промежутка закон не устанавливает. То есть если должностное лицо совершает в пользу взяткодателя или представляемых им лиц определенные действия, которые он может совершить с использованием своих служебных полномочий, то получение предмета взятки может происходить как до, так и после совершения должностным лицом определенных действий с использованием своих служебных полномочий (так называемые «взятка-подкуп» и «взятка-благодарность». Причем если мы говорим о том, что такие материальные ценности должностное лицо получает после совершения им неких действий в пользу взяткодателя или представляемых им лиц, то никак в этом случае не ограничиваем факт принятия материальных ценностей временным отрезком времени, когда это должно произойти. Иначе говоря, взятка может быть передана и спустя неделю, месяц и два после того, когда состоялось определенное противоправное действие самим должностным лицом.

Как представляется в этой ситуации важно именно то, что взятка передавалась должностному лицу, а он ее соответственно принимал, за совершение того незаконного деяния, которое это должностное лицо могло совершить и совершило с использованием своих полномочий в интересах определенных лиц (взяткодателя или иных). То есть должностное лицо обладало соответствующей компетенцией и именно за это совершенное некогда деяние, ему и вручалась взятка. Важно ли теперь учитывать то обстоятельство, что, принимая взятку за ранее совершенное незаконное действие, это лицо продолжает являться должностным или же не является таковым? Сохраняет оно эту должность или же по-

лучило иную (например, лицо перевели на другую работу) на момент принятия предмета взятки?

На наш взгляд ответ на поставленный вопрос должен быть все-таки отрицательным. Первостепенное значение имеет то, что взятка предоставляется лицу исключительно в связи с занимаемым им должностным положением. Занимает такое положение это должностное лицо на момент принятия взятки или же нет, не имеет решающего значения, как и тот факт, что на момент принятия незаконного вознаграждения это лицо уже не является должностным. Еще раз обратим внимание, принципиально важно именно то, что лицо совершало определенные действия в интересах иных лиц, занимая должностное положение, и являлось в этот момент должностным лицом. Когда после этого события произошло «одаривание» этого лица, не имеет первостепенного значения.

Не случайно по этому поводу, например, в абзаце втором п. 3 постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 26 июня 2003 г. № 6 «О судебной практике по делам о взяточничестве» сказано, что «ответственность за взяточничество наступает независимо от времени передачи взятки: до или после совершения действия (бездействия) в интересах взяткодателя или представляемых им лиц». Как видно в данном разъяснении не акцентировано внимание на субъекте, получающим взятку. Понятно, что таковым является должностное лицо. Наоборот, подчеркнуто, что ответственность за получение взятки наступает независимо от времени ее передачи. Несмотря на то, что в п. 8 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 июля 2013 г. № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» применительно к рассматриваемой ситуации присутствует указание на должностное лицо, его смысл все равно не меняется: «Ответственность за получение, дачу взятки, посредничество во взяточничестве наступает независимо от времени получения должностным лицом взятки – до или после совершения им действий (бездействия) по службе в пользу взяткодателя или представляемых им лиц, а также независимо от того, были ли указанные действия (бездействие) заранее

обусловлены взяткой или договоренностью с должностным лицом о передаче за их совершение взятки». То есть время получения взятки не играет никакой роли.

Представим в этой связи себе и другую ситуацию. Взятка вручается должностному лицу спустя месяц после совершения им определенных действий в интересах взяткодателя, но, когда это лицо находится в отпуске и отпуск проводит в Антарктиде. Иначе говоря, на территории Антарктиды произошла передача взятки должностному лицу. Конечно, возникает вопрос, если лицо находилось в отпуске, то является ли оно должностным в этот момент на территории Антарктиды?

Правоприменительная практика утвердительно отвечает на данный вопрос. Поэтому, когда лицо получает взятку, например, находясь в отпуске, в командировке, освобождено от работы по причине временной нетрудоспособности и т.д., оно все равно признается должностным лицом и ответственность наступает именно как за получение взятки. При этом судебная практика не придает значения тому обстоятельству, что в момент получения взятки должностное лицо не могло законным образом реализовать свои полномочия. Поскольку такое лицо находится на службе и занимает соответствующую должность, факт его временной нетрудоспособности или нахождения в отпуске не может свидетельствовать о том, что должностное лицо прекратило трудовые отношения с организацией в которой оно работает (проходит службу). В такой ситуации взятка вручается должностному лицу, которое уже совершило или еще совершит определенные действия в интересах взяткодателя или представляемых им лиц. В данном случае не временное нахождение должностного лица играет первостепенную роль, а его функции и служебная компетенция. Поэтому, если в круг полномочий должностного лица входит решение того или иного вопроса, за решение которого и передается взятка, то это и есть то самое преступление, которое мы именуем получением взятки (ст. 290 УК РФ).

Сложнее и крайне неоднозначной выглядит ситуация, когда лицо еще не занимает соответствующую должность и не является должност-

ным, но вскоре им станет. Зная о данном обстоятельстве, ему наперед вручается взятка. Так, например, стало известно, что О. назначен главой государственного концерна, однако приказ о его назначении вступит в силу через десять дней. Зная о данном факте, Г. передал взятку О., когда он еще не приступил к исполнению служебных обязанностей за возможность выиграть тендер. В последующем О. пролоббировал интересы организации Г., используя свои полномочия, и та действительно, выиграла тендер.

Как видно, вопрос здесь заключается в том, что О. получал взятку не будучи должностным лицом и не занимал соответствующую должность, хотя подкуп как таковой имел место, но, еще не должностного лица. Следуя букве закона и исходя из формального понимания признаков должностного лица, О. в вышеуказанном примере таковым не являлся, и, стало быть, не может привлекаться к уголовной ответственности за получение взятки. Обоснование данной позиции очень простое: на момент получения взятки лицо не могло совершить действий в интересах взяткодателя, поскольку не обладало соответствующей компетенцией, и не занимало соответствующую должность.

Сложность здесь состоит именно в том, что о данном факте хорошо было известно как взяткодателю, так и взяткополучателю и эти лица намеренно пользовались данным обстоятельством. Никак не скажешь, что в рассматриваемом случае имело место мошенничество, поскольку О., получая деньги, не обманывал Г., не вводил его в заблуждение, а напротив, обеспечивал реализацию его интересов и фактически выполнил состоявшуюся договоренность.

Тем не менее, как нам представляется, обсуждаемая ситуация, а точнее алгоритм ее решения, не должна отличаться от предыдущей. Как говорится, от перемены мест слагаемых, сумма не меняется. Акцент здесь должен быть все-таки сделан не на том обстоятельстве, что на момент принятия материальных ценностей лицо не являлось должностным, а на совсем другом. Важны именно полномочия данного лица. Конечно, на момент принятия материальных ценностей это лицо не об-

ладало никакими полномочиями и не могло обеспечить победу в тендере. Такую возможность это лицо приобретало, когда у него появятся соответствующие полномочия должностного лица. И именно поэтому ему вручается взятка, чтобы данное лицо фактически покровительствовало взяткодателю. А покровительствовать и обеспечить нужное решение в момент передачи взятки, очевидно, что это лицо не может. Сможет оно это сделать, только лишь когда вступит в должность и обретет соответствующие полномочия. На данное обстоятельство и рассчитывает сам взяткодатель и взяткополучатель. В принципе, по этому поводу еще раз можно сказать: ответственность за получение взятки должна наступать независимо от времени ее передачи. Ведь в обсуждаемой нами ситуации взятка вручается не просто обычному лицу, которое при этом еще и не является должностным, а лицу, которое таким станет и в компетенцию которого входит решение этого вопроса.

Простая аналогия. Например, преподавателю за неделю до экзамена студенты вручают материальные ценности в знак того, что они успешно сдадут экзамен. Преподаватель же в этот момент не является должностным лицом, таким он становится лишь в тот момент (день), когда принимает экзамен или зачет. Это входит в его компетенцию, и он может совершить данное действие с использованием своих полномочий. Какая разница, когда преподаватель в данном случае примет предмет взятки: до экзамена или после (но не в тот день, когда он принимает экзамен, потому что здесь уже нет предмета для обсуждения)? Ведь он все равно признается субъектом получения взятки (ст. 290 УК РФ) и об этом очень четко говорит правоприменительная практика, не проводя никаких отступлений от того, что до или после экзамена вручалась взятка.

Следовательно, этот «плавающий» статус должностного лица не имеет такого принципиального значения по сравнению с тем, какими полномочиями обладало это лицо на момент совершения действий в интересах взяткодателя или представляемых им лиц. И вот здесь нужно особо подчеркнуть: именно в этот момент (совершения определенных

действий в интересах взяткодателя или представляемых им лиц) это лицо должно быть должностным и занимать соответствующую должность, которая позволяет ему совершить определенные действия. Если мы это не будем принимать во внимание, тогда, безусловно, ситуация будет перевернута с ног на голову, и фактически любое лицо можно будет привлечь к ответственности за получение взятки только лишь потому, что у этого лица были соответствующие полномочия для решения того или иного вопроса. Это, конечно же, неправильно. И принципиальная разница между обсуждаемыми выше нами двумя примерами, состоит именно в том, что хотя эти лица на момент передачи им предмета взятки, и не являлись должностными, но определенные действия они могли совершить в пользу взяткодателя только лишь тогда, когда они обретали (или имели) этот статус должностного лица, и именно по этой причине им и передавалась взятка. Причем данный факт осознавался двумя сторонами подобной криминальной сделки.

Если это обстоятельство отсутствует, то тогда нужно вести речь о совершении лицом мошеннических действий или иных преступлений. В принципе, об этом и говорится в п. 24 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 июля 2013 г. № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях»: «Получение должностным лицом либо лицом, выполняющим управленческие функции в коммерческой или иной организации, ценностей за совершение действий (бездействия), которые входят в его служебные полномочия либо которым оно может способствовать в силу своего должностного положения, а равно за общее покровительство или попустительство по службе следует квалифицировать как получение взятки или коммерческий подкуп вне зависимости от намерения совершить указанные действия (бездействие). Если должностное лицо путем обмана или злоупотребления доверием получило ценности за совершение в интересах дающего или иных лиц действий (бездействие) либо за способствование таким действиям, которые оно не может осуществить ввиду отсутствия соответствующих служебных полномочий или должностно-

го положения, содеянное следует квалифицировать как мошенничество, совершенное лицом с использованием своего служебного положения».

Таким образом, применительно к поднятой проблеме укажем, что для констатации взяточничества важен не столько статус должностного лица, сколько полномочия этого лица в совокупности с имеющимся статусом на момент совершения (или возможности совершения) определенных действий, входящих в компетенцию этого лица, в пользу взяткодателя или представляемых им лиц.

Список литературы

1. Яни П. С. Получить взятку может только должностное лицо // Законность. 2014. № 7.

2. Бабий Н. А. Квалификация взяточничества: научное исследование белорусского и российского опыта. Минск, 2011. 859 с.

Список литературы

1. Yani PS Only an official can receive a bribe // Legality. 2014. No. 7.

2. Babiy N.A. Qualification of bribery: a scientific study of the Belarusian and Russian experience. Minsk, 2011. 859 p.

УДК/UDC 343.9

Уголовно-правовые признаки коррупционных преступлений и их криминалистический анализ

Хлус Александр Михайлович
кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры криминалистики
Белорусский государственный университет
г. Минск, Республика Беларусь
e-mail: hlus.home@mail.ru
SPIN-код: 1560-4979

Аннотация

В статье рассматриваются уголовно-правовые признаки коррупционных преступлений. Принимая во внимание мнения ученых, в сфере уголовного права, автор выделил следующие общие признаки коррупционных преступлений: 1) совершение деяния специальным субъектом (должностным лицом или иным лицом, отнесенным законодательством к субъектам коррупционных преступлений); 2) наличие определенного объекта коррупционного посягательства (авторитет государственной службы и службы в органах местного самоуправления, легитимность государственной власти, авторитет публичной (государственной) службы и т.д.), которому преступным деянием причиняется вред; 3) определенная разновидность коррупционного поведения специального субъекта, использующего в преступных целях свое служебное положение и (или) должностные (служебные) полномочия; 4) незаконное получение специальным субъектом каких-либо преимуществ (имущества, права на него, услуг или льгот), в результате совершенного преступления коррупционной направленности. Проведенный криминалистический анализ, позволил указанные признаки, представить в виде конкретных материальных образований. В структуре коррупционного преступления они выполняют функцию определенного материального элемента.

Ключевые слова: уголовное право, коррупционное преступление, признаки, криминалистика, криминалистический анализ.

Criminal legal signs of corruption crimes and their criminalistic analysis

Khlus Alexander Mikhailovich
Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor, Department of Criminalistics
Belarusian State University,
Minsk, Republic of Belarus
e-mail: hlus.home@mail.ru
SPIN Code: 1560-4979

Abstract

The article deals with the criminal-legal signs of corruption crimes. Taking into account the opinions of scientists, in the field of criminal law, the author identified the following general signs of corruption crimes: 1) the commission of an act by a special subject (an official or other person referred by the legislation to the subjects of corruption crimes); 2) the presence of a certain object of corruption encroachment (the authority of the civil service and service in local self-government bodies, the legitimacy of state power, the authority of the public (state) service, etc.), which is harmed by a criminal act; 3) a certain type of corrupt behavior of a special subject using his official position and (or) official (official) powers for criminal purposes; 4) illegal receipt by a special subject of any advantages (property, rights to it, services or benefits), as a result of a committed corruption crime. The conducted forensic analysis allowed the indicated signs to be presented in the form of specific material formations. In the structure of a corruption crime, they perform the function of a certain material element.

Key words: criminal law, corruption crime, signs, forensics, forensic analysis.

В белорусском законодательстве не упоминается термин «коррупционное преступление». Соответственно нет ни определения данных преступлений, ни критериев для их выделения. В международных конвенциях, посвященных вопросам противодействия коррупции, перечисляются деяния, которые следует признать коррупционными преступлениями, но также не содержится их общего понятия. Международным актом, в котором не только перечислены коррупционные преступления, но и

закреплены критерии отнесения уголовно наказуемых деяний к категории коррупционных, является Соглашение о сотрудничестве генеральных прокуратур (прокуратур) государств - участников СНГ в борьбе с коррупций [1].

В научной литературе содержится большое количество публикаций, посвященных изучению отдельных преступлений, коррупционного характера. В тоже время общие вопросы коррупционных преступлений как самостоятельной группы преступлений исследованы не так глубоко. В научной литературе до настоящего времени не было выработано ни единого понятия коррупционных преступлений, ни единого перечня таких преступлений.

В Законе Республики Беларусь «О борьбе с коррупцией» (далее Закон о борьбе с коррупцией) [2] для обозначения коррупционных деяний используется термин «коррупционные правонарушения», определение которого отсутствует в Законе. Согласно ч. 2 ст. 2 данного Закона, ответственность за коррупционные правонарушения устанавливается Кодексом Республики Беларусь об административных правонарушениях, Уголовным кодексом Республики Беларусь (далее УК) и иными законодательными актами Республики Беларусь, что позволяет говорить о существовании различных правонарушений коррупционного характера, в том числе и коррупционных преступлений.

Статья 21 Закона о борьбе с коррупцией содержит перечень коррупционных правонарушений, на основе которого невозможно провести дифференциацию юридической ответственности за те или иные правонарушения. Установить, коррупционные преступления можно путем сопоставления ч. 1 ст. 21 Закона о борьбе с коррупцией и норм Особенной части УК. Такое сопоставление позволило разработать перечень коррупционных преступлений 2007 г., в соответствии с которым к числу коррупционных относились первоначально 14 преступлений. В последующем этот перечень был заменен перечнем коррупционных преступлений 2011 г., который к числу коррупционных относит 10 преступлений. Ни первый, ни второй перечень не раскрывают понятия «коррупцион-

ное преступление», нет указания на критерии (признаки) позволяющие выделить коррупционное преступление.

Классическое представление коррупции как подкупа должностного лица позволяет без особой сложности определить признаки коррупционных преступлений. Но мнения ученых по данному вопросу различаются. Например, Н. А. Лопашенко, Д. В. Мирошниченко выделяют три признака коррупционных преступлений:

1) они всегда представляют собой сделку между должностным или служащим лицом и лицом, заинтересованным в определенном поведении первых лиц;
2) эта сделка носит обоюдно возмездный характер;
3) эта сделка заведомо незаконна [3, с. 93; 4, с. 109, 131].

Такой подход к пониманию коррупционного преступления имеет ограничительный характер, не охватывает весь перечень коррупционных деяний, но приемлем при рассмотрении только взяточничества.

Не только как подкуп, но несколько шире рассматривает коррупцию Е. В. Марьина, предлагая развернутое определение коррупционных правонарушений. По ее мнению «коррупционное правонарушение – это незаконное испрашивание либо получение выгод имущественного или неимущественного характера в интересах лица, предоставляющего такие выгоды, либо иного физического или юридического лица за совершение правомерных или неправомерных действий (бездействия) лицами в сфере исполнения ими своих служебных (должностных) полномочий и (или) использования служебного (должностного) положения, а также несоблюдения ограничений, обязательств, требований и запретов, которые установлены законодательством о службе, в целях извлечения выгод или преимуществ для себя или для других лиц, а равно подкуп должностных или служащих путем незаконного предложения или предоставления им выгод в целях осуществления указанными лицами своих служебных (должностных) полномочий или использования своего служебного (должностного) положения вопреки охраняемым законом интересам службы, общества и государства» [5, с. 14].

Международные конвенции в области борьбы с коррупцией, а также Закон о борьбе с коррупцией не сводят коррупцию исключительно к подкупу. Они рассматривают коррупцию как множество видов криминальных деяний коррупционного характера, что представляет интерес для определения признаков коррупционных преступлений.

В научной литературе уголовно-правовой тематики встречаются различные определения понятия «коррупционное преступление». В числе признаков коррупционного преступления многие ученые указывают на их предусмотренность уголовным законом в качестве общественно опасного деяния (например, С. Д. Макаров [6, с. 83], В. К. Максимов [7, с. 9] и др.).

В понятии коррупционных преступлений всегда указывается на участие в их совершении специального субъекта, в качестве которого называют различных должностных лиц: главу органа местного самоуправления, государственного служащего или служащего органа местного самоуправления, служащего органов местного самоуправления, лицо, выполняющее управленческие функции в коммерческой или иной организации и др. При этом многие ученые не обращают внимание на совершение коррупционных преступлений лицами, не обладающими признаками специального субъекта. Это ситуации связанные с дачей взятки и (или) посредничеством во взяточничестве.

С позиции криминалистики наибольшую ценность имеет информация о личностных характеристиках субъекта совершения коррупционного преступления, которые особенно явственно проявляются в различных следах. В таком случае, личность субъекта, совершающего коррупционные преступления, стоит изучать как один из элементов, указывающий на их своевременное выявление и наиболее полное расследование.

Криминалистический аспект в познании личности преступника определяется основным назначением данной науки и предполагает изучение широкого диапазона ее свойств и признаков, отражающихся в виде следовой информации. При этом личность преступника является не только следообразующим, но и следовоспринимающим элементом, нахо-

дящимся во взаимосвязи с иными материальными элементами преступной структуры.

При исследовании личности должностного лица существенное значение имеют его свойства. Они подразделяются на несколько классов: параметрические, физические, химические, биологические, психические, психологические и социальные [8 с. 137-138].

В случае совершения коррупционных преступлений больший интерес с практической точки зрения представляют психические, психологические и социальные свойства должностного лица.

Психические свойства обнаруживают себя в реакциях организма на внешние воздействия и в психических образах объектов взаимодействия.

Психологические свойства проявляют себя в суждениях, в продуктах деятельности, в поступках, в поведении, в знаково-символических формах информационной коммуникации и в человеческих отношениях. В процессе преступной деятельности человек демонстрирует окружающим качества своих действий, поступков, поведения.

Социальные свойства характеризуют положение человека в общественных связях и отношениях. Они охватывают собой коммуникативные, правовые и иные свойства субъекта общественного взаимодействия.

Коммуникативные свойства обеспечивают контактность человека в любом социальном взаимодействии. Они отражают особенности его поведения в условиях общения с иными людьми.

Правовые свойства наиболее часто проявляются как результат противоправной деятельности субъекта, наделенного определенными полномочиями в системе совместной жизнедеятельности. Эти полномочия закреплены как функциональные обязанности субъектов социального взаимодействия, что имеет отражение в соответствующих нормах. Их невыполнение граничит с нарушением уголовно-правовых норм, что и приводит к ответственности. Правовые свойства отражают сведения о (об) допущенных административных и дисциплинарных проступках, отношении к содеянному преступлению, поведении в ходе следствия, судимости.

Остальные уголовно-правовые признаки коррупционного преступления у разных ученых различаются. Необходимо отметить, что некоторые авторы не только приводят свои определения коррупционных преступлений, но и выделяют признаки таких преступлений, при этом не все признаки упоминаются в определениях.

По мнению Ю. Г. Наумова основанием для классификации преступлений как коррупционных является отношение деяний к непосредственному объекту преступного посягательства. В качестве такого объекта он называет интерес и авторитет государственной и муниципальной власти, государственной службы и службы в органах местного самоуправления, коммерческих и иных организациях. Однако в предлагаемом Ю. Г. Наумовым понятии коррупционного преступления и выделенных им признаках коррупционных преступлений в качестве объекта преступного посягательства он указывает на охраняемые законом права и интересы граждан и общества в целом [9, с. 56–58].

Другие авторы тоже в качестве признака коррупционного преступления называют определенный объект коррупционного посягательства: авторитет государственной службы и службы в органах местного самоуправления [10, с. 17], легитимность государственной власти [4, с. 109], авторитет публичной (государственной) службы [11, с. 138] и т.д.

Среди признаков коррупционного деяния называется нанесение ущерба объекту преступного посягательства [9, с. 57]. Принимая это во внимание можно реально представить объект посягательства с точки зрения криминалистической науки.

Для криминалистики объект посягательства представляет интерес в качестве материальной совокупности или системного образования, на которые оказывается непосредственное или опосредованное воздействие со стороны субъекта совершения преступления. Одна или несколько составляющих частей объекта посягательства могут определять целевую направленность преступного деяния. Необходимо иметь в виду, что сам по себе объект как единое целое так же может являться целью преступ-

ной деятельности. Это происходит в тех случаях, когда умысел виновного ограничивается причинением объекту посягательства вреда.

Определение объекта преступного посягательства как материального элемента коррупционного преступления, представляет определенную трудность, так как не является очевидным тот элемент преступной системы, на которую оказывает воздействие субъект коррупционного преступления.

Для понимания объекта посягательства с позиции криминалистики необходимо вспомнить, что общественные отношения, на которые посягает коррупционер, связаны с деятельностью «публичного аппарата управления» [12, с. 166]. Именно в рамках этого системного образования субъект коррупционного преступления (в данном случае мы исходим из понимания его в качестве должностного лица) осуществляет свою деятельность. Он реализует предоставленные ему полномочия, которые в момент совершения преступления используются против этой системы, вопреки ее интересам, когда нарушается нормальный, установленный законодательством, а также внутренними правилами, порядок ее функционирования.

«Публичный аппарат управления» – сложное понятие, объединяющее собой ряд самостоятельных терминов («публичный», «аппарат», «управление») требующих отдельного рассмотрения и в сочетании с другими из упомянутых слов.

Итак, «управление» традиционно понимается как «процесс воздействия с определенной целью субъекта управления на объект управления» [12, с. 11]. По-разному представлено понятие «управление» в словарях русского языка.

В Толковом словаре русского языка Ушакова «управление» – это «деятельность, направляющая и регулирующая общественные отношения через посредство органов государственной власти» [13].

В Толковом словаре С. И. Ожегова «управление» представлено как «деятельность органов власти» либо «крупное подразделение какого-нибудь учреждения, крупное административное учреждение» [14].

Анализ приведенных примеров и дальнейшее рассмотрение источников толкования слова «управление» позволяет сделать вывод об управлении как ключевом звене в системе взаимосвязи между субъектом и объектом.

Понятие «публичный» применяется для обозначения того, «что не погружено в себя, не партикуляризовано и что связано с «другим», заинтересовано в нем и живет его жизнью. Отсюда идея «публичности» указывает на связь с «обществом», предполагает отношение к обществу как к целому» [15].

Понятие «публичное управление» (public governance) впервые упомянул в 1887 году Вудро Вильсон в своей работе «Наука государственного управления» [16, с.14].

Термин «публичное управление» активно используется не только в научном обороте, но и в лексике государственных служащих различного уровня (федерального, республиканского и местного) в России и Беларуси, в средствах массовой информации.

«Если рассматривать смыслы слов «публичный» и «управление», то словосочетание «публичное управление» приобретает несколько иной смысл. А. Н. Чудинов в своем словаре иностранных слов, вошедших в состав русского языка, дает следующее определение слову «публичный» – (по лат. Publicus) явный, известный; для публики, для общества, для народа устроенный, общедоступный, всенародный» [16, с. 16].

Следовательно, можно согласиться с выводом, что под «публичным управлением» понимается открытое, гласное, происходящее в присутствии людей управление, предназначенное для публики, общества, находящееся в их распоряжении» [16, с. 16].

Аппарат управления представляет собой «совокупность органов, служб и подразделений, основной задачей которых является осуществление управленческих процессов» [17].

Таким образом, «публичный аппарат управления» следует рассматривать в качестве субъекта (в организационном плане), реализующего функцию управления (воздействия, влияния) в отношении объекта,

с целью обеспечения существования, сохранения и развития определенного системного образования, элементами которого является некоторое множество субъектов и объектов.

Реализация управленческой функции осуществляется посредством деятельности входящих в состав (штат) субъекта управления физических лиц. Они наделены соответствующими их статусу полномочиями и им предоставлено право принимать управленческие решения. Фактически речь идет о должностных лицах, которые в единственном числе или некотором множестве образуют субъект управления.

В зависимости от своего организационного положения, субъект управления ориентирован на осуществление управленческой функции в государственной или общественной сфере деятельности.

Деятельность должностных лиц в любом государстве регламентирована нормативными правовыми актами законодательного, а также подзаконного уровня. Она должна осуществляться с соблюдением следующих условий:

во-первых, должностное лицо осуществляет свою деятельность в пределах правил, установленных нормами законодательства;

во-вторых, деятельность должностного лица согласуется с интересами государства и общества.

Соблюдение этих условий обеспечивает нормальное функционирование субъекта управления, элементом (звеном) которого является каждое должностное лицо (курсив наш – А. Х.), входящее в его состав. Несоблюдение этих требований, совершение действий, выходящих за пределы предоставленных должностному лицу полномочий, приводит к различным нарушениям, которые с юридической позиции оцениваются как дисциплинарные (служебные), административно-правовые, гражданско-правовые проступки или уголовные преступления.

На этой основе мы приходим к пониманию объекта преступного посягательства как элемента материальной структуры коррупционного преступления, в качестве которого следует рассматривать, предусмотренное национальным законодательством, значительное количество го-

сударственных и общественных органов и организаций, представляющих собой субъекты управления различного уровня, должностные лица которых совершили коррупционное преступление.

Совершив коррупционное преступление, должностные лица причиняют вред, т. е. посягают на нормальную деятельность того органа или организации, в которых осуществляется их служебная деятельность.

Вред, причиняемый должностным лицом, в связи с коррупционным преступлением, может быть реальным, т. е. исчисляемым в денежном выражении или номинальным, не имеющим фактического проявления. Вне зависимости от внешнего проявления причиненного вреда, коррупционер посягает на деловую репутацию того субъекта управления, в котором осуществляется его служебная деятельность.

В понятиях коррупционных преступлений и (или) среди их признаков практически всеми авторами называются те или иные разновидности коррупционного поведения, свидетельствующие о «коррупционном» характере преступления. Таким коррупционным поведением, по мнению Ю. Г. Наумова, В. М. Хомича, является использование служебного положения и должностных (служебных) полномочий [9, с. 57; 18, с. 219].

С точки зрения криминалистики использование должностным лицом своего служебного положения и полномочий представляет собой главную составную часть способа совершения коррупционного преступления, определенным образом отражаемую в системе следов преступного деяния.

Важным признаком коррупционного преступления является незаконное получение специальным субъектом каких-либо преимуществ (имущества, права на него, услуг или льгот) [19, с. 26]. В реальной действительности данный признак имеет как материальный, так и нематериальный характер проявления, что, в свою очередь, указывает на целевую и мотивационную составляющую коррупционного деяния.

В зависимости от цели или мотива различают коррупционные преступления, ориентированные на личное обогащение и преследующие иные личные, узкогрупповые и корпоративные цели [9, с. 57]. Чаще все-

го в признаках коррупционных преступлений указывается на наличие корыстной или иной личной заинтересованности [18, с. 219] и это согласуется со ст. 3 Соглашения о сотрудничестве генеральных прокуратур (прокуратур) государств – участников СНГ в борьбе с коррупции.

С точки зрения криминалистики рассмотренный уголовно-правовой признак проявляется в виде конкретного материального образования, выполняющего в материальной структуре коррупционного преступления функцию предмета преступления, реже предмета преступного посягательства. Например, в структуре взяточничества предмет взятки является предметом преступления, что фактически отражает в реальности признак корыстной заинтересованности субъекта совершения коррупционного деяния.

Конвенции ООН и Совета Европы различают коррупционные деяния в виде подкупа и иные разновидности коррупционного поведения. На этой основе В. М. Хомич разделил коррупционные преступления на два типа: 1) коррупционные преступления, выражающиеся в использовании специальным субъектом своих служебных полномочий (или в других разновидностях коррупционного поведения) и 2) коррупционные преступления на основе соглашения специального субъекта с иными лицами [20, с. 55].

На основании вышеизложенного можно сделать следующие выводы.

Во-первых, в числе общих признаков коррупционных преступлений можно назвать следующие:

совершение деяния специальным субъектом;

наличие определенного объекта коррупционного посягательства, которому преступным деянием причиняется вред;

коррупционное поведение специального субъекта, использующего в преступных целях должностное положение и (или) служебные полномочия;

незаконное получение специальным субъектом каких-либо преимуществ (имущества, права на него, услуг или льгот), в результате совершенного преступления коррупционной направленности.

Во-вторых, проведенный криминалистический анализ, позволил указанные признаки, представить в виде конкретных материальных образований.

В-третьих, в структуре коррупционного преступления материальные образования, как проявления его уголовно-правовых признаков, выполняют функцию определенного материального элемента.

Список литературы

1. Соглашение о сотрудничестве генеральных прокуратур (прокуратур) государств-участников СНГ в борьбе с коррупцией от 25 апреля 2007 г. / URL: http://docs.cntd.ru/document/552253639 (дата обращения: 18.10.2020).

2. О борьбе с коррупцией: Закон Республики Беларусь от 15.07.2015 № 305-З. / URL: https://pravo.by/upload/docs/op/H11500305_1437598800.pdf (дата обращения: 18.10.2020).

3. Лопашенко Н. А. Проблемы уголовной ответственности за коррупционные преступления // Коррупция в органах власти: природа, меры противодействия, международное сотрудничество: Сб. ст. / Нижегородская акад. МВД России, Ин-т «Открытое общество» (Фонд Сороса – Россия), Фонд поддержки антикоррупционных инициатив (г. Н. Новгород); под ред. П. Н. Панченко, А. Ю. Чупровой, А. И. Мизерия. – Н. Новгород: Нижегородская акад. МВД России, 2001. С. 93–104.

4. Мирошниченко Д. В. Уголовно-правовое воздействие на коррупцию // М.: Юрлитинформ, 2010. 200 с.

5. Марьина Е. В. Коррупционные преступления: отраслевое и межотраслевое согласование норм: автореф.. . . .дис. канд. юрид. наук: 12.00.08 / Е. В. Марьина, Самарский гос. ун-т. Самара, 2010. 24 с.

6. Макаров С. Д. Характеристика коррупционных проявлений // Коррупция и экономические преступления: Сб. материалов семинара Совета Европы «Проблемы борьбы с коррупцией и преступлениями в сфере экономики», Красноярск, 19-20 окт. 1999 г. / Краснояр. гос. ун-т; под ред. А. Н. Тарбагаева. – Красноярск: Краснояр. гос. ун-т, 2000. С. 75–83.

7. Максимов В. К. Понятие коррупции (криминологический аспект) и меры ее предупреждения в государственном аппарате: автореф. . . . дис. канд. юрид. наук:

12.00.08 / В. К. Максимов; Всерос. науч.-исслед. Ин-т М-ва внутр. дел. Рос. Федерации. М., 2005. 31 с.

8. Хлус А. М. Субъектно-функциональный анализ при выявлении и раскрытии коррупционных преступлений // Проблемы управления. № 2 (68) 2018. С. 135–140.

9. Наумов Ю. Г. Коррупция и общество: теоретико-экономическое и прикладное исследование: монография // Владимир: ООО «Servis-Print», 2007. 140 с.

10. Симоненко А. Н. Предупреждение коррупционных преступлений при исполнении уголовных наказаний: автореф. ... дис. канд. юрид. наук: 12.00.08 / А. Н. Симоненко; Акад. права и управления Федер. Службы исполнения наказаний. Рязань, 2010. 24 с.

11. Басецкий И. И., Башан А. В. Коррупция: теория и практика противодействия: монография / Акад. МВД Республики Беларусь, Минск, 2005. 567 с.

12. Волженкин Б. В. Служебные преступления: комментарий законодательства и судебной практики // СППб.: ЮЮридЦентрПресс, 2005. 558 с.

13. Толковый словарь русского языка Д. Н. Ушакова / URL: https://slovar.cc/rus/ushakov/462768.html (дата обращения: 20.10.2020).

14. Толковый словарь С. И. Ожегова / URL: http://endic.ru/ozhegov/Upravlenie-37029.html (дата обращения: 20.10.2020).

15. Дубовицкий В. Н. Исполнительная власть в республике Беларусь: понятие и система органов / URL: https://law.bsu.by/pub/31/Dubovitski_1.pdf (дата обращения: 20.10.2020).

16. Особенности публичного управления в современной России: монография / [О. Г. Александров, Р. Р. Вафин, В. В. Запарий, Я. М. Злоченко и др.]; под общ. ред. проф. Т. М. Резер. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2018. 154 с.

17. Аппарат управления / URL: https://btimes.ru/dictionary/apparat-upravleniya (дата обращения: 20.10.2020).

18. Хомич В. М. О перечне коррупционных преступлений в Республике Беларусь // Тенденции развития современного права: теоретические и практические проблемы: Сб. стю по материалам Междунар. науч.-практ. конф., краснодар, 18 мая 2007 г.: в 3 т. / Рос. Акад. правосудия. – Краснодар, 2007. Т. 3. С. 216–222.

19. Стефанишин С. С. Предупреждение коррупционных преступлений в зарубежных странах: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / С. С. Стефанишин. – Москва, 2005. 194 с.

20. Коррупционная преступность: криминологическая характеристика и научно-практический комментарий к законодательству о борьбе с коррупцией / НПЦ Генеральной прокуратуры Респ. Беларусь; В. В. Асанова [и др.]; под общ. ред. В. М. Хомича. Минск, Тесей. 2008. 504 с.

References

1. Agreement on Cooperation of the Prosecutor General's Offices (Prosecutor's Offices) of the CIS member states in the fight against corruption dated April 25, 2007 / URL: http://docs.cntd.ru/document/552253639 (access date: October 18, 2020).

2. On the fight against corruption: Law of the Republic of Belarus dated 15.07.2015 No. 305-З. / URL: https://pravo.by/upload/docs/op/H11500305_1437598800.pdf (access date: October 18, 2020).

3. Lopashenko N. A. Problems of criminal responsibility for corruption crimes // Corruption in government: nature, countermeasures, international cooperation: Sat. Art. / Nizhny Novgorod Acad. The Ministry of Internal Affairs of Russia, the Open Society Institute (Soros Foundation - Russia), the Anti-Corruption Initiatives Support Fund (Nizhny Novgorod); ed. P. N. Panchenko, A. Yu. Chuprova, A. I. Mizeria. N. Novgorod: Nizhny Novgorod Academician. Ministry of Internal Affairs of Russia, 2001. Pp. 93-104.

4. Miroshnichenko D. V. Criminal and legal impact on corruption // M.: Jurlitinform, 2010. 200 p.

5. Maryina E. V. Corruption crimes: industry and intersectoral harmonization of norms: author. .... dis. Cand. jurid. Sciences: 12.00.08 / E. V. Maryina, Samara State. un-t. Samara, 2010. 24 p.

6. Makarov S. D. Characteristics of manifestations of corruption // Corruption and economic crimes: Sat. Materials of the Council of Europe Seminar "Problems of Combating Corruption and Crimes in the Sphere of the Economy Krasnoyarsk, 19-20 October. 1999 / Krasnoyar. state un-t; ed. A. N. Tarbagaeva. - Krasnoyarsk: Krasnoyar. state un-t, 2000. Pp. 75–83.

7. Maksimov V. K. The concept of corruption (criminological aspect) and measures of its prevention in the state apparatus: author. ... dis. Cand. jurid. Sciences: 12.00.08 / V. K.Maksimov; Vseros. scientific research. Inst M-va int. cases. Grew up. Federation. M., 2005. 31 p.

8. Khlus A. M. Subject-functional analysis in the identification and disclosure of corruption crimes // Problems of management. No. 2 (68) 2018. Pp. 135–140.

9. Naumov Yu. G. Corruption and society: theoretical, economic and applied research: monograph // Vladimir: Servis-Print LLC, 2007. 140 p.

10. Simonenko A. N. Prevention of corruption crimes in the execution of criminal punishments: author. ... dis. Cand. jurid. Sciences: 12.00.08 / A. N. Simonenko; Acad. law and management Feder. Penitentiary services. Ryazan, 2010. 24 p.

11. Basetskiy I. I., Bashan A. V. Corruption: theory and practice of counteraction: monograph / Acad. Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus, Minsk, 2005. 567 p.

12. Volzhenkin B. V. Office crimes: commentary on legislation and judicial practice // SPPb.: YYurid Centr Press, 2005. 558 p.

13. Explanatory dictionary of the Russian language by D. N. Ushakov / URL: https://slovar.cc/rus/ushakov/462768.html (date accessed: 20.10.2020).

14. Explanatory dictionary of S. I. Ozhegov / URL: http://endic.ru/ozhegov/Upravlenie-37029.html (access date: October 20, 2020).

15. Dubovitski V. N. Executive power in the Republic of Belarus: the concept and system of bodies / URL: https://law.bsu.by/pub/31/Dubovitski_1.pdf ((access date: October 20, 2020).

16. Features of public administration in modern Russia: monograph / [O. G. Aleksandrov, R. R. Vafin, V. V. Zapariy, Ya. M. Zlochenko and others]; under total. ed. prof. T. M. Reser. - Yekaterinburg: Ural Publishing House. University, 2018. 154 p.

17. Control apparatus / URL: https://btimes.ru/dictionary/apparat-upravleniya (access date: October 20, 2020).

18. Khomich V. M. On the list of corruption crimes in the Republic of Belarus // Trends in the development of modern law: theoretical and practical problems: Sat. stu based on materials of Mezhdunar. scientific-practical Conf., Krasnodar, May 18, 2007: in 3 volumes / Ros. Acad. justice. - Krasnodar, 2007. T. 3. Pp. 216–222.

19. Stephanishin S. S. Prevention of corruption crimes in foreign countries: dis. ... Cand. jurid. Sciences: 12.00.08 / S. S. Stefanishin. - Moscow, 2005. 194 p.

20. Corruption crime: criminological characteristics and scientific and practical commentary on the legislation on the fight against corruption / NPC of the General Prosecutor's Office of the Republic. Belarus; V. V. Asanova [and others]; under total. ed. V. M. Khomich. Minsk, Theseus. 2008. 504 p.

УДК/UDC 349.41

Возмещение убытков (выплата компенсации) при изменении градостроительной документации

Хмельков Никита Владимирович
студент магистратуры юридического факультета
Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина
г. Краснодар, Россия
e-mail: nik2557542@gmail.com

Аннотация

Обжалование в судебном порядке внесения изменений в Генеральный план крайне редко дает положительный результат, т. к. в соответствии с пп. «а» п. 28 Постановления Пленума Верховного суда Российской Федерации от 25.12.2018 № 50 «О практике рассмотрения судами дел об оспаривании нормативных правовых актов и актов, содержащих разъяснения законодательства и обладающих нормативными свойствами» судебная проверка целесообразности принимаемых нормативно-правовых актов в Российской Федерации является невозможной, поскольку как таковая противоречит принципу разделения властей. В настоящей статье подробным образом рассмотрена проблематика возмещения убытков при изменении градостроительной документации органами публичной власти, т. к. подобное возмещение является одним из наиболее распространенных инструментов, которые направлены на защиту прав правообладателей земельных участков при корректировке Генерального плана, а также правил землепользования и застройки.

Ключевые слова: возмещение убытков, земельный участок, градостроительный план, правила землепользования и застройки.

Purchase of a land plot as a mechanism for the protection of rights holders of land plots when changing town planning documentation

Khmelkov Nikita Vladimirovich
student in the master's programme of the Faculty of Law
Kuban State Agrarian University
Krasnodar, Russia
e-mail: nik2557542@gmail.com

Abstract

An appeal in court of amendments to the Master Plan rarely gives a positive result, since in accordance with the pop-up clause "a"of clause 28 of the Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of December 25, 2018 No. 50 "On the practice of court consideration of cases on challenging regulatory legal acts and acts, containing explanations of legislation and possessing regulatory properties ", judicial verification of the appropriateness of the adopted regulatory legal acts in the Russian Federation is impossible, since as such contradicts the principle of separation of powers. This article discusses in detail the problem of compensation for losses when changing urban planning documentation by public authorities, since such compensation is one of the most common tools that are aimed at protecting the rights of landowners when adjusting the Master Plan, as well as land use and development rules.

Key words: compensation for losses, land plot, town planning plan, land use and development rules.

Смоделируем следующую ситуацию: общество с ограниченной ответственностью приобрело в собственность земельный участок, который находится в территориальной зоне, по правилам землепользования и застройки (далее - ПЗЗ) допускающей создание торговых центров. Общество заинтересовано в создании торгового центра, и, желая построить его и ввести здание в эксплуатацию, начинает заключать различные договоры: на проведение инженерных изысканий, на проведение геодезических съемок и подобное.

Со временем в ПЗЗ вносятся изменения. Теперь зона, предполагающая строительство торговых центров, меняется на зону, которая предполагает только строительство плоскостных спортивных сооружений или же создание открытых городских пространств (скверов, парков, зон рекреаций). Осуществляя подобную корректировку, власть мотивирует это тем, что населению необходимо больше объектов спорта или же проявляет заботу об окружающей среде. Осуществление этого благого намерения приводит к тому, что частный субъект - собственник спорного земельного участка - несет расходы в виде реального ущерба (уже заключены некоторые договоры) и упущенной выгоды - общей невозможности реализации проекта.

Полагаем, что в подобных ситуациях причиненный ущерб подлежит возмещению в полном объеме. Однако особого внимания требует вопрос определения размера данных убытков, в т. ч. через призму сложившейся правоприменительной судебной практики, которая складывается не в пользу потенциальных застройщиков.

Так, в апелляционном определении Санкт-Петербургского городского суда от 21 марта 2019 г. № 33-6634/2019 по делу № 2-1486/2018 [1] правообладатели судебных участков пострадали от установления зон охраны объектов культурного наследия. В данном деле суды первой и апелляционной инстанций сделали два важных вывода:

1. Возмещение убытков, причиненных правомерными действиями органов публичной власти, возможно только в случае, если законом предусмотрены порядок и условия такого возмещения. В рассматриваемом деле суд указал на то, что даже норм Земельного кодекса Российской Федерации (далее - ЗК РФ) [2] недостаточно для того, чтобы соответствующие убытки были возмещены: если лицо претендует на возмещение убытков, связанных с установлением некоторых ограничений в области охраны памятников культуры, то, соответственно, Федеральный закон «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» от 25 июня 2002 г.

№ 73-ФЗ [3] непосредственно должен устанавливать положения, связанные с возмещением таких убытков.

2. Суд установил, по нашему мнению, чрезвычайно высокий стандарт добросовестности для лица, которое претендует на возмещение таких убытков. В частности, в решении суда первой инстанции указано на то, что в состав таких убытков не могут включаться расходы, которые лицо понесло до возникновения у него права собственности на земельный участок. Более того, суд указал на то, что в состав убытков не могут включаться расходы, которые истец понес после вступления в силу соответствующей скорректированной градостроительной документации, и расходы, которые лицо понесло на подключение планируемого к строительству объекта к инженерным сетям, поскольку они могут использоваться автономно.

Таким образом, мы получаем достаточно парадоксальную ситуацию, когда правообладатель земельного участка произвел инженерные изыскания, но при последующей невозможности строительства по вине публичных органов власти не имеет права компенсировать свои затраты [4].

Принимая во внимание изложенное, полагаем, что федеральное законодательство в части определения порядка и размера возмещаемых убытков при корректировке градостроительной документации (Генерального плана, ППЗ) требует усовершенствования, а именно:

1. В ч. 4 и 4.1 ст. 57 ЗК РФ необходимо указать на то, что основанием для возмещения убытков служат в т. ч. правомерные действия органов государственной власти, связанные с изменением градостроительной документации.
2. На уровне официального закона необходимо в большей степени дифференцировать виды возмещения убытков по их размеру и по порядку взыскания.
3. Установить на уровне закона стандарт добросовестности застройщика. Например, если застройщик знает о том, что плани-

руется внесение изменений в ППЗ, по результатам которых его строительный проект не может быть реализован, но не участвует в публичных процедурах (допустим, в процедурах публичных слушаний), не возражает против принятия проекта, то применение правил о последующем возмещении ущерба становится для такого застройщика недоступным.

Список литературы

1. Апелляционное определение Санкт-Петербургского городского суда от 21.03.2019 № 33-6634/2019 по делу № 2-1486/2018 // Санкт-Петербургский городской суд. URL: https://sankt-peterburgsky–spb.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=39236660&delo_id=5&new=5&text_number=1 (дата обращения: 12.10.2020).

2. Земельный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 25.10.2001 № 136-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2001. № 44. Ст. 4147.

3. Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации: Федеральный закон от 25.06.2002 № 73-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2002. № 26. Ст. 2519.

4. Колиева А. Э. Проблемы возмещения государством вреда, причиненного при отправлении правосудия // Вестник Северо-Осетинского государственного университета им. К. Л. Хетагурова. 2009. № 1. С. 93–98.

References

1. Appeal ruling of the St. Petersburg City Court dated March 21, 2019 No. 33-6634 / 2019 in case No. 2-1486 / 2018 // St. Petersburg City Court. URL: https://sankt-peterburgsky–spb.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=39236660&delo_id=5&new=5&text_number=1 (access date: October, 12, 2020).

2. The Land Code of the Russian Federation: Federal Law of 25.10.2001 No. 136-FZ // Collection of the Legislation of the Russian Federation. 2001. No. 44. Art. 4147.

3. On objects of cultural heritage (monuments of history and culture) of the peoples of the Russian Federation: Federal Law of 25.06.2002 No. 73-FZ // Collection of the Legislation of the Russian Federation. 2002. No. 26. Art. 2519.

4. Kolieva A. E. Problems of compensation by the state for harm caused during the administration of justice // Bulletin of the North Ossetian State University named after K. L. Khetagurov. 2009, No. 1. Pp. 93-98.

УДК/UDC 349.41

Выкуп земельного участка как механизм защиты правообладателей земельных участков при изменении градостроительной документации

Хмельков Никита Владимирович
студент магистратуры юридического факультета
Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина
г. Краснодар, Россия
e-mail: nik2557542@gmail.com

Аннотация

Значение градостроительной документации в настоящее время чрезвычайно высоко. Австрийский административист Карл Лэйтхольд говорил о том, что чем теснее живет население, тем больше необходимость регулировать публичным строительным правом отношения, которые при более простом укладе жизни отлично регулировались бы правом гражданским. Таким образом, градостроительная документация как то, что непосредственно определяет технико-экономические показатели объектов, которые могут быть размещены на земельных участках, во многом определяет их стоимость, иногда даже больше, чем пространственные характеристики этих земельных участков. В настоящей статье рассматривается возможность выкупа земельного участка как один из эффективных механизмов защиты правообладателей земельных участков в случае изменения градостроительной документации органами государственной власти, анализируется соответствующая нормативная база и сложившаяся судебная практика по данному вопросу.

Ключевые слова: земельный участок, градостроительный план, правила землепользования и застройки.

Purchase of a land plot as a mechanism for the protection of rights holders of land plots when changing town planning documentation

Khmelkov Nikita Vladimirovich
student in the master's programme of the Faculty of Law
Kuban State Agrarian University
Krasnodar, Russia
e-mail: nik2557542@gmail.com

Abstract

The importance of urban planning documentation is currently extremely high. The Austrian administrativeist Karl Leithold said that the closer the population lives, the greater the need to regulate relations with public building law, which, in a simpler way of life, would be perfectly regulated by civil law. Thus, urban planning documentation, as something that directly determines the technical and economic indicators of objects that can be located on land plots, largely determines their value, sometimes even more than the spatial characteristics of these land plots. This article analyzes the possibility of redemption of a land plot as one of the effective mechanisms for protecting land owners in the event of a change in urban planning documentation by state authorities, analyzes the relevant regulatory framework and the established judicial practice on this issue.

Key words: land plot, town planning plan, land use and development rules.

Территориальное зонирование во многом определяет стоимость земельного участка, поскольку от него зависит установление вида разрешенного использования данного участка. Например, мы можем иметь большой земельный участок ровной геометрической формы, но разрешенное использование его не предполагает строительство жилья, а допускает только выращивание сельскохозяйственных культур. В то же время мы можем иметь небольшой по площади, изрезанный земельный участок, допускающий строительство жилья. В таком случае, скорее всего, второй земельный участок будет стоить дороже [1].

Рассмотрим следующую модельную ситуацию. Лицо имеет в собственности земельный участок. Граждане требуют создания новых городских пространств, публичная власть учитывает данные требования и перезонирует участок. После внесения изменений в градостроительный план на земельном участке, где можно было строить жилье, теперь возможно создавать только открытые городские пространства и осуществлять комплексное благоустройство. Если лицо в дальнейшем будет использовать данный земельный участок не по назначению, то произойдет его принудительное изъятие [2]. Однако возникает вопрос: должна ли публичная власть при такой ситуации изымать у «пострадавшего» собственника земельный участок по аналогии с нормами, действующими при изъятии земельного участка для публичных нужд?

Полагаем, что этот вопрос связан с теорией, которая в американском праве называется принципом Армстронга, а в германском праве известна как теория особой жертвы Майера, согласно которой одно лицо не должно нести все расходы, которые падают на его сторону, по причине реализации какого-либо общественного мероприятия. Иными словами, если власть заинтересована в создании нового сквера или парка, то почему бы ей не выкупить у лица земельный участок за бюджетные деньги, которые формируются в т. ч. от налоговых поступлений. Тогда отпадет необходимость лишать его права на данный земельный участок бесплатно.

Впервые возможность указанного выкупа была признана в Постановлении Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации № 136/13 от 18.06.2013 г. по делу с участием ООО «Голден Чериот Самара» [3].

Фабула дела следующая: Общество приобрело земельный участок, который располагался в территориальной зоне С1 - зоне, предполагающей размещение общественных деловых зданий. В результате корректировки, внесения изменений в правила землепользования и застройки (далее - ППЗ) на данном земельном была установлена в последующем территориальная зона Р2 - зона размещения парков, бульваров и набе-

режных, которая строительство никаких общественных деловых центров не предполагает.

Общество обратилось в суд, желая защитить свои права. Надзорная инстанция - Президиум Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации - по результатам рассмотрения жалобы делает вывод: если в результате внесения изменений в градостроительную документацию (в данном деле это были ППЗ) объем ограничений права собственности существенно увеличился по сравнению с тем, который был раньше, то собственник земельного участка не лишен права требования его выкупа по аналогии с п. 7 ст. 23 Земельного кодекса Российской Федерации [4] (далее - ЗК РФ).

Указанный п. 7 ст. 23 ЗК РФ содержал в себе правило, в соответствии с которым в случае, если объем ограничений права собственности в результате установления сервитута существенно увеличился, собственник земельного участка не лишен права требовать у него выкупа земельного участка или предоставления ему аналогичного земельного участка. Однако, к сожалению, данная норма права действовала до 1 апреля 2015 г.

В дальнейшем 1 сентября 2018 г. вступил в силу Федеральный закон от 3 августа 2018 г. № 341-ФЗ «О внесении изменений в Земельный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части упрощения размещения линейных объектов» [5], который дополнил ЗК РФ важным положением о публичных сервитутах, изложенном в п. 1 ст. 39.48, а именно: в случае если использование земельного участка стало невозможно или существенно затруднено в срок, отведенный для установления этого самого публичного сервитута, то собственник земельного участка вправе требовать выкупа данного участка.

Таким образом, мы считаем, что положение ст. 39.48 ЗК РФ, практически аналогичное ранее существовавшему п. 7 ст. 23 ЗК РФ, может быть применено в судебной практике при корректировке документов территориального планирования градостроительного зонирования для по-

следующего выкупа земельного участка у собственника, право собственности которого на распоряжение своим земельным участком значительно ограничилось вследствие такой корректировки.

Список литературы

1. Гринь Е. А. Некоторые вопросы правового регулирования изъятия земельных участков для государственных или муниципальных нужд // Научные проблемы гуманитарных исследований. 2011. № 7. С. 205–216.

2. Гринь Е. А. Принудительное изъятие земельного участка вследствие его ненадлежащего использования. // Власть Закона. 2013. № 1 (13). С. 66–75.

3. Постановление Президиума ВАС РФ от 18.06.2013 № 136/13 по делу № А55-23145/2010 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: https://sudact.ru/arbitral/doc/i1dgwg807T6/ (дата обращения: 14.09.2020).

4. Земельный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 25.10.2001 № 136-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2001. № 44. Ст. 4147.

5. О внесении изменений в Земельный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части упрощения размещения линейных объектов: Федеральный закон от 03.08.2018 № 341-ФЗ // Российская газета. № 172 (7635). 03.08.2018.

References

1. Grin E. A. Some issues of legal regulation of seizure of land plots for state or municipal needs // Scientific problems of humanitarian research. 2011. No. 7. Pp. 205-216.

2. Grin E. A. Forced withdrawal of a land plot due to its improper use. // The rule of law. 2013. No. 1 (13). Pp. 66-75.

3. Resolution of the Presidium of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation of 06/18/2013 No. 136/13 on case No. A55-23145 / 2010 // Judicial and regulatory acts of the Russian Federation. URL: https://sudact.ru/arbitral/doc/i1dgwg807T6/ (access date: September 14, 2020).

4. The Land Code of the Russian Federation: Federal Law of 25.10.2001 No. 136-FZ // Collection of the Legislation of the Russian Federation. 2001. No. 44. Art. 4147.

5. On amendments to the RF Labor Code and certain legislative acts of the RF in terms of simplifying the placement of linear facilities: Federal Law No. 341-FZ dated 03.08.2018 // Rossiyskaya Gazeta. No. 172 (7635). 2018.

УДК/UDC 349.41

Эстоппель зонирования как механизм защиты правообладателей земельных участков при изменении градостроительной документации

Хмельков Никита Владимирович
студент магистратуры юридического факультета
Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина
г. Краснодар, Россия
e-mail: nik2557542@gmail.com

Аннотация

Существует отечественная судебная практика, которая, вторя практике Европейского суда по правам человека с его доктриной «поля усмотрения», устанавливает, что в таких сложных сферах, как градостроительство и городское планирование, публичная власть обладает большей степенью дискреции (свободы усмотрения), чем при регулировании исключительно гражданских прав. Возмещение убытков при изменении градостроительной документации является одним из инструментов, которые обеспечивают защиту правообладателей земельных участков при корректировке градостроительной документации, однако не всегда позволяет эффективно защитить права собственников. В настоящей статье рассматриваются возможность и перспективы введения в правовую систему Российской Федерации института эстоппеля зонирования в публичном праве. Подробным образом раскрыты условия, которые необходимо соблюсти для реализации данного принципа при обращении за судебной защитой.

Ключевые слова: эстоппель зонирования, земельный участок, градостроительный план, правила землепользования и застройки.

Estoppel zoning as a mechanism for the protection of land owners when changing urban planning documentation

Khmelkov Nikita Vladimirovich
student in the master's programme of the Faculty of Law
Kuban State Agrarian University
Krasnodar, Russia
e-mail: nik2557542@gmail.com

Abstract

There is domestic jurisprudence, which, echoing the practice of the European Court of Human Rights with its theory of "margin of appreciation establishes that in such complex areas as urban planning and urban planning, the public authority has a greater degree of discretion (discretion) than when regulating exclusively civil rights. Compensation for losses in case of changes in urban planning documentation is one of the tools that ensure the protection of the owners of land plots when adjusting urban planning documentation, but it does not always allow to effectively protect the rights of owners. In this article, the author examines the possibility and prospects of introducing the institute of estoppel zoning in public law into the legal system of the Russian Federation. The conditions that must be met to implement this principle when applying for judicial protection are disclosed in detail.

Key words: estoppel zoning, town planning plan, land use and development rules.

В США, на родине института правил землепользования и застройки (далее - ППЗ), градостроительного зонирования, в качестве своеобразной альтернативы взысканию убытков при корректировке градостроительной документации широко применяется институт, получивший название эстоппель зонирования.

Сущность указанного института предполагает, что правообладатель земельного участка - застройщик, добросовестно полагающийся на существующее зонирование территории, выданное разрешение на строительство и иную градостроительную документацию, должен чувствовать

себя защищенным при изменении этой самой документации, обладая возможностью реализовать принадлежащие ему права [1].

Необходимым и достаточным условием реализации данной доктрины является добросовестность застройщика. Например, если застройщик знает о том, что планируется внесение изменений в ППЗ, в результате которых его строительный проект не может быть реализован, но не участвует в публичных процедурах (в частности, в процедурах публичных слушаний), не возражает против принятия проекта, то применение доктрины эстоппеля зонирования становится для такого застройщика недоступным.

Кроме того, если застройщик в принципе ненадлежащим образом использует земельный участок, в нарушение ППЗ (в т. ч. вида разрешенного использования), то данный земельный участок подлежит принудительному изъятию по требованию компетентных органов государственной власти [2].

Если застройщик хочет защищать свои права с помощью данной доктрины, то необходимо вычленить такое необходимое условие ее применения, как действие или бездействие правительства, которое может происходить в различных формах. Например, в форме корректировки градостроительной документации, которая не позволит использовать земельный участок в соответствии с раннее наличествующими планами застройщика.

Или, например, бездействие выразится в виде невозможности публичной власти обнаружить свою ошибку уже на стадии подготовки документации и сообщить об этом застройщику. Представим себе ситуацию, когда публичная власть на основании существующего Генерального плана и ППЗ утвердила проект планировки, который, как потом выяснилось, противоречит существующему зонированию. Применяя доктрину эстоппеля зонирования, застройщик мог бы продолжить освоение принадлежащей ему территории в соответствии с этим самым проектом планировки, несмотря на то, что он фактически противоречит Генеральному плану.

Третий интересный случай действия или бездействия со стороны правительства - это гарантирование чиновниками того, что необходимая документация будет принята и не будет отменена. Представим себе ситуацию, когда на уровне субъекта Российской Федерации - Краснодарского края или г. Краснодара - местные представители публичной власти дают гарантии того, что градостроительная документация не требует согласования с федеральным министерством, отвечающим за охрану объектов культурного наследия. В последующем оказывается, что данное согласование требуется, и обнародуется позиция министерства по этому вопросу. В таком случае, когда застройщик добросовестно полагался на некие гарантии со стороны публичной власти, доктрина эстоппель зонирования должна быть для него доступной.

Еще одним условием применения данной доктрины является наличие обоснованного доверия. Так, ожидания застройщика того, что градостроительная документация не будет своевольно изменена органами государственной власти, должны быть чем-то подкреплены, обоснованы. Например, определенными инвестициями в проект, закупкой материалов, осуществлением подготовительных работ.

Таким образом, считаем, что в отечественное законодательство необходимо включить институт эстоппель зонирования, поскольку в Российской Федерации он найдет широкое применение. Необходимым будет являться включение в Земельный кодекс Российской Федерации положений, устанавливающих для применения эстоппеля зонирования:

1) условия добросовестности застройщика,
2) виды действия или бездействия органов публичной власти,
3) возможность применения такого заверения об обстоятельствах в качестве гарантии обоснованного доверия.

Список литературы

1. Гринь Е. А. Некоторые вопросы правового регулирования изъятия земельных участков для государственных или муниципальных нужд // Научные проблемы гуманитарных исследований. 2011. № 7. С. 205–216.

2. Гринь Е. А. Принудительное изъятие земельного участка вследствие его ненадлежащего использования. // Власть Закона. 2013. № 1 (13). С. 66–75.

Список литературы

1. Grin E. A. Some issues of legal regulation of seizure of land plots for state or municipal needs // Scientific problems of humanitarian research. 2011. No. 7. Pp. 205-216.

2. Grin E. A. Forced withdrawal of a land plot due to its improper use. // The rule of law. 2013. No. 1 (13). Pp. 66-75

УДК/UDC 343.98

О совершенствовании правового статуса и правовой защиты лиц, оказывающих содействие оперативно-розыскным органам

Яковец Евгений Николаевич
доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, ведущий научный сотрудник
Центр исследования проблем российского права «Эквитас»,
г. Москва, Россия
e-mail: koshka997@mail.ru
SPIN-код: 8190-5220
AuthorID: 524115

Аннотация

В данной статье рассматриваются проблемы, связанные с совершенствованием правового статуса лиц, которые оказывают содействие оперативно-розыскным органам, и анализируется состояние их правовой защиты. Констатируется декларативное содержание многих положений оперативно-розыскного законодательства, определяющих правовой статус конфидентов. Как известно, в Законе отсутствует стройная система норм, регламентирующих права и обязанности последних. Это не позволяет урегулировать все стороны правоотношений, возникающих между конфидентами и оперативно-розыскными органами. Для цивилизованного правового государства это недопустимо. Использование спецслужбами и полицией негласной помощи граждан должно быть чётко определено на законодательном уровне. В особой мере это касается положений, связанных с обеспечением безопасности последних в ситуациях, когда, во-первых, расшифрованные конфиденты вынуждены давать официальные показания в ходе следствия; во-вторых, когда они вовлекаются в уголовный процесс как соучастники преступной деятельности освещаемых ими лиц. Для формирования превентивных мер, связанных с защитой конфидентов, российскому законодателю крайне важно обратить внимание на имеющийся зарубежный опыт правового регулирования борьбы с организованной преступностью.

Ключевые слова: оперативно-розыскная деятельность; конфиденты; правовой статус; содействие; сотрудничество; контракт; социальная и правовая защита; государственная защита; мнимое соучастие.

About improvement of the legal status and legal protection of the persons rendering assistance to operational search authorities

Yakovets Evgeny Nikolaevich
doctor of law, Professor, Honored lawyer of the Russian Federation
Leading researcher
Center for research on Russian law "Equitas
Moscow, Russia
e-mail: koshka997@mail.ru
SPIN code: 8190-5220
AuthorID: 524115

Abstract

This article discusses the problems associated with improving the legal status of persons who provide assistance to operational search agencies, and analyzes the state of their legal protection. The declarative content of many provisions of the operational-search legislation defining the legal status of confidants is stated. As you know, the Law does not have a coherent system of rules governing the rights and obligations of the latter. This does not allow us to settle all sides of legal relations that arise between confidants and operational search authorities. This is unacceptable for a civilized state governed by the rule of law. The use of secret assistance by the security services and the police should be clearly defined at the legislative level. This is especially true for provisions related to ensuring the security of the latter in situations where, first, decrypted confidants are forced to give official testimony during the investigation; secondly, when they are involved in criminal proceedings as accomplices in the criminal activities of the persons they cover. In order to develop preventive measures related to the protection of confidential information, it is extremely important for the Russian legislator to pay attention to the existing foreign experience in legal regulation of the fight against organized crime.

Key words: operational search activity; confidants; legal status; assistance; cooperation; contract; social and legal protection; state protection; alleged complicity.

В своё время известный советский и российский учёный-правовед, профессор И. И. Карпец отметил следующее: «. . . Мировой опыт борьбы с преступностью показывает, что без агентуры эффективная борьба с

ней просто невозможна. Сколько бы ни были умелы и активны сыщики, осуществляющие так называемый личный сыск, где огромное значение имеет личная подвижность и смекалка, умение, находясь в массе людей, видеть и слышать то, что не видят и не слышат другие, умение анализировать увиденное и услышанное, принимать немедленно необходимые решения, – они не смогут проникнуть в замыслы, вынашиваемые хорошо законспирированными, сплочёнными преступными группами, не смогут предупредить или раскрыть преступление, если не будут иметь агентуру, способную помочь... «изнутри», знать, что замышляют преступники» [1].

Согласно мнению авторов учебника «Теория оперативно-розыскной деятельности» под редакцией К. К. Горяинова и В. С. Овчинского, в основе агентурного метода лежит содействие граждан оперативно-розыскных органов (ОРО), под которым следует понимать осознанное волевое поведение лиц, заключающееся в получении оперативно значимой информации и передаче её представителю ОРО, или осуществление конкретных действий по решению оперативно-розыскных задач борьбы с преступностью по инициативе ОРО при условии доверительности и, в случае необходимости, – конспиративности отношений [2].

Как отмечают некоторые другие авторы, агенты или конфиденты, речь в данной статье пойдёт именно о них, – это физические лица, которые вступили в порядке, предусмотренном оперативно-розыскным законодательством, в отношения тайного сотрудничества с оперативно-розыскным органом для оказания содействия в решении борьбы с преступностью [3]. В этой связи не вполне убедительным выглядит утверждение профессора А. Ю. Шумилова о том, что конфидентами являются агенты, штатные негласные оперативные сотрудники, осуществляющие ОРД и др. [4]. Как справедливо отмечает профессор К. М. Лобзов, субъектом агентурного метода может являться только агент, но не оперативный сотрудник [5].

Профессор Ю. М. Антонян подчёркивает, что благодаря агентурному методу становится возможным получение сведений о «противнике»,

достижение целей выявления, предотвращения и раскрытия преступлений, документирования преступных действий. По мнению указанного учёного, важнейшим моментом в ходе этого процесса является мотивация деятельности конфидента. Мотивы оказания содействия оперативно-розыскным органам могут быть различными: корысть, поиск острых ощущений (желание принять участие в игре), страх перед уголовной ответственностью, желание отомстить своим недоброжелателям, наконец, наиболее важный мотив – искреннее желание принять участие в борьбе с преступностью [6].

Определяя правовой статус лиц, оказывающих содействие органам, осуществляющим ОРД в современных условиях, следует в первую очередь остановиться на изучении их прав и обязанностей. Специфика правового статуса конфидента в значительной мере определяется возложенными на него обязанностями и характером тех полномочий, которыми он наделён как субъект правоотношений. Как известно, в правах и обязанностях субъектов правоотношений сочетаются не только образцы и стандарты поведения, которые государство считает обязательными, полезными, целесообразными для нормальной деятельности социальной системы, но и основные принципы взаимоотношений государства и личности.

Как известно, в ст. 17 Федерального закона от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» [7] (далее – ФЗ об ОРД) отмечается, что отдельные лица могут с их согласия привлекаться к подготовке или проведению оперативно-розыскных мероприятий с сохранением по их желанию конфиденциальности содействия органам, осуществляющим ОРД, в том числе по контракту. Однако сам правовой статус (обязанности) конфидента законодатель изложил весьма приблизительно, ограничившись лишь общими фразами относительно правомерности выполнения указанными лицами общественного долга или возложенных на них обязанностей (ст. 18 ФЗ об ОРД), необходимостью сохранять в тайне сведения, ставшие им известными в ходе подготовки или проведения оперативно-розыскных мероприятий, а также неправомерно-

сти предоставления заведомо ложной информации указанным органам (ст. 17 ФЗ об ОРД).

В аналогичной декларативной форме прописаны и права конфидента на негласность его действий при выполнении общественного долга (ст. 12), на получение материальных компенсаций (вознаграждения и других выплат) за выполненную работу (ст. 18), на участие в подготовке и проведении оперативно-розыскных мероприятий (ст. 17), на физическую и иную защиту последнего, его семьи и близких при наступлении негативных последствий (ст. 12), на выбор формы оказания содействия (ст. 17), а также на освобождение от уголовной ответственности при выполнении определенных условий, предусмотренных федеральным законодательством (ст. 18).

В ч. 2 ст. 2 Федерального закона от 20 августа 2004 г. № 119-ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» [8] (далее – Федеральный закон о госзащите потерпевших) столь же неопределённо говорится о мерах государственной защиты в отношении лиц, «способствующих предупреждению или раскрытию преступления», под которыми едва угадываются и конфиденты.

Представляется, что подобное поверхностное закрепление правового статуса последних не позволяет осветить все стороны правоотношений, возникающих при реализации конфиденциального содействия. Как справедливо отмечает В. А. Ануфриев, «в жизни нередко встречаются примеры ложно понятого или присвоенного статуса. Если этот статус понимается неверно, то человек ориентируется на чуждые образцы поведения» [9].

Таким образом, следует констатировать, что в оперативно-розыскном законодательстве отсутствует стройная система норм, регулирующих содействие граждан органам, осуществляющим ОРД, четко определяющих их правовой статус. Нельзя оставить без внимания и тот факт, что ФЗ об ОРД не определяет содержание понятия «содействия». Более того, в отдельных положениях данного Закона, раскрывающих

содержание «содействия», использован термин «сотрудничество», также без детализации его содержания. Проанализировав эти положения, можно предположить, что в ФЗ об ОРД понятия «содействие» и «сотрудничество» не разграничиваются либо отожествляются (см., напр.: п. 2 ч. 1 ст. 15).

Анализ специальной литературы позволяет сделать вывод о том, что в настоящее время и среди учёных нет единства мнений по поводу того, что же собой представляет понятие «содействие». Так, профессор Н. С. Железняк отмечает, что содействие граждан оперативным подразделениям с позиции его документального оформления выступает в двух формах: содействие на бесконтрактной основе и сотрудничество с заключением контракта. Причём, в Законе отсутствует чёткое разграничение используемой для описания рассматриваемой сферы деятельности терминологии. Данный автор предлагает осуществлять градацию форм содействия граждан оперативным подразделениям на основе их семантического содержания, а также уровня документального закрепления и определяет, что содействие следует понимать как оказание помощи при наличии устной договоренности, а сотрудничество – как партнерские отношения с заключением контракта [10]. Таким образом, можно отметить, что понятие «содействие» шире понятия «сотрудничество», причём, обязательными признаками последнего являются совершеннолетие и дееспособность лица, предполагающего сотрудничать с оперативно-розыскным органом, а также наличие на этот счёт заключённого между ними контракта.

Е. А. Васьковская также полагает, что термин «содействие» охватывает более широкое понятийное поле, чем термин «сотрудничество» [11]. С ней солидарны Д. А. Бражников и А. Ю. Сыпачёв, которые в свою очередь, обращают внимание на то, что некоторые учёные отожествляют указанные понятия либо не учитывают их различия, в результате чего ими могут формулироваться неверные выводы и небесспорные положения [12].

Анализ точек зрения различных авторов на этот счёт можно было бы продолжить, но уже и тех, которые приведены выше, вполне достаточно для формулирования вывода о неоднозначности позиций учёных относительно понятия «содействие». Эти разногласия, в свою очередь, обусловлены непоследовательностью законодателя.

Подобная правовая неопределённость свидетельствует не только о наличии существенных противоречий внутри самой теории ОРД, но и о различных подходах к обеспечению социально-правовой защиты конфидентов, оказывающих содействие на бесконтрактной основе и сотрудничающих с ОРО по контракту. Как обоснованно отмечает Ю. В. Даровских, изучая проблемы правового регулирования статуса конфидентов, оказывающих содействие оперативным подразделениям, законодатель, «раздавая» свои гарантии социальной и правовой защиты таких лиц, сделал это не в равной степени одинаково и вряд ли справедливо по отношению ко всем оказывающим содействие лицам [13]. Данный автор подчеркивает, что любая категория этих лиц крайне важна в механизме борьбы с преступностью, однако, такой вывод вряд ли можно сделать, исходя из содержания ФЗ об ОРД. Рассматривая социальную и правовую защиту граждан, оказывающих содействие органам, осуществляющим ОРД, он приходит к выводу о том, что большинство положений указанного закона применимы исключительно к лицам, оказывающим содействие по контракту, то есть сотрудничающих с оперативно-розыскными органами. Аналогичного мнения придерживаются и некоторые другие специалисты [14, 15].

Кстати, С. В. Луговик и Н. В. Павличенко предлагают заключать с лицами, оказывающими конфиденциальное содействие на постоянной основе и получающими за это ежемесячное вознаграждение, не контракты, а трудовые договоры. Именно на эту категорию конфидентов распространяется действие ч. 6 ст. 18 ФЗ об ОРД и соответствующих ведомственных нормативных правовых актов [16, 17] в части зачёта периода сотрудничества с органами, осуществляющими ОРД, в качестве основного рода занятий в трудовой стаж [18].

Обращает на себя внимание и тот факт, что законодатель не определяет формы, виды и категории содействия (гласного, негласного, анонимного и т.д.). Поэтому не вполне понятно, из каких источников индивидуум может черпать информацию относительно реализации своих прав и обязанностей, вытекающих из оказания им помощи оперативно-розыскным органам. Содержание положений ФЗ об ОРД на эти вопросы исчерпывающих ответов не даёт, а возможность ознакомления с соответствующими положениями ведомственных нормативных правовых актов органов, осуществляющих ОРД, по понятным причинам у него отсутствует.

Принципиально важно, чтобы в цивилизованном правовом государстве использование спецслужбами и полицией конфидентов было регламентировано именно законом или иным характерным для его правовой системы нормативным актом, защищающим интересы негласных помощников, которые часто с риском для жизни активно участвуют в борьбе с опасными преступлениями и деятельностью иностранных разведок [19].

Профессор Н. В. Павличенко справедливо подчеркивает, что поверхностное закрепление правового статуса лиц, которые привлекаются к содействию с органами, осуществляющими ОРД, не позволяет осветить все стороны возникающих при этом правоотношений. В качестве основных причин этого он называет следующие. Во-первых, вопросы правового положения конфидента целиком оказались в плену предубеждений, свойственных ведомственной правовой регламентации ОРД, в связи с чем до настоящего времени ни на законодательном, ни на ведомственном уровнях, не удалось добиться стабильности и преемственности нормативных предписаний. Во-вторых, на данный момент усматривается ведомственная изолированность нормативных положений, их отрыв от совокупности правовых и социальных гарантий, установленных обществом для своих граждан, которые оказывают содействие органам, осуществляющим ОРД. Выход из этой ситуации указанному автору видится

опять же в детальной регламентации прав и обязанностей конфидентов на законодательном уровне [20].

С. М. Лугович и А. Г. Евтин, как и предыдущий автор, предлагают в связи с этим закрепить в ФЗ об ОРД положения, раскрывающие формы, виды, а также содержание понятий «содействие» и «сотрудничество», и наряду с этим – вопросы, касающиеся правового положения лиц, оказывающих содействие оперативно-розыскным органам. Однако, по их мнению, следует учесть, что подробная правовая регламентация вопросов организации и тактики работы с лицами, оказывающими содействие субъектам ОРД, а также получения, проверки и использования полученной от них информации, является прерогативой оперативно-розыскных органов, и должна осуществляться в рамках соответствующих предписаний ведомственных нормативных правовых актов носящих закрытый характер [21].

Ещё раз следует подчеркнуть, что лица, оказывающие содействие органам, осуществляющим ОРД, – важнейшее звено в реализации целей и задач профессионального сыска. В дореволюционный период, например, оперативным работникам предписывалось дорожить секретными сотрудниками, беречь их и в буквальном смысле этого слова «ухаживать» за ними. Если такой сотрудник попадал в беду – «проваливался», то его прятали и, выдавая нелегальный паспорт, заранее прописанный в полицейском участке, как правило, направляли за границу. В Инструкции по организации и ведению внутреннего (агентурного) наблюдения на этот счёт говорилось следующее: «На обязанности лица, ведающего политическим розыском, лежит прежде всего приобретение и сбережение внутренней секретной агентуры – единственного вполне надёжного средства, обеспечивающего осведомленность. На приобретение и сбережение внутренней агентуры должны быть направлены все усилия лица, ведающего розыском» [22].

Весьма актуальными эти положения остаются и в наши дни, в связи с чем целесообразно обратить на них особое внимание. Правовые гарантии безопасности конфидентов, в первую очередь, основываются

на положениях, регламентированных ст. 18 (Социальная и правовая защита граждан, содействующим органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность) ФЗ об ОРД и ст. 19 (Лица, содействующие органам федеральной службы безопасности) Федерального закона от 3 апреля 1995 г. № 40-ФЗ «О федеральной службе безопасности» (Далее – ФЗ о ФСБ) [23].

Кроме этого в ч. 7 ст. 18 ФЗ об ОРД говорится о том, что «в целях обеспечения безопасности лиц, сотрудничающих с органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, и членов их семей допускается проведение специальных мероприятий по их защите в порядке, определяемом законодательными и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации».

Следует помнить, что конфидент, реализуя свои функции, постоянно сталкивается с опасностью разоблачения, риском получить пулю или удар ножом, возможностью быть вовлечённым в преступную деятельность и понести за это уголовное наказание, а также другими негативными обстоятельствами. Постоянная работа в условиях стресса накладывает на психику и физиологическое функционирование организма человека неизгладимый след: появляются беспокойство, страх; нередко наступает расстройство психического здоровья, желудочно-кишечного тракта (боль, кровотечения, язва и др.). У некоторых индивидуумов тайный характер работы, постоянная боязнь расшифровки способствуют возникновению чрезвычайной подозрительности, враждебности, страха и беспокойства [24]. Поэтому ОРО должны осуществлять постоянный анализ морально-психологического состояния лиц, оказывающих им содействие, и строго следить за соблюдением конспирации в их работе. При возникновении даже гипотетической угрозы расшифровки последних, а также совершения противоправных посягательств на жизнь, здоровье, имущество этих людей или их близких сотрудники ОРО обязаны принимать все необходимые меры по локализации опасности, установлению виновных в совершении подобных деяний и привлечению их к ответственности в соответствии с законодательством Российской Федерации. Это может

быть достигнуто за счёт принятия необходимых оперативно-розыскных, уголовно-процессуальных и иных экстренных мер. Неотвратимость наказания виновных за подобные преступления – важнейший элемент обеспечения дальнейшей успешной работы субъектов ОРД.

Существует целый перечень правовых мер, связанных с обеспечением безопасности конфидентов. Так, в соответствии с положениями п. 5 ст. 15 ФЗ об ОРД использование в целях конспирации документов, зашифровывающих личность физических лиц при осуществлении ОРД, распространяется и на граждан, которые оказывают конфиденциальное содействие ОРО. Аналогичные положения содержатся и в п. «в» ч. 2 ст. 19 ФЗ о ФСБ.

Как известно, составляющие государственную тайну материалы, содержащие сведения о конфидентах, не могут быть представлены по требованию судьи, рассматривающего дело по жалобе лица, которое полагает, что действия оперативного подразделения, осуществляющего ОРД, привели к ограничению его прав и свобод (чч. 2–4 ст. 5 Федерального закона об ОРД).

Согласно ч. 4 ст. 19 ФЗ о ФСБ, сведения о лицах, оказывающих или оказывавших органам федеральной службы безопасности содействие на конфиденциальной основе, составляют государственную тайну и могут быть преданы гласности только с письменного согласия этих лиц и в случаях, предусмотренных федеральными законами. Об этом же говорится и в ч. 1 ст. 12 ФЗ об ОРД. Согласно положениям ст. 21 этого же Закона подобные сведения не могут быть представлены и прокурору, осуществляющему надзор за законностью оперативно-розыскной деятельности. Он может их получить только с письменного согласия указанных лиц, за исключением случаев, требующих привлечения последних к уголовной ответственности. Сами же прокуроры, осуществляющие надзор за законностью ОРД, наряду с прочими функциями, в соответствии с ч. 4 данной статьи обязаны обеспечивать защиту сведений, содержащихся в представленных им документах и материалах. О том, что сведения о лицах, оказывающих или оказывавших органам федеральной службы

безопасности содействие на конфиденциальной основе, в предмет прокурорского надзора не входят, говорится и в ч. 2 ст. 24 ФЗ о ФСБ.

Разглашение сведений о лицах, содействующих органам, которые осуществляют ОРД, недопустимо и при рассекречивании результатов ОРД. Оперативно-служебные материалы, содержащие информацию, которая получена с помощью конфидентов, не может быть приобщена к уголовным и другим несекретным делам. Должностные лица органов, осуществляющих ОРД, которые непосредственно сотрудничают с гражданами на негласной основе, а также все прочие должностные лица, которым известны такие факты, обязаны обеспечивать их безопасность. Следует напомнить, что в случае нарушения этих требований последние должны нести строгую юридическую ответственность.

Оперативные сотрудники, являющиеся истинными профессионалами своего дела, никогда не станут подвергать своих конфидентов опасности расшифровки, даже если для этого придется пожертвовать реализацией весьма значимой оперативной информации. Вместе с тем, не бывает правил без исключений. Зачастую единственным свидетелем совершённого преступления, которое во что бы то ни стало необходимо раскрыть в силу его особого общественного резонанса, становится именно лицо, внедрённое в преступную группу. Получить доказательства в этом случае можно только на основе расшифровки конфидента в установленном законом порядке и его последующего вступления в уголовный процесс в качестве свидетеля. Мера эта вынужденная и, как уже отмечалось выше, может быть реализована лишь на основании письменного согласия самого конфидента.

Кстати, аналогичным образом должен решаться вопрос и в отношении отдельных категорий лиц, указанных в ФЗ о ФСБ. Так, согласно ст.ст. 17 и 19 этого Закона сведения о сотрудниках органов федеральной службы безопасности, выполнявших (выполняющих) специальные задания в специальных службах и организациях иностранных государств, в преступных группах, а также о лицах, оказывающих или оказывавших органам федеральной службы безопасности содействие на конфиденци-

альной основе, составляют государственную тайну и могут быть преданы гласности только с письменного согласия этих лиц и в случаях, предусмотренных федеральными законами.

В данных ситуациях возникает целый ряд проблем, связанных с обеспечением безопасности расшифрованного конфидента и как свидетеля по уголовному делу, и как конфидента. С самого начала круг лиц, осведомленных о его участии в ОРД, должен быть предельно ограничен. Необходимо также изъять из уголовного дела всю информацию, позволяющую получить его установочные данные. Кроме того, следует обеспечить текущий контроль за возможным появлением новых угроз в отношении конфидента и его близких. Выполнению этих требований призван способствовать комплекс организационно-правовых мер, которые сотрудникам ОРО необходимо предпринимать вместе с дознавателями или следователями.

Необходимо в этом плане задействовать и весь имеющийся потенциал уголовно-процессуальных норм. Так, ч. 3 ст. 11 УПК РФ (Охрана прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве) гласит, что уголовно-процессуальные меры обеспечения безопасности могут быть предприняты судом, прокурором, следователем, органом дознания и дознавателем в пределах их компетенции при наличии достаточных данных о том, что потерпевшему, свидетелю или иным участникам уголовного судопроизводства, а также их близким родственникам, родственникам или близким лицам угрожают убийством, применением насилия, уничтожением или повреждением их имущества либо иными опасными противоправными деяниями.

Основания и условия принятия данных мер безопасности содержатся в положениях ч. 9 ст. 166; ч. 2 ст. 186; ч. 8 ст. 193; п. 4 ч. 2 ст. 241; ч. 5 ст. 278 и отчасти – ст. 278.1 УПК РФ.

Как уже отмечалось, на первый взгляд, безопасность граждан, оказывающих содействие оперативным подразделениям ПО, и их близких в критических ситуациях может обеспечиваться за счёт применения мер государственной защиты в соответствии с положениями ч. 2 ст. 2 Феде-

рального закона о госзащите потерпевших. Напомним, что речь в данном случае идёт о мерах безопасности, предпринимаемых до возбуждения уголовного дела в отношении заявителя, очевидца или жертвы преступления либо иных лиц, способствующих предупреждению или раскрытию преступления.

Однако эта норма вступает в противоречие с другими положениями данного Закона: в частности – ст. 1; ч. 2 ст. 3; ч. 1 ст. 16 и ч. 5 ст. 18, из которых следует, что предусмотренные законодательные меры безопасности не могут применяться, пока не наступила стадия возбуждения уголовного дела. Другими словами, право на защиту у конфидента, пребывающего в неопределённом процессуальном положении, возникает только после приобретения им официального статуса участника уголовного судопроизводства – свидетеля или потерпевшего [25]. Данное обстоятельство приводит к мысли о том, что в Федеральном законе о госзащите потерпевших необходимо предусмотреть возможность применения предусмотренных мер безопасности и по отношению к конфидентам [26].

Особая специфика свойственна обеспечению безопасности конфидентов в ситуациях, когда они оказываются вовлечёнными в уголовный процесс не как свидетели, а как соучастники преступной деятельности разрабатываемых ими лиц. Другими словами, речь идёт о привлечении к осуществлению ОРМ конфидента из криминальной среды, который уже является членом преступной группировки и совершил в её составе одно или несколько преступлений. В этом случае предпринимаемые в отношении последнего защитные меры основываются на его постпреступном поведении и обуславливаются деятельным раскаянием данного индивида в соответствии с положениями ст. 75 УК РФ. Тем более что явка с повинной в данном случае может выступать как результат ОРД и, следовательно, использоваться во всех тех качествах, которые отмечены в ст. 11 ФЗ об ОРД [27].

Как известно, в такой ситуации согласно ч. 4 ст. 18 ФЗ об ОРД «лицо из числа членов преступной группы, совершившее противоправное деяние, не повлекшее тяжких последствий, и привлечённое к сотрудниче-

ству с органом, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, активно способствовавшее раскрытию преступлений, возместившее нанесённый ущерб или иным образом загладившее причинённый вред, освобождается от уголовной ответственности в соответствии с законодательством Российской Федерации».

Вместе с тем, данная бланкетная норма оперативно-розыскного закона зачастую остается декларативной даже в совокупности с положениями Уголовного и Уголовно-процессуального кодексов Российской Федерации по следующим основаниям. Например, в части, касающейся использования в рассматриваемых целях указанной выше ст. 75 УК РФ, препятствовать освобождению от уголовной ответственности конфидента в связи с его деятельным раскаянием могут следующие обстоятельства:

— преступление, совершённое привлекаемым к сотрудничеству лицом в составе группы, как правило, влечёт его отнесение к разряду тяжких или особо тяжких;
— сам по себе факт привлечения к сотрудничеству может исключить явку с повинной в тех случаях, когда лицо не делает добровольного заявления относительно совершённого преступления, давая согласие на сотрудничество под определенным принуждением и давлением улик;
— привлечённое к сотрудничеству лицо может иметь непогашенную или неснятую судимость [28].

Между тем в рамках возбуждённых уголовных дел для обеспечения государственной защиты конфидентов рассматриваемой категории могут использоваться нормы правового института заключения досудебных соглашений о сотрудничестве. Основания и условия принятия этих мер предусмотрены целым рядом положений уголовно-процессуального закона, введённых в действие Федеральным законом РФ от 29 июня 2009 г. № 141-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» [29]. Основную роль среди них играет ст. 317-9 УПК РФ (Меры безопасности,

применяемые в отношении подозреваемого или обвиняемого, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве).

Еще одну категорию конфидентов, располагающих реальной возможностью попасть в «жернова» уголовного преследования, представляют лица, которые до начала оказания содействия ОРО не совершали каких-либо преступлений. Однако в большинстве случаев они вынуждены их совершать в процессе проверки «на лояльность» тем организованным преступным группам, в которые они внедряются.

Для защиты таких конфидентов от необоснованного привлечения к уголовной ответственности следует применять ч. 4 ст. 16 ФЗ об ОРД и те положения уголовного законодательства, допускающие вынужденное причинение вреда правоохраняемым интересам лицом, правомерно выполняющим свой общественный долг, к которым данная норма адресует. Понятие крайней необходимости предполагает соблюдение следующих обязательных условий:

— предотвращенный вред должен быть больше причинённого;
— иным образом, кроме как сопряженным с совершением внедрённым лицом преступления, решить задачу по выявлению, предупреждению и пресечению организованной преступной деятельности невозможно.

Однако доказать, что конфидент действовал в ситуации крайней необходимости в ходе выполнения задания сотрудников ОРО, в отсутствие соответствующих убедительных свидетельств, представляется весьма затруднительным [30]. Поэтому, с учётом реалий сегодняшнего дня, если заранее известно, что у конфидента могут возникнуть проблемы с законом, а оперативные сотрудники не смогут способствовать его освобождению от уголовной ответственности, его внедрение в преступную среду представляется не вполне оправданным [28].

В наибольшей степени обеспечению безопасности лиц, внедряемых в преступные группы, призван способствовать уголовно-правовой институт мнимого соучастия, который в российском законодательстве на сегодняшний день, к сожалению, отсутствует [31].

За рубежом перед возможным совершением преступных деяний в составе криминальной группировки конфидент обязан предварительно сообщить своему руководству о подготавливаемом преступлении, указать состав его участников, место пребывания его исполнителей и организаторов, а также предоставить другую информацию, способствующую принятию необходимых мер, направленных на предотвращение негативных последствий. Все эти данные должны быть документально зафиксированы оперативными работниками в целях возможного использования в дальнейшем для вынесения агенту судебного оправдательного приговора [32].

Для его формирования подобных подходов к решению рассматриваемой проблемы российскому законодателю рано или поздно потребуется заимствование зарубежного опыта правового регулирования борьбы с организованными формами преступности. Это неизбежный шаг по направлению к оптимизации рассматриваемого метода ОРД, и чем раньше он будет сделан российскими законодателями, тем лучше.

В заключение данной публикации необходимо констатировать, что в ней определены и рассмотрены далеко не все возможные варианты организационного решения рассматриваемой проблемы. Некоторые из них могут быть реализованы лишь на основе принятия специальных мер, рассмотрение которых выходит за рамки данной статьи в силу её открытого характера. В связи с этим здесь не приводятся ссылки на нормативные правовые и научные источники, имеющие ограниченный уровень доступа. Следует также отметить, что ряд положений и выводов, сформулированных в данной статье, носят дискуссионный характер и требуют дополнительного обсуждения.

Список литературы

1. Карпец И. И. Сыск (записки начальника уголовного розыска). М.: Наука, 1994. С. 183.

2. Теория оперативно-розыскной деятельности: учебник / под ред. К. К. Горяинова, В. С. Овчинского. – 4-е изд., перераб. и доп. М.: ИНФА-М, 2018. С. 205.

3. Давыдов С. И., Петухов Е. Н. Проблемы защиты свидетелей из числе конфидентов: уголовно-процессуальный аспект // Известия АлтГУ. Юридические науки. Публичное право. 2018. № 3(101). С. 38–42.

4. Шумилов А. Ю. Оперативно-розыскная энциклопедия. М.: Издательский дом Шумиловой И. И., 2004. С. 129.

5. Лобзов К. М. Агентурный метод в оперативно-разыскной деятельности (теоретико-методологический анализ) // Оперативник (Сыщик). 2012. № 1(30). Январь. М.: Издательский дом Шумиловой И.И., 2012. С. 17–22.

6. Антонян Ю. М. Мотивы сотрудничества агента с полицией // Оперативник (Сыщик). 2013. № 2(35). Апрель. М.: Издательский дом Шумиловой И.И., 2013. С. 10–13.

7. Об оперативно-розыскной деятельности: Федеральный закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ // Российская газета. 1995. 18 августа.

8. О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства: Федеральный закон от 20 августа 2004 г. № 119-ФЗ // Российская газета. 2004. 25 августа.

9. Ануфриев В. А. Социальный статус и активность личности (Личность как. объект и субъект общественных отношений). М.: Изд-во Моск. ун-та, 1984. С. 178–179.

10. Железняк Н. С. Сущность и правовая основа содействия граждан оперативным подразделениям органов внутренних дел. Красноярск: Сибирский юридический институт МВД России, 2004. С. 38–39.

11. Васьковская Е. А. Гласное содействие граждан органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность: дис. . . . канд. юрид. наук. Красноярск: Сибирский юрид. ин-т МВД России, 2005. С. 8.

12. Бражников Д. А., Сыпачёв А. Ю. Гласное содействие граждан оперативным подразделениям органов внутренних дел: монография. Тюмень: Тюменский институт повышения квалификации сотрудников МВД России, 2013. С. 2

13. Даровских Ю. В. К вопросу соблюдения прав и интересов граждан, оказывающих содействие в предупреждении и раскрытии преступлений // Актуальные проблемы оперативно-розыскной деятельности: мат.-лы межвуз. научно-практического семинара (25 ноября 2009 г.). Тюмень: Тюмен. юрид. ин-т МВД, 2010. С. 38.

14. Аверкин Н. Ю., Лопина М. В. Социальная и правовая защита участников оперативно-розыскной деятельности // Актуальные проблемы деятельности подразделений УИС: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции (Воронеж, 23 мая 2019 г.). В 2-х частях. Воронеж: Издательско-полиграфический центр «Научная книга», 2019. С. 445–447.

15. Иванов А. Г. Социальные гарантии конфидентов: проблемы реализации. Полицейский сыск. Выпуск 4: научно-практический сборник. Хабаровск, 2015. С. 81–86.

16. Порядок передачи сведений о периодах сотрудничества по контракту граждан с органами федеральной службы безопасности в качестве основного рода занятий для зачета в страховой стаж: утв. приказом ФСБ России от 20 сентября 2016 г. № 583 // Российская газета. 2016. 19 октября.

17. Порядок передачи сведений о периодах сотрудничества по контракту граждан с органами внутренних дел Российской Федерации в качестве основного рода занятий для зачета в страховой стаж: утв. приказом МВД России от 16 января 2018 г. № 19 // URL: https://mvd.consultant.ru/documents/1056443 (дата обращения: 15.07.2020).

18. Луговик С. В., Павличенко Н. В. Природа правоотношений между конфидентами и органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность // Оперативник (Сыщик). 2011. № 1(26). Июль. М.: Издательский дом Шумиловой И. И., 2011. С. 12–17.

19. Основы оперативно-розыскной деятельности: учебник / Под ред. С. В. Степашина. СПб.: Издательство «Лань», 1999. С. 261.

20. Павличенко Н. В. Правовой статус лиц, оказывающих содействие органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность // Современное право. 2009. № 8. М.: Новый Индекс. С. 104.

21. Луговик С. М., Евтин А. Г. Некоторые особенности правового положения лиц, оказывающих содействие органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность // Оперативно-розыскное право. 2017. № 1 (1). С. 52–54.

22. Инструкция по организации и ведению внутреннего (агентурного) наблюдения от 10 февраля 1907 г.

23. О федеральной службе безопасности: Федерального закона от 3 апреля 1995 г. № 40-ФЗ // Российская газета. 1995. 12 апреля.

24. Психология оперативно-розыскной деятельности: учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / [В. М. Шевченко и др.]. – 2-е изд., перераб. и доп. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2017. С. 87.

25. Брусницын Л. В. Как защитить конфидента при провале оперативно-разыскного мероприятия // Оперативник (Сыщик). 2013. № 3(36). Июль. М.: Издательский дом Шумиловой И. И., 2013. С. 14–17.

26. Брусницын Л. В. Об отсутствии гарантий безопасности граждан, сотрудничающих с правоохранительными органами // Оперативник (Сыщик). 2010. № 1(22). Январь. М.: Издательский дом Шумиловой И. И., 2010. С. 9–12.

27. Быховец Н. И. Вопросы деятельного раскаяния в оперативно-розыскной деятельности: история и современность // Оперативник (Сыщик). 2006. № 3(8). Июль. М.: Издательский дом Шумиловой И. И., 2006. С. 43–45.

28. Уханов В. В. Освобождение от уголовной ответственности и её исключение в отношении лиц, внедренных в организованные преступные группы: взгляд через положения оперативно-разыскной науки // Оперативник (Сыщик). 2014. № 4 (41). М.: Издательский дом Шумиловой И. И., С. 38–41.

29. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный законом РФ от 29 июня 2009 г. № 141-ФЗ // Российская газета. 2009. 3 июля.

30. Жук О. Д. Использование результатов оперативного внедрения в пресечении деятельности преступных организаций (сравнительное исследование) // Оперативник (Сыщик). 2015. № 3 (44). Июль. М.: Издательский дом Шумиловой И. И., 2015. С. 10–15.

31. Савинский А.В. Мнимое соучастие как обстоятельство, исключающее преступность деяния // Законность. 2005. № 10. С. 32–34.

32. Яковец Е. Н. Информационно-психологическая безопасность лиц, оказывающих содействие оперативным подразделениям органов внутренних дел // Труды Академии управления МВД России. 2015. № 1. – М.: Академия управления МВД России, 2015. С. 45–48.

References

1. Karpets I. I. Search (notes of the head of the criminal investigation department). Moscow: Nauka, 1994. P. 183.

2. Theory of operational-search activity: textbook / ed. K. K. Goryainova, V. S. Ovchinsky. - 4th ed., Rev. and add. M.: INFA-M, 2018. P. 205.

3. Davydov S. I., Petukhov E. N. Problems of protecting witnesses from among the confidential: the criminal procedural aspect // Izvestia Alt SU. Legal sciences. Public law. 2018. No. 3 (101). Pp. 38–42.

4. Shumilov A. Yu. Operational Search Encyclopedia. M.: Publishing house Shumilova I. I., 2004. P. 129.

5. Lobzov K. M. Agent method in operational-search activity (theoretical and methodological analysis) // Operative (Detective). 2012. No. 1 (30). January. M.: Publishing house Shumilova I. I., 2012. Pp. 17–22.

6. Antonyan Yu. M. Motives of the agent's cooperation with the police // Operative (Detective). 2013. No. 2 (35). April. M.: Publishing house Shumilova II, 2013. Pp. 10–13.

7. On operational-search activity: Federal Law of August 12, 1995 No. 144-FZ // Rossiyskaya Gazeta. 1995.18 August.

8. On state protection of victims, witnesses and other participants in criminal proceedings: Federal Law of August 20, 2004 No. 119-FZ // Rossiyskaya Gazeta. 2004. 25 August.

9. Anufriev V. A. Social status and activity of a person (Personality as an object and subject of social relations). M.: Publishing house Mosk. University, 1984. Pp. 178-179.

10. Zheleznyak N. S. The essence and legal basis of citizens' assistance to operational units of the internal affairs bodies. Krasnoyarsk: Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2004. Pp. 38–39.

11. Vaskovskaya E. A. Public assistance of citizens to bodies carrying out operational-search activities: dis. ... Cand. jurid. sciences. Krasnoyarsk: Siberian law. Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2005. P. 8.

12. Brazhnikov D. A., Sypachev A. Yu. Public assistance of citizens to operational divisions of internal affairs bodies: monograph. Tyumen: Tyumen Institute for Advanced Training of Employees of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2013, p. 2

13. Darovskikh Yu. V. On the issue of observance of the rights and interests of citizens who assist in the prevention and disclosure of crimes // Actual problems of operational-search activity: materials of interuniversity. scientific and practical seminar (November 25, 2009). Tyumen: Tyumen. jurid. Institute of the Ministry of Internal Affairs, 2010, p. 38.

14. Averkin N. Yu., Lopina M. V. Social and legal protection of participants in operational-search activities // Actual problems of the activities of units of the penal system: collection of materials of the All-Russian scientific and practical conference (Voronezh, May 23, 2019). In 2 parts Voronezh: Publishing and Printing Center "Scientific Book 2019. Pp. 445–447.

15. Ivanov A. G. Social guarantees of confidants: implementation problems. Police investigation. Issue 4: scientific and practical collection. Khabarovsk, 2015. Pp. 81–86.

16. The procedure for transferring information about the periods of cooperation under the contract of citizens with the bodies of the federal security service as the main occupation for offset in the insurance experience: approved. by order of the FSB of Russia dated September 20, 2016 No. 583 // Rossiyskaya Gazeta. 2016.19 October.

17. The procedure for transferring information about the periods of cooperation under the contract of citizens with the internal affairs bodies of the Russian Federation as the main occupation for offset in the insurance experience: approved. by order of the Ministry of Internal Affairs of Russia dated January 16, 2018 No. 19 // URL: https://mvd.consultant.ru/documents/1056443 (access date: July 15, 2020).

18. Lugovik S. V., Pavlichenko N. V. The nature of legal relations between confidants and bodies carrying out operational-search activities // Operative (Sleuth). 2011. No. 1 (26). July. M.: Publishing house Shumilova I. I., 2011. Pp. 12–17.

19. Fundamentals of operational-search activity: textbook / Ed. S. V. Stepashin. SPb.: Publishing house "Lan 1999. P. 261.

20. Pavlichenko N. V. Legal status of persons providing assistance to bodies carrying out operational-search activities // Modern Law. 2009. No. 8. M.: New Index. P. 104.

21. Lugovich S. M., Evtin A. G. Some features of the legal status of persons providing assistance to bodies carrying out operational-search activities // Operational-search law. 2017. No. 1 (1). Pp. 52–54.

22. Instructions for organizing and conducting internal (undercover) surveillance of February 10, 1907.

23. On the Federal Security Service: Federal Law of April 3, 1995 No. 40-FZ // Rossiyskaya Gazeta. 1995.12 April.

24. Psychology of operational-search activity: textbook. manual for university students studying in the specialty "Jurisprudence"/ [V. M. Shevchenko and others]. - 2nd ed., Rev. and add. M.: UNITI-DANA: Law and Law, 2017. P. 87.

25. Brusnitsyn L. V. How to protect a confidant in case of failure of an operational-search measure // Operative (Sleuth). 2013. No. 3 (36). July. M.: Publishing House Shumilova I. I., 2013. Pp. 14–17.

26. Brusnitsyn L. V. On the lack of security guarantees for citizens cooperating with law enforcement agencies // Operative (Sleuth). 2010. No. 1 (22). January. M.: Publishing house Shumilova I. I., 2010. Pp. 9–12.

27. Bykhovets N. I. Questions of active repentance in operational-search activities: history and modernity // Operative (Detective). 2006. No. 3 (8). July. M.: Publishing house Shumilova I. I., 2006. Pp. 43–45.

28. V. Ukhanov. Exemption from criminal liability and its exclusion in relation to persons embedded in organized criminal groups: a look through the provisions of operational-search science // Operative (Detective). 2014. No. 4 (41). M.: Publishing house Shumilova I. I., Pp. 38–41.

29. On amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and the Criminal Procedure Code of the Russian Federation: Federal Law of the Russian Federation of June 29, 2009 No. 141-FZ // Rossiyskaya Gazeta. 2009.3 July.

30. Zhuk O. D. Using the results of operational implementation in suppressing the activities of criminal organizations (comparative study) // Operative (Detective). 2015. No. 3 (44). July. M.: Publishing house Shumilova I. I., 2015. Pp. 10–15.

31. Savinsky A. V. Imaginary complicity as a circumstance excluding the criminality of an act // Legality. 2005. No. 10. Pp. 32–34.

32. Yakovets E.N. Information and psychological security of persons providing assistance to operational units of internal affairs bodies // Proceedings of the Academy of

Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2015. No. 1. - Moscow: Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2015. Pp. 45–48.